

**ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**

SARATOV STATE UNIVERSITY

Institute of History and the International Relations

SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editor A.V. Gladishev

Based in 2010 year

ISSUE 11

Saratov State University
2015

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений

НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева

Основан в 2010 году

ВЫПУСК 11

Саратовский государственный университет
2015

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

В оформлении обложки использованы фоторепродукции
с картин П.П. Кончаловского из серии «Франция, Немур» (1908 г.)

И90 **История и историческая память:** межвуз. сб. науч. тр. / под ред.
А.В. Гладышева. – Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2015. – Вып. 11. – 300 с.

В одиннадцатом выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исследования исторической памяти на материале современной отечественной и зарубежной истории. В тематических разделах публикуются статьи, касающиеся теоретических проблем и конкретно-исторических вопросов исторической памяти. Часть работ подготовлена по итогам Международной конференции «Запад на Востоке, Восток на Западе: кросс-культурные отношения, взаимные восприятия, историческая память» (Саратов, 2015); отдельный раздел посвящен 200-летию окончания эпохи Наполеоновских войн.

Для специалистов-историков, политологов, философов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук, доц. *А.В. Баранов* (отв. секретарь),
д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук, проф. *Е.А. Вишленкова*,
д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев* (отв. редактор), канд. ист. наук,
доц. *В.А. Соломонов* (зам. отв. редактора), канд. ист. наук,
доц. *В.П. Тотфалушин*, д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*,
канд. ист. наук, доц. *В.В. Хасин*

Рецензент

доктор исторических наук, профессор *И.В. Крючков*

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный
университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Историческая память: проблемы теории и вопросы практики	
<i>Шестов Н.И.</i> (Саратов). Политико-мифологическая детерминация «глубины» исторической памяти	9
К 200-летию окончания Наполеоновских войн	
<i>Жучков К.Б.</i> (Псков). Русско-прусское нейтральное соглашение в декабре 1812 г.: причины и обстоятельства заключения	20
<i>Гладышев А.В.</i> (Саратов). История со взятием русскими Немура	41
<i>Тотфалушин В.П.</i> (Саратов). История с продолжением	65
<i>Степанов Ю.Г.</i> (Саратов). В тени Наполеона... Журнал «Сын Отечества» о Франции и французах в 1815 году	71
<i>Герасимова Г.И.</i> (Москва). Венский конгресс в исторической памяти	82
Запад на Востоке, Восток на Западе: кросс-культурные отношения, взаимные восприятия, историческая память	
<i>Попов Д.А.</i> (Саратов). Специфика национального постмодерна: миф и реальность	100
<i>Павлова С.Ю.</i> (Саратов). К вопросу об авторской оценке Фронды в «мемуарах» герцога Ларошфуко	108
<i>Ерёмин В.С.</i> (Саратов). Греция глазами обозревателей «The Edinburgh Review» в 1802–1821 годах	116
<i>Моисеева Е.Н.</i> (Саратов). Образ Востока во французских травелогах русской княгини Лидии Пашковой	124
<i>Шенин С.Ю.</i> (Саратов). Восприятие современной внешней политики Турции американскими аналитическими центрами	132
<i>Фомина Д.Д.</i> (Саратов). Стратегический выбор Армении – вступление в Евразийский экономический союз	138
Память о конфликте или конфликты памяти	
<i>Шамарина О.А.</i> (Саратов). Московский договор 1921 г.: «договор о дружбе и братстве»?	144
<i>Малютина Т.П.</i> (Воронеж). Противостояние Румынии и России в мировых войнах XX века	151

<i>Баранов А.В.</i> (Саратов). Политика памяти и традиция Ашура в Исламской Республике Иран	159
<i>Чолахян В.А.</i> (Саратов). Трансформация идеологических установок Турции в судьбах малых народов в XIX–XXI веках	180
<i>Кирчанов М.В.</i> (Воронеж). Идея преемственности в политической памяти грузинского национализма и идеология традиционалистов	191

Обзоры, рецензии, вопросы историографии

<i>Зайцев М.В.</i> (Саратов). Изучение Жалованной Грамоты городам 1785 г. в дореволюционной отечественной историографии	207
<i>Галиуллина Р.Х.</i> (Казань). Документы цензурных комитетов первой четверти XIX в.: формы, комплектация и организация хранения	224
<i>Митрофанов В.В.</i> (Нижевартовск). Петр Великий в оценках С.Ф. Платонова	243
<i>Калашников М.В.</i> (Саратов). Органическая целостность или мнимая предметность? (Критика историографической ситуации вокруг изучения «русского либерализма»)	263
<i>Щавелёв С.П.</i> (Курск). Портретная галерея русских археологов работы Льва Клейна	279

Памяти...

<i>Аврус А.И.</i> (Москва). «Он был настоящим историком...». Памяти А.П. Новикова	292
Сведения об авторах	298

CONTENTS

Historical memory: theory and practice questions

- Shestov N.I.* (Saratov). Political and mythological determination
«depth» of historical memory 9

To the 200th anniversary of the end of the Napoleonic Wars

- Zhuchkov K.B.* (Pskov). Russian-Prussian neutral agreement in
December, 1812: reasons and circumstances of the conclusion 20
- Gladyshev A. V.* (Saratov). History taking of Nemours
by Russians 41
- Totfalushin V.P.* (Saratov). History with continuation 65
- Stepanov Y.G.* (Saratov). In the shadow of Napoleon...
Magazine Syn Otechestva about France and the French in 1815 71
- Gerasimova G.I.* (Moscow). Congress of Vienna in historical
memory 82

West on East, East on West: cross-cultural relationships, mutual perception and historical memory

- Popov D.A.* (Saratov). Specifics of National Postmodern:
Myth and Reality 100
- Pavlova S.Y.* (Saratov). To the question of author's
of the Fronde in the Duck La Rochefoucauld's «Memoirs» 108
- Eremin V.S.* (Saratov). Greece through the eyes of reviewers
«The Edinburgh Review» in 1802–1821 116
- Moiseeva E.N.* (Saratov). Image of the East in the French
travelogue of Duchess Lydia Pashkova 124
- Shenin S.Y.* (Saratov). The perception of the contemporary
Turkish foreign policy by American think tanks 132
- Fomina D.D.* (Saratov). The strategic choice of Armenia –
entry into the Eurasian economic union 138

The memory about conflict or the conflicts of memory

- Shamarina O.A.* (Saratov). The Treaty of Moscow'1921
is a treaty of brotherhood, isn't it? 144
- Malutina T.P.* (Voronezh). Romanian – Russian confrontation
in the World wars of the XX century 151
- Baranov A. V.* (Saratov). The politic of memory and
the tradition of Ashura in the Islamic Republic of Iran 159

<i>Cholakhyan V.A.</i> (Saratov). Transformation of Turkey ideological principles in the destinies of small nations in XIX – XXI centuries	180
<i>Kyrchanoff M.V.</i> (Voronezh). The continuity idea in political memory of georgian nationalism and the traditionalist's ideology	191
Overviews, reviews, questions of historiography	
<i>Zaytsev M.V.</i> (Saratov). The study of chapter of the cities (1785) in pre-revolutionary Russian historiography	207
<i>Galiullina R.K.</i> (Kazan). The documents of the censorship offices in the first quarter of the 19 th century: forms, collection and storage	224
<i>Mitrofanov V.V.</i> (Nizhnevartovsk). Peter the Great in S. F. Platonov's assessments	243
<i>Kalashnikov M.V.</i> (Saratov). Organic integrity or imaginary objectivity? (Criticism of historiographical situation around studying «Russian liberalism»)	263
<i>Shavelyov S.P.</i> (Kursk). Portrait Gallery of Russian archaeologists by Lev Klein	279
In memory of...	
<i>Avrus A.I.</i> (Moscow). «He was the real historian...». In memory of A.P. Novikov	292
Data on authors	298

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ

УДК 316.722

ПОЛИТИКО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ «ГЛУБИНЫ» ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Н.И. Шестов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: nikshestov@mail.ru

В публикации анализируются основные политические, культурные и психологические факторы изменений в динамике исторической памяти современных обществ, механизмы выстраивания баланса между памятью о прошлом и забыванием прошлого.

Ключевые слова: историческая память; кризис исторической памяти; политическая мифология.

POLITICAL AND MYTHOLOGICAL DETERMINATION «DEPTH» OF HISTORICAL MEMORY

N.I. Shestov

The article analyzes the main political, cultural and psychological factors are changes in the dynamics of the historical memory of modern societies, mechanisms of building a balance between the memory of the past and forgetting the past.

Key words: historical memory; crisis of historical memory; political mythology.

Сегодня, как и в прошлом, многие политические конфликты между государствами и обществами, конфликты внутри самих обществ и внутри государственных элит, возникают на почве их воспоминаний о прошлом, или на почве забывания уроков истории. В современной мировой политике, касается ли это переговоров по иранской ядерной программе, либо российско-украинских отношений, можно постоянно наблюдать, как конфликтующие стороны обвиняют друг друга в намеренном историческом беспамятстве, либо, напротив, в излишней злопамятности при решении насущных текущих проблем и задач. С одной стороны, природа

этой конфликтности понятна: память о прошлом или забвение прошлого, конвертированные в легитимность государственных и общественных институтов, есть важнейший ресурс любой политики, будь она традиционалистской или же модернизационной. И политические субъекты конкурируют между собой за этот ресурс, как за любой другой ресурс, материальный или не материальный. С другой стороны, проблемой остается понимание тех свойств исторической памяти, которые делают такие конфликты возможными и устойчивыми.

Сегодня ученые и публицисты, общественные и государственные деятели по разным поводам и в разных контекстах выказывают озабоченность состоянием исторической памяти современного российского общества. В ряду претензий, обычно предъявляемых к состоянию массового сознания молодого поколения российских граждан (недостаток патриотичности, сосредоточенность на ценностях материального порядка и т. д.), часто в более или менее выраженной форме присутствует упрек: новое поколение не обладает той полнотой исторической памяти, какой обладали поколения предшествующие. И настойчиво звучит мысль об угрозах будущему нашей страны, которые неизбежно станут реальностью, если государство и общество не предпримут соответствующих солидарных усилий в направлении исторического просвещения и патриотического воспитания своих граждан. С таким подходом можно согласиться. Действительно, в том, что и в каком объеме человек может и должен помнить о прошлом своей страны и всего мира, обладает ли эта память положительным, либо негативным настроением, тут многое зависит от воспитательной и просветительской работы соответствующих государственных и общественных институтов. Но необходима и оговорка. Если работа по воспроизводству системы исторической памяти ведется с некоторыми элементами организованности (время от времени появляются разного рода программы и концепции патриотического воспитания российских граждан, разрабатываются некие государственные стандарты исторического просвещения молодого поколения), то контроль общества и государства за стиранием в массовом сознании памяти о прошлом отпущен на самотек. Не потому, что в забвении прошлого нет политической проблемы. Потому, что не совсем понятно, насколько естественно связаны между собой позитивные и негативные тенденции в развитии исторической памяти, есть ли естественные пределы для забывания обще-

ством своего прошлого и, соответственно, для угроз, проистекающих из такого забвения.

Для государственного и общественного контроля за этими процессами, а, тем более, для хотя бы минимального управления ими, важным является понимание того, что такого рода усилия государственных и общественных институтов не самодостаточны. Они имеют смысл постольку, поскольку соотнесены с пониманием участниками всей этой работы ее объективных условий и пределов. Тех, которые задаются естественной динамикой структур массового сознания вообще, и естественной динамикой исторической памяти, в частности. Метафора: «Никто не забыт, ничто не забыто!» больше характеризует общий для сознания властных элит и части гражданских обществ оптимистический настрой относительно их способности управлять движениями массового сознания, нежели реальное состояние исторической памяти современных социумов. Реальность такова, что современные общества, как и общества прежние, многое помнят, но многое и забывают из своего прошлого и прошлого своих соседей. Европейские народы и государства никогда не образовали бы нынешний Евросоюз и не определили себя как «европейскую семью народов», если бы «помнили все, как оно было на самом деле» в их исторически длительном совместном проживании в общеевропейском доме. Не было бы, вероятно, ни современной России, ни ее евразийской интеграции с другими странами континента, если бы каждый раз в решение политических исторических и культурных проблем, возникающих между странами и народами на просторах Евразии вклинивалось бы это «как оно было на самом деле» и воспоминания о былых претензиях и обидах.

На самом деле, более-менее равновесное состояние массового сознания современных цивилизованных обществ в той его части, которая имеет отношение к осмысленному опыту прежнего их существования и сосуществования, обеспечивается балансом двух процессов: процесса припоминания прошлого и процесса забывания прошлого. Историческая память на определенном отрезке исторического времени выглядит относительно устойчивой в силу того, что общественное сознание одновременно припоминает что-то из прошлого и что-то забывает точно так же, как это имело место на предшествующих отрезках, и будет иметь место на отрезках последующих.

Этот естественный баланс имеет достаточно сложную структуру. Формальная сторона этой структуры более-менее понятна. На определение массовым сознанием того, что из прошлого государства и общества можно забыть, а что забывать нельзя, влияет много факторов, поддающихся политическому, историческому и правовому анализу. Это фактор смены поколений. То, что для старшего поколения составляло его жизненный опыт, от которого, в принципе, никуда не уйти, для новых поколений выглядит уже как опыт исторический, подлежащий критическому разбору на предмет того, что в нем для этих новых поколений полезно, а что нет. Это фактор политической (идеологической, прежде всего) конъюнктуры. Течение политического процесса, например, в Украине с середины 2014 г. и по настоящее время может послужить наглядным примером того, как политические интересы элитарных и социальных групп, борющихся между собой за контроль за ресурсами государства и гражданского общества, идеологические и экономические интересы зарубежных союзников этих групп, до неузнаваемости деформируют структуры массового сознания вообще, и в особенности в части исторической памяти. Те, кто в советское и даже, отчасти, постсоветское время были пособниками германских нацистов и предателями интересов своего народа, в современной в одночасье стали народными героями и борцами за государственную самостоятельность. Всегда прежде украинцы рассматривали себя и рассматривались во всем мире, как одна из исторически значимых ветвей восточного славянства. Однако, интерес к евроинтеграции и к отмежеванию от российской политики евразийской интеграции побуждает сегодня политическую элиту и значительную часть патриотически настроенного украинского общества ассоциировать себя с никому в мире современной науки не ведомым супердревним племенем «укров». Много в том, как формально складывается баланс исторической памяти и забвения, зависит от свойств каналов передачи исторической информации, от приверженности участников информационной политики традиционным, либо модернизированным стратегиям поведения.

Важным фактором всегда является состояние предметного поля научных и публицистических исследований исторического процесса. Наука и публицистика откликаются на интерес к определенным историческим сюжетам, возникающим в сознании общества и элиты под влиянием разных условий их политической

коммуникации. Сегодня в России, на первом плане в структурах массового и элитарного сознаний устойчиво находятся сюжеты, связанные с подвигом советского народа в Великой Отечественной войне. Потребность расширить исторический формат восприятия массовым сознанием этого всенародного воинского и трудового подвига побуждает отечественных исследователей и публицистов предлагать массовой аудитории, активно потребляющей историческую и политическую информацию, больше информации о подвиге народов Российской Империи в период Первой мировой войны. А вот актуализации в массовом сознании сюжетов, связанных с историей Гражданской войны 1917–1921 гг., с политической жизнью советских общества и государства в предвоенные годы (история сталинских репрессий против командного состава РККА, коллективизации) современная наука и публицистика уделяют заметно меньше внимания, чем это, например, имело место в 90-е гг. прошлого столетия. Эти сюжеты не работают сегодня на укрепление властно-общественного политического консенсуса так, как они работали на него в первой половине 90-х гг., когда мыслями и действиями элиты и рядовых граждан руководило накопившееся за годы советской власти недовольство ее политикой у политической элиты и активных граждан. В ту пору, в условиях социально-политического кризиса, наука и публицистика, фактически, авральным порядком сконструировали для постсоветского общества ту историческую память, которая обеспечивала ему в условиях либеральных реформ если не безболезненное, то максимально быстрое расставание с советским форматом исторической памяти и основанными на ней советскими патриотизмом и гражданственностью.

Менее очевидна неформальная, содержательная сторона этого баланса. А именно, то обстоятельство, что современные цивилизованные общества в разные моменты своего существования помнят о своем прошлом на разную, так сказать, глубину, и забывают его по мере культурной и политической необходимости тоже на разную глубину. Понятием «глубина», в данном случае, обозначена детализация фактической стороны исторических процессов и явлений, структурирование и систематизация отдельных фрагментов истории, осуществляемая массовым сознанием и придающая специфические характеристики социальной исторической памяти в разное время и в разных местах. Детализация, которая, обычно, различным образом сочетается со способно-

стью массового сознания наделить исторический процесс, или отдельное событие прошлого, неким внутренним смыслом. Таким смыслом, который переводил бы этот процесс или событие из разряда исторических случайностей в разряд исторических закономерностей.

Факторы, упомянутые выше, и определяющие формальную конфигурацию того, что общество помнит о себе и своем государстве в прошлом или не помнит, задают глубины исторической памяти и исторического беспамятства лишь отчасти. Идеологии, научные исследования, активность публицистов и медиаструктур могут пробудить в сознании человека с позитивной, по отношению к окружающей его жизни, либо негативной гражданской позицией интерес к определенным историческим сюжетам. Они способны в некоторых случаях сконцентрировать его внимание даже на отдельных «знаковых» деталях и сделать из него приверженца определенных трактовок исторических событий и процессов. В 90-е гг. в нашей стране вряд ли кто-либо стал бы издавать, например, книги вроде «Ледокола» В. Суворова, если бы в ту пору у значительной части советских граждан (благодаря усилиям науки и публицистики узнавшим много нового для себя о репрессивной политике сталинского режима, об интригах и сговорах внутри советской и партийной властной элиты, об интригах самого «отца народов») не было потребности подкрепить свое достаточно внезапно возникшее разочарование в советской политике и свои надежды на успех либеральных реформ в нашей стране новыми конкретными историческими аргументами, новыми деталями и оценками.

Но у политики, науки, публицистики, как базовых культурных практик в современных цивилизованных обществах, нет средств заставить гражданина углубиться в исторические детали, в исторические факты и их теоретические оценки настолько, чтобы в результате сформировать в своем сознании некую принципиально новую трактовку смысла прошлого, выходящую за границы устоявшихся в массовом сознании дихотомий. Например: «советская власть народная власть» / «советская власть преступная власть», «Сталин – великий политик и полководец» / «Сталин – диктатор и преступник», «Трудности начального периода Великой Отечественной войны – результат интриг геополитических соперников Советского Союза (Англии, Франции, Германии)» / «Трудности начального периода Великой Отечественной войны – результат ре-

прессивной внутренней и недальновидной внешней политики советского руководства». Иначе говоря, сколько бы ни погружалось сознание гражданина в детали исторического прошлого общества и государства, к которым он принадлежит, для этого погружения всегда есть некий предел. Как есть предел и для его попыток игнорировать, либо просто забыть те детали прошлого и те его оценки, которые не соответствуют его политическому мировоззрению и его политической идентичности. Его историческая память совершает подвижки «в глубину», либо, наоборот «мелеет» в достаточно устойчивых фактических и смысловых границах.

Динамику позитивных (вспоминание прошлого) и негативных (забывание прошлого) изменений в исторической памяти социума можно представить, если воспользоваться образной аналогией, как «приготовление горячих и холодных блюд» по определенному достаточно традиционному для данного социума и подходящему к политическому моменту сборнику рецептов из ограниченного обстоятельствами набора ингредиентов. Как бы не менялась историческая память данного социума, как бы ни взаимодействовала она с исторической памятью других социумов в современном информационном пространстве, она постоянно сохраняет некие только ей присущие структурные свойства и «глубинные» измерения, которые позволяют исследователям этой памяти говорить о ней как о конкретном научном предмете: памяти этнической, либо национальной.

Границы, в которых складывается устойчивая динамика исторической памяти социума (когда при всех переменах политической, научной и информационной конъюнктуры историческая память не заглубляется в детали и смыслы исторического процесса ниже обычного для данной социальнополитической системы уровня и не «мелеет», не обращается в историческое беспмятство выше некоторого относительно безопасного для этой системы уровня) более других факторов определяет социальная, особенно социально политическая мифология. Ее роль «пограничника» отчасти объясняет, почему разнообразие политических культур граждан и гражданских групп в социуме сегодня, как и прежде, при всех возможных поворотах политического процесса относительно редко выплескивается за границы культурного пространства нации и национального государства. Относительно редко политический процесс доходит до состояния гражданской войны за историю как источник легитимности современных политиче-

ских идей и ценностей. Чаще постоянные конфликты идей и ценностей на уровне исторической памяти развиваются, будучи локализованными в границах исторически сложившегося культурного пространства нации и национального государства.

В данном случае исходным для такого рода оценок является понимание социального мифа, как сложившейся и устойчиво существующей в массовом сознании совокупности стереотипных представлений и эмоционально переживаемых суждений о прошлом настоящем и будущем социальной структуры, о ее внешнем социальном окружении и исходящих из него угрозах. Качество этих суждений, рациональное, либо иррациональное, подчиненное логике рациональности, либо логике абсурда – это вопрос философской квалификации проблемы и в данном случае он существенным не представляется. В данном случае более важной представляется структурная и функциональная сторона социального мифотворчества и мифопользования. Важно то, что современные общества, по рациональным ли, или иррациональным побуждениям, но ценят свою мифологию, активно ею пользуются для повседневных практических нужд, совершенствуют ее и продолжают мыслить мифами. Содержательная и оценочно-смысловая инверсивность социального мифа, как одно из базовых его качеств (когда у массового сознания есть возможность представить «черным» то, что вчера выглядело «белым», не прибегая к фактическому реформатированию структуры самого знания) позволяет людям с очень разными идеологическими и культурными подходами к знанию о прошлом, с очень разными взглядами на ценность того или иного в прошлом государства и общества, оставаться, участвуя в политическом процессе, в границах единого пространства исторической памяти и, в целом, единого для данной социально-политической системы культурного пространства.

Включенность людей, имеющих разный взгляд на прошлое, в единое пространство социально-политической мифологии компенсирует вероятные деструктивные последствия для пространства политической культуры социума от конфликтов разных вариантов их исторической памяти. И сторонники советской власти и памяти о достижениях советских государства и общества, и их принципиальные противники, считающие, что без советской власти России жилось бы лучше, в своей информационной, политической и научной борьбе не выходят, тем не менее, за пределы, например, общей для массового сознания советской поры и унас-

ледованной современным российским обществом установки массового сознания – Великая Отечественная война была великой трагедией для советских общества и государства, а также для всех цивилизованных народов мира. Она остается трагедией для современных поколений российских граждан, так же, как и для других народов на постсоветском пространстве, ею затронутых. И нынешние праздничные воспоминания о Великой Победе должны оставаться в любом случае воспоминаниями «со слезами на глазах» и для последующих поколений. А о том, каковы конкретные и детальные причины и поводы этой трагедии, какие научные и публицистические оценки лучше передают трагический смысл случившегося семьдесят лет тому назад, историкам, публицистам, отдельным гражданам, стремящимся забыть в деталях о прошлом или, напротив, детализировать свое знание о нем, можно спорить и конфликтовать друг с другом до бесконечности.

Возможен и нередок в наше время вариант, когда участвующий в таком конфликте исследователь (специалист или дилетант, ищущий «исторической правды»), движимый самыми искренними побуждениями изменить глубину личного и общественного исторического знания, ликвидировать в нем «белые пятна и черные дыры», переступает границу, прочерченную мифом в качестве верхней для функционирования исторической памяти в данной социальной системе. Границу, дальше которой не следует пренебрегать устоявшимися в массовом сознании оценками прошлого и предпочитать исторические детали стереотипной целостности исторических фактов и оценок, сложившейся в массовом сознании. В период массивной критики советского исторического опыта в 90-е гг. прошлого века, например, такого рода «нарушения границы» в творчестве ученых и публицистов трактовались как свидетельства прогресса научного знания о прошлом, как торжество науки над социально-политическим мифом. Но результатом такого «прогресса» и «торжества исторической правды» стало заметное общее «обмеление» исторической памяти постсоветских социумов на всем пространстве Евразии, включая Россию, и возрастание в массовом сознании общего недоверия к научному знанию о прошлом.

Другая сторона той же ситуации. Тот, кто начинает претендовать на некое инновационное (внесистемное или иносистемное) понимание сути прошедшего за пределами своего пространства социальной мифологии, сталкивается с вероятностью пере-

квалификации оппонентами его представлений о прошлом с научных на политические (идеологические). В этом случае приближение поиска исторического знания к верхней мифологической границе, на которой уже не представляют интереса ни исторические детали, ни обобщенные исторические оценки, а начинает вырисовываться как бы естественная необходимость забывания чего-то, такое приближение может быть трактовано как проявление непатриотичности исследовательской позиции и вызвать неприятие в обществе и его элите. Отсюда возникает тот самый эффект, о котором упоминалось в начале. Эффект повышенного внимания исследователей, общественных и государственных институтов к проблематике «углубления» исторической памяти и невнимания к тому, что и процессы забывания прошлого нуждаются в общественном, властном и научном контроле. Что именно недостаточная осмысленность и управляемость этих процессов забывания со стороны общества и государства позволяет брать эти процессы под свой контроль и эксплуатировать в своих интересах исследователям типа В. Суворова.

Современные общества и государства целенаправленно пытаются противодействовать такой частной эксплуатации исторического знания и «измельчанию» исторической памяти. Они задействуют целый ряд механизмов (семья, система образования и образовательных стандартов, система подготовки научных кадров и определения приоритетных направлений научных исследований, формирование единого для данной социально-политической системы информационного пространства, единой системы общественных и государственных праздников и т. д.), призванных если не ликвидировать различие «глубин» исторической памяти отдельных социальных групп (что само по себе, вероятно, недостижимо в сложно организованных социальных системах поскольку их сложность, в ряду прочих факторов, поддерживается именно различием «глубин» памяти о прошлом социальных групп, их составляющих), то хотя бы минимизировать его и тем обеспечить внутрисоциальную общекультурную и идеологическую консолидацию. Если не предотвратить «измельчение» исторической памяти, то хотя бы удерживать этот процесс на безопасном для государства и общества удалении от критической границы, прочерченной социальной мифологией, после прохождения которой массовым сознанием последнее впадает в исторический нигилизм и становится податливым на разного рода интеллектуальные соблаз-

ны со стороны добросовестных, и не очень, критиков национально-государственного исторического опыта и пропагандистов «магистральных путей развития мировой цивилизации». И тем обеспечить внутреннюю консолидацию данной социально-политической системы перед лицом ее внешнеполитических оппонентов, стремящихся расколоть ее на уровне отношения разных людей и разных социальных групп к своему прошлому.

На фоне этих массивированных усилий процедуры забывания остаются областью свободной (добросовестной и не очень) конкуренции за исторические факты и смыслы. Вследствие этого всегда верхняя граница исторической памяти, устанавливаемая мифом, будет представлять собой зону культурного и политического риска для общества и государства. Риска «измельчения» исторической памяти и выхода ее из-под социального и национально-государственного контроля. Или, правильнее было бы сказать, не всегда. До той поры, пока научное сообщество само не проникнется мыслью и не убедит общество и элиту, что, наряду с пониманием внешних факторов, определяющих динамику социальной памяти о прошлом, надо усовершенствовать современное научное и общественное понимание внутренней организации самой исторической памяти. В частности, связей между исторической памятью и социальной мифологией, как фактором, во многом определяющим сбалансированный характер динамики социальных воспоминаний о прошлом и забывания прошлого, риски и перспективы существования исторической памяти современных социумов как таковой.

К 200-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

УДК 94(47).072.5

РУССКО-ПРУССКОЕ НЕЙТРАЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ В ДЕКАБРЕ 1812 г.: ПРИЧИНЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЗАКЛЮЧЕНИЯ

К.Б. Жучков

Псковский государственный университет,
кафедра отечественной истории и музеологии
E-mail: Zhuchkov.konstantin@rambler.ru

В статье пересматривается традиционная для историографии концепция Клаузевица, по которой Йорк добровольно перешел на сторону русской армии, и устанавливаются истинные причины отложения прусских войск от наполеоновской армии. По мнению автора, главными причинами заключения русско-прусской нейтральной конвенции в декабре 1812 г. стали победы русской армии в ходе военных действий в 1812 г. и упорное преследование русскими войсками отступающего корпуса Макдональда, в который входили прусские войска.

Ключевые слова: Йорк; Восточная Пруссия; Таурооген; нейтральная конвенция.

RUSSIAN-PRUSSIAN NEUTRAL AGREEMENT IN DECEMBER, 1812: REASONS AND CIRCUMSTANCES OF THE CONCLUSION

K.B. Zhuchkov

The article critical reviewed the traditional historiography of Clausewitz's concept on which York voluntarily defected to the Russian army and established the true causes outcome Prussian troops from Napoleon's army. According to the author, the main reasons for the conclusion Russian-Prussian neutral convention in December 1812 became the victories of the Russian army during the war in 1812 and heavy retreat of Macdonald's corps, which consisted of the Prussian troops.

Keywords: York; East Prussia; Taurooggen; neutral convention.

18 (30) декабря 1812 г. генерал Г. Йорк – командующий прусскими войсками в составе 10-го корпуса французской армии маршала Ж. Макдональда, находившимся на территории России в Курляндии.

дии, в местечке Таурооген подписал соглашение с командиром русского отряда генерал-майором И.И. Дибичем, по которому прусские войска отделялись от французских и объявлялись нейтральными. Соглашение, именуемое Тауроогенской конвенцией, выводило из-под власти Макдональда значительную часть его войск и вызвало энергичные нарекания, как со стороны французских современников, так и французских историков, называвших поступок Г. Йорка не иначе, как предательство и измена.

Историографическая традиция повторяет это нелестное мнение о прусских войсках, поскольку во взглядах на причины и обстоятельства подписания Тауроогенской конвенции вот уже два столетия господствует единственная точка зрения, в свое время высказанная К. Клаузевицем – участником переговоров И.И. Дибича с Г. Йорком. Прусский подполковник на русской службе Клаузевиц, находившийся в главной квартире Дибича¹, хотя и подозревал Йорка в хитрости, тем не менее, считал его желание отложиться от французских войск искренним, и охарактеризовал его, как старого прусского солдата, пытавшегося в этом деле только сохранить хорошее лицо². Суждение Клаузевица о причинах заключения соглашения оказалось непререкаемым и в российской историографии.

Рассказ Клаузевица до сих пор является единственным источником сведений о заключении конвенции в отечественной литературе, в которой за истекшие два века не прибавилось ни одного документа, касающегося данной проблемы. Ни в одной, даже современной публикации, рассказывающей об отложении прусского корпуса от французской армии, российские историки не прибавили ни одного нового штриха к версии прусского подполковника.

Между тем, ещё И.Г. Дройзен в свое время заявил, что длительное присутствие Клаузевица и Йорка в разных лагерях прусской оппозиции наложило отпечаток на представления Клаузевица. «Они затуманили его понимание событий и ещё более его суждения о личностях»³.

Суть концепции, изложенной К. Клаузевицем и многократно растиражированной отечественными историками, состоит в том, что Йорк на самом деле симпатизировал русским и только хотел,

---

¹ Два родных брата К. Клаузевица находились в это время в корпусе Г. Йорка.

² *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 2003. С. 37, 140.

³ *Droysen J.G.* Das Leben des Feldmarschalls Grafen York von Wartenburg. 3 bd. Berlin, 1851 Bd. 1. S. 472.

чтобы его не обманули, и пытался выглядеть так, будто он на самом деле подчинился только военной силе. Иначе говоря, согласно Клаузевицу, Йорк добровольно перешел в русский лагерь, и только желание спасти свою военную репутацию заставляло его объяснять все дело военными причинами.

Однако характер генерала Йорка не позволяет подобной трактовки событий. «В этой холодной, скрытой, сумрачной натуре была гордость, которая исключала любое тщеславие, было острое понимание долга, которое в преодолении опасности проявило себя вдвойне стороже и размереннее, была сила самообладания, которую ни на секунду не поколебали привлекательное удобство великого момента, непреодолимое желание славы и сама острота ненависти [к французам]»⁴. Ни под каким видом Г. Йорк не нарушил бы присягу ради личных симпатий.

Помимо военной концепции, точка зрения К. Клаузевица на политические последствия заключенного соглашения оказалась приоритетной как в российской, так и в зарубежной историографии. Прусский теоретик считал, что переход Йорка в стан противников позволил русским войскам захватить Восточную Пруссию и продолжить наступление, тем самым вызвав переход прусского короля от нерешительности к союзу с Россией. Несостоятельность политической концепции К. Клаузевица нами уже рассматривалась⁵. Теперь необходимо обратиться к настоящим причинам и обстоятельствам заключения нейтральной конвенции.

В ходе успешного преследования остатков «московской» армии Наполеона и освобождения осенью 1812 г. Белоруссии и Литвы от французских войск, перед М.И. Кутузовым стала задача нейтрализовать фланговые корпуса Великой Армии и не допустить их соединения с остатками армии, бежавшими из Москвы. С этой целью сразу после сражения на Березине фельдмаршал распорядился командующим русскими войсками на своем левом фланге 3-й Западной армии адмирала П.В. Чичагова, отдельных корпусов генерал-лейтенанта Ф.В. Сакена, генерала от кавалерии М.И. Платова и генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна организовать пре-

---

⁴ *Droysen J.G.* Op. cit. Bd. 1. S. 471–472.

⁵ *Жучков К.Б.* Внешнеполитическое самоопределение Пруссии в декабре 1812 – январе 1813 гг. // Россия, Польша и Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М., 2009. С. 267–287.

следование отступавшего противника так, чтобы исключить соединение французских войск в Литве и Польше.

Задачу – отрезать австрийский корпус фельдмаршала К. Шварценберга, находящийся на границе России и Польши, – М.И. Кутузов возложил на передовые отряды и начальника авангарда Главной армии генерала от инфантерии М.А. Милорадовича. Ту же задачу в отношении корпуса Макдональда русский командующий поручил П.Х. Витгенштейну. Общее наступление русских войск на пространстве между Восточной Пруссией и Польшей, не допускающего оперативного сообщения между отрезаемыми группировками противника, было возложено на П.В. Чичагова и М.И. Платова.

19 (27) ноября 1812 г. М.И. Кутузов одобрил намерение Витгенштейна «отрезать Макдональда и не допустить его соединение с Наполеоном»⁶. Одновременно другим своим сообщением фельдмаршал извещал П.Х. Витгенштейна о направлении движения Главной армии, которая «пойдет левее армии адмирала Чичагова в направлении через Смолевичи... на [Новые] Троки. С этим движением надеюсь я воспретить соединению Шварценберга с Наполеон[ом]»⁷. План нейтрализации французских и союзных войск был неоднократно сообщен М.И. Кутузовым: 19 (1 декабря) ноября П.В. Чичагову и Александру I, 21 ноября (3 декабря) генералу от инфантерии А.П. Тормасову и генерал-адъютанту А.П. Ожаровскому⁸.

Оставаясь в неведении относительно дальнейших планов противника, и ещё не имея достаточных сведений о его движении, но, вместе с тем, осознавая угрозу соединения Макдональда с Шварценбергом в Вильно, Кутузов 22 ноября (4 декабря) уведомил П.В. Чичагова, «что по теперешним обстоятельствам, где Наполеон отступает на Вильну, нужно отнять у него все способы к усилению его армии»⁹. На следующий день русский главнокомандующий предписал Чичагову остановиться при г. Ошмяны ввиду угрозы соединения Наполеона с Макдональдом и Шварценбергом в Вильно¹⁰, а Витгенштейну рекомендовал изменить направление своего движения на Вильно¹¹.

---

⁶ М.И. Кутузов. Сб. документов и материалов: в 5 т. М., 1955. Т. IV, ч. 2. С. 425.

⁷ Там же. С. 427.

⁸ Там же. С. 428, 430, 439, 440.

⁹ Там же. С. 444.

¹⁰ Там же. С. 448.

¹¹ Там же. С. 449.

Но в тот же день М.И. Кутузову стало ясно, что Шварценберг не будет двигаться на Вильно¹². Исходя из этого, 25 ноября (7 декабря) 1812 г. фельдмаршал сообщил Александру об изменении первоначального плана операций, т. е. принял решение о переходе части войск за Неман. «Ежели неприятель в Вильне не остановится, что полагать можно потому, что неуповательно, чтоб он мог соединиться с князем Шварценбергом так скоро; неверно также и то, чтобы успел или возмог с ним соединиться Макдональд; по-видимому, напротив, должно думать, что из отдаленных пунктов, в которых сии части находятся, соединение их последовать не может к одному центру [иначе], как долгими радиусами¹³, то есть за Неманом»¹⁴.

Хотя К. Шварценберг отступал в противоположную от Вильно сторону, в общем направлении на Варшаву, оставалась ещё реальная опасность присоединения к остаткам французской армии корпуса Макдональда, почему Кутузов небезосновательно полагал, что «корпус Макдональда соединен с остатками главной неприятельской армии и войсками маршала Ожеро могут составить значительную массу войск»¹⁵.

Поэтому русский главнокомандующий решил ускоренно преследовать отступавшего противника с тем, чтобы остатки «московской» армии Наполеона были вытеснены из Литвы и Восточной Пруссии ещё до прихода туда Макдональда. Он предписал П.В. Чичагову 1 (13) декабря 1812 г., «перейдя Неман, следовать за отступающим неприятелем, так чтобы казаки следовали бы за оным до самой Вислы, а пехота находилась бы от кор-де-баталь в двух маршах с частью регулярной армии»¹⁶.

1 (13) декабря 1812 г. Кутузов сообщил императору Александру, что «Макдональд, есть ли не ускорит свое отступление, может быть разбит между Прегелем и Неманом», но «есть ли корпус маршала Макдональда успеет отступить к нижней части Вислы, тогда граф Витгенштейн останется обсервационным корпусом» в Восточной Пруссии, а «армия Чичагова направляется... к Варшаве», куда движется и Главная армия¹⁷.

---

¹² М.И. Кутузов. Сб. документов и материалов. Т. IV, ч. 2. С. 551.

¹³ То есть окружным путем, отступая далеко назад.

¹⁴ М.И. Кутузов. Сб. документов и материалов. Т. IV, ч. 2. С. 454–455.

¹⁵ Там же. С. 493.

¹⁶ Там же. С. 493–494.

¹⁷ Там же. С. 495–496.

М.И. Кутузов полагал, что в случае успешного отступления корпуса Макдональда из Курляндии на р. Висла, русским войскам придется остановить свое наступление в Восточной Пруссии и ограничиться наблюдением за противником в этой части театра военных действий. В таком случае успешное продвижение здесь русской армии зависело бы в будущем от развязки событий в Польше, в среднем течении р. Висла, и, главное, от успешного или неуспешного наступления на Варшаву. Но военное счастье оказалось на стороне умудренного фельдмаршала. Уйти Ж. Макдональду в Восточную Пруссию не удалось.

1 (13) декабря 1812 г., в день, когда Кутузов писал императору свои предположения, 10-й корпус Великой армии располагался в Курляндии, в преддверии Риги, по рекам Аа и Эккау, с главной квартирой в Митау. Корпус состоял из 7-й французской дивизии, в составе которой находились французские, польские и баварские части, и трех прусских бригад. Последние входили в состав корпуса на основании французо-прусского союзного договора 12 (24) февраля 1812 г. Детализируя этот договор, к нему были подписаны два дополнительных соглашения 21 февраля (4 марта) 1812 г. и дополнительное соглашение 27 февраля (10 марта) 1812 г. Согласно им прусский корпус определялся как контингент численностью 20 тыс. человек в составе Великой армии, и подчинялся приказам исключительно французского командования¹⁸.

Численность 10-го корпуса в конце ноября – начале декабря 1812 г. составляла примерно 26 тыс. человек¹⁹, т. е. столько же, сколько в тот момент составляла вся Главная армия М.И. Кутузова. И понятно, почему Кутузов так опасался присоединения этого корпуса к войскам Наполеона в Вильно или его беспрепятственного отступления в Восточную Пруссию. Разгрому 10-го корпуса Кутузов теперь придавал решающее значение и нацеливал на это войска Чичагова, Платова и Витгенштейна²⁰.

---

¹⁸ *Martens G.-F.* Nouveau recueil de traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité, de commerce, de limites, d'échange, etc., et de plusieurs autres actes servant à la connaissance des relations étrangères des puissances et États de l'Europe tant dans leur rapport mutuel que dans celui envers les puissances et États dans d'autres parties du globe, depuis 1808 jusqu'à présent. 16 vol. Göttingue, 1817–1842. T. I. 1808–1814. P. 415.

¹⁹ *Reboul F.* Campagne de 1813. Les préliminaires. 2 vol. Paris, 1910–1912. T. 1. P. 198.

²⁰ М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV, ч. 2. С. 425, 428, 430, 448, 449, 482, 493, 495, 496, 503, 519.

Узнав из донесений П. Х. Витгенштейна и генерал-лейтенанта Ф.О. Паулуччи, что корпус Макдональда 24 ноября 1812 г. ещё находится в окрестностях Риги, Кутузов 3 (15) декабря 1812 г. направил «корпус графа Витгенштейна через Вилькомир, Кейданы на Россияны, дабы отрезав Макдональду путь в Пруссию, разбить его, чему способствовать может... большая часть рижского гарнизона»²¹.

Согласно предписаниям Кутузова, Витгенштейн 10 (22) декабря 1812 г. прибыл со своим корпусом в Кейданы²². В тот же день, слева от него, на ту же высоту Немана, в Ковно и Гезну прибыла армия Чичагова. В Кейданах Витгенштейн реорганизовал движение своего корпуса, который двинулся дальше в следующем порядке.

Двигавшийся до сих пор правее Главной армии и поступивший под общую команду Витгенштейна, отдельный отряд генерал-адъютанта П.В. Голенищева-Кутузова 10 (22) декабря 1812 г. вошел в Юрбург, между Вилькомиром и Тильзитом²³. П.В. Кутузов отправил от себя небольшой авангард подполковника Ф.К. Теттенборна, который вошел в Рагнит²⁴.

12 (24) декабря 1812 г. П.В. Кутузов со всем своим отрядом прибыл в Тильзит, присоединив к себе авангард Витгенштейна под командой генерал-майора Е.И. Властова. Отсюда, оставив Властову один батальон и три эскадрона с двумя орудиями, Голенищев-Кутузов послал его из Тильзита по дороге на Тауроген, в д. Кляйн-Пиктюпённен, навстречу предполагаемого отступления Макдональда²⁵.

Тем временем Витгенштейн организовал себе новый авангард под командой генерал-майора Д.Д. Шепелева, который 13 (25) декабря 1812 г. достиг м. Вилены на р. Неман²⁶. А заново организованный отряд генерал-майора И.И. Дибича 10 (22) декабря 1812 г. прибыл в Колтыняны²⁷. В этом отряде и находился К. Клаузевиц, позднее единственный, оставивший рассказ о заключении конвенции.

В помощь Витгенштейну и для преследования отступавших от Риги французских войск по распоряжению М.И. Кутузова 8 (20) де-

---

²¹ М.И. Кутузов. Сб. документов и материалов. Т. IV, ч. 2. С. 519, 581.

²² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 3511. Л. 179–179об.

²³ Там же. Л. 174–175об.

²⁴ Там же. Л. 176–176об.

²⁵ Там же. Л. 179–179об.

²⁶ Там же. Л. 174–175об.

²⁷ Там же. Л. 174–175об.

кабря 1812 г. из состава рижского гарнизона был выделен отряд генерал-лейтенанта Ф.Ф. Левиза²⁸. Левиз со своим отрядом двинулся прямо на юг, непосредственно преследуя корпус Макдональда. Небольшая часть рижского гарнизона (около 2,5 тыс. человек) осталась под командованием рижского генерал-губернатора Ф.О. Пауллуччи, с которым тот двинулся правее Ф.Ф. Левиза в направлении на прусский Мемель. 13 (25) декабря 1812 г. отряд Левиза, вошел в м. Келм, а генерал Пауллуччи со своим отрядом подошел к Мемелю²⁹.

Таким образом, корпус Ж. Макдональда находился в окружении со всех сторон. Сзади него находился корпус Левиза, правее – корпус Пауллуччи, спереди авангард Голенищева-Кутузова с отрядами Властова и Теттенборна и отряд Дибича, позади которых осторожно двигался весь корпус Витгенштейна во главе с авангардом Шепелева. Хотя каждый из окружавших Макдональда русских отрядов значительно уступал в численности его корпусу, но вместе они, даже без учета главных сил П.Х. Витгенштейна, не уступали ему. Тем не менее, не численный перевес русских войск сыграл главную роль в отложении прусских войск, а целеустремленность и настойчивость русского командования в преследовании Ж. Макдональда.

Прямую противоположность им представляло поведение французского командования. 23 ноября (5 декабря) 1812 г. Наполеон из м. Сморгонь выехал в Париж, оставив главнокомандующим Великой армии своего зятя, Неаполитанского короля Иоахима Наполеона, больше известного как маршал И. Мюрат³⁰. Ему было приказано удерживать Вильно, для того чтобы собрать и реорганизовать армию³¹. Однако, не сумев выполнить приказ и поспешно отступая к р. Неман, Мюрат в организационной неразберихе попросту забыл отдать приказ Макдональду на своевременное отступление и тем самым поставил его корпус под угрозу уничтожения.

Поскольку Наполеон до последнего момента пытался скрыть от общественного мнения настоящее положение дел и состояние своих войск, практически никто за пределами его отступавшей армии не имел представления о складывавшейся ситуации, том числе и Макдональд. Конечно, слухи и рассказы о несчастьях французской армии, доходившие вместе с письмами, беглецами из армии, из

---

²⁸ РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153 а. Св. 21. Д. 3105. Л. 1.

²⁹ Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3511. Л. 168, 203–204.

³⁰ *Schuermans A. Itinéraire général de Napoléon Ier. Paris, 1908. P. 314.*

³¹ *Reboul F. Op. cit. T. 1. P. 401–402.*

английских и шведских газет, доходили и до его главной квартиры, но Макдональд все-таки ожидал «положительного» приказа.

Помимо всего прочего, отношения между Ж. Макдональдом и Г. Йорком к тому моменту ухудшились вплоть до полного разрыва. Макдональд обвинял прусские войска в трусости, грабежах и насилиях над мирным населением, незаконных реквизициях, утайке снабжения от французских войск и т. п., а прусские власти в укрывательстве преступлений и клевете на французское командование. Между двумя командующими прекратились всякие сношения. Это привело к взаимной ненависти между двумя союзными начальниками. В то же самое время, генерал Йорк, обеспокоенный все возрастающими слухами о поражении Великой армии и беспорядочном отступлении Наполеона из Москвы, для прояснения сложившейся обстановки 20 ноября (2 декабря) 1812 г. направил в Вильно своего адъютанта лейтенанта К.Э. В. Каница³².

---

³² К. Каниц поехал в Вильно через Ковно. По дороге из Ковно в Вильно «непрерывно встречались нам сани с причудливо закутанными фигурами, офицерами и солдатами, всадниками и пешими, но все же большинство мне казались кавалеристами. Все места по дороге были наполовину разрушены. В большинстве, кроме нескольких домов, в которых устраивались принадлежащие армии солдаты, не было видно ни одного человека и всё было опустошено».

23 ноября (5 декабря) 1812 г. К. Каниц прибыл в Вильно, где предстал перед полковником Ф.В. Л. Круземарком, прусским атташе при французском министре Г. Маре. Во время беседы с Круземарком Каницу «становилось ясно, что генералу Йорку может быть совершенно все равно, довольны им или нет Макдональд и император; вся история, из-за которой я был послан, раздоры из-за снабжения, упреки Макдональда, все отношения между ним и Йорком показались мне незначительным второстепенным делом наряду с ужасными обстоятельствами, развязка которых была так близка». «Во всей этой путанице у меня был только один знакомый, майор Шенк, переведенный из нашего корпуса в Померанский гусарский полк, из которого два эскадрона были при Великой армии, но который до сих пор оставался в Вильно».

Из разговора с Й.К.Д. Шенком Каниц узнал, что «никто больше не делал тайны из отступления и ужасных потерь [французской армии]; но отчетливо еще не воспринимали полный упадок, и многие утешали себя тем, что русские тоже были рассеяны, и отступлению и пребыванию в Вильно не будет препятствий со стороны неприятеля» (курсив мой. – К. Ж.). Наконец, «6-го утром движение заметно усилилось, отъезжали все, кто мог двигаться дальше». В город «непрерывно входили беглецы: фигуры, которые вряд ли можно представить [себе даже] в смутном сне редкой фантазии, ехали на повозках, верхом и шли в почти непрерывных рядах; многие беспомощно ложились на дороге и все с отупелым равнодушием переступали через них». Весь день «шествие беглецов продолжалось беспрерывно».

Каниц, вернувшийся из командировки в Митау 26 ноября (8 декабря), в подробностях живописал Йорку развал и бедствия французской армии, превосходившие любые слухи и предположения. 27 ноября (9 декабря) 1812 г. Йорк официально информировал об этом Макдональда, но тот, скорее всего из неприязни к прусскому генералу, сделал вид, что не поверил донесению Йорка.

Прошло ещё десять дней, прежде чем Макдональд получил приказ на отступление из Митау на Ковно. Это произошло только 6 (18) декабря 1812 г., когда в его тылу уже кишели казачьи разъезды³³. Поскольку времени на сбор и перегруппировку войск не было, войска Макдональда начали марш с мест их расквартирования. «Если мысленно перенестись на позиции, занятые 10-м корпусом, и если поразмыслить над необходимостью, благодаря которой он находился вынужденным начинать движение без минуты задержки, то видно, что маршал устанавливал свой марш самым логичным способом на свете, следуя своему квартирному расположению»³⁴.

В результате весь корпус оказался разделенным на четыре колонны. В первом эшелоне двигались колонны генералов Ф. Массенбаха и Ш. Гранжана, во втором – генералов Г. Йорка и Ф. Клейста³⁵. В составе колонны Гранжана находилась 7-я французская дивизия численностью примерно 9 тыс. человек и 2-я прусская кавалерийская бригада. Колонна Массенбаха состояла из части 2-й прусской пехотной бригады полковника Г.В. Горна в составе трех

«Вечером 6-го сутолока в городе становилась все сильнее», когда Каниц выехал из Вильно. 26 ноября (8 декабря) 1812 г. адъютант прибыл в Митау, где «сообщил генералу Йорку то, что я слышал и видел. Казалось, что он посчитал мой доклад преувеличенным. Я заверил его, что вскоре он получит другие описания состояния армии, что он и их все посчитает преувеличенными, но что никто не достигнет ужасающей правды этих руин. Он приказал мне ни с кем, за исключением генерала Клейста и полковника Редера, не говорить о моем задании. Я свое слово сдержал» (*Droysen J. G. Op. cit. Bd. 1. S. 538–549*).

³³ Приказ, подписанный А. Бертье 27 ноября (9 декабря) 1812 г., упомянутый в рассказе Каница майор Й. Шенк доставил Макдональду в Митау в ночь с 5-го на 6-е (с 17-го на 18-е) декабря 1812 г., т. е. почти через 10 дней после его отдачи. Задержка в доставке объясняется тем, что Шенк из Вильно поехал на Тильзит, где задержался у своей невесты Юлии, дочери генерала Л. Бажко. Затем, объезжая вездесущие казачьи разъезды, он двинулся на Митау через Тельч. По воспоминаниям генерала Л. Бажко, сам он находился в это время в Кенигсберге (*Baczko L., von. Geschichte meines Lebens. 3 bd. Königsberg, 1824. Bd. 3. S. 242–261*).

³⁴ *Reboul F. Op. cit. T. 1. P. 218–219.*

³⁵ *Ibid. P. 219–220, 222–223.*

прусских батальонов, двух прусских эскадронов и одной конной батарее. После возвращения в середине похода двух пехотных батальонов из колонны Гранжана, общая численность колонны составила примерно 3,3 тыс. человек при 200 лошадях.

Эти две колонны, находившиеся в первом эшелоне непосредственно под командованием Ж. Макдональда, быстрым маршем двигались к Тильзиту, пытаясь опередить там русские войска. Впереди них двигался авангард под командой генерала Ж.Д.Ж. Башелю, в составе которого находилась часть 2-й прусской пехотной бригады Горна, позднее составившая один батальон, и четыре эскадрона прусской кавалерии. Всего в этом эшелоне состояло шесть прусских батальонов, десять прусских эскадронов, две пеших и две конные батареи. Численность всего эшелона составляла 12 тыс. человек³⁶.

Во втором эшелоне под командой Г. Йорка двигались колонна из 1-й прусской пехотной бригады под командованием Ф. Клейста численностью примерно 3,5 тыс. человек и колонна под начальством самого Г. Йорка из 3-й прусской пехотной бригады, равной по численности бригаде Клейста. Обе колонны Йорка, из-за плохих дорог, обилия снега, наличия конвоя и обозов, двигались по разным дорогам. Эшелон под командой Йорка двигался медленнее, из-за сильного мороза останавливаясь на квартиры. Таким образом, первый эшелон 10-го корпуса оторвался от него на расстояние двух переходов.

12 (24) декабря обе прусские колонны соединились в м. Кроши и на следующее утро двинулись на Колтыняны, причем первой марш совершала колонна Клейста, за ней двигались конвой и обозы, а замыкала процессию колонна Йорка. В этот же рождественский день, 13 (25) декабря 1812 г. войска первого эшелона во главе с Макдональдом достигли м. Тауроген, находящегося на расстоянии 50 км впереди войск Йорка.

Около четырех часов дня, примерно за милю до Колтынян, колонна Ф. Клейста наткнулась на русскую кавалерию отряда Дибича, расположенную на окружающих дороге высотах, образовывавших довольно тесные дефиле, по которым в условиях зимнего времени проходила дорога на Колтыняны³⁷. Русский ге-

---

³⁶ *Droysen J. G. Op. cit. Bd. 1. S. 456–477; Reboul F. Op. cit. T. 1. P. 216–222; Treuenfeld B. Das Jahr 1813. Bis zur Schlacht von Gross-Görschen. Leipzig, 1902. S. 174–229; Ussel J. de. Études sur l'année 1813. La défection de la Prusse (décembre 1812 – mars 1813). Paris, 1907. P. 88.*

³⁷ *Reboul F. Op. cit. T. 1. P. 241.*

нерал тотчас же выслал к Клейсту в качестве парламентаря прусского майора на русской службе Ройне (Reune) с предложением о переговорах. Ф. Клейст в свою очередь послал Г. Йорку извещение о предложении русских.

В тот же момент, когда Йорк получил письмо Клейста, к нему прибыл прусский майор недавно образованного Русско-германского легиона К.Ф.Э. Дона³⁸, посланный парламентарем от Ф.Ф. Левиза, корпус которого, вернее, его авангард, подошел сзади к колонне Йорка³⁹. Таким образом, войска Г. Йорка оказались между отрядом Дибича, преградившим путь пруссакам спереди, и корпусом Левиза, подпиравшим их сзади.

В российской историографии, рассказывая о встрече Г. Йорка с И.И. Дибичем, авторы, исходя из малочисленности русского отряда, делают вывод о неспособности его преградить путь прусским войскам и, соответственно, о добровольном подчинении прусского генерала русским требованиям. Но, как показывает изучение обстоятельств встречи, положения и состояния прусского корпуса, дело обстояло иначе.

Во-первых, в отечественной литературе неправильно определена численность противостоящих сторон. Считается, что под командой Г. Йорка находилось от 16 до 20 тыс. человек, которым противостояли от 1,2 до 1,8 тыс. человек И.И. Дибича⁴⁰. Между тем, у Йорка было меньше людей, чем у противостоявших ему русских войск. Помимо того, что естественные потери прусских войск в течение осени не были восполнены, поход 8–13 (20–25) декабря 1812 г. в двадцатиградусный мороз привел к высокой маршевой убыли прусских войск. Только в первый переход 8 (20) декабря 1812 г. Йорк потерял 800 человек больных, отставших и дезертиров⁴¹.

---

³⁸ Сын Президента сословного комитета Восточной Пруссии в конце 1812 – начале 1813 г. Ф.А. Дона. Майор Фридрих Дона был послан к Г. Йорку со специальным письмом Александра I через Ф.О. Пауллуччи, а затем Ф.Ф. Левиза.

³⁹ Seydlitz A. Tagebuch des Königlich Preussischen Armeekorps unter Befehl des General-Lieutenants von York im Feldzuge von 1812. Bd. 2. Berlin; Posen, 1823. S. 238.

⁴⁰ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года: в 3 т. СПб., 1860. Т. 3. С. 282; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 590; Жилин П.А. Отечественная война 1812 года. М., 1988. С. 333; Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 318.

⁴¹ Henckel von Donnersmarck W.L.V. Erinnerungen aus meinem Leben. Zerbst, 1846. S. 146.

Помимо этого, более трети прусских войск находилось в первом отступающем эшелоне маршала Макдональда: в составе колонн Ф. Массенбаха и Ш. Гранжана, а также авангарда Ж. Башелю состояло шесть батальонов, десять эскадронов и четыре батареи прусских войск. Кроме того, часть своих войск (1692 человека) Йорк отправил напрямую через Мемель и Куршскую косу в Кенигсберг⁴². Поэтому на момент встречи с Дибичем 13 (25) декабря 1812 г. в двух колоннах Г. Йорка и Ф. Клейста находилось не более 7 тыс. человек⁴³.

Кроме того, в отечественной литературе не указывается, что 13 (25) декабря 1812 г. к аррьергарду Йорка вплотную подошел авангард Левиза. Согласно строевому рапорту 8 (20) декабря 1812 г., численность корпуса Ф.Ф. Левиза составляла 9025 человек, в том числе 1414 человек кавалерии при 2170 лошадях и 36 орудиях⁴⁴.

Отряд Дибича 12 (24) декабря состоял из восьми эскадронов Гродненского гусарского полка (727 человек), донских полков М.И. Родионова и М. Г. Чернозубова (533 человека), батальона 23-го егерского полка, посаженного на лошадей (366 человек), при восьми орудиях 1-й конной роты (182 человека)⁴⁵ и его общая численность составляла 1808 человек.

Таким образом, 7 тыс. человек и 32 орудиям Г. Йорка и Ф. Клейста противостояли 10,8 тыс. человек и 44 орудия Ф. Ф. Левиза и И.И. Дибича.

---

⁴² *Osten-Sacken und von Rhein O. von der. Militärisch-politische Geschichte des Befreiungskrieges im Jahre 1813. 2 bd. Berlin, 1903. Bd. 1. S. 497.*

⁴³ *Droysen J. G. Op. cit. Bd. 1. S. 457.*

⁴⁴ РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153 а. Св. 21. Д. 3105. Л. 2-2об; Ф. 846. Оп. 16. Д. 3511. Л. 168.

⁴⁵ М.И. Богданович определяет численность отряда Дибича в 1,4 тыс. человек и называет в его составе один батальон, восемь эскадронов, три донских полка и шесть орудий (*Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 370*). А.И. Сапожников, следуя за Богдановичем, приводит тот же состав отряда (*Сапожников А.И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 г. М.; СПб., 2012. С. 689*). Однако далее он указывает, что донской полк И.Н. Лащилина находился в тот момент в корпусе Витгенштейна (*Сапожников А.И. Указ. соч. С. 692, 795-796*) и принимал участие в военных действиях в составе отряда П.В. Кутузова, куда он попал из авангарда Е.И. Властова (Война 1813 года. Материалы Военно-ученого архива: в 3 т. Пг., 1917. Т. III. С. 17). И, наконец, он отмечает только два донских полка, состоявших в отряде Дибича (*Сапожников А.И. Указ. соч. С. 802-804*). Десятидневные рапорты корпуса Витгенштейна приводят состав и численность отряда Дибича, существенно отличающиеся от данных М.И. Богдановича (*Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 5, 11, 17, 18, 27, 28*).

Во-вторых, Йорк в двух колоннах имел всего шесть эскадронов кавалерии, общей численностью 300 человек⁴⁶. Между тем в ночь с 13 (25) на 14 (26) декабря авангард Левиза под командованием полковника И.Н. Галате соединился с отрядом Дибича, в результате чего у последнего оказалось около 2,8 тыс. человек отборной кавалерии⁴⁷. В результате Г. Йорк не имел ни охранения, ни разведки, не мог противостоять набегам неприятельской кавалерии и попросту не мог её атаковать.

В-третьих, между колоннами Клейста и Йорка двигался огромный обоз, нагруженный контрибуцией с Курляндии и транспорт с ранеными и больными, растянувшиеся больше, чем на милю⁴⁸. Именно этот обоз окончательно портил все дело.

С самого начала длинные и быстрые переходы ночами, в сильный мороз, по гололеду и снегу, в сопровождении огромного обоза и конвоя с ранеными и больными, число которых постоянно увеличивалось, привели к крайней неорганизованности марша. Батальоны и полки шли в беспорядке. Подразделения двигались неправильными дистанциями. Целые части шли, полностью перемешавшись. Большинство офицеров были больны. Обоз терял людей и лошадей, причиняя бесконечные задержки и перебои в движении, во время которых люди замерзали. Узкие дороги и разбитые обочины, снег, гололед, не давали пехоте двигаться по сторонам от дороги⁴⁹.

Проще говоря, войска Г. Йорка были растянуты в двадцатикилометровую колонну перемешанных людей, сбор которых и построение в боевые порядки представляли собой трудноразрешимую задачу.

В-четвертых, желая облегчить этот трудный зимний поход, Йорк перед выступлением с мест расквартирования отправил прямо на Мемель все системообразующие части своих войск: все обозы офицеров, все обозы войск левого фланга (бригады Г.В. Горна), всю администрацию, все амбулатории корпуса, в том числе и ветеринарную, и их персонал, все походные мастерские, все инженер-

---

⁴⁶ Droysen J.G. Op. cit. Bd. 1. S. 457.

⁴⁷ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 204–295.

⁴⁸ Die Theilnahme des preussischen Hülfskorps an Feldzuge gegen Russland im Jahre 1812 // Kriegsgeschichtliche Einzelschriften. Bd. 4. H. 24. Berlin, 1898. S. 553. Немецкая географическая миля равна 7,486 км.

⁴⁹ Die Theilnahme des preussischen Hülfskorps an Feldzuge gegen Russland im Jahre 1812. Berlin, 1898. S. 552.

ные роты, собранные в маршевый саперный батальон, все парки с боеприпасами и полторы артиллерийских батареи⁵⁰.

В результате войска Г. Йорка представляли собой маршевое соединение, не предназначенное для эксплуатации в боевых условиях. Артиллерия имела минимум зарядов на передках, пехота имела только носимое количество выстрелов, аптек и медперсонала не было, обиходить и транспортировать раненых было не кем, и не на чем, ремонтировать транспортное и артиллерийское оборудование и снаряжение было некому и нечем, продовольствия и фуража было в наличии только на два дня. Реально Г. Йорк не имел организованного воинского соединения.

Прусская кавалерия, обнаружив русских, окружавших дорогу, пыталась их атаковать, но была отбита превосходящими силами донских полков, потеряв при этом убитыми 46 и пленными 48 человек⁵¹. В результате только одной попытки пруссаки потеряли треть своей малочисленной кавалерии. Дальнейшие попытки сбить русскую кавалерию не представлялись возможными.

Ф. Клейст, в четыре часа дня 13 (25) декабря 1812 г. первым увидевший русскую кавалерию, расставленную на окружавших дорожку холмах, мгновенно оценил невозможность сопротивления. Произведя рекогносцировку, он убедился, что при физическом истощении людей и невозможности тактически правильно развернуть колонну, он напрасно принесет их в жертву⁵². Клейст не сомневался, что при попытке в сумерках произвести эти маневры, на зимней пересеченной местности, часть людей разбежится, а в подразделениях исчезнут остатки дисциплины. Первый момент встречи с противником заставил дрогнуть сердце старого прусского солдата. Чтобы выиграть время до полной темноты и подхода колонны Г. Йорка, Ф. Клейст согласился принять русского парламентаря⁵³.

Действительно, положение, в котором оказались прусские войска, было трудным. Они не могли атаковать русскую кавалерию, не могли даже просто прогнать ее, как не могли препятствовать ее нападениям. Им нечем было противостоять русской кавалерии. Они не могли бивуакировать ввиду неприятельской кавалерии и ар-

---

⁵⁰ Treuenfeld B. Op. cit. S. 174.

⁵¹ Сапожников А. И. Указ. соч. С. 804, 811.

⁵² Vermeil de Conchard P. Campagne et defection du corps prussien de la Grande Armée (France, Prusse et Russie en 1812). Paris, [1903]. P. 179.

⁵³ Treuenfeld B. Op. cit. S. 149–153.

тиллерии. Они не могли снабжаться продовольствием и фуражом. Они не могли даже передвигаться в виду их.

В первый же переход Г. Йорк потерял бы обоз. В два перехода – артиллерию. Он не мог транспортировать раненых и больных, и был бы вынужден бросить их на произвол судьбы на первом же переходе, что окончательно деморализовало бы ещё находившихся под ружьем людей. В два-три перехода, в окружении превосходящей кавалерии, люди Г. Йорка частично были бы захвачены, частично ранены, частично обморожены, а большая часть просто разбежалась бы. То есть, Г. Йорка ждала судьба всей французской армии, о несчастьях которой он уже наслушался. Речь не идет о военном поражении, в котором пруссаки могли бы отстоять свою воинскую честь.

Таким образом, без сомнения, Г. Йорк подчинился только военной необходимости, которая не оставляла ему ни единого шанса спасти военную честь прусских войск.

Впрочем, Йорк пытался все таки использовать свою единственную возможность, и 14 (26) декабря 1812 г., под прикрытием переговоров, вместо перехода на Шелель, повернул свою колонну на Ласково⁵⁴. Кроме того, он бросил часть своего обоза. Этим движением Йорк пытался нащупать путь на Мемель, оставив в стороне И.И. Дибича и Ф.Ф. Левиза. Но, во-первых, он выходил на ещё худшую дорогу, на которой оторваться от русской кавалерии было невозможно, во-вторых, ему наперерез выступал весь корпус Левиза и, в-третьих, ему стало известно, что к Мемелю уже подошел корпус Ф.О. Паулуччи.

Действительной причиной отпадения прусского корпуса от французской армии в декабре 1812 г. стало военное давление, оказанное русскими войсками на командование прусского корпуса в лице генералов Г. Йорка и Ф. Клейста, войска которых были поставлены под угрозу уничтожения. Только сила русского оружия, в условиях провала наполеоновской кампании против России, вынудила прусских генералов прибегнуть к защите нейтральной конвенции.

Не менее важным вопросом является влияние Таурогенской конвенции на защиту Восточной Пруссии, поскольку тот же К. Клаузевиц утверждал, что благодаря ей «русское преследование могло теперь распространиться до прусской Вислы», в противном же случае «русский поход закончился бы тогда на границе Пруссии»⁵⁵.

---

⁵⁴ Droysen J. G. Op. cit. Bd. 1. S. 145.

⁵⁵ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 157, 212.

Проблема состоит в том, были ли у французского командования желание и возможность защищать Восточную Пруссию? Изучение переписки французского командования, прусской администрации, положения находившихся там французских и прусских войск говорит об обратном.

Восточная Пруссия с её главными морскими и речными портами, Данцигом и Кёнигсбергом, реками и каналами, являлась базой, на которую опиралась французская армия в России. Её потеря лишала Наполеона возможности взять реванш в новой кампании, вынуждала его будущей весной вести операции за р. Висла и, что ещё хуже, отдавала во власть русских Герцогство Варшавское. Это понимание должно было мобилизовать всю твердость и энергию французского командования в деле обороны этой страны.

Между тем, со стороны французского командования не было проявлено ни малейших признаков такого понимания. И. Мюрат, возглавивший Великую армию после отъезда Наполеона, должен был, согласно инструкциям своего шурина, организовать сбор французской армии и её зимовку сначала в Вильно, затем в Ковно⁵⁶. Однако, это ему не удалось сделать ввиду полнейшего развала французской армии, отсутствия административной воли и продолжавшегося русского наступления.

Прибыв в Кёнигсберг 7 (19) декабря 1812 г., И. Мюрат должен был ожидать решение участи корпуса Макдональда и с этой целью он пытался организовать контрнаступление на р. Прегель, для поддержки его отступления на Тильзит. Кроме того, Мюрат пытался на месте реорганизовать свои войска вместе с подходящими к нему резервами.

Вместе с тем, И. Мюрат, как и все высшее командование Великой армии, был уверен, что русская армия пострадала от маршей, голода и холода не меньше, чем французская, что Неман был достигнут с последними силами и она не сможет следовать дальше. Эти иллюзии оказались роковыми не только для защиты Восточной Пруссии, но и для судьбы всей французской армии.

19 (31) декабря 1812 г. генерал-майор Н.Г. Репнин-Волконский, находившийся в авангарде корпуса Витгенштейна, желая задержать Макдональда в Тильзите, чтобы выиграть время для его полного окружения, послал к нему парламентаря для переговоров. Русское командование преследовало цель задержать марша-

---

⁵⁶ *Reboul F.* Op. cit. Т. 1. Р. 201-204.

ла на несколько часов. Так это воспринял и Ж. Макдональд, обещавший дождаться русского парламентаря 20 декабря (1 января) 1813 г., но начавший немедленно форсированный марш с остатками своих войск.

Мюрат, бросивший Кёнигсберг 20 декабря (1 января) 1813 г., после известия о Таурогенской конвенции, получил рапорт Макдональда о предложении русских 21 декабря (2 января) 1813 г. Он принял это известие за начало долгожданных переговоров и был уверен в скором перемирии⁵⁷. Заблуждение И. Мюрата было настолько велико, что, еще не начав переговоров, он уже выдвинул условия этого перемирия: «Его Величество [Неаполитанский король, т. е. И. Мюрат] уезжает сегодня утром в Эльбинг, не получив известий от герцога Тарентского [Ж. Макдональда] и не узнав результат встречи маршала с князем Репниным. В любом случае, сообщите герцогу Тарентскому, что у него может быть соглашение только о расположении зимних квартир. Его Величество одобрит договор, при котором мы займем линию Прегеля, защищающую Пиллау, выход из Нерюнгри на Мемель, Лабиау, Прегель и линию, проходящую через Вилленберг и Пултуск; князь Шварценберг сохраняет Варшаву и Великое Герцогство [Варшавское]. Король согласится на подобное соглашение»⁵⁸. И. Мюрат и А. Бертье известили Наполеона о перемирии, как решенном деле⁵⁹.

В то же время французское командование начало понимать, что русская армия не собирается прекращать преследование и, как положено, становиться на зимнее расквартирование: «Мы должны ожидать, что *неприятель не остановится*, и неизвестно, куда он пойдет»⁶⁰. Исчезли все иллюзии на «*мирный настрой русских*» (курсив мой. – К. Б.)⁶¹. Когда это становится ясно, И. Мюрат в отчаянии 23 ноября (4 января) 1813 г. заявляет Наполеону об эвакуации р. Висла⁶².

Очевидно, что в Вильно, Ковно, Кёнигсберге и Эльбинге, в тех местах, где Мюрат отдавал приказы на остановку, он не имел в виду оборону этих рубежей. Каждый раз, когда у него шла речь об удер-

---

⁵⁷ *Chuquet A.* 1812. La guerre de Russie. Notes et documents. 2ème série. Paris, 1912. P. 320; *Ibid.* 3ème série. Paris, 1912. P. 252.

⁵⁸ *Ibid.* 2ème série. P. 320.

⁵⁹ *Ibid.* 3ème série. P. 257, 289–290.

⁶⁰ *Ibid.* 2ème série. P. 337.

⁶¹ *Ibid.* P. 348; *Ibid.* 3ème série. P. 398.

⁶² *Ibid.* 3ème série. P. 290.

жании местности, подразумевалось не собственно вооруженное сопротивление, а простое занятие зимних квартир. Это были не отступление и не оборона, а поиск спокойного расквартирования.

История с Н. Г. Репниным показывает, что расчеты И. Мюрата на корпус Ж. Макдональда были тем же самовнушением. Иллюзия короля и его окружения собственно и состояла в том, что русские не осмелятся атаковать Кёнигсберг, если бы там находились Ж. Макдональд с Г. Йорком. Настойчивость русских, никак не хотевших останавливаться, а, наоборот, с упорством двигавшихся вперед, вызывала вспышки отчаяния, раздражения и гнева короля.

Между тем, никакие прусские войска не стали бы защищать Восточную Пруссию. У них были прямо противоположные указания. Г. Йорк, в свое время, получил распоряжение, в случае отступления французской армии из России, отходить на Грауденц и там запереться⁶³.

---

⁶³ Согласно письму генерала Л. Врангеля прусскому принцу-наследнику 6 (18) июня 1838 г., впервые опубликованному Ф. Тимме, он, будучи флигель-адъютантом прусского короля, в августе 1812 г. был послан в Митау с устными инструкциями короля к генералу Ю. Граверту. Однако, к моменту приезда майора Л. Врангеля, Граверта на посту командующего прусским корпусом 11 (23) августа 1812 г. сменил генерал Г. Йорк, которому Врангель и передал устное распоряжение короля. Эти инструкции предусматривали, в случае общего отступления французской армии из России, отделение прусского корпуса от французских войск и отступление на Грауденц, где они должны были запереться как от французских, так и от русских войск. «Я застал его [Йорка], – вспоминал в этом письме Врангель, – не склонным выполнять такие важные приказы на основе голых устных сообщений, и только по истечении 14-ти дней после возражений мне удалось подвигнуть его на выполнение королевских приказов, и между аванпостами состоялись переговоры, которые я начал с русским генералом Эссенем, где было найдено полное взаимопонимание. Поэтому генерал Йорк следовал не собственной инициативе [при подписании Таурогенской конвенции], а только приказам, которые я ему передал» (*Thimme F. Zur Vorgeschichte der Convention von Tauroggen // Forschungen zur brandenburgischen und preussischen Geschichte. Bd. 13. Leipzig, 1900. S. 262*).

Кроме того, в подтверждение своей версии, Ф. Тимме опубликовал дневник Л. Врангеля (*Forschungen zur brandenburgischen und preussischen Geschichte. Bd. 18. Leipzig, 1905*). Письмо Л. Врангеля опубликовал и О. Остен-Сакен (*Osten-Sacken und von Rhein O. von der. Op. cit. Bd. 1. S. 92*). Однако А. Холлебен усомнился если не в существовании такой инструкции, то, по крайней мере, в правдивости комментариев к ней самого Л. Врангеля, и отверг влияние этих инструкций на решение Г. Йорка отложиться от Ж. Макдональда. Кроме того, А. Холлебен справедливо заметил, что поступок Г. Йорка

В то же время, пока Г. Йорк находился в Курляндии, в Кёнигсберге его заменял генерал-майор Ф. Бюлов, командующий Западно-прусской и Восточно-прусской бригадами и генерал-губернатор Западной и Восточной Пруссии. У него были точные указания. 13 (25) декабря 1812 г. Бюлов получил приказ прусского короля от 9 (21) декабря 1812 г. перевести все находящиеся в его распоряжении войска и вновь формируемые резервы за р. Висла, для чего ему в тот же день были назначены места сбора войск, резерва, рекрутов и ремонтов⁶⁴.

21 декабря (2 января) 1813 г. Ф. Бюлов увел из Кёнигсберга все наличные прусские силы⁶⁵. Он забрал с собой и вышеупомянутый конвой Йорка, отправленный им через Мемель. Об отношениях союзников говорит тот факт, что Бюлов проводил рекрутов и людей из корпуса Г. Йорка, переодетыми в крестьян, сопровождавших телеги со своим добром⁶⁶. Кроме того, Ф. Бюлов захватил с собой и оба прусских кавалерийских (Гусарский № 2 и маршевый Уланский) полка с двумя артиллерийскими батареями, прибывшие в Кёнигсберг с остатками Великой армии из Москвы⁶⁷.

15 (27) декабря 1812 г. Ф.О. Паулуччи захватил прусский Мемель и открыл путь в обход линии Тильзит–Лабиау через Нерюнг (Куршскую косу), прямо в тыл французским войскам, оборонявшим Кёнигсберг. Захват Мемеля и капитуляция расположенного там прусского гарнизона свидетельствовали французскому коман-

---

прямо нарушал эти инструкции, что было тяжким военным преступлением (*Holleben A. von, Caemmerer R. von. Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813 und seine Vorgeschichte. 2 bd. Berlin, 1904–1909. Bd. 1. S. 33–34*). Г. Андреев в своей докторской диссертации указал, что первый пункт этих инструкций в передаче Л. Врангеля противоречит второму и третьему пунктам, а сами эти инструкции, как и дневник Л. Врангеля, являются подделкой (*Andrees H. Der Einfluss des Flügeladjutanten Freiherrn Ludwig von Wrangel auf die Konvention von Tauroggen. [Berlin,] 1907. S. 70*). То есть, Г. Йорк должен был вывести войска с театра военных действий, но никак не подписывать соглашения с противником. В. Фосс подтвердил выводы Г. Андреева (*Voss W. Die Konvention von Tauroggen. Berlin, 1910. S. 26*).

⁶⁴ [Prittwitz K.] Beiträge zur Geschichte des Jahres 1813. Von einem höheren Offizier der preussischen Armee. 2 bd. Potsdam, 1843. Bd. 2. S. 17.

⁶⁵ Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813... Bd. 1. S. 46.

⁶⁶ Treuenfeld B. Op. cit. S. 229.

⁶⁷ *Osten-Sacken und von Rhein O. von der*. Op. cit. Bd. 1. S. 497; *Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813... Bd. 1. S. 46*.

дованию и пруссакам о твердом намерении русских продолжить наступление⁶⁸.

Вместе с тем, движение русских войск уже казалось французам «умным и осторожным»⁶⁹ и устремлялось в оперативную дыру, образовавшуюся между французскими войсками в Восточной Пруссии и союзными войсками в Польше. Движение М.И. Платова и П.В. Чичагова через Гумбинен, Инстербург и Прёйсиш-Эйлау выводило их напрямую на р. Висла, минуя Кёнигсберг. 8 (20) января 1813 г. Платов достиг Прёйсиш-Голланда. В два дня русская кавалерия заполонила всю местность между Мариенбургом и Эльбингом⁷⁰.

В итоге наступление русских войск в составе 3-й Западной армии Чичагова и корпуса Платова в Восточной Пруссии развивалось фактически без оглядки на прусские войска, застрявшие в Курляндии, фактически минуя Кёнигсберг, прямо на Вислу и к городам, находившимся в самом центре позиции, позволившей бы защищать не только Западную, но и Восточную Пруссии, – Эльбингу и Мариенбургу.

Изучение обстоятельств заключения русско-прусской нейтральной конвенции свидетельствует о том, что причины, заставившие подписать её генерала Г. Йорка, были исключительно военного характера. Никакой политической или моральной подоплеки в его действиях не было, а тем более некой мифической симпатии к русским. Только безвыходное положение его корпуса вынудило его согласиться на русские предложения. Вместе с тем, само соглашение, по которому прусский корпус отпадал от французских войск, не сыграло никакой роли в планах и возможности русских войск по захвату Восточной и Западной Пруссий. Не сыграв, однако, никакой военной роли, конвенция получила определенный политический резонанс, русское командование смогло использовать в своих военно-политических целях.

---

⁶⁸ *Lehmann M.* Knesebeck und Schön. Beiträge zur Geschichte der Freiheitskriege. Leipzig, 1875. S. 320.

⁶⁹ *Chuquet A.* Op. cit. 2ème série. P. 342.

⁷⁰ *Reboul F.* Op. cit. T. 1. P. 303–305.

ИСТОРИЯ СО ВЗЯТИЕМ РУССКИМИ НЕМУРА

А.В. Гладышев

Саратовский государственный университет,
кафедра всеобщей истории
E-mail: Gladav2002@mail.ru

Статья посвящена одному эпизоду из истории кампании 1814 г. во Франции – взятию казаками под командованием М.И. Платова города Немур. События рассмотрены как с военной точки зрения, так и сквозь призму исторической памяти. В историографии этих событий много неточностей, противоречий, противоположных суждений, которые транслируясь из работы в работу «демонизируют» образ казака и России.

Ключевые слова: Кампания 1814 г. во Франции; казаки; М.И. Платов; Немур; наполеоновская пропаганда; историческая память.

HISTORY TAKING OF NEMOURS BY RUSSIANS

A.V. Gladyshev

The article is devoted to an episode from the history of the 1814 campaign in France - taking of Nemours by the Cossacks under the command of M. Platov. Events considered as from the military point of view, and through the prism of historical memory. In the historiography of these events there are many inaccuracies and contradictions, opposite judgments, that transition from work to work and to "demonize" of the image of Cossack and Russians.

Key words: campaign in 1814 in France; Cossacks; M.I. Platov; Nemours; the anti-Russian propaganda; historic memory.

Сложившийся на протяжении столетий стереотип делает умственную рефлексию необязательной, стереотип привычен и его даже самое лаконичное выражение не потребует от читателя усилий по расшифровке скрытого смысла: по умолчанию как бы все знают, о чем идет речь. Поэтому французу сегодня достаточно, просто упомянуть, что в 1814 г. казаки были в таком-то городе и... И все. Дальше все и так, как бы, понятно. Это не рядовой случай, это Событие. Событие, скорее всего, крайне опасное и, во всяком случае, захватывающее дух: любопытствующим лучше самим приехать в этот город и получить удовольствие.... На официаль-

ном сайте города Немура¹ читаем: в 1814 г. казаки вошли в Немур, но событие это затмило воспоминание об «ужасном 1870-м годе», когда здесь квартировало 3000 прусских солдат². Попробуем разобраться в причудах исторической памяти, и посмотрим, что же за катаклизм сопоставим по масштабам с постоем трех тысяч прусских солдат.

История с взятием русскими Немура нашла отражение еще в дореволюционной отечественной историографии³. Но тогда это была история скорее художественная, романтизированная, чем научная. Потом специально об этом не писали. Отдельного внимания занятию казаками М.И. Платова Немура не уделено даже в таком профильном труде, как изданная к 200-летию «Энциклопедия заграничных походов русской армии». Там взятие Немура упоминается в рамках «рейда на Фонтенбло»⁴. Поэтому все, что мы имеем в отечественной историографии на сегодняшний день по этому сюжету – публикации А.В. Венкова, главным образом, пересказывающие рапорты М.И. Платова и местами книгу В. Мамышева⁵. Французская историография историю с занятием войсками союзников Немура всегда вписывала в более масштабные нарративы: история области Гатине, история департамента Сены и Марны, история 1814 года и т. д. Работы краеведов XIX в., основанные на муниципальных и даже личных архивах, затем постепенно были полузабыты. По крайней мере, современные французские авторы, специально занимающиеся историей пребывания казаков во Франции в 1814 г. или хотя бы затрагивающие этот сюжет, когда речь

---

¹ Немур (Nemours) расположен на берегах реки Луан и одноименного канала, к югу от Фонтенбло и в 100 км к юго-востоку от Парижа.

² URL: <http://www.nemours.fr/decouvrir-nemours/histoire-patrimoine-et-tourisme/histoire> (дата обращения: 01.09.2015).

³ *Краснов П.Н.* Атаманская памятка. 1775–1900. Краткий очерк истории лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. СПб., 1900; *Краснов П.Н.* Картины былого Тихого Дона. Краткий очерк истории Войска Донского. Книга для чтения в семье, школах и войсковых частях». СПб., 1909. (Второе издание – Новочеркасск, 1913, последнее переиздание – М., 2011).

⁴ *Сапожников А.И.* Платова рейд к Фонтенбло // Заграничные походы российской армии. 1813–1815 годы. Энциклопедия: в 2 т. М., 2011. Т. 2. С. 274.

⁵ *Венков А.В.* Атаман Войска Донского Платов. М., 2014. С. 396–397; *Он же.* Казаки Платова во Франции. К 200-летию рейда казаков М.И. Платова во Франции в 1814 г. // Донской временник. Год 2014-й: краеведческий альманах. Ростов н/Д., 2014. *Мамышев В.* Генерал-от-кавалерии граф Матвей Иванович Платов. СПб., 1904.

заходит о Немуре⁶, игнорируют сочинение А.Ж. Дюмениля⁷, в котором приводятся свидетельства, опровергающие сложившиеся стереотипы восприятия французами русских казаков.

В кампании 1814 г. войска союзников наступали на территорию Франции с трех направлений: севера, юга и востока. «Главной армией» или «Богемской армией», самой многочисленной и престижной, ибо ее сопровождали суверены, командовал непосредственно главнокомандующий всех войск союзников Карл Филипп фон Шварценберг. В ней насчитывалось 200 000 чел., 61 000 из которых – русские. Основные силы Главной армии вступили во Францию через территорию Швейцарии и двинулись к Лангрену, Шомону, Труа и левому берегу Сены. На левом фланге Главной армии действовал летучий казачий отряд под командованием М.И. Платова, которому 12 (24) января была поставлена задача установить контроль над дорогой Париж – Дижон через Фонтенбло, занять Море-сюр-Луан (Moret-sur-Loing) и Немур (Nemours) и отрезать Париж от юга Франции⁸.

После занятия союзниками 31 января (12 февраля) Море-сюр-Луан единственным подконтрольным французам городом на Луане остался Немур. «Падение Немура должно было окончательно передать под власть союзников все пространство между Йонной и Луаном, где места открытые, города неукрепленные и, следовательно, ничто не могло препятствовать дальнейшим набегам легких войск»⁹. Перед эвакуацией из Море-сюр-Луан генерал Александр Монбрен (Montbrun), которому формально подчинялся и гарнизон Немура, безуспешно пытался передать последнему приказал отступить¹⁰. Но город к тому времени уже был фактически окружен и обречен.

Немур загодя готовили к сопротивлению: завозили боеприпасы, отправляли сюда подкрепления, торопились эвакуировать раненых, в близлежащих населенных пунктах из отставных воен-

---

⁶ Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. Paris, 2005; Rey P.-M. 1814, un tsar à Paris. Paris, 2013.

⁷ Dumesnil A.J. Les Cosaques dans le Gâtinais en 1814. Paris, 1880.

⁸ См.: Weil M.-H. La campagne de 1814 d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre à Vienne: la cavalerie des armées alliées pendant la campagne de 1814. 4 v. Paris, 1891. Т. 1. Р. 170. Море-сюр-Луан находится на южной окраине леса Фонтенбло, недалеко от впадения Луана в Сену. Немур расположен относительно Море-сюр-Луан выше по течению Луана.

⁹ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание похода во Францию в 1814 году: в 2 т. СПб., 1836. Т. 1. С. 231.

¹⁰ Weil M.-H. Op. cit. Т. 2. Р. 115.

ных были организованы эстафеты для передачи новостей о перемещениях противника. Больше известный как историк искусства, но одновременно и автор ряда историко-краеведческих работ Антуан Жюль Дюмениль в последнем своем сочинении «Казачья Гатина в 1814 году» описал усилия местных властей по подготовке Немур и окружающих его коммун к обороне. Но эти усилия властей свидетельствуют, скорее, об их тщетности, о нехватке людских ресурсов, и военных¹¹. 21 января (2-го февраля) командир отдельного корпуса национальной гвардии М.М. Пакто (Pacthod) отправил в Немур лейтенанта национальной гвардии разузнать подробнее о казаках и сопроводить в город 7 200 патронов, которых все равно было недостаточно: в лучшем случае по 20 патронов на человека. Ситуация с артиллерийскими снарядами была не лучше: на час-два боя. 24 января (5 февраля) из Мелена в Немур отправлено 600 кг пороха, чтобы в случае необходимости взорвать мост через Луан. Министр военного снабжения граф П. Дарю (Daru) 23 января (4 февраля) информировал мэра Немура господина Дорэ (Doré), что к ним из Версаля вышла колонна в 600 кавалеристов. Правда, уже 25 января (6 февраля) движение ее было изменено на Ножан-сюр-Сен (Nogent-sur-Seine) через Мелен (Melun), Нанжи (Nangis) и Провен (Provins). Поэтому рассчитывать немурцам приходилось до поры до времени лишь на национальную гвардию.

Что же касается национальной гвардии, то здесь не все однозначно. С одной стороны, посетившие Немур официальные лица рапортовали, что национальные гвардейцы Сены и Марны хорошо набраны, хорошо одеты и вооружены, кроме того повсюду есть местные (неперемещаемые) городские или деревенские национальные гвардейцы, которые «умножают на каждом шагу препятствия, чтобы остановить врага», а «дух жителей этого региона настолько превосходен, что большего от них и требовать нечего»¹². С другой стороны, с материальным обеспечением, видимо, было далеко не все в порядке. Из Фонтенбло в Немур писали, чтобы мэр собрал у торговцев и у населения «все, что могло

---

¹¹ *Dumesnil A.J.* Op. cit. P. 13.

¹² Рапорт адъютанта Карбонеля (Carbonel) от 5 февраля из Немура, хранящийся в Национальном архиве, обнаружил Ж. Лиоре. См.: *Lioret G.* 1814-1815 à Moret et dans les environs. Fontainebleau, 1904. P. 20.

стрелять», весь порох и весь свинец. Этим и следовало вооружить национальных гвардейцев¹³.

Чем ближе приближался противник, тем обстановка в городе становилась тревожней и напряженней. 25 января (6 февраля), когда шедшая в Немур колонна изменила направление движения на Ножан-сюр-Сен, в Немур пришли от мэра города Монтаржи последние новости: «Из писем полученных сегодня утром из Куртене (Courtenay), следует, что противник разбил лагерь частью на левом берегу Йонны, частью на правом; вчера же на равнине Шампваллона (Champvallou) была стычка, в результате которой было убито 40 человек с нашей стороны и 60 с другой; Санс еще держится»¹⁴. Вечером того же дня 25 января (6 февраля) мэр Немура, получив известия о схватках с казаками под Сансом и Вильнёв-ле-Руа, направил в Монтеро-фот-Йонн к генералу М.М. Пакто (Pacthod) депутацию с просьбой о помощи... Пакто ответил Дорэ: «Депутация, что вы прислали, нагнала столько страха, что трясся сам Немурский мост». Послать же в Немур войска он отказался под предлогом, что для этого ему нужен приказ или его непосредственного командира Ш.-П.-В. Пажоля, или самого Наполеона¹⁵.

Между тем, префект из Мелена отправил в Немур две роты мобилизованных гвардейцев из департамента Сены-и-Марны под командованием майора Грумоля (Groumault). Гвардейцам в Мелене жалования не выдали, и Пакто отдал мэру Немура приказ обеспечить каждого мобилизованного национального гвардейца половиной ливра мяса в день, поддерживать в городе порядок и охранять мосты¹⁶. Так же по приказу префекта в Немур из Мелена был прислан инженер, чтобы разработать комплекс мер по защите городских мостов...

---

¹³ Ему также рекомендовали незамедлительно продолжить, в соответствии с приказом префекта, собирать в Немуре как в главном городе кантона всех егерей и всех национальных гвардейцев, имеющих ружья или какое-либо другое оружие. Как только они соберутся вместе, мэр главного города кантона должен будет направить их на берега Йонны и Сены, указав места, в которых, по его мнению, их присутствие было бы наиболее полезно (см.: *Dumesnil A.J. Op. cit. P. 15. Allaire A. L'invasion à Montereau et aux environs en février 1814. Première partie // Annales de la Société historique et archéologique du Gâtinais. 1914. T. 32. P. 28).*

¹⁴ *Dumesnil A.J. Op. cit. P. 14.*

¹⁵ *Ibid. P. 14-15.*

¹⁶ *Ibid. P. 15.*

За несколько дней до появления под стенами Немура казаков префект Сены-и-Марны отправил из Мелена в Немур 4 небольших пушки и команду в 20 артиллеристов. Но мэр Немура господин Дорэ (Doré) 31 января (12 февраля) снова отправил в Монтеро-фот-Йонн генералу М.М.Пакто и в Фонтенбло супрефекту Цезарю Валаду (Valade) депеши, в которых просил помощи: ответа не последовало. На следующий день мэр вновь напоминает супрефекту об опасности, грозящей городу, который может быть легко захвачен. Супрефект отвечал, что он в курсе состояния вещей, но сделать ничего не может: «мы сами можем быть атакованы и не имеем и сотни кавалеристов для защиты». Впрочем, Ц. Валад обещал, что как только положение улучшится, Немуру помогут. Обещания, писал А.Ж. Дюмениль, не были пустыми: из семнадцати-восемнадцати летних воспитанников военной школы в Фонтенбло образовали хорошо экипированный и вооруженный батальон в 600 человек. 2 (14) февраля половину этого батальона (300 человек) отправили в Немур¹⁷.

Сведения источников о численности, как защитников, так и нападавших, естественно, разнятся. Платов в своем рапорте от 4 (16) февраля докладывал, что в Немуре было до 600 французских пехотинцев, к которым прибыло подкрепление в виде части «старых гвардейских войск» во главе с «майором Боньи». В рапорте от 14 (26) мая майор Боньи назван Палатовым комендантом, а в качестве командующего гарнизона указан «полковник Грушо»¹⁸. Таким образом, если ве-

---

¹⁷ *Dumesnil A.J. Op. cit. P. 44. Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne et campagne du général Allix: 1814. Sens, 1901. P. 100.* Платов в рапорте Барклаю де Толли еще от 31 января, т. е. когда мэр Немура еще только просил помощи, указывал, что, по его сведениям, в Немуре гарнизон насчитывает 800 человек с 6 пушками (см.: *Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.: сб. документов. Ростов н/Д., 2012. С. 545*).

¹⁸ В рапорте от 14 мая Платов указывает численность обороняющихся в 600 человек плюс «часть старых гвардейских войск под командою тамошнего коменданта майора Боньи» (*Донское казачество... С. 547, 569*). Здесь, видимо, Старая гвардия спутана с депо Молодой гвардии, с необстрелянной молодежью школы в Фонтенбло, а так же искажены фамилии, должности и звания командующих обороной Немура. «Журнал военных движений», вслед за Платовым, также упомянет «полковника Грушо» и «коменданта майора Баньи». Но Дюмениль писал, как мы видели, о командующем национальными гвардейцами «майоре Грумоле» (*Groumault*). В другом месте он уточняет, что уже «в течение двух месяцев» командование цитаделью Немура было доверено майору Грумолю. Именно Грумоль вел переговоры, руководил обороной, договаривался об условиях капитуляции и т. д. Ни о каких полковниках, равно как и о «майоре Боньи», в этой связи ничего не сообщается (см.: *Dumesnil A.J. Op. cit. P. 15, 45*).

ритель Платову, защитников города должно было быть не менее 900 человек¹⁹. В другом месте в своем рапорте Платов указывает, что им было взято в плен до 600 человек, а убитых было до 200, т. е., учитывая, что никому отступить из города не удалось, общее число защитников было около 800 человек²⁰. Не исключено, что Платов преувеличивал... Впрочем, и французы преувеличивали численность его отряда: «Journal de l'empire» писала о 6 000 казаков, а А. Бошан готов был насчитать и все 7 000²¹.

Шарль-Пьер-Виктор Пажоль писал, что в Немуре Платов пленил 340 национальных гвардейцев и 64 человека Молодой гвардии под командованием капитана из военной школы в Фонтенбло²². В «Journal de l'empire» указано, что командовал в Немуре «майор»²³. Лиоре, а вслед за ним и Аллер в таком качестве называли «капитана Богюи»²⁴.

Дюмениль писал, что защитников Немура во главе с бывшим армейским офицером, «умным и решительным»²⁵ майором Гру-

---

¹⁹ У В.И. Лесина среди защитников Немура появляется кавалерия: Гарнизон крепости состоял из 900 солдат пехоты и части гвардейской кавалерии. См.: Лесин В.И. Атаман Платов. М., 2005. С. 99. В Мамышев указывал те же цифры: Платов повернул на Немур, узнав от пленных, что «генерал Шарпантье выслал против него батальон Молодой гвардии и часть линейной пехоты в количестве 900 человек», которые заперлись в этом городе (см.: Мамышев В. Указ. соч. С. 195).

²⁰ Dumesnil A.J. Op. cit. P. 44–45. Вейль де факто соглашался с цифрой, указанной в рапорте Платова – 600 пленных (см.: Weil M.-H. Op. cit. T. 2. P. 30). Та же цифра – 600 пленных – указана в словаре А. Пижара, где две строчки посвящены взятию Немура (см.: Pigéard A. Dictionnaire des batailles de Napoléon: 1796–1815. Paris, 2004).

²¹ «С 30 января австро-русские войска овладели Жуаньи, и атаман Платов во главе 6 или 7 тысяч казаков продолжил свои разведывательные операции до Санса» (Beauchamp A. Histoire des campagnes de 1814 et de 1815: comprenant histoire politique et militaire des deux invasions de la France, de l'entreprise de Bonaparte au mois de Mars, de la chute totale de sa puissance, et de la double restauration du trône, jusqu'à la seconde paix de Paris. 2 vol. Paris, 1816. T. 1. P. 295).

²² Pajol Ch.-P.-V. Pajol, général en chef. 3 vol. Paris, 1874. T. 3. P. 124.

²³ Journal de l'empire. 1814. 24 février. P. 3.

²⁴ Аллер со ссылкой на рапорт Лавиня от 10 февраля упоминал в качестве коменданта Немура «капитана Voguy», который с помощью национальных гвардейцев организовал отпор казакам, в момент их первой попытки переправиться через Луан (см.: Allaire A. Op. cit. P. 70).

²⁵ Ср. ремарку В. Мамышева: Наполеон отправил в Немур «одного из самых заслуженных гвардейских полковников» (Мамышев В. Указ. соч. С. 195).

модем было всего около 480 человек: 20 артиллеристов, 300 воспитанников военной школы в Фонтенбло, 150 плохо вооруженных и экипированных национальных гвардейцев из департамента Сены-и-Марны, да еще несколько жандармов, а Платов имел на тот момент под своим командованием 3,5 тыс. «казаков и венгров» с 250 русскими артиллеристами, обслуживающими 7 пушек (одна из них гаубица)²⁶.

Французы предполагали, что противник будет атаковать город с правого берега Луана. География города была такова, что «позволяла небольшому числу национальных гвардейцев, которые занимали Немур, легко защищаться против многочисленного отряда кавалерии»²⁷. Построенный в одноименном лесу, Немур, не считая расположенного на правом берегу Луана фабурга кожевников Таннёр (Tanneurs), был окружен каменной стеной, рекой и идущим параллельно реке каналом. Мосты через реку и канал были защищены палисадами и рогатками или заминированы²⁸. Недавно отстроенный арочный мост Гран-Пон де Немур (или Pont-Neuf) именовали еще Папским: по нему проехал Пий VII в 1804 г., когда направлялся в Париж короновать Наполеона. Этот мост как раз и заминировали (в рапорте Платова от 4 (16) февраля именуется «Понским», а в рапорте от 14 (26) мая – «Папским»). Фонтенблоский (или Парижский мост) и в южном направлении мост Сен-Пьер заминировать не успели, но укрепили рогатками и палисадами.

У А.И. Михайловского-Данилевского содержится любопытный рассказ о том, как большой недруг России, руководитель польского восстания 1794 г. Т. Костюшко, проживавший в те времена на берегах Луана «в коммуне Бервиль» в доме своего друга посланника Швейцарии во Франции Пьера-Жозефа Цельтнера, увидел в подзорную трубу партию казаков, когда они подходили к Немуру.

---

²⁶ *Dumesnil A.J.* Op. cit. P. 44–45. Откуда взялись «венгерские гусары» Дюмениль сообщить забыл. Но, видимо, имеется в виду отряд под командованием Турна, который формально Платову не подчинялся. Прибыл же этот отряд под Немур утром 4 (16) февраля. Под командованием непосредственно Платова было на тот момент, когда он подошел к Немуру, не более 2 000 чел. (ср.: *Pigeard A.* Op. cit.).

²⁷ *Dumesnil A.J.* Op. cit. P. 43.

²⁸ Платов рапортовал от 4 февраля: «Немур имеет 3 моста: один по дороге к Фонтенбло, другой к Сен-Пиер и третий к Морет, называемый Понским, под которым были подведены мины. Сделанные на оных крепкие ворота были защищены палисадами и шевофризами и четырьмя орудиями» (Донское казачество... С. 547).

Он написал их командиру письмо с просьбой выделить ему для охраны от бродяг и мародеров несколько русских солдат. Если же сам начальник партии не может принять такого решения, Костюшко просил передать его просьбу «главнокомандующему»²⁹.

Слуга-швейцарец, который передавал казакам письмо Т. Костюшко, рассказал, что большая часть парижан «вооружена мыслями» против Наполеона, и все маршалы тоже им недовольны, в чем «чистосердечно» признался его хозяину сам Макдональд. Казаков для охраны поместья выделили, а Костюшко пригласил всех старших офицеров к обеду, от которого те, впрочем, отказались³⁰. Капитан Бергман поехал сопровождать команду казаков и лично встретиться с Костюшко, а тот, как знаток местности и как бывший военный, по просьбе Бергмана и в благодарность за защиту набросал план Немура, указав на слабые места в обороне города³¹.

Видимо, эта встреча с бывшим польским инсургентом произошла, когда на правом берегу Луана действовала партия И.Я. Шперберга, которая соединившись с отрядом Бергмана, должна была с правого берега Луана пытаться занять Немур и Море-сюр-Луан и 29 января (10 февраля) появилась у Монтиньи, Вильсерф и Виль-

---

²⁹ См.: *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 234. Действительно, с 1807 по 1815 гг. Т. Костюшко проживал в «замке Бервилль» (Berville) на территории коммуны Ла Женевре (La Genevraye), расположенной на правом берегу Луана на дороге в Монтиньи-сюр-Луан из Немура, в 8,5 км к северо-востоку от последнего и в 13 км к югу от Фонтенбло. Т. Костюшко активно участвовал в жизни коммуны, в частности, он открыл здесь черепичный заводик. Текст записки Костюшко приведен в книге В. Мамышева (см.: *Мамышев В.* Указ. соч. С. 197).

³⁰ *Лесин В.И.* Указ. соч. С. 99.

³¹ «Слабейший пункт Немура, тот на который вели атаку, указан был одним из самых закоренелых врагов России, Костюшко...» (см.: *Мамышев В.* Указ. соч. С. 196; *Сапожников А.И.* Указ. соч. С. 274; *Венков А.В.* Атаман Войска Донского Платов. С. 396–397). Как теперь представляют дело массовому читателю французские интернет-сайты, в 1814 г. Костюшко «остановил казаков Платова, которые все в округе предавали огню и мечу» или: «защитил жителей от бесчинств казаков». См., например, сайт коммуны Ла Женевре: URL: <http://www.ccmssl.fr/index.php/les-22-communes/la-genevraye.html> (дата обращения: 1.05.2015). Как это удалось Костюшко, естественно, не поясняется. Фердинанд де Хёфер упоминал, что Александр I пригласит Костюшко в Вену, когда там проходил известный конгресс: их встреча (впрочем, непродолжительная) состоялась 25 мая 1815 г. в Браунау (Braunau), но о деталях встречи Костюшко с казаками Платова в 1814 г. Хёфер ничего не сообщает (см.: *Hoefler J.Ch.F.* Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours: avec les renseignements bibliographiques et l'indication des sources à consulter. 46 v. Paris, 1862. Т. 28. P. 106).

Сен-Жак³². О появлении в этот день казаков под Немуром сигнализировал мэ́р Бордо (Bordeaux) мэ́ру Пюизо (Puisseaux) в своей депеше, составленной в 7 утра 30 января (11 февраля): «Враг в небольшом количестве появился в фабургах Немура. По отчетам о перемещениях противника, ясно, что в значительном количестве он появился на высоте, доминирующей над Супп-сюр-Луан в близости от замка Булей³³. Итак, 29 января (10) февраля немурцы увидели несколько казачьих разведчиков в своих фабургах на правом берегу Луана! Они и готовились к защите соответственно.

Платов же, как мы видим, знал о том, что мост в город с правого берега Луана подготовили к взрыву и атаковал город с левого берега. Для командующего гарнизоном Немура, как и для других немурцев, наступление казаков с левого берега Луана, со стороны Бомона³⁴ было сюрпризом. Только утром 2 (14) февраля в Немуре получили от разведчиков информацию, что казаки двигаются одновременно через Офервиль и Верто³⁵. Казаки, однако 2 (14) февраля двигались еще не на Немур, а к Шапель-ла-Рен. У Немура же загодя был выставлен для наблюдения за городом отряд в 100 человек³⁶.

После стычки с драгунами Трейяра 2 (14) февраля под Шапель-ла-Рен Платов получил от пленных известие, что из Мелена против него выступили «превосходящие силы противника»³⁷. В этих обстоятельствах атаман предпочел развернуться на Немур, чтобы укрепиться на переправе через Луан, пока разведка уточняет ситуацию. Платов, как он это написал в рапорте от 14 (26) мая, не решился оставлять у себя в тылу Немур, «как пункт важный по натуральной своей позиции», и повернул против него³⁸.

---

³² Lioret M.G. Op. cit. P. 27.

³³ Dumesnil A.J. Op. cit. P. 19. Замок Булей (Boulay) расположен к северо-востоку от Супп-сюр-Луан; сегодня – «ферма Булей».

³⁴ Платов писал в рапорте, что пришел к Немуру «со стороны Верто и окрестностей» (Донское казачество... С. 547). Немурцы же идентифицировали эту дорогу как бомонскую.

³⁵ Dumesnil A.J. Op. cit. P. 44.

³⁶ Об этом отряде в 100 казаков Платов сообщает в рапорте от 1 (13) февраля (см.: Донское казачество... С. 546).

³⁷ Шварценберг предписывал Платову отвлечь на себя внимание. Это вполне удалось. Попытки казаков Платова укрепиться на берегах Йонны и Луана привлекли внимание штаба французов: как писал Дюмениль, «против казаков направили все, что еще оставалось в депо Версаля» (Dumesnil A.J. Op. cit. P. 14).

³⁸ Донское казачество... С. 568. В рапорте от 4 (16) февраля Платов писал, что из Немура «неоднократно делал гарнизон вылазки на команду мою,

В Немуре понимали опасность атаки с этой стороны: гарнизон отрезали пути отступления к Фонтенбло. Воспитанники военной школы из Фонтенбло, чья униформа выгодно отличалась от разношерстной одежды мобилизованных гвардейцев, со свойственной молодости пылкостью выражали желание схватиться с врагом. Командующий гарнизоном решил защищаться, сколько хватит сил. Большую часть стрелков расставили в укрытиях вдоль луанского канала. Отдельный отряд оставили в резерве. Успели поставить палисады, выставить по две пушки для защиты незаминированных мостов и противодействия казацкой артиллерии (соотношение будет 4 пушки против 7), закрыть и укрепить двери и окна домов, забаррикадировать улицы³⁹.

Платов рапортовал, что пришел к Немуру 3 (15) февраля⁴⁰. Но еще 2 (14) февраля сильный отряд разведчиков был направлен обозреть город и занять дорогу на Фонтенбло перед замком Фолжюиф (Foljuif)⁴¹. Как это следует из рапорта М.И. Платова от 14 (26) мая, часть отряда П.М. Грекова 8-го была тогда оставлена «наблюдать дорогу на Фонтенбло»⁴².

В рапорте от 4 (16) февраля из Немура М.И. Платов так изложил свою диспозицию непосредственно перед атакой на Немур. Часть отряда П.М. Грекова 8-го была предназначена отвлекать против-

---

для примечания над ним оставленную, угрожая коммуникации мои с помощью войск из других окружных ему мест» (Донское казачество... С. 547). Если Вейль в связи с отступлением казаков от Шапель-ла-Рен осудил Платова за медлительность и нерешительность, то Дюмениль, напротив, рассмотрел здесь хитрый замысел: упрочив свое положение путем нескольких стычек, в результате которых защищавшие дорогу Мальзерб-Петивье драгуны вернулись в места своей дислокации, Платов оставил наблюдать за ними значительный отряд, чтобы замаскировать свое продвижение к Немуру. 2 (14) февраля утром во главе главного отряда около 3 000 кавалеристов с двумя артиллерийскими батареями он выдвинулся из района Иши по бламонской дороге к Немуру, который он имел приказ захватить (см.: *Dumesnil A.J. Op. cit. P. 45*).

³⁹ *Dumesnil A.J. Op. cit. P. 45*.

⁴⁰ Донское казачество... С. 547, 568. Ср.: «3 февраля атаман выступил из Мальзерба, чтобы действовать по направлению к Мелену; но <...> повернул на Немур» (Мамышев В. Указ. соч. С. 195).

⁴¹ Видимо, отряд учеников военной школы Фонтенбло успел пройти в Немур до этого: мэр Немура получил 2 (14) февраля в 10 утра записку из Фонтенбло от супрефекта: «Я направляю в ваш город полковника с 300-ми хорошо вооруженных людей. Помните, что это отряд должен быть размещен, накормлен и подкреплен местными жителями» (*Dumesnil A.J. Op. cit. P. 45*).

⁴² См.: Донское казачество... С. 569.

ника на левом фланге на дороге на Море-сюр-Луан, изображая атаку на Папский мост. В центре позиции, атакуя Фонтенблоский мост, расположился отряд П.С. Кайсарова, а на правом фланге для атаки с южного направления через мост Сен-Пьер поставлен отряд Т.Д. Грекова 18-го с Атаманским полком и другими частями⁴³. Некоторые уточнения к этой диспозиции находим у Дюмениля. Одну батарею казаки поставили в 200 метрах от моста Реколлет на канале таким образом, чтобы пушки могли обстреливать *косо-прицельным огнем* одновременно и откосы канала и городские укрепления. Другую батарею поставили на возвышенности у Парижского моста⁴⁴. Таким образом, здесь должна была состояться артиллерийская дуэль с теми 4 пушками (по две на мост), что выставили французы.

К утру 3 (15) февраля диспозиции у казаков и защитников города были закончены⁴⁵.

В 2 часа дня 3 (15) февраля русский парламентар появился на мосту Реколлет и предложил переговоры, но комендант, по версии Дюмениля, ответил, что у него «приказ защищаться», а все решения принимает его командир генерал Монбрен, находящийся в Море-сюр-Луан⁴⁶. Парламентар удалился и, поскольку предложение сложить оружие гарнизон, как выразился Платов в рапорте от 14 (26) мая, «с дерзостью» отклонил, полки спешили, и через полчаса начался артобстрел. Первые выстрелы были картечью, за ней последовали и ядра⁴⁷.

Сначала пешие казаки выбили неприятеля из форштадта на левом берегу канала, в то время как казачья артиллерия удачно подавила огнем большую часть французских канониров. Защитники же города, засевшие по домам, за деревьями и прочими укрытиям по берегу канала, пытались своим огнем удержать казаков на расстоянии от него. Около 6 вечера наступили сумерки. На время

---

⁴³ Донское казачество... С. 569. То же см.: Мамышев В. Указ. соч. С. 196.

⁴⁴ *Dumesnil A.J.* Op. cit. P. 45.

⁴⁵ *Ibid.*

⁴⁶ *Ibid.* Монбрен в это время как раз собирался отступить из Море-сюр-Луан и думал, как предупредить об этом Немур.

⁴⁷ Донское казачество... С. 569; *Dumesnil A.J.* Op. cit. P. 45. У П.Н. Краснова приведена действительно дерзкая версия ответа коменданта, сильно отличающаяся от сдержанной версии Дюмениля: «Рвы наполнятся трупами, река обогрится кровью, а города не сдам! Храбрость и решительность французов всем известны!» (*Краснов П.Н.* Картины былого Тихого Дона. [Без пагинации страниц]).

перестрелка прекратилась. За три часа обстрела защитники Немюра потеряли среди артиллеристов 1 убитым и многих ранеными⁴⁸, среди национальных гвардейцев был убит 1 лейтенант, а среди выпускников военной школы в Фонтенбло – 6 человек были тяжело ранены. Естественно, французы посчитали, что со стороны атакующих «потери были гораздо более значительные»⁴⁹. Грумоль отдал приказ прекратить огонь, но принять все необходимые меры, чтобы новая атака казаков не стала сюрпризом. Пока местный доктор со своим сыном медиком проводили ампутации, солдаты пытались починить разбитые русской артиллерией палисады на мостах и отремонтировать две поврежденных пушки.

Тем временем казаки применили военную хитрость. Как писал публицист и литератор П.Н. Краснов, чья историческая проза отличается исследовательским характером, в своей занимательной и увлекательной книге «Картины бывшего Тихого Дона. Краткий очерк истории Войска Донского. Книга для чтения в семье, школах и войсковых частях»⁵⁰, «с наступлением сумерек Платов приказал разложить большие костры при обозах и лошадях и затем постепенно раскладывать огни все дальше и дальше от города так, как будто бы это подходят новые войска. Потом он призвал к себе полковых командиров и сказал им: “С Божьей помощью я решил в эту ночь взять город приступом. Мы русские и, следовательно, должны ожидать удачи. С именем Бога и Государя приступим к делу...”»⁵¹. Другие же историки, вслед за рапортом Платова, туманно ссылаются на некие «известия», которые поступили атаману от «выходцев» из города относительно «ожиданного в городе сикурса»⁵². Оценив эти известия, Платов и принял реше-

---

⁴⁸ Из рапорта Платова: «Действие артиллерии было столь удачно, что истребило большую часть неприятельских канониров» (Донское казачество... С. 547).

⁴⁹ *Dumesnil A.J.* Op. cit. P. 46.

⁵⁰ *Краснов П.Н.* Картины бывшего Тихого Дона.

⁵¹ Там же.

⁵² Донское казачество... С. 547. «К вечеру стало известно, что защитники Намюра ожидают прибытия подкреплений» (*Лесин В.И.* Указ. соч. С. 99). Объективно говоря, «защитники Намюра» могли ожидать, скорее, разрешения о почетной капитуляции. Помощи ждать защитникам Немюра было неоткуда. Французы в шесть вечера 3 (15) февраля оставили Море-сюр-Луан, а в 2 часа ночи с 3 (15) на 4 (16) февраля эвакуировались из Фонтенбло, отступив на Шайи (Chailly). 4 (16) февраля от Монтеро-фот-Йонн к Мелену уже проводили рекогносцировку отличившиеся брутальностью вюртембергцы, по

ние продолжить штурм, невзирая на темноту. В полках, продолжает П.Н. Краснов, зачитали следующий приказ атамана: «С твердым упованием на Бога, с ревностным усердием к Государю и с пламенной любовью к Отечеству совершим в сию ночь приступ к городу Намуру. Со всех полков наряжаются по три, а с Атаманского полка пять сотен пеших казаков с дротиками. У кого есть патроны, тот должен быть с ружьем. Наблюдать тишину; а подступя к городу с трех назначенных мест, производить непрерывный крик. У страха глаза большие; неприятелю сила наша неизвестна. Город кругом окован нашей цепью; никто не подаст вести врагу. Помните измаильский приступ: к стенам его казаки шли с открытой грудью. Вера и верность увенчались там успехом; и здесь, уповая на Бога, ожидаем несомненно славы и победы. Овладев городом, не чинить жителям никакого вреда, никакой обиды. Покажем врагам нашим, что мы побеждаем сопототивников верою, мужеством и великодушием...»⁵³.

В изложении писателя П.Н. Краснова это был ночной штурм. «Наступила темная ночь. Платов сидел на камне и, сидя, дремал. Ему донесли, что казаки готовы на штурм. Платов встал, перекрестился и сказал полковнику Шпербергу, назначенному командовать спешенными казаками: “С Божьей помощью ступайте, начинайте. Приблизьтесь к городу скрытными путями, тихомолком, чтобы враг и шороху нашего не услышал. Уведомляйте меня обо всем. Подошедши к городу – пустите ракету. Дай Бог, чтобы неприятель сдался без кровопролития. Бог всем располагает; да будет по Его святой воле!” Казаки пошли на приступ. Подойдя к городу, они подняли страшный крик, и 2 орудия донской артиллерии начали стрельбу по городу, французы открыли огонь со стен. Донские пушки разбивали ворота. Первый приступ казаков на стены был отбит»⁵⁴.

Дюмениль писал, что в два часа ночи 4 (16) февраля возобновился артиллерийский обстрел, который продолжался до 5 часов утра. К этому времени 3 пушки из 4-х вышли у французов из строя. У 4-й же пушки, что стояла у Парижского моста, остались в строю канонир и артиллерийский офицер. Им помогал один рабочий из слесарной мастерской. Эти трое и пытались сдержать натиск ата-

---

лесу Фонтенбло уже рыскали кавалеристы И.Г. Хардегга. Партии австрийских кавалеристов появились даже на дороге из Немура в Париж (см.: Weil M.-H. Op. cit. Т. 2. P. 126, 129).

⁵³ Краснов П.Н. Картины бывшего Тихого Дона.

⁵⁴ Там же.

кующих. Во время второй атаки гарнизон потерял до 40 человек убитыми и ранеными. Последним выстрелом из русского орудия у моста Реколлет был убит офицер Дагрон (Dagron), командовавший отрядом национальных гвардейцев: он довольно беззаботно прохаживался по улице со стаканчиком водки в руке, когда русское ядро оторвало ему голову и застряло в стене. Вскоре после этого командующий гарнизоном, видя, что сопротивление бесполезно, решил капитулировать⁵⁵. Дюмениль описывая события это ночи и утра, ограничился замечаниями относительно попыток противника («казаков и венгров») форсировать канал, но о штурме как таковом не упоминал.

Что касается «венгров», то дело в том, что в Нанто (Nanteau-sur-Lunain) с вечера 3 (15) февраля расположился пришедший от Монтеро-фот-Йонн летучий отряд подполковника графа Турна (Thurn), который обеспечивал связь между отрядом М.И. Платова и отрядом И.Г. Хардегга⁵⁶ у Море-сюр-Луан. Этот отряд был сформирован 13 (25) декабря 1813 г., т. е. уже на следующий день после неудачи союзников в сражении 12 (24) декабря при Сен-Круа-ан-Плен⁵⁷. Отряд Турна занимал весьма специфическое положение среди других подразделений Главной армии, он подчинялся напрямую главнокомандующему. Существование летучего отряда такого типа было даже опасным: генералы, командиры других отрядов, проводя свои операции, не могли быть уверены, что те или иные ключевые пункты, остающиеся у них в тылу, будут заняты (и не брошены) этими партизанами⁵⁸. Платов ранее неоднократно письменно обращался к Турну с предложением о совместных действиях, но так ничего и не добился.

---

⁵⁵ Dumesnil A.J. Op. cit. P. 47.

⁵⁶ Генерал-майор граф И.Г. Хардегг-Глац унд им Макланде (1778–1854) командовал бригадой в легкой дивизии своего брата фельдмаршал-лейтенанта графа И.А.Л. Хардегга-Глаца унд им Макланде.

⁵⁷ Турн (1794–1862), подполковник 12-го австрийского гусарского полка палатина («Palatinat»). В работе Вейля он упоминается довольно часто. В отряде Турна был эскадрон 3-го венгерского гусарского полка «Эрцгерцог Фердинанд». См.: *Amon von Treuenfest G.R. Geschichte des k.k. 12. Husaren-Regiments. 1800–1850 Palatinal. 1850–1875 (Graf Haller, 1875 v. Fratricsevis). Wien, 1876; Idem. Geschichte des k.k. Husaren-Regiments № 3. Feldmarschall Andreas Graf Hadik von Futak. Wien, 1893; Woinovich E., von. Kämpfe in Süden Frankreichs 1814 // Woinovich von Belobreska E., Veltzé A. Oesterreich in den Befreiungskriegen 1813–1815. 10 Bd. Wien; Leipzig: A. Edlinger, 1911–1914. Bd. 6.*

⁵⁸ Weil M.-H. Op. cit. T. 2. P. 41.

4 (16) февраля в 3 утра авангард отряда Турна, выдвинутый в лес у Нанто, услышал оживленную перестрелку со стороны Немура. Немедленно весь отряд направился в эту сторону и, прибыв на холмы правого берега Луана, оказался напротив казаков Платова, ведших основную атаку на Немур с левого берега.

Как это представил Вейль, «полпятого утра спешившиеся казаки захватили пригороды, а Турн, тем временем, отвлекал внимание части гарнизона демонстрацией на другом берегу Луана»⁵⁹. И Турна теперь из истории взятия Немура, как слово из песни, не выкинешь... Сегодня на форумах так и пишут: «Казаки Платова совместно с австрийским авангардом подполковника Турна...»⁶⁰.

В своих рапортах Платов заслугу «отвлечения внимания неприятеля» приписывал не австрийскому отряду, с которым до этого русские никак не могли наладить взаимодействие, а своим подчиненным. Кайсаров, имевший в авангарде генерал-майора Шперберга⁶¹ и полковника Крамина⁶², атаковал мост через канал на дороге на Фонтенбло. В это время генерал-майор Т.Д. Греков 18-й проводил ложную атаку на мост Сен-Пьер, а 100 человек из полка Грекова 8-го, возглавляемые есаулом Ситниковым, отвлекали внимание неприятеля, имитируя атаку на Папском мосту⁶³. Казаки Кайсарова подтянули артиллерию, как рапортовал Платов, «на пистолетный выстрел»⁶⁴ и разбили Фонтенблоские воро-

---

⁵⁹ Weil M.-H. Op. cit. T. 2. P. 129. В традиции отечественной историографии считать, что казаки захватили пригороды Немура «сходу», т. е. 3 (15) февраля, а не полпятого утра 4 (16) февраля.

⁶⁰ См.: URL: <http://ordresdebatailles.forum2jeux.com/t702-des-cosaques-a-nemours-le-16-fevrier-1814> (дата обращения: 01.07.2015).

⁶¹ Иван Яковлевич Шперберг, как отмечали публикаторы документов по истории Донского казачества в заграничных походах, в отряде М.И. Павлова выполнял обязанности дежурного офицера. См.: Донское казачество... С. 650. Как видно из самих документов, еще в октябре 1813 г., являясь адъютантом Его Императорского Высочества, при Лейпцигском сражении командовал батареей Донской конной артиллерии (см.: Донское казачество... С. 664).

⁶² Крамин – из лейб-гвардии Егерского полка.

⁶³ Из рапорта Платова: «Сильная же партия моя, бывшая на дороге к Марет, тревогою должна была развлекать внимание неприятеля на Понский пост» (Донское казачество... С. 547).

⁶⁴ Если это правда, то затея для артиллеристов довольно рискованная.

та. Под прикрытием черноморских стрелков⁶⁵ казаки «рабочего полка» начали разбирать их остатки⁶⁶.

Французы, только теперь определили направление главной атаки и бросили сюда все свои силы. С помощью оставшихся пушек (если верить Дюменилю, на тот момент в строю была одна пушка) защищались они с большим упорством, но спешившиеся казаки под командованием генерал-майора Шперберга и полковника Крамина (или Кромина) с пиками наперевес бросились в пролом в воротах и ворвались в город. Все четыре орудия захвачены, неприятель был сбит и отступил внутрь города⁶⁷.

В версии событий, сочно изложенной П.Н. Красновым, ворота были не столько разбиты, сколько сожжены. После неудачи первой атаки Платов послал на помощь И.Я. Шпербергу часть полка Грекова 8-го: «Казаки живо подскочили к воротам, принесли солому, порох, и вскоре зарево озарило темноту ночи. Ворота города горели. Казаки с криком “Ура” кинулись с одними дротиками на приступ, черноморские сотни открыли сильную стрельбу по стенам... И вдруг, среди трескотни ружей и криков “Ура!” раздались резкие звуки трубы. Неприятель трубил о сдаче <...> К рассвету все было кончено <...> “Мы возложили упование наше на Бога, – сказал Платов генерал-майору Грекову 8-му и полковнику Шпербергу. – Бог увенчал надежду нашу. Принесем Ему благодарение”»⁶⁸.

---

⁶⁵ Первый сборный Черноморский конный казачий полк под командованием полкового есаула Д.С. Плохого.

⁶⁶ А.В. Венков, излагающий ход событий исключительно по рапортам Платова, сделал здесь уточнение: под «рабочим полком» надо иметь в виду полк Ягодина 2-го (см.: *Венков А.В. Казаки Платова во Франции*).

⁶⁷ Донское казачество... С. 569. При этом штурме отличился подполковник Д.С. Плохой. Он во главе своих стрелков занял Фонтенблосский мост, «чем много способствовал пешей колонне казаков под командой генерал-майора Шпенберга» (видимо, Я.И. Шперберга. – А. Г.) захватить укрепленные ворота и войти в город. За взятие Немура Д.С. Плохой получит орден Св. Анны 2-го класса (см.: *Фролов Б.Е. Первый сборный конный полк // Заграничные походы российской армии. Т. 2. С. 246*).

⁶⁸ *Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. В другом сочинении П.Н. Краснов, описывая действия казаков 4 (16) февраля под Немуром на правом фланге (т.е. у ворот Сен-Пьер), живописует храбрость Атаманского полка Т.Д. Грекова 18-го, а именно подполковника Бегидова и сотника Конькова, которые во главе «охотников» конными переправились через канал, спешили, топорами разломали ворота и ворвались в город, потеряв при этом до 30 человек (видимо, число потерь взято из книги М. Богдановича). Подчеркивается, что Платов своей победой «много был обязан лихой и смелой атаке генерала Грекова с атаманцами» (*Краснов П.Н. Атаманская памятка*).*

М.И. Платов рапортовал, что после того, как казаки ворвались в город, командир гарнизона «полковник Грушо» и «тамошний комендант майор Боньи» просили пощады и позволить засевшему в средневековом замке гарнизону уйти в Фонтенбло. Но он это предложение отверг, поскольку город и так уже был в руках казаков: остатки гарнизона были объявлены военнопленными⁶⁹. Двери замка, где некогда был подписан договор, положивший начало войне гугенотов и протестантов, открылись, и французы сдались.

Потери французов, по рапорту Платова, достигли 200 человек убитыми, в том числе 5 офицеров. Пленены Грушо, Боньи, 17 офицеров и до 600 унтер-офицеров и рядовых. Казакам достались также 4 пушки, зарядные ящики⁷⁰, «довольное число ружей» и 400 фунтов пороха для мин⁷¹. Потери Платова, по Богдановичу, составили не более 30-ти человек, в том числе два офицера⁷².

П.Н. Краснов, впечатленный «штурмом крепости в конном строю»⁷³, в своем очерке позволил себе добавить еще одну красочную деталь событий того утра. «Настал рассвет. Пленники сидели в казачьем лагере и видели кругом себя лишь небольшой конный отряд донских и черноморских казаков. Платов позвал к своему шатру коменданта крепости Намура закусить чем Бог послал. “А где же ваша пехота?”, – спросил комендант у Платова. Платов показал ему на казаков. “Вот те люди, – сказал он, – которые штурмовали вас ночью”. “Я должен быть расстрелян за мою оплошность! – вскричал французский полковник. – Никогда бы я не сдал города, если бы я знал, что тут одни казаки”. “Э, друг мой! – сказал на

---

⁶⁹ Донское казачество... С. 569.

⁷⁰ Зарядный ящик – одноосная повозка с боекомплектом.

⁷¹ Донское казачество... С. 569. «Журнал военных движений» сообщал новости за 4 (16) февраля: «Генерал от кавалерии граф Платов приняв в ночь на сие число штурмовать укрепленный город Немур, овладел оным невзирая на упорную защиту гарнизона и взял в плен: полковника Грушо, коменданта города Баньи, 1 майора, 5 капитанов, 11 субалтерн-офицеров, до 600 нижних чинов, 4 пушки с зарядными ящиками, много оружия, пороха и прочего военного снаряду» (Журнал военных движений и действий российско-императорских и королевско-прусских армий со времени прекращения последняго перемирия, т. е. с 5/17 августа 1813 года [по 17 марта 1814 г.]. Б. м., 1814. С. 112).

⁷² Богданович М. История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I, по достоверным источникам: в 2 т. СПб., 1865. Т. 1. С. 158. То же см.: Мамышев В. Указ. соч. С. 196.

⁷³ Так он озаглавил небольшой раздел в своей книге (см.: Краснов П.Н. Атаманская памятка).

это Платов. – Прежде не хвались, а Богу помолись! Напишите-ка лучше Наполеону, что с нашим государем ополчился на него сам Бог, и мы не желаем зла французам, но хотим только истребить его, общего нашего врага”»⁷⁴.

Первым после капитуляции в город вошел усиленный казачий пикет, а за ним, как указывал Дюмениль, и «венгерские гусары, которые прикрепили к своим головным уборам зеленые веточки, символизирующие по австрийскому обычаю победу»⁷⁵. Следом за ними в город торжественно вошел Атаманский полк с самим М.И. Платовым во главе. «Жители приветствовали казаков радостными криками»⁷⁶.

В отличие от рапортов Платова, в изложении Вейля взятие Немура выглядит как совместная победа казаков и австрийцев. 4 (16) февраля казачья артиллерия обстреляла городские ворота, подавила огнем артиллерию французов и после, как писал Вейль, «довольно жестокой битвы», казаки с одной стороны, а австрийцы с другой, одновременно вошли в Немур. 600 чел. пленными и 4 орудия попали в руки казаков и Турна⁷⁷.

Что касается значения взятия Немура⁷⁸, то в той оперативной обстановке город в принципе был обречен: приказ Монбрена об отступлении и сдаче просто не дошел до его коменданта. Не взять Немур союзники не могли. Заняв город и устроив здесь с 4 (16) февраля свою генеральную квартиру, Платов тем самым установил контроль над еще одной переправой через Луан, упрочил связь с Главной армией, обезопасил коммуникации, получил возможность дать очередную передышку войскам и, в конце концов, выполнил

---

⁷⁴ *Краснов П.Н.* Картины былого Тихого Дона.

⁷⁵ *Dumesnil A.J.* Op. cit. P. 46.

⁷⁶ *Краснов П.Н.* Картины былого Тихого Дона.

⁷⁷ *Weil M.-H.* Op. cit. T. 2. P. 130. По Дюменилю, как мы видели, вхождение союзников в город через Парижский мост было иным: казаки, венгры, штаб Платова.

⁷⁸ «Захват казаками Немура, лежащего в десятке верст от Фонтенбло, <...> встревожил французское командование. Тем более что в Фонтенбло содержался сам Папа Римский» (*Венков А.В.* Донское казачество в войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813–1814 годов // Донское казачество... С. 15). Это казус: никакого Папы в Фонтенбло уже давно не было, и тревогу в Париже вызывало движение казаков вперед к Мелену, а не назад к Немуру. «Захват казаками Немура, лежащего в десятке вёрст от Фонтенбло, летней резиденции французских королей, и появление казаков в самом лесу Фонтенбло встревожили французское командование. И в Париже была паника: казаки обходят столицу с юга...» (*Венков А.В.* Казаки Платова во Франции).

приказ императора России. Атаман, конечно, победно рапортовал, он не преминул сообщить о захвате им Немура, как заметил Вейль, «с обычной для него помпезностью». Платов взял на себя смелость поздравить Александра I с этим событием и одновременно выразил надежду, что русские знамена скоро будут развиваться и над столицей Франции⁷⁹.

Заняв Немур, казаки, как это следует из рапорта Платова от 10 (22) февраля⁸⁰ поспешили расчистить проходы через мосты, разминировали Папский мост, сожгли все трое ворот и палисады. Кроме того, разломан участок телеграфной линии Париж – Лион и два шлюза на канале Бриар: вода спущена, а сам канал завален двумя каменными домами, чтобы препятствовать судоходству⁸¹.

Большой отряд казаков был послан занять дорогу на Бурбоне (Bourbonnais) по другую сторону Грецца (Gretz), чтобы избежать сюрпризов с этой стороны. Захваченный в плен гарнизон направлен под конвоем в Санс, с наказом, между прочим, не чинить французам утеснений и относиться, как к офицерам, так и к молодым выпускникам военной школы Фонтенбло с одинаковым уважением. Что касается национальных гвардейцев, то они побросали оружие и, будучи без униформы, попрятались по домам. Сразу же после занятия города русские перенесли в больницу своих раненых. Их было больше, чем французов, но точная цифра погибших так никогда и не станет известной. Больница уже переполненная ранеными в разных баталиях на полях Шампани могла предоставить весьма скромные условия этим новым жертвам войны. Боялись, что тиф, обнаруженный у больных одной из палат, не распространился на других и дальше – по городу. Хорошо, что меры французских и русских медиков устранили эту опасность⁸².

Немур был взят Платовым 4 (16) февраля... 7 (19) февраля в 6 вечера в Немур вернутся французские войска. Возвращаются на

---

⁷⁹ Weil M.-H. Op. cit. T. 2. P. 130.

⁸⁰ Рапорт М.И. Платова по случаю взятия Немура опубликован Михайловским-Данилевским, с комментарием, что слог его «напоминает царствование императрицы Екатерины и носит на себе отпечаток века великой Монархии» (Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 32).

⁸¹ Донское казачество... С. 548–549. Дюмениль писал: Платов, установив 4 (16) февраля свою генеральную квартиру в Немуре, поспешил очистить проходы по мосту Пон-Нёф через Луан и по двум мостам через канал: Парижскому и Реколле (см.: Dumesnil A.J. Op. cit. P. 48).

⁸² Dumesnil A.J. Op. cit. P. 47–48.

места прежние функционеры, аудиторы подсчитывают убытки⁸³, пропагандисты требуют «жареного», военные наказывают предателей и шпионов. Поведение французских официальных лиц в первые дни после отступления казаков весьма красноречиво и показательно, оно проясняет, как работала наполеоновская пропагандистская машина, как тиражировался образ казаков-варваров.

Только 12 (24) февраля 1814 г. «*Journal de l'Empire*», преувеличив силы нападавших в три раза, а силы защищающихся преуменьшив в два раза, наконец-то сообщила о поступивших 9 (21) февраля из Немура новостях: только после артобстрела, который длился с полудня до ночи, Немур 3 (15) февраля открыл свои двери туче казаков; «шесть тысяч» казаков Платова заняли наш город, который защищало только «240 человек во главе с майором», и горожане познали «все виды насилия». Так, когда город был взят, «майора привязали к телеге и возили по всему городу, осыпая солдатскими оскорблениями». «*Journal de l'Empire*» и успокаивала, и склоняла граждан к сопротивлению казакам: «Эти презренные атакуют только, когда их тридцать против одного. Они боятся наших крестьян»⁸⁴. Последнее замечание относительно трусости казаков будет повторено в «*Moniteur*» от 7 марта 1814 г. со ссылкой на рапорт «муниципального совета» Немура⁸⁵.

Но из публикации того же А.Ж. Дюмениля прямо следует, что информация, сообщаемая «*Journal de l'Empire*», «*Moniteur*» и пересказываемая другими историками⁸⁶, – не более, чем обыкновенное враньё.

Дюмениль писал: «В тот момент, когда французский комендант направлялся, чтобы передать город в руки противника, перед тем

---

⁸³ Как только казаки отступили, правительство направило в этот район аудитора Государственного совета де Мора (*de Moras*) со специальной миссией собрать сведения о реквизициях в коммунах и об ущербе частным лицам. Отчет следовало отправить министру внутренних дел (см.: *Dumesnil A.J. Op. cit. P. 49*).

⁸⁴ *Journal de l'Empire*. 1814. 24 février. P. 2.

⁸⁵ Казаки атакуют только тогда, когда их тридцать против одного и боятся французских крестьян: известен, якобы, случай, когда 25 казаков позорно бежали от 7 плохо вооруженных крестьян (см.: *Moniteur*. 1814. 7 mars. P. 2).

⁸⁶ Эту заметку из «*Journal de l'Empire*» и пересказывает Лиоре, добавляя при этом от себя, что казаки были «раздосадованы оказанным сопротивлением», прибавляя к национальным гвардейцам «50 или 60 учащихся военной школы Фонтенбло» и заменяя безымянного майора «капитаном Богюи» (*Lioret G. Op. cit. P. 49*).

уже предстал мэ́р, который хотел добиться для жителей гарантий безопасности». Обращаясь к генералу Платову, который уже прибыл на Парижский мост, он ему сказал, что репутация атамана идет впереди него, и он знает о нем как о человеке благородном и щедром. Поэтому и просит оказать уважение по отношению к жителям и их имуществу, что придало бы мэру уверенности. Атаман пожал мэру руку и такие гарантии дал. Дюмениль подчеркивает дисциплинированность казаков Платова. По его свидетельству, верный своему обещанию атаман строго следил за дисциплиной: «никаких осквернений жилищ, никакого грабежа не было». Жителям было приказано сдать все имеющееся у них оружие. На город наложена контрибуция серебром, объявлена реквизиция водки, сыромятной кожи, сукна, холстины, соломы, овса и сена для 10 000 лошадей. Но на практике «за исключением части фуража, хлеба, мяса, вина и водки, необходимых для пропитания войск в течение трех дней, больше никаких реквизиций не проводилось». Разве что самому мэру, который был торговцем тканями, пришлось расстаться по просьбе венгерского офицера (из отряда Турна) с несколькими штуками голубого и серого сукна⁸⁷.

Дюмениль признал, что казачьи части Сеславина и Платова в течение тех 10 дней, что они находились в области Гатинэ, в целом старались поддерживать дисциплину, но, несмотря на это, все же принесли региону «много бед и несчастий». Но речь здесь идет не о каких-то грабежах и насилиях, а о тяжести для местных жителей обеспечивать реквизиции⁸⁸. Кому-то здесь не повезло, как небольшой коммуне Бордо, вынужденной в течение двух дней терпеть присутствие 400 человек врага, а затем в течение 20 часов еще полутора тысяч и, как следствие, «разоренной». Кому-то повезло больше, как коммуне Пюизо: один раз они доставили фураж казачьему пикету, вставшему на бивуак около кладбища, а больше никаких притеснений от них не испытывали⁸⁹.

---

⁸⁷ *Dumesnil A.J.* Op. cit. P. 46–47.

⁸⁸ Речь не о каких-то завышенных требованиях казаков. Французы жаловались на реквизиции вообще, на реквизиции, осуществляемые и вюртембергцами, и австрийцами, и самими же французами.

⁸⁹ *Dumesnil A.J.* Op. cit. P. 49. Но не стоит забывать, что страдали французы и от реквизиций производимых собственной армией! В частности, жители той де Пюизо по приказу генерала Алликса должны были в 24 часа поставить в Немур фураж, овес и рогатый скот и передать все военным комиссарам, присланным в этот город (см.: *Ibid.* P. 52).

9 (21) февраля расположившийся в Немуре Алликс опубликовал приказ, в котором, в частности, обязывал воссоздать для защиты города распущенную казаками Платова национальную гвардию с привлечением жителей соседних коммун. Под личную ответственность мэра полагалось в течение суток восстановить городские ворота. Реальным для исполнения из этих указаний было разве что восстановление ворот и палисадов, но как можно было без оружия и припасов защищать Немур, будь члены муниципалитета хоть трижды лично ответственны за это перед Алликсом осталось не проясненным⁹⁰.

Два дня, 8 (20) и 9 (21) февраля, простояв в Немуре, Алликс утром 10 (22) февраля оставил этот город и в тот же день после полудня установил свою генеральную квартиру в Ферьер-ан-Гатине. Отсюда он писал мэру Немура, что ежедневно встречает на дорогах безоружных военных, поэтому тот по возможности с помощью национальных гвардейцев должен был арестовывать бродяг и дезертиров и под конвоем отправлять их в Фонтенбло⁹¹.

Не забыл Алликс и о пропаганде. Так он уже из Сепо (Sereaux) 11 (23) февраля направил мэру Немура циркуляр, в котором предписывалось составить на имя муниципалитета Парижа и префекта Сены адреса с описанием бесчинств со стороны врага. С этими адресами следовало направить в Париж депутацию пылких и преданных патриотов. Эта депутация должна была бы красочно описать все зло, все насилия и грабежи, которые испытали жители коммуны. Из этих адресов должно было (!) стать ясно, что русские прямо говорили о своем желании захватить в Париже все самое ценное, город сжечь в отместку за Москву, а французскими женщинами и девушками заселить свои пустынные просторы. Алликс настаивал: «Я рассчитываю, господин мэр, на ваше рвение в этом вопросе, перешлите мне в Осер копию ваших адресов»⁹².

Аналогичные распоряжения получил и мэр Монтаржи, о чем он информировал своего коллегу в Немуре письмом от 12 (24) февраля. Адреса от коммун предполагалось публиковать в «*Journal de l'Empire*», ибо «население должно знать преступные планы своих врагов»⁹³.

---

⁹⁰ Даже командующий артиллерий в отряде Алликса обращался к мэру Немура с просьбой собрать, что из госпиталя, что из частных пожертвованных горожан для обмундирования его солдат (см.: *Dumesnil A.J. Op. cit. P. 50*).

⁹¹ *Ibid.*

⁹² *Ibid. P. 50-51.*

⁹³ *Ibid. P. 51.*

Одновременно с этим циркуляром, который, как считал Дюмениль, «можно было рассматривать как приказ», оба мэра получили от префектуры полиции Парижа запрос направить им обзор всего того, что враг сделал в их коммунах плохого. Отрывки из этого обзора предполагалось без указания автором опубликовать в «*Journal de l'Empire*». При этом особенно рекомендовалось «не пропустить ничего, что помогло бы прояснить ужасные планы (!) врагов»⁹⁴.

В номере «*Journal de l'Empire*» от 12 (24) февраля были, как мы видели, напечатаны «новости из Немура», но от мэра Дорэ, не торопившегося включаться в антирусскую пропагандистскую кампанию, ждали гораздо большего. Министр внутренних дел в письме от 16 (28) февраля предписывал мэру Немура «незамедлительно» отправить делегацию в Париж с адресами, на которых настаивал Алликс. Писал мэру Немура и его коллега из Монтаржи, все же составивший требуемый от него адрес. 14 (26) февраля мэр Немура, выдержавший давление имперской администрации, продемонстрировал, как считал Дюмениль, не меньшую храбрость, чем при поиске средств для защиты города от грабежа и разбоя, ответил по совести: «Муниципальный совет, которому эти приказы должны быть сообщены, не имеет никакого желания их исполнять. Истина и ничего, кроме истины – вот его девиз». Что же касается адреса, то мэр Немура отказался его составлять, ибо ему «нечего сказать о противнике из того, что о нем хотят услышать». Ответ мэра Дорэ из Немура был неожиданен для имперских функционеров: «Я француз в полном смысле этого слова, я страстно люблю свою страну, и восхищаюсь главой нашей империи, но это не заставит меня изменить истине». В конце своего ответа Дорэ, которому Платов жал руку, написал, в том смысле, что адрес, конечно, прислать можно, но содержание его будет сильно отличаться от того, что хотел бы генерал Алликс⁹⁵.

Захват русскими Немура, конечно, эпизод, с точки зрения военной истории кампании 1814 г. Но эпизод весьма показательный, с точки зрения, характеристики тактики М.И. Платова, стратегических задач наполеоновской пропаганды, механизмов функционирования исторической памяти. И своеобразным «местом памяти» о событиях тех дней служит пушечное ядро, выпущенное тогда казаками и сохранившееся на фасаде одного из домов Немура у моста через Луан...

---

⁹⁴ *Dumesnil A.J. Op. cit.*

⁹⁵ *Ibid.*

ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ*

В.П. Тотфалушин

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России и археологии
E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

В статье рассматривается один эпизод из жизни военнопленных Великой армии Наполеона в России: конфликт лета 1813 г. между группой французских пленников и саратовскими мещанами, вылившийся в убийство одного из них. Пока шло судебное разбирательство, некоторые представители саратовской общественности делали попытки облегчить участь французов. Несмотря на покровительство и заступничество, осужденные были сосланы на каторжные работы в Томскую губернию, где, уже, будучи отпущены на волю, проживали, по крайней мере, до середины 1830-х годов.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года; Саратовский край; военнопленные Великой армии.

HISTORY WITH CONTINUATION

V.P. Totfalushin

The article deals with an episode from the life of the prisoners of war of the Grand Army of Napoleon in Russia: the conflict between a group of French prisoners and Saratov's townsmen fell deeply into the murder of one of them in the summer of 1813. While there was a trial, some Saratov's townsmen have attempted to alleviate the plight of the French. Despite the protection and intercession the convicts were sent to forced labor in the Tomsk province, where they were released, and lived at least until the 1830s.

Key words: Patriotic war of 1812; the Saratov region; war prisoners of the Great army.

Одним из показателей весомости любой военной победы, являются пленные, поэтому они, как объект изучения, представляют особый интерес для анализа военно-исторических событий. Но в отличие от других, вещественных, показателей победы, военнопленные, как существа одушевленные, нуждаются в особом отношении, направленном на сохранение их жизни. Решение этой сложной для воюющей страны задачи всецело ложится на

---

* Сокращенный вариант статьи см.: Totfalouchin V. Une histoire à suivre // Gloire & Empire. 2015. №63. P. 93–95.

военные и государственные органы власти. При этом отношение к пленным является показателем степени гуманности различных слоев общества и государства в целом. Вместе с тем, пребывание в плену является одним из естественных состояний военнопленных, поэтому изучение проблемы военнопленных позволяет также получить новые данные к биографиям конкретных людей.

Судьба военнопленных Великой армии Наполеона в России в последнее время не раз становилась предметом специальных исследований. В ходе этих попыток решения сложной пространственно-временной задачи были рассмотрены особенности препровождения, приема, содержания, дальнейшего пребывания, а также последствий существования пленных в пределах Российской империи¹.

В процессе исследований было установлено, что постепенное продвижение неприятеля вглубь России заставило военное командование и гражданские органы власти выбирать для размещения военнопленных всё более отдаленные территории, среди которых оказалась и Саратовская губерния. Всего в 1812–1814 гг. здесь транзитом или на постоянной основе побывало приблизительно 6300 военнопленных, из которых 1080 человек умерло².

Местные власти должны были снабдить пленных всем необходимым, в соответствии с существующей нормативно-правовой базой. Кроме того, правительственные инструкции требовали от российских подданных, «чтобы пленным нигде ни от кого никакого притеснения оказываемо не было, но чтоб и они вели себя скромно и послушно...»³.

Однако циркулярное предписание от 5 октября 1812 г. главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова свидетельствовало, что партии пленных из состава Великой армии «чинят разные обиды обывателям, оказывают неповиновение к конвойным командам, самовольно отлучаются и разными буйствами

---

¹ См.: Бессонов В.А., Миловидов Б.П. Библиография работ, опубликованных в СССР и России, о военнопленных Великой армии 1812–1815 гг. 1974–2010 // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования. СПб., 2012.

² См.: Бессонов В.А., Тотфалушин В.П. Военнопленные Великой армии в Саратовской губернии // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года: матер. Всерос. науч. конф. Саратов 30 мая – 1 июня 2002 г. Саратов, 2002. С. 175.

³ Цит. по: Бессонов В.А. Военнопленные 1812 г. в России // Военнопленные армии Наполеона в России. С. 83.

и неистовыми поступками вселяют страх в поселянах и возмущают их спокойствие»⁴.

Одному из таких «неистовств», произошедших на территории Саратовской губернии было посвящено небольшое сообщение автора настоящей статьи, увидевшее свет в 1998 году⁵. Новые архивные находки позволили вновь вернуться к этой теме.

Содержание военнопленных тяжким бременем легло на русскую казну, поэтому еще в декабре 1812 г. министр финансов Д.А. Гурьев предложил мастеровых и работников из числа пленных отправить для работы на мануфактурах. «Прочим, взятым из класса земледельцев, – писал он, – можно бы, казалось, также предложить поселение между колонистами Саратовской и Екатеринославской губерний»⁶. А, по циркулярному предписанию С.К. Вязмитинова от 14 января 1813 г., разрешалось употреблять пленных на различные простые работы. Таким образом, был легализован физический и интеллектуальный труд военнопленных, который широко применялся как местными властями, так и частными лицами, в первую очередь дворянами⁷.

Этим правом, в частности, воспользовался бывший первостатейный саратовский купец, а в рассматриваемый период потомственный дворянин, надворный советник М.А. Устинов, служивший в Саратове в Комиссии снабжения солью государства, учрежденной при Департаменте горных и соляных дел, и владевший огромным состоянием. Он нанял шестерых французских военнопленных – Келлера, Бене, Керха (Кирши, Кержи), Радимахера (Родимахера), Иогана и Диля для работы в своем саду, расположенном в окрестностях города Саратова.

По архивным документам, в воскресенье 8 июня 1813 г. его работники, «произвели ссору и драку» с мещанином И.Е. Смирновым, «имевшим сад в соседстве». Зачинщиком этого конфликта саратовский губернский прокурор В.М. Максимов считал Смирнова. Вторил ему и бывший прапорщик Пензенского ополчения

---

⁴ И мирный гражданин бесстрашный воин стал. 1812 год в документах Государственного архива Саратовской области. Саратов, 2014. С. 115.

⁵ См.: *Тотфалушин В.П.* Эпизод из жизни французских военнопленных в Саратове // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. тр. Саратов, 1998. Вып. 3, ч. 1.

⁶ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным: в 10 ч. М., 1897–1908. Ч. 5. С. 67.

⁷ См.: *Тотфалушин В.П.* Саратовский край и Наполеоновские войны: к 200-летию Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2011. С. 155, 174.

П.Г. Мальцев – владелец близлежащего хутора. По заявлению последнего, Смирнов «и подобный ему пьяный и развращенный сын его <...>, заведя ссору и, наконец, драку, напали на одного пленного, били его, рубили саблями, причем был бит и сам Смирнов, и после того чрез сутки умер»⁸.

Однако всего лишь днём ранее Саратовская городская дума утвердила общественный приговор мещан Саратова о назначении И.Е. Смирнова поверенным землемера «для бытия при межевании на градской окружности садов...». Такое доверие ставит под сомнение свидетельство Мальцева о моральных качествах покойного, тем более что сам бывший прапорщик был фигурой весьма одиозной: он пошел на войну, чтобы избежать суда, «в ополчении и после обращался во всегдашнем пьянстве и буянствах...», за что и был выслан к своей матери в Саратов⁹.

Саратовский нижний земский суд провел расследование дела достаточно быстро: уже 9 июня 1813 г. он затребовал переводчика в Конторе опекунов иностранных «для произведения над пленными французской армии следствия» и через десять дней («по исследованию дела») пленные были «отосланы к суждению <...> в комиссию военного суда...». Военный суд оперативно представил свое решение командиру Саратовского батальона Внутренней стражи, тот в свою очередь – бригадному командиру, а затем дело растворилось в недрах бюрократического аппарата. И лишь 14 июня 1815 г. саратовский губернский прокурор напомнил о забытом деле министру юстиции России Д.П. Троицкому: «Где теперь то дело находится в рассмотрении неизвестно, оные же пленные содержатся два года, и остаются без всякого наказания»¹⁰.

В этот период времени со стороны местного общества делались попытки облегчить участь пленным, оказавшимся под стражей. Кто-то из саратовцев (возможно, это снова был Устинов) просил об отпуске на работу Николая Келлера, Гейнриха Бене и Гейнриха Кирши, но 23 февраля 1814 г. полицмейстер Саратова отказал в этом Конторе опекунов иностранных «по прикосновенности их к делу об убийстве мещанина Смирнова».

Однако, возможно, позднее их всё же выпустили из-под стражи. Во всяком случае уже в мае того же 1814 г. вездесущий Маль-

---

⁸ См.: *Тотфалушин В.П.* Эпизод из жизни французских военнопленных... С. 100–101.

⁹ См.: Там же. С. 101.

¹⁰ См.: Там же. С. 101–102.

цев «усмотрел» во владениях Устинова «пленных французов, отпущенных на поруки, <...> рубящих лес...». Более того, он узнал, что трое «из тех убийц» намереваются «бежать за границу». Однако на этот раз саратовская Фемида сочла донос Мальцева «замечательной выдумкой»¹¹.

Тем временем военный министр России А.И. Горчаков предписал «на основании Всемилостивейшего манифеста», «избавя от казни», сослать виновных «в каторжную работу» и 26 августа 1815 г. саратовские власти отправили «оных преступников» на каторжные работы в Нерчинск¹².

В своей ранней работе я предположил, что у пленных в Саратове были покровители, и это предположение подтвердилось с обнаружением рапорта саратовского прокурора от 30 августа 1815 г. министру юстиции. В нём Максимов докладывал, что узнав о вынесении приговора пленным к нему «явились просительницы в удержании их» в Саратове и «начали было успевать», но когда стало ясно, что осужденные всё же будут отправлены в Сибирь, ими было «послано Её Величеству, вдовствующей государыне императрице прошение о возвращении оных в работу посланных»¹³.

В ответ на него министр юстиции выразил желание «знать имена» просительниц и какого мнения о них в «тамошнем вашем кругу»?¹⁴ 11 октября 1815 г. Максимов сообщил, что к нему приезжала жена бывшего управителя графа В.П. Кочубея баронесса Мария Матвеевна Криндер, которая «живёт здесь своим домом», «с мамзелью Сандр»¹⁵, которая «находится у господина коллежского советника Бахметьева для обучения малолетних детей». А «мнение об них в здешнем городе хорошее»¹⁶.

Прокурор пояснил, что Криндер заступилась за пленных «из сожаления, почитая виноватым тому убийству, из них [только]

---

¹¹ См.: *Тотфалушин В.П.* Эпизод из жизни французских военнопленных... С. 101.

¹² См.: Там же. С. 102.

¹³ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 407. Оп. 1. Д. 1693. Л. 1об.

¹⁴ Там же. Л. 1, 2.

¹⁵ Очевидно, имеется в виду учитель французского языка Софья Сандерс, приехавшая в Россию в 1805 году (См.: ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 57 «А». Л. 443об. – 444).

¹⁶ ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1693. Л. 3.

одного пленного, который под стражей помер¹⁷, а мамзель, мало знающая по-русски, ничего говорить не могла»¹⁸.

Дальнейшая судьба каторжан оставалась неизвестной до 2009 г., когда петербургский историк Б.П. Миловидов в переписке о пленных, оставшихся в Сибири, которую вело МВД России, обнаружил след некоторых из них. В ответ на запрос посольства Франции 1835 г. председательствующий в Совете главного управления Западной Сибири 21 марта 1836 г. донес, что управляющий Томской губернией представил список бывших французских пленнх, сосланных в Сибирь за разные преступления. Они находились в работе на Боготольском и Краснореченском винокуренных «заводах» и впоследствии были освобождены «на собственное пропитание». При донесении был приложен именной список каторжников с краткими сведениями о них.

Вторым в нем назван 49-тилетний Николаус Келлер. Он оказался на заводе 16 марта 1816 г. и был отпущен 15 июня 1824 г. Следующим был Генрих Бене, 44 лет, поступивший на завод 6 марта 1816 г. и отпущенный 30 января 1829 г. Завершал список Генрих Кержи, 49 лет, который поступил на завод 10 июня 1820 г. и был отпущен 29 сентября 1826 г. Всем им в вину вменялось «изрубление» Смирнова, который почему-то именовался «саратовским помещиком».

Эти три саратовских пленнх фигурировали и в материалах расследования МВД 1828 г. К этому времени они были обнаружены уже в самом городе Томск. Четвертый их подельник Петр Родимахер по ошибке местных властей был отправлен на родину, а остальные хотя и просили об этом, но в 1831 г. по решению Комитета министров получили отказ¹⁹. Дальнейшую их судьбу еще предстоит установить.

---

¹⁷ О ком идет речь, пока установить не удалось.

¹⁸ ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1693. Л. 3.

¹⁹ См.: Миловидов Б.П. Пленные Великой армии, оставшиеся в России: к постановке проблемы // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: сб. матер. Всерос. науч. конф. 24 окт. 2009 г. Малоярославец, 2009. Вып. XVII. С. 123, 126.

**В ТЕНИ НАПОЛЕОНА...
ЖУРНАЛ «СЫН ОТЕЧЕСТВА»
О ФРАНЦИИ И ФРАНЦУЗАХ В 1815 ГОДУ**

Ю.Г. Степанов

Саратовский государственный аграрный
университет им. Н.И. Вавилова,
кафедра истории, культурологии и политологии
E-mail: georgyi1964@yandex.ru

В статье рассматривается эволюция образа француза в русском обществе эпохи Наполеоновских войн. Основное внимание уделено публикациям в журнале «Сын Отечества» за 1815 г., в которых отношение к французам определялось не через бытовые подробности повседневной жизни, как у многих русских мемуаристов, а через историческую ретроспективу и культурно-политический анализ.

Ключевые слова: Франция; Россия; Наполеон; журналистика; «Сын Отечества»; образ «Другого».

**IN THE SHADOW OF NAPOLEON...
MAGAZINE SYN OTECHESTVA
ABOUT FRANCE AND THE FRENCH IN 1815**

Y.G. Stepanov

The article deals the evolution of the image of a Frenchman in Russian society during the Napoleonic wars. Emphasis is placed on publications in the journal «Syn Otechestva» for 1815, where the attitude to French is determined by not the household details of everyday life, like many Russian memoirists doing, but in historical perspective, through cultural and political analysis.

Key words: France; Russia; Napoleon; journalism; «Syn Otechestva»; image of «the other».

22 июня 1815 г. по настоянию обеих палат французского парламента Наполеон вторично отрекся от престола. Ровно через три недели, 15 июля 1815 г., сопровождаемый возгласами матросов: «Да здравствует император!», – он поднялся на борт брига «Ястреб». Это был финальный аккорд наполеоновской эпохи. Вскоре великий француз отбыл в пожизненную ссылку на отдаленный остров Святой Елены, а в Европе наступали новые времена.

За ничтожный по историческим меркам срок правления Наполеона в борьбу с ним было втянуто двадцать стран Европы, мобилизовано без малого 8,4 млн. человек, погибло почти 3,3 млн. солдат, офицеров, мирных жителей¹; сокрушительный удар получили старорежимные представления о законности и порядке. И пока европейские лидеры определяли оптимальную форму политического сожительства континентальных держав, общественная мысль вступала в полосу осмысления прошлого, анализа настоящего и надежд на будущее. И для России год 1815-й во многом стал исходной точкой для переоценки ценностей.

Конец наполеоновской империи и долгожданный мир для России и русских были временем разительных контрастов. В ноябре 1815 г. после подписания второго Парижского мирного договора Россия получила право на стомиллионную контрибуцию; во Франции «для обеспечения спокойствия и порядка» стоял оккупационный корпус графа М.С. Воронцова (27 тыс. чел.). Европейские державы признали за Россией право на Финляндию, Бессарабию, присоединение Польши. Теперь западные границы православной империи простирались до самого центра Европы. Как никогда велик был авторитет русского царя – Александра Благословенного, главного, по мнению современников, ниспровергателя «корсиканского чудовища» и архитектора новой политической системы: «Священного союза европейских наций». Однако за внешним имперским блеском скрывались чудовищные последствия схватки с Бонапартом: истощение ресурсов, разорение центральных областей страны, испепеленная Москва, инфляция. В некотором замешательстве находилась и русская общественно-политическая мысль.

С середины XVIII в. французская культура господствовала в умах и сердцах российской элиты. Поклонение, порой неумеренно восторженное, перед Францией как цитаделью цивилизованного мира стало частью повседневной жизни, поведения и образа мысли русского дворянина. Родина Руссо и Вольтера воспринималась высшим светом России как образец для подражания во всем: от женских причесок до политической философии. Не удивительно, что и государственный строй Франции был для русского дворянства образцовым.

---

¹ См.: Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М., 1941. С. 333–336.

Революция 1789 года, якобинский террор и военные кампании против Наполеона положили предел безграничному влиянию слова и мысли Франции на русское общество. А.С. Шишков², С.Н. Глинка³ через свои издания повели атаку на «обезьянничанье», слепое подражательство Западу. Основным объектом этих нападок стали идеи Просвещения и Франция как главный генератор этих идей. Эта критика «легковерных галлов» заняла свою нишу в публицистике, имела сторонников в дворянской среде, но вовсе не уничтожила влияния французской культуры на российскую элиту⁴.

«Грозу двенадцатого года» и Заграничные походы русской армии можно рассматривать как два содержательно различных этапа в эволюции отношения русского общества к Франции и французам. Вплоть до изгнания остатков Великой армии Наполеона за пределы России, как в правительственных манифестах, так и в публицистике, господствовал официальный дискурс. Наполеон уподоблялся «Аттиле XIX века», а его воинство орде «цивилизованных гуннов». Бегство и гибель армады «двунадесяти языков» трактовалось как провиденциальное возмездие преступившим все божеские и человеческие законы злодеям.

В этой модели пропаганды, разработанной штабом Александра I во главе с адмиралом А.С. Шишковым, Франция получила статус обители всяческой крамолы и главного источника постигших Европу несчастий. За французами прочно закреплялся образ безбожников, испорченных «ложными идеями» и с юности развращенных кровавыми картинами революции и террора⁵.

В январе 1813 г. русская армия пересекла Неман и стала готовиться к Заграничным походам. Европейская кампания требовала иного вектора пропаганды и ответа на вопрос о целях России в Европе, о намерениях в отношении наполеоновской Франции. И если российский самодержец был обуян жаждой раз и навсегда покончить с Бонапартом и его империей, то Шишков имел совсем

---

² Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1825. С. 147–185.

³ См.: Киселева Л.Н. Система взглядов С.Н. Глинки (1807–1812) // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. 1981. Вып. 513. С. 52–73.

⁴ См.: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры: «Происшествие в царстве теней, или Судьбина русского языка» – неизвестное сочинение Семена Боброва) // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. 1975. Вып. 358. С. 168–322.

⁵ См., напр.: Беседа русского с соотчичами своими на развалинах Москвы // Сын Отечества. 1812. Ч. 1, № 6. С. 189–198.

иной взгляд на характер и задачи внешней политики России. Вскоре после победы союзников над Наполеоном в битве при Лейпциге в октябре 1813 г. адмирал отправил царю письмо, в котором убеждал его прекратить военные действия в Европе.

Шишков полагал, что война в Германии отвечала интересам России, поскольку «восстановлялся оплот между им (Наполеоном. – Ю. С.) и нами»⁶. Схватка же с Францией на ее территории да еще во главе с таким могучим противником как Наполеон была бы опасной и кровопролитной бессмыслицей. В окончательном уничтожении всякого влияния французов на европейские дела, считал Шишков, кровно заинтересованы ее ближайшие соседи. Для России же «самой безопаснейшей и нужнейшей оградой» от посягательств недругов было бы «исцеление внутренних ран и восстановление расстроенных сил своих»⁷. По меткому замечанию А.Л. Зорина, по Шишкову «проклятая богом Франция не входила <...> в состав Европы и не нуждалась в освобождении. Ее вполне можно было и оставить под владычеством Наполеона»⁸.

Обозначенная пожилым адмиралом-литератором стратегия безопасности России, согласимся, имела определенные резоны, но не соответствовала видам Александра на «обустройство» Европы. В итоге, «утративший доверие» автор «Беседы любителей русского слова» был выдворен в почетную отставку, что означало неизбежное «переформатирование» пропагандистского дискурса самодержавия.

Взятие Парижа и начало Венского конгресса побудили общество и особенно прессу России прислушиваться к слухам и толкам о спорах союзников по вопросам территориально-политической конфигурации Европы. Общественное мнение России той эпохи формировалось сверху, волей монарха, а не снизу, давлением на власть. Либерально-мистический настрой самодержца и его роль заступника Франции от посягательств союзников по коалиции не укрылись от внимания просвещенной русской публики. Отечественная журналистика оперативно приспосабливалась к желаниям и планам Александра I.

Феерические «Сто дней Наполеона» мало что изменили в общей тональности и расстановке акцентов в русской журнали-

---

⁶ Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова: в 2 т. Прага, 1870. Т. 2. С. 239–240.

⁷ Там же. С. 240.

⁸ Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2004. С. 249.

стике. Если удельный вес проклятий по адресу «бандита Буонапарте» только возрос, то клише Франции как «вертепа разбойников» постепенно сменялось риторикой «сочувствия» к дивной стране, пораженной застарелым и требующим экстренного излечения недугом. Французы рисовались от природы добрыми, но тяжелобольными людьми, а выздоровление «пациентов» зависело от мудрой политической терапии европейских «эскулапов».

«Отделить Бонапарта от Франции», – по замечанию А.В. Гладышева, – одним из первых постарался Р. Шатобриан. Он в памфлете 1814 г. «О Бонапарте и Бурбонах» заявил: «У Бонапарта нет ничего от француза – ни в поведении, ни в характере <...> Бонапарт для французов – чужестранец»⁹. Эту «установку» автора «Замогильных записок» охотно воспроизводили и в европейской, и в российской журналистике.

Заметки русских офицеров о нравах и обычаях родины европейского Просвещения не раз исследовались специалистами¹⁰. Поэтому замечу только, что во многих случаях это мемуары разочаровавшихся неофитов, для которых Франция из «психологической реальности» стала объектом непосредственного наблюдения. «Я спрашивал, где та очаровательная Франция, о которой нам гувернеры говорили...», – недоумевал, например, знаменитый в будущем генерал Н.Н. Муравьев-Карский, а тогда, в 1815 г., совсем еще зеленый юнец¹¹. Наивное ожидание увидеть в разоренной двадцатилетними войнами стране свой книжный идеал, простителен для баричей, воспитанных в традициях почитания всего французского. Зачастую оценки и суждения русской военной молодежи оставляют впечатление обывателя недовольного дефицитом в Охотном ряду трюфелей и устриц, а на Елисейских полях отсутствием баранок и тройки с бубенцами.

В отличие от мемуаристов русская журналистика той поры очень немного места уделяла описаниям повседневной жизни Франции. Основное внимание отводилось исторической ретроспективе и культурно-политическому анализу. Из всех отечест-

---

⁹ Цит. по: Гладышев А.В. Из истории либеральной прессы периода Первой реставрации и Ста дней: газета «Цензор» // Французский ежегодник 2006. М., 2006. С. 261.

¹⁰ См.: Губина М.В. Франция в восприятии русских военных: эволюция стереотипов (1814–1818 гг.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2000. Вып. 1. С. 136–147.

¹¹ Записки Н.Н. Муравьева // Русский архив. 1886. Кн. I. С. 75.

венных изданий того времени наибольшим авторитетом и популярностью пользовался у читателей «Сын Отечества». Основанный в 1812 г. Н.И. Гречем журнал был вне конкуренции по разнообразию и качеству публикаций; многие материалы, журнала Греча можно смело отнести к лучшим образцам отечественной публицистики¹².

Тема «Франция и французы» после Наполеона занимала центральное место на страницах «Сына Отечества» в 1815 г. Отметим, что если в марте 1814 г. взятие российскими войсками Парижа вызвало ажиотаж в Европе и взрыв патриотического восторга в России, то повторная оккупация русскими столицы Франции воспринималась гораздо спокойнее. Так, в сообщении, датированном 1 августа 1815 г. «Сын Отечества» почти буднично сообщал: «Русские гренадеры вторично вошли торжественно в Париж 28 июля! Государь император с австрийским императором изволили смотреть вшествие»¹³.

Информированные и проницательные политики и военные специалисты той поры (каких было немало среди отечественных и зарубежных авторов журнала Греча) ясно понимали, что обескровленная Франция не устоит против объединенных сил Европы. Время Бонапарта безвозвратно ушло. Это, однако, вовсе не было концом наполеоновской легенды. Напротив, жизнь и судьба узника Святой Елены отныне и до сего дня были и остаются предметом пристального внимания литераторов, историков, любознательной публики.

«Демонизация» Наполеона – один из наиболее типичных методов военно-политической пропаганды – постоянно использовался «Сыном Отечества» в 1812–1815 гг. Редакция журнала успешно использовала и карикатурное описание Бонапарта, чтобы развенчать его военные и политические таланты. Отчасти этот прием использовался и в 1815 г. Вот лишь один пример: в № 36 за 1815 г. между делом сообщалось, что «в одной лондонской карикатуре представлено, что Бонапарте командует на острове Св. Елены легионом крыс (которых там очень много), чтобы не разучиться во-

---

¹² Подр. см.: Федотова Л.В. Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии в представлении журнала «Сын Отечества» 1812–1814 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013.

¹³ Письмо из Парижа от 1 августа 1815 г. // Сын Отечества. 1815. Ч. 24, № 37. С. 186.

енному искусству. У них за ушами (так в тексте. – Ю. С.) трехцветные кокарды, а на знаменах написано: "Смерть всем кошкам!"¹⁴.

Имя, и образ Наполеона многократно встречается в каждом номере «Сына Отечества» за 1815 г., но, теперь издатели и авторы журнала не стремятся непременно вывести поверженного врага за пределы культурного поля. Уже после первого отречения Наполеона редакции европейских газет и журналов заполнили всевозможные «воспоминания и размышления» бывшего императора. Если принять за чистую монету все, что ему приписывалось, то в этом случае Наполеон должен был бы круглосуточно, без сна и отдыха трудиться над своими мемуарами и немедленно рассылать тысячи курьеров в издательства от Ла-Манша до Невы, от Лондона до Москвы.

Конечно, читающая публика, российская в том числе, не была столь легковерной, чтобы всерьез поверить в подлинность бесчисленных «записок» Наполеона. Редакция «Сына Отечества» на это и не надеялась.

В примечании к опубликованным в февральском номере журнала за 1815 г. «Отрывкам из записок Наполеона» оговаривалось, что материал получен от некоего анонима в Риме, за их достоверность редакция не отвечает, но главное если рукопись и написана не Бонапартом, «то *весьма удачно приноровлена* (курсив мой. – Ю. С.) к его образу мыслей и выражений»¹⁵.

В этом материале, пожалуй, впервые с 1812 г. Бонапарт, вопреки Шатобриану, «вспоминает», «подводит итоги», «рассуждает» о судьбе Франции и характере соотечественников как истинный сын своего народа. Цель этой «исповеди» показать, что испорченность нравов французов есть следствие Просвещения, которое «увеличило наши потребности до бесконечности и возбудило все дремавшие страсти». От сего, – заключает автор, – мы стали злонравными».

Примечательно, что в обоснование своих аргументов «Бонапарт» ссылается на авторитет Ж.Ж. Руссо. «Жизнь высших сословий есть вечная ложь <...>. Руссо сказал уже сие, но они его не понимали, называли мечтателем и смешным! Все счастье человека состоит в возвращении его к природной простоте», – резюмирует «Бонапарт»¹⁶.

---

¹⁴ Из разных журналов // Сын Отечества. 1815. Ч. 24, № 36. С. 157.

¹⁵ Отрывки из записок Наполеона, написанных им на острове Эльба в защиту своего образа правления // Там же. Ч. 19, № 2. С. 31.

¹⁶ Там же.

Эта проповедь завершается настойчивой рекомендацией: «оставить театральные нравы нынешнего времени, которые поселяются в нас искусствами и науками, приготовляющими нас к обезьянству, ложной чувствительности и мнимой честности»¹⁷. Любопытно, что при всей серьезности намерений предъявить читателю бонапартовы «прозрения», редакция все же не упустила случая «лягнуть» бывшего повелителя Европы. Высокопарное «заявление» Наполеона: «Я не знаю неприятеля, перед которым решился бы скрыться», ехидно прокомментировано в подстрочнике: «А кто уезжал из России в жидовских санках?»¹⁸

В этом морализаторстве от имени Наполеона четко просматривается господствующий в русской публицистике консервативный дискурс. Развращенному «образованием» высшему сословию противопоставляются «простые люди». Они «лучше», поскольку «не знают тысячи подробностей, которые терзают знатного человека в жизни»¹⁹. Основной подтекст «Записок» – ложно понятые идеи Просвещения ведут к безнравственности, политическому аморализму и гибели нации – останутся неизменной константой русской консервативной мысли вплоть до начала XX столетия.

Критика идеологии Просвещения и просветителей присутствует в большинстве материалов «Сына Отечества» и представлена всеми возможными жанрами, включая поэзию. Так, доморощенный пиит, объект насмешек и метких эпиграмм современников, его сиятельство граф Д.И. Хвостов взывал к праху французских мудрецов:

Нещастны мудрецы! Восстаньте
Из хлада мрачного гробов!
Вещайте мне: какое благо
И плод вы миру принесли?
Ах, нет! Пусть ваши кости ноют²⁰

Философия и литература Франции, их влияние на французское общество исследовалась в публикациях журнала Греча регулярно и, конечно, неизмеримо талантливее, чем в опусе почитавшего себя гением Д.И. Хвостова.

---

¹⁷ Отрывки из записок Наполеона, написанных им на острове Эльба в защиту своего образа правления // *Сын Отечества*. 1815. Ч. 19, № 2. С. 31.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Хвостов Дм.* На вторичное вступление союзных армий в Париж // Там же. Ч. 24, № 34. С. 94.

В передовой статье второго номера журнала за 1815 г. намечены контуры сравнения русской и французской литератур. Анонимный автор полагает, что словесность Франции, в отличие от русской, «есть плод ума, а не сердца, плод ума быстрого, пронизательного, смелого, но холодного, вредного, не утвержденного на правилах нравственности и религии»²¹.

Здесь, как видим, автор, наряду с привычными штампами о рационализме и «безбожности» творчества французских писателей, признает и высокие достоинства их произведений. Естественно, что в первый год затишья в Европе, когда еще не остыли воспоминания о противоборстве с Наполеоном, почти любая публикация, даже если она касалась литературы, неизбежно обретала политический окрас. Автор цитируемой статьи анализ особенностей литературы родины Вольтера заключает выводом о судьбе французской нации в целом. По его мнению, французский народ «подобно Алкивиаду между афинянами блещит некоторое время как яркий метеор; потом впадает в расслабление телесное и душевное, притупляясь умом, не имеет средств вознаградить его чувством»²².

Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии вызвали рост национального самосознания, побудили образованных людей России к поискам национальной идентичности русской культуры. Эти и многие другие проблемы представлены в блестящем по стилистике, публицистическому таланту и остроумию цикле статей И.М. Муравьева-Апостола.

Эрудит и знаток западной культуры, он подчеркивал, что освоение всей роскоши и богатства наследия Запада не должно сводиться к рабскому подражательству, характерному, по его мнению, для русского общества конца XVIII – начала XIX века. «Есть умы, как говорит Шекспир, которые беспрерывно разъезжают по большой дороге; из чужой колеи ни направо, ни налево; своего ничего нет; от них уши вянут», – иронично замечает он по поводу французомании некоторых своих соотечественников²³. Следуя «чужой колее» не создать собственной культуры, таков главный вывод русского публициста.

---

²¹ Обозрение русской литературы 1814 года // Сын отечества. 1815. Ч. 19, № 2. С. 9.

²² Там же.

²³ *Муравьев-Апостол И. М. Письма из Нижнего Новгорода. Письмо Четырнадцатое* // Там же. № 29. С. 92.

Очень тонко анализирует автор «Писем из Нижнего Новгорода» и превратности судеб Просвещения во Франции. Наследники Ж.Ж. Руссо и Вольтера, подчеркивал И.М. Муравьев, в какой-то момент роковым образом увлеклись *исключительно* политическими идеями своих предшественников, тогда как любая односторонность чужда смыслу и духу истинного Просвещения. В итоге, «Франции – заплатившей истощением сил своих, за то, что она гналась за двумя химерами: сперва за гражданскими свободами, потом за всеобщей монархией, Франции, предстоит перестать быть или покориться благодетельной силе...»²⁴. Современной ему Франции Муравьев решительно отказывает в праве быть в числе просвещенных народов Европы. Французы не извлекли уроков из недавнего прошлого; они, после непрерывного двадцатилетнего «кровопускания» по-прежнему гонятся за конституционной «химерой», надеясь, что «Бонапарте пожалует, *доброму и великому* народу своему, новую конституцию <...> Французам конституцию! Можно ли говорить сие, без смеха!», – замечает Муравьев²⁵.

Сходные мысли постоянно, хотя, может быть, с меньшим блеском, высказывались и другими авторами журнала Н.И. Греча. Доказательство на примере Франции несовместимости деспотизма и подлинной свободы – один из основных тезисов «Сына Отечества» в 1815 г. Гречу и его соратникам было важно внушить своему читателю, что национальный опыт Франции эпохи Наполеона – есть подмена идеалов Просвещения политическим резонерством. Следствием этого стало то, что «свободные мысли состояли не в истинном равенстве, а в тиранстве многих до возвращения тиранства одного человека, который мог быть мог быть восстановлен штыками и утвержден победой»²⁶.

Фанатичное следование лозунгам «свободы, равенства, братства», национальный эгоизм, стремление навязать всем другим народам кровавые идеалы революции – эти обвинения предъявляли французам многие авторы журнала Греча. «Для утверждения свободы одной Франции, – замечал один из них, – надлежало погубить весь мир; все французы должны были погибнуть для свободы, проповедуемой в буйных собраниях, но жить для нее, не было никому позволено. Хотели, чтобы нация сделалась армией,

---

²⁴ Муравьев-Апостол И. М. Указ. соч. С. 86.

²⁵ Там же. С. 91.

²⁶ Из переводной книги // Сын Отечества. 1815. Ч. 24, № 36. С. 145.

а Франция лагерем»²⁷. И, по мысли публициста, они добились того, чего хотели, погубив при этом свою страну.

«Сын Отечества» подробно из номера в номер описывает тяжелейшее положение Франции, используя для этого различные источники. «Финансы приведены в расстройство, узлы общественного управления расторгнуты; надобно время, чтобы узнать все величие наших бедствий», – ужасается соплеменник Бонапарта²⁸. «Французские газеты наполняются беспрерывно историями об ужасных смертоубийствах и других злодеяниях, случившихся недавно во Франции и, особенно, в Париже», – сообщает читателям редакция журнала со ссылкой на французскую прессу²⁹. Указывается и причина разросшегося во Франции разбоя: «Молодые чудовища выросли во времена ужаса и питались тигровым молоком революции. Первые дела, о которых они слышали во младенчестве, были убийства, а в юношеских летах они видели одни подвиги свирепого тиранства и опустошительных кровопролитных войн»³⁰.

Доминирующей идеей публикаций «Сына Отечества» за 1815 г. о Франции и французах является убеждение, что эта страна и ее народ будут еще долго и тяжело расплачиваться за политические химеры, обаянию которых они поддались.

В заключение отмечу, что история и недавнее прошлое Франции и судьба ее народа на протяжении всего 1815 г. оставались в числе наиболее обсуждаемых тем на страницах русской периодики. Этому есть логичное объяснение. 1815 год просвещенное русское общество встречало потаенными надеждами на внутренние реформы. Писать о необходимости социально-политических преобразований в России по цензурным соображениям было невозможно. Поэтому рассуждения о Франции и национальных свойствах французов становились той формой эзопова языка, которая позволяла проницательному русскому читателю спроецировать зарубежный материал на реалии своей собственной страны. И «Сын Отечества» задал вектор развития общественно-политической мысли России на долгие годы вперед.

---

²⁷ История пятнадцати недель или последнее царствование Бонапарта // Сын Отечества. 1815. Ч. 24, № 37. С. 179.

²⁸ Размышления француза // Там же. № 34. С. 70.

²⁹ Из разных журналов // Там же. Ч. 19, № 2. С. 124.

³⁰ Там же. С. 125.

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Г.И. Герасимова

Государственный научно-исследовательский
институт реставрации,
научно-организационный отдел
E-mail: panoramenka@bk.ru

В статье рассматриваются научные и общественные мероприятия, прошедшие в 2014–2015 гг. в России в связи с 200-летним юбилеем Венского конгресса. Предпринимается попытка определить их влияние на формирование исторической памяти.

Ключевые слова: Венский конгресс 1814–1815 гг.; историческая память; конференции; выставки.

CONGRESS OF VIENNA IN HISTORY MEMORY

G.I. Gerasimova

В статье рассматриваются научные и социальные события, которые имели место в 2014–2015 гг. в России в связи с 200-летием Венского конгресса. The author makes an attempt to determine their influence on the formation of historical memory.

Key words: Congress in Vienna (1814–1815); Historical memory; conferences; exhibitions.

Событие, завершившее дипломатическую историю Наполеоновских войн, исключительно многомерно. Оно имело отношение практически ко всем европейским странам. Ведь в Вене были представлены более 200 государственных образований¹. Уникальную по продолжительности (сентябрь 2014 – июнь 2015 г.) работу провели несколько сотен человек. Среди них монархи, дипломаты, военные, философы, литераторы, музыканты. Обсуждение и принятые решения по территориальным проблемам и вопросам миропорядка в целом сохраняют актуальность. Естественно поэтому полагать, что Венский конгресс оставил глубочайший след

---

¹ В публикациях (и на бумажных, и на электронных носителях) часто ошибочно утверждается, что на конгрессе собралось 216 (цифры разнятся) человек.

в исторической памяти всех народов, представленных тогда в столице Австрии. Стало быть, заявленная нами тема никак не может быть отражена с надлежащей полнотой в одной статье. А потому, не претендуя на аналитический характер заметок, предполагаем остановиться на отдельных российских (совместных) научных мероприятиях и примерах выставочной деятельности в связи сегодняшним юбилеем Венского конгресса.

В сознании большинства населения Заграничные походы русской армии и завершивший их Венский конгресс составляют единое целое с войной (1812) на территории Российской империи. При этом Отечественная война является, безусловно, самым ярким, впечатляющим, обсуждаемым событием. В этой связи не удивительно, что 200-летие Венского конгресса оказалось «в тени» широчайшего празднования аналогичного юбилея победы в Отечественной войне 1812 года², торжеств по случаю годовщины Заграничных походов русской армии, битве при Ватерлоо. И всё же тема Венского конгресса была заметна в исторической аргументации политиков, в периодической печати и популярной литературе современной России. На юбилей события откликнулись учёные и педагоги. Не остались в стороне клубы исторической реконструкции и представители Интернет-сообщества. Прошли разнообразные научные собрания, были организованы выставки в разных городах России и за её пределами, состоялись праздничные мероприятия (театрализованные реконструкции, фестивали). Интерес к Венскому конгрессу подтверждается публикациями в центральных и местных газетах и журналах, на телевидении и в сети Интернет.

Основными источниками наблюдений стали печатные труды, веб-ресурсы, собственные впечатления.

---

² Об этом см.: *Высочков Л.* «Гроза двенадцатого года»: размышления по поводу юбилея // Санкт-Петербургский университет. 2012. 28 дек. № 16. URL: <http://journal.spbu.ru/?p=9226> (дата обращения: 6.01.2013); *Земцов В.Н.* Память, убивающая прошлое (О праздновании юбилеев Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.) // Запад, Восток и Россия: Историческая политика и политика памяти: Вопросы всеобщей истории: сб. науч. и учеб.-метод. тр. (Ежегодник). Вып. 16 / под ред. В.Н. Земцова. Екатеринбург, 2014. С. 208–223; *Тотфалушин В.П.* 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года в Саратовской области // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева, Т.А. Бульгиной. Саратов; Ставрополь, 2012. Вып. 6. С. 132–149.

12 марта 2015 г. прошло расширенное заседание Президиума Совета Российского исторического общества, на котором выступили директор Института российской истории РАН Ю.А. Петров, директор Института всеобщей истории РАН академик А.О. Чубарьян, директор Государственного архива РФ С.В. Мироненко, директор Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) А.К. Сорокин, руководитель Департамента культуры города Москвы А.В. Кибовский, директор Германского исторического института в Москве Н. Катцер и другие³.

Участником заседания в Музее-панораме «Бородинская битва» был Председатель Государственной Думы, председатель РИО С.Е. Нарышкин. Учитывая его статус, можно считать, что в этой аудитории была озвучена государственная оценка венской встречи 1814–1815 годов. «Решениями союзников была создана система международных отношений, которая получила долгую жизнь, почти на сто лет⁴ определив баланс сил между ведущими европейскими государствами», – сказал С.Е. Нарышкин. По его словам, язык ультиматумов на время ушел из политической практики, а вопросы войны и мира все чаще стали решаться за столом переговоров. Председатель РИО также отметил, что международный престиж нашей страны стал высок как никогда ранее. И определяющая роль России на конгрессе, была действительно заслуженной и справедливой. Именно в Вене Россия громко заявила о себе как о европейской державе и в политическом, и в культурном, и в философском плане; на целые десятилетия стала ключевым гарантом мира на континенте.

Обратился С.Е. Нарышкин и к современным реалиям, напомнив об итогах Второй мировой войны, по окончании которой сложилась новая (Ялтинско-Потсдамская) система международных отношений. Это «позволило обеспечить Европе и всему миру тоже почти 70 лет спокойного развития». Однако ныне «согласие покинуло европейский континент». «Истекший год показал, что ряд западных поли-

---

³ Новый выставочный проект РГАСПИ... URL: http://vk.com/wall-35550076_1297 (дата обращения: 22.04.2015); Сергей Нарышкин провел расширенное заседание... URL: http://rushistory.org/?page_id=3716 (дата обращения: 01.08.2015); Соколова М. На заседании РИО... URL: <http://www.pnp.ru/news/detail/78354> (дата обращения: 16.03.2015). – Подробный отчет о заседании публиковался также на сайте Государственной Думы.

⁴ Заметим здесь, что многие историки хронометрируют существование Венской системы иначе: до Крымской войны 1850-х гг.

тиков забывают свою историю и допускают одну ошибку за другой. Им полезно было бы принять участие в мероприятиях, подобным сегодняшнему». И «надо вспомнить основания, привнесенные нашей страной в политическую жизнь Европы 200 лет назад. Вновь расчистить дорогу, ведущую к длительному миру. Без России это сделать невозможно», – сказал С.Е. Нарышкин.

В марте 2014 г. в МГИМО прошло очередное заседание Исторического клуба «Кассиодор». В этот раз студенты представили сравнительный анализ двух систем международных отношений: Венской и Версальско-Вашингтонской. Целью конференции было выявление геополитических проблем, нерешенных или образовавшихся по результатам мирных договоров (1814–1815, 1918–1922). Участники представили доклады, видео-презентации; «главным моментом стало графическое изображение точек бифуркации на картах Европы и мира. Это позволило зрительно оценить разные масштабы последствий и прийти к выводу о зависимости периода существования системы от количества неразрешенных территориальных споров». Специальным гостем конференции стал видный историк-международник профессор В.В. Дегоев. Его заключительное слово «позволило увидеть дальнейшую перспективу развития затронутой темы в виде новых конференций и круглых столов»⁵.

В апреле 2015 г. Академия управления МВД России провела внеочередную Всероссийскую научно-практическую конференцию «Роль России в формировании системы международной безопасности: история и современность», приуроченную к 200-летию Венского конгресса. Участвовали в заседании сотрудники Академии управления МВД России, Академии Генеральной прокуратуры, Балтийского университета им. И. Канта, а также Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, приглашённые гости. Обсуждались вопросы международного диалога «Россия и Европа» в первой половине XIX в.; межгосударственные отношения периода наполеоновских войн; проблемы европейского самоутверждения России; историческое значение Венского конгресса; механизмы функционирования «венской системы» государственных отношений и др. проблемы. Многие докладчики подчеркнули актуальность обсуждаемой проблематики. В процессе обсуждения участники конференции пришли к единому

---

⁵ Черникова Т. История системы международной безопасности в Европе: Венский конгресс. URL: <http://mgimo.ru/news/faculty/document250516.phtml> (дата обращения: 07.06.2015).

мнению – «Венский конгресс создал прецедент регулярного созыва международных конференций великих держав, в ходе которых великие державы получили возможность обсуждать и находить решения международных проблем»⁶.

Около 50 российских и зарубежных философов, политологов и общественных деятелей участвовали в третьих Бердяевских чтениях (Калининград, апрель 2015 г.). Форум «Россия и Европа: диалог о ценностях в пространстве цивилизации», открывшийся в Балтийском федеральном университете им. И. Канта, проходил под эгидой фонда «Институт социально-экономических и политических исследований» (ИСЭПИ). На форуме речь шла о возможностях российско-европейского историко-философского диалога и культурно-политического взаимодействия в современном мире. В рамках форума работали историко-ретроспективная, актуальная и перспективная секции. Прозвучал, в частности, доклад к 200-летию Венского конгресса «Заговор царей против народов». Французский историк А. Рачинский отметил, что русский царь «впервые в истории мировой дипломатии заложил тогда в основу международного права евангельские ценности»⁷.

В планах Института всеобщей истории РАН на 2015 г. значатся три научных мероприятия, посвящённых юбилею. А именно: конференция «Венский конгресс. Его значение для судеб Европы» (Москва, июнь); заседание Российско-австрийской комиссии историков (Вена, июль); международная конференция «200-летие Венского конгресса» (Вена, ноябрь)⁸.

В июле 2015 г. Российский институт стратегических исследований пригласил специалистов на научную конференцию «Россия и Европа: 200 лет после Венского конгресса». Среди слушателей были также представители иностранных посольств, российских общественных организаций, журналисты. Активно обсуждалась «система международного равновесия образца 1815 года»; докладчики сравнивали подходы Александра I и Николая I к европейской внешней

---

⁶ Внеочередная всероссийская научно-практическая конференция. URL: <http://www.amvd.ru/D/node/3306> (дата обращения: 29.04.2015).

⁷ *Зайнашев Ю.* Бердяевские чтения в Калининграде собрали консервативных мыслителей Европы. URL: <http://www.vz.ru/politics/2015/4/17/740561.print.html> (дата обращения: 29.04.2015); *Козырев А.* Символично, что третьи «Бердяевские чтения» проходят в Калининграде. URL: <http://m.pravda.ru/news/society/17-04-2015/1256882-kozyrev-0/> (дата обращения: 13.07.2015).

⁸ Календарный план мероприятий Института всеобщей истории РАН 2015 г. URL: <http://www.igh.ru/activity/> (дата обращения: 29.04.2015).

политике; внимательно исследовали Балканский вопрос на Венском конгрессе. Доклады и выступления в дискуссии объединила идея о том, что «после Венского конгресса 1815 года на несколько десятилетий самой могущественной силой в Европе стала Российская империя – главный победитель Наполеона. Тогда от ее воли многое зависело в мироустройстве. При всем огромном влиянии СССР на европейские дела после Победы 1945 года, у России царской после победы над Наполеоном влияния было больше»⁹.

МГИМО планировал на июнь проведение конференция к 200-летию Венского конгресса¹⁰. Однако информации (по состоянию на 1 августа 2015 г.) о том, что конференция состоялась, обнаружить не удалось.

В конце июня 2015 г. на факультете государственного управления МГУ состоялся круглый стол на тему «Венский конгресс. Концерт великих держав и опыт трансформации мирового порядка». В центре внимания участников были такие вопросы, как попытки создания системы международной безопасности в Европе, деятельность международных организаций в XIX – начале XXI в., проблемы двусторонних и многосторонних отношений между государствами Европы, совершенствование институтов официальной и неформальной дипломатии, вопросы взаимовосприятия государств и народов¹¹.

Работу круглого стола открыл заместитель декана по научной работе факультета государственного управления А.Ю. Полунов. Он подчеркнул, что постановления и декларации конгресса оказали глубокое влияние на всю систему международных отношений в Европе. Созданная на конгрессе Венская система международных отношений с определенными изменениями просуществовала почти 100 лет. Выступавший отметил, что многие вопросы, стоявшие перед участниками Венского конгресса, актуальны и в наши дни.

Значение Венского конгресса для создания системы европейской безопасности подчеркнул В.М. Безотосный (ГИМ), указав, что в историографии (зарубежной, а отчасти и отечественной) недооце-

---

⁹ Конференция «Россия и Европа: 200 лет после Венского конгресса» собрала в РИСИ авторитетных участников и гостей. URL: <http://riss.ru/events/18898/> (дата обращения: 15.07.2015).

¹⁰ План мероприятий... URL: <http://fund.mgimo.ru/> (дата обращения: 29.04.2015).

¹¹ Круглый стол «Венский конгресс». URL: http://spa.msu.ru/page_469.html (дата обращения: 13.07.2015).

нена роль Александра I в утверждении принципа «единой Европы». О.В. Маринин (МГУ) обратил внимание на отражение событий, связанных с Венским конгрессом, в современной западной (прежде всего – французской) историографии. М.А. Чепелкин (фонд «Политика») указал, что Венский конгресс и созданную им систему международных отношений нужно оценивать не по тому, что они не дали в сравнении с последующим временем, а по тому, что они дали в сравнении с предыдущим. По мнению докладчика, при всех изъянах принятых во время конгресса решений, они позволили сохранить мир в Европе на 40 лет (сравни с точкой зрения А.Ю. Полунова). Венский конгресс интересен и тем, что положил начало многим современным принципам дипломатических сношений.

О.Р. Айрапетов (МГУ) подчеркнул долгосрочный характер решений Венского конгресса. Постановления, касающиеся Германии и Италии, сохраняли силу до 1860-х гг., Польши – до 1914 г. Решения Венского конгресса, подчеркнул М.М. Шевченко (МГУ), создали первую в истории общеевропейскую систему международных отношений, в рамках которой, в частности, было невозможно одновременное ведение двух коалиционных войн (как это случалось в XVIII в.). Дальнейшее обсуждение вопросов, связанных с деятельностью Венского конгресса, коснулось целого ряда проблем – таких, как цикличность в системе международных отношений XIX–XXI вв., роль России в европейской политике, периоды «включения» России в европейскую систему государств и «исключения» из неё.

Подводя итоги обсуждения, А.Ю. Полунов еще раз, вновь подчёркивая значимость истории Венского конгресса для современности, выразил надежду, что связанные с ним сюжеты, будут и далее разрабатываться в исторической науке¹².

На одном из совместных заседаний XXII Международного конгресса исторических наук в китайском городе Цзинань (август 2015 г.) будет обсуждаться проблема: «Новый порядок для старого мира? Венский конгресс 1815 г. в глобальной перспективе»¹³.

---

¹² Новости. URL: http://spa.msu.ru/details_22_2207.html (дата обращения: 13.07.2015).

¹³ Бибииков М.В. Генеральная ассамблея Международного комитета исторических наук в Будапеште. URL: <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=69&ved=0CEwQFjAIODw&url=http%3A%2F%2Fhistphil.ru%2Ffiles%2FMKIN.doc&ei=bmijVbqmMsfnygP0zbeYDA&usg=AFQjCNF6>

Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета планирует на сентябрь 2015 г. международный круглый стол «200 лет Венскому конгрессу». В рамках международного форума «Международные отношения от Венской системы к Организации Объединенных Наций» пройдет обмен информацией и научными достижениями между отечественными и зарубежными исследователями. Предполагается «включить в научный оборот новейшие документы по теме», обсудить «вероятности построения системы международных отношений, подобной Венской, в современном мире»¹⁴.

А студенты-международники Сибирского федерального института воссоздают исторические события. На осень 2014 г. они наметили «реконструкцию Венского конгресса» – события, в котором «в определенной мере использовался принцип многофакторной дипломатии». Он был «некоего рода прототипом той дипломатии, которая спустя много лет нашла применение в работе Лиги Наций, а позже – в структуре ООН»¹⁵.

Кафедра всеобщей истории Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета приглашает представить свои работы в сборник научных трудов «Европейская цивилизация: мировой исторический опыт и современные проблемы» (Стерлитамак, сентябрь 2015 года). Цель сборника научных трудов: формирование новых знаний и обмен научным и практическим опытом исследователей в исторических, социально-гуманитарных науках. Среди предлагаемых тем – Проблемы европейского согласия на Венском конгрессе¹⁶.

К 200-летию юбилею Венского конгресса исторический факультет Томского государственного университета проводит круг-

---

2DDP3oCwfbJ6sLZdnmahdBuHkQ&sig2=4CzcTWV7bp4AMXYDy46A0w&cad=rj
(дата обращения: 13.07.2015).

¹⁴ Заявка Института международных отношений... URL: kpfu.ru/portal/docs/F120571762/Plan.NTM.IMOIiV.na.2015.g.doc (дата обращения: 21.07.2015); Организация научно-технических мероприятий КФУ. URL: http://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_year_start=2015&status=&p_date_start=&p_date_end=&p_office=9017&p_meropriatie_vid_type=2 (дата обращения: 23.07.2015).

¹⁵ Студенты из Красноярска провели заседание Совбеза по Украине. URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/172479/?app=2&lang=ru#.VUCfZvCTUYg> (дата обращения: 29.04.2015).

¹⁶ Кафедра всеобщей истории... URL: <http://igni.urfu.ru/nauka/konferencii/> (дата обращения: 13.07.2015).

лый стол и конференцию. Среди участников научных встреч в конце сентября – начале октября 2015 г. будут преподаватели, аспиранты, студенты¹⁷.

Богатая историческая память о встрече в Вене нашла своё выражение в нескольких выставках. Назовём некоторые из них.

В декабре 2013 – апреле 2014 г. в Царицыно работал масштабный международный выставочный проект «Под сенью двуглавых орлов. Военный союз Российской и Австрийской империй. 1813–1815». Экспозиция заняла 10 залов Большого дворца, представляя дипломатическую и военную историю союза двух империй. Выставка знакомила с портретной галереей монархов, полководцев и дипломатов двух стран, с редкими произведениями батальной живописи, предметами обмундирования, снаряжения и вооружения европейских армий того времени, медалями и орденами союзных держав. Богатая экспозиция, дополненная военной графикой, дипломатической перепиской, военными реляциями и донесениями, высочайшими указами, редкими печатными изданиями, сатирическими листами «на злобу дней» той далекой поры и предметами салонного интерьера, позволяла воссоздать атмосферу бурной и блестящей эпохи Наполеоновских войн. Заключительный раздел выставки был посвящен Венскому конгрессу европейских государств и подписанию (1815) Священного союза. Здесь можно было видеть известный офорт И. Зутца «Участники Венского мирного конгресса по восстановлению свободы и законности в Европе» (1815), изображающий многих участников конгресса. Об отношении современников к этому событию рассказывали ироничные офорты А.П.Ф. Годфруа «Союзные монархи в Париже» (1815), «Венский конгресс» (1819, по оригиналу Ж. Изабе) и карикатура «Пирог королей, разрезанный на конгрессе в Вене в 1815 г.» (офорт, акварель, 1815) неизвестного французского художника. Несомненным украшением экспозиции стал воссозданный интерьер зала Венского конгресса, включающий в себя мебель из драгоценных пород дерева, хрустальные часы, канделябры из фондов ГМЗ «Царицыно». Экспонировались великолепные парадные портреты императора Александра I (1825) и императрицы Елизаветы Алексеевны (Дж. Доу, 1826) и мраморный бюст фельдмаршала князя К.Ф. Шварценберга (К.П. Марчесс, 1862).

Участниками выставки стали Военно-исторический музей Вены (Австрия), музеи Москвы и Санкт-Петербурга, Российский государ-

---

¹⁷ К 200-летию юбилею Венского Конгресса... URL: <http://history.tsu.ru/node/5479> (дата обращения: 13.07.2015).

ственный военно-исторический архив, а также частные коллекционеры. В режиме non-stop демонстрировался известный советско-итальянский художественный фильм С.Ф. Бондарчука «Ватерлоо» (1970), посвященный событиям, предшествующим знаменитой битве при Ватерлоо (18 июня 1815 г.), а также самой битве¹⁸.

Проект «Эпоха великих потрясений. 1789–1815 годы» к юбилею Венского конгресса вошёл в план приоритетных мероприятий Российского исторического общества и председатель РИО С.Е. Нарышкин принял участие в церемонии открытия (март 2015 г.) выставочной экспозиции в Музее-панораме «Бородинская битва». Директор музея Е.В. Сереброва отметила, что эта выставка завершает цикл мероприятий, связанных с эпохой Наполеоновских войн. Авторы стремились показать, как локальный конфликт превращается в большую войну, в которую были вовлечены многие государства. Экспонаты представляли события Великой французской революции, показывали решающий вклад России в освобождение Европы от Наполеона и созыв послевоенного Венского конгресса. Более 600 предметов отразили события двухсотлетней давности, напоминая об уроках прошлого, не утративших актуальности в наши дни. Впервые можно было увидеть практически неизвестное широкой общественности собрание рукописных, печатных и графических источников, хранящихся в РГАСПИ. Были представлены также книжные раритеты, образцы декоративно-прикладного искусства, графические работы из фондов музея-панорамы; предметы из частных коллекций¹⁹. Осмотрев экспозицию, С.Е. Нарышкин высоко отозвался о профессионализме сотрудников Музея-панорамы, которые «развивают музейные экспозиции и сохраняют историческую память». Поблагодарив директора музея за организацию интересной выставки, спикер призвал собравшихся не забывать ключевые уроки истории²⁰.

---

¹⁸ «Под сенью двуглавых орлов. Военный союз Российской и Австрийской империй. 1813–1815». URL: http://www.tsaritsyno.net/ru/vystavki/exhibitions_archive/?ELEMENT_ID=4549 (дата обращения: 16.03.2015).

¹⁹ Выставка «Эпоха великих потрясений. 1789–1815» открыта в Музее-панораме «Бородинская битва». URL: <http://histrf.ru/ru/rvio/activities/news/item-1547> (дата обращения: 03.06.2015); Соколова М. На заседании РИО обсуждают уроки Венского конгресса. URL: <http://www.pnp.ru/news/detail/78354> (дата обращения: 16.03.2015).

²⁰ Сергей Нарышкин провел расширенное заседание Президиума Совета Российского исторического общества. URL: http://rushistory.org/?page_id=3716 (дата обращения: 01.08.2015).

В Государственном историческом музее (Москва) в марте 2015 г. открылась – «вписанная» в постоянную экспозицию Музея Отечественной войны 1812 года – выставка «Венский конгресс». Как отметил на вернисаже президент ГИМ А.И. Шкурко, Венский конгресс, «закрепил статус-кво европейских границ, остававшихся почти неизменными до середины XIX столетия, впервые разработал систему мирного урегулирования международных отношений и попытался создать новые механизмы взаимоотношений между монархами и их народами». А заведующий отделом музея доктор исторических наук В.М. Безотосный сказал корреспонденту журнала «Международная жизнь», что российский император «был реальный политик и понимал, что просто так Европу не обустроить, нужна какая-то реальная система договоренностей. Эта система договоренностей и легла в основу Венского конгресса, в результате чего возникла так называемая “Венская система”». Особая роль Александра I в том, что он лично разработал и предложил схему мирного сосуществования держав, предусматривавшую сохранение сложившегося баланса сил на континенте, незыблемость форм правления и установленных границ.

На выставке, кроме образцов оружия и предметов декоративно-прикладного искусства, экспонируются графические портреты тех, кто представлял Российскую империю в Вене: сам император, члены августейшей фамилии, крупные дипломаты, лица свиты²¹. Гордостью экспозиции по праву являются три документа, предоставленные Архивом внешней политики Российской империи МИД РФ. А именно: российский экземпляр Заключительного акта, французская ратификационная грамота с подписью Людовика XVIII, предписание о выделении К.В. Нессельроде средств на преподнесение подарков членам иностранных делегаций²².

Эта юбилейная выставочная экспозиция демонстрирует, насколько радикально изменилась трактовка событий 200-летней давности. В экспликациях, выступлениях на вернисаже, в информационных сообщениях отмечалось, что Александр I считался

---

²¹ Разумеется, представить всех на достаточно лаконичной выставке невозможно. Но то, что зритель не видит портрета А.М. Михайловского-Данилевского (при демонстрации нескольких изображений императора), кажется нам упущением.

²² Студнева Е. К 200-летию Международного Венского конгресса. URL: <http://culturedip.interaffairs.ru/index.php/sobytiya-2/item/713-713?tmpl=component&print=1> (дата обращения: 31.03.2015).

«одним из лучших дипломатов своего времени». Царь, «озабоченный послевоенной судьбой Европы, продемонстрировал нетрадиционное мышление и новаторские подходы в международной политике. Будучи одним из главных творцов "Венской системы", <...> он лично разработал и предложил схему мирного сосуществования держав, предусматривавшую сохранение сложившегося баланса сил, незыблемость форм правления и установленных границ»²³.

Тогда как за 60-ю годами раньше экспозиция в том же музее комментировалась абсолютно иначе. Материалы по Венскому конгрессу относились к теме «Реакция в России и Западной Европе». Экспонаты раздела характеризовали «реакционное направление политики правительства Александра I после окончания военных событий 1813–1814 годов. Эта политика стала как бы ответом на усиление антикрепостнического движения в России и революционного движения в Западной Европе». Непосредственным «результатом решений Венского конгресса» называлось создание Священного союза – «коалиции трех реакционных монархий <...> направленной против революционных движений»²⁴.

В Нидерландах, в выставочном центре «Эрмитаж-Амстердам» в 2015 г. работает выставка «Александр, Наполеон и Жозефина. Рассказ о дружбе, войне и искусстве». Выставка, проходящая в год 200-летия битвы при Ватерлоо и Венского конгресса, «посвящена дружбе, войне, любви и политике, из которых выросла новая система европейской безопасности. Она, в том числе и о том, как дружба может заканчиваться войной, а война завершаться таким благородством победителя, которое высоко ценит побежденный». В 1815 г. российский государь окружает Жозефину знаками внимания и милостями. В ответ Жозефина дарит Александру I поистине королевский подарок – камею Гонзага III в. до н. э., которую получила в подарок от своего мужа. Царь мог бы забрать собрание Мальмезона в качестве трофея, однако он становится одним из основных покупателей этой коллекции, большая часть которой оказалась в Санкт-Петербурге. В 2015 г. некоторые шедевры из

---

²³ Венский конгресс. URL: <http://www.shm.ru/shows/4009/> (дата обращения: 20.03.2015).

²⁴ Исторический музей. Москва. Путеводитель по залу XXVIII-а «Отечественная война 1812 года». М., 1955. С. 55.

Мальмезона впервые показываются в Нидерландах²⁵. Экспозиция включает более двухсот экспонатов из коллекции Государственного Эрмитажа: произведения живописи, декоративно-прикладного искусства, оружие и личные вещи Александра I и Наполеона²⁶.

О юбилее Венского конгресса вспоминали и в ГМИИ им. А.С. Пушкина: в ноябре 2014 г. на вернисаже «Рисунки французских мастеров из музея Альбертина (Вена)». По словам директора австрийского музея К.А. Шрёдера, выбор для этой экспозиции произведений французского искусства из миллионных фондов музея символичен: «Двести лет назад, во время Венского конгресса, император Александр I встретился герцогом Альбертом Саксонским-Тешенским, основателем нашего музея. Всего несколько недель прошло после победы над Наполеоном и французской армией. Но, глядя на французские шедевры Пуссена, Лоррена, Фрагонара в коллекции герцога, Александр I сказал: "Очень скоро забудут наши имена и наши победы. Но вот эти рисунки французских художников останутся, потому что в них сохраняются высочайшие ценности человечества"»²⁷.

В Иркутске 31 марта 2015 г. состоялось открытие выставки «Мир Европе. К 200-летию Венского конгресса» из собрания Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника. Вернисаж открыла директор Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов Е.А. Добрынина. Она отметила, что предметы из коллекции Бородинского музея, вошедшие в эту выставку, относятся к категории тех, которых никогда не было, нет, и не могло быть в иркутских музеях, поскольку на территории Сибири во время Наполеоновских войн не проводились военные действия. Но это славная страница общероссийской истории, повествую-

---

²⁵ Среди экспонатов: Каменя с портретами Птолемея II и Арсинои II (Каменя Гонзага). III век до н. э. Александрия; Собака. П. Поттер, 1650-1652; Наполеон на Аркольском мосту. А. Гро. 1796-1797; Портрет Жозефины. Ф. Жерар, 1801; Амур и Психея. А. Канова, 1808.

²⁶ Александр, Наполеон и Жозефина. Рассказ о дружбе, войне и искусстве. Из собрания Эрмитажа. URL: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/what-s-on/temp_exh/2015/amsterdam1/?lng=ru (дата обращения: 29.04.2015); От дружбы к войне. И обратно. URL: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/about/media_about_hermitage/Item/media116/?lng=ru (дата обращения: 16.07.2015).

²⁷ Открылась выставка французского рисунка из музея Альбертина. URL: <http://www.arts-museum.ru/news/archive/2014/11/albertina/index.php> (дата обращения: 27.03.2015).

щая о триумфе русского духа, оружия, русской дипломатии, которой гордится каждый россиянин.

На открытии выступил министр культуры и архивов Иркутской области В.В. Барышников, подчеркнувший актуальность выставки: «Мир Европе – это сегодня наша жизнь, отношение к России, к государствам Европы и бывшего Советского Союза – злободневная тема. Главы государств, дипломаты, решающие сегодня проблему мира в Европе, имеют аналогии и примеры в истории». Министр назвал Венский конгресс «одним из первых примеров обустройства Европы... когда умение выстраивать диалог позволило установить прочный мир».

Заведующий отделом Бородинского музея Е.В. Семенищева представила передвижную выставку, отметив, что экспозицию составили 138 экспонатов основного фонда Бородинского музея. Историческую атмосферу передают «гравюры, предметы обмундирования европейских армий, нумизматика и даже аналог современного пазла начала прошлого века – почтовые открытки с фрагментами изображений Наполеона. Фигура его... до сих пор вызывает большой интерес. Сегодня даже говорят, что он был инициатором создания аналога современного Евросоюза, забывая при этом, что делал он это с помощью оружия, кладя на алтарь идеи многие человеческие жизни²⁸. В таком составе выставка «никогда не экспонировалась, среди предметов есть такие, которые выставляются впервые. Экспонаты очень органично размещены в трех комнатах дома-музея Волконских, будто это родные стены»²⁹.

Так получилось, что ещё одно выставочное событие Иркутска оказалось связанным с Венским конгрессом. Во второй половине 2014 г. там же, в Музее декабристов, можно было познакомиться с экспозицией, организованной в рамках Международной конференции Международного союза литературных музеев (ICLM) ИКОМ-ЮНЕСКО «Писатель, композитор, музей и проблемы окружающей среды». Выставку «Братья Гримм. Жизнь и творчество» представлял директор Музея братьев Гримм (Кассель, Германия) Б. Лауэр. Выставка знакомит с жизнью двух немецких писателей и общественных деятелей – Якоба и Вильгельма и их

---

²⁸ Орлова Е. «Мир Европе» из Бородинского музея. URL: <http://www.ogirk.ru/news/2015-04-08/53361.html> (дата обращения: 29.04.2015).

²⁹ Открылась выставка... URL: <http://www.imd38.ru/novosti/otkryilas-vyistavka-mir-evrope.-k-200-letiyu-venskogo-kongressa.html> (дата обращения: 04.04.2015).

младшего брата художника Людвиг Эмиля Гримма³⁰. Демонстрировались портреты и личные документы, множество иллюстраций к сказкам. Миссия выставки – открыть для российской публики «других» братьев Гримм, которые были не только собирателями сказок, но и исследователями-лингвистами, а также видными политическими деятелями³¹. К сожалению, наши сведения об этой выставочной экспозиции ограничены новостными сообщениями. Мы не можем сказать, упоминали ли авторы выставки об участии в Венском конгрессе одного из братьев. А именно: Якоба Гримма (1785–1863) – историка и филолога, профессора двух университетов, члена Берлинской Академии наук. В 1808 г. он стал личным библиотекарем короля Вестфалии Жерома Бонапарта, а восемь лет спустя был назначен вторым библиотекарем в Кассель³². На Венском конгрессе Я. Гримм присутствовал в качестве секретаря посольства гессенского курфюрста.

Говоря о выставочной деятельности, необходимо напомнить, что открытию любой временной экспозиции обязательно предшествует значительная реставрационная работа. Не стала исключением выставка 2012 г. из собрания Саратовского государственного художественного музея им. А.Н. Радищева и Музея-заповедника «Бородинское поле», приуроченная к 200-летию Отечественной войны. Центром юбилейной экспозиции и одновременно её логическим завершением стала работа французского мастера Жана Годфруа «Венский конгресс», знакомящая с портретами 23 участников конгресса. Гравюра 1819 г. выполнена с оригинала Жан-Батиста Изабе, присутствовавшего на конгрессе в качестве члена французской делегации³³. Работа Годфруа поступила в Саратовский Радищевский музей (1923) в очень плохой сохранности. Историческая значимость изображенного события, а также высокий художественный уровень исполнения этой большеформатной гравюры обусловили необхо-

---

³⁰ Выставка «Братья Гримм. Жизнь и творчество»... URL: <http://museum.ru/N54531> (дата обращения: 31.07.2015).

³¹ Выставка, посвящённая братьям Гримм, открылась в Иркутске. URL: <http://vesti.irk.ru/news/culture/166427/> (дата обращения: 31.07.2015).

³² Гримм, Якоб и Вильгельм // Энциклопедия Кольера. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/5159/%D0%93%D0%A0%D0%98%D0%9C%D0%9C (дата обращения: 04.04.2015).

³³ Вернисаж. Всё о войне 1812-го года. URL: http://www.bogatej.ru/bogatej/print.php?fr=635&article=17102012234119&art_id=0 (дата обращения: 16.07.2015); Выставка «Гроза Двенадцатого года» проходит в Саратовской области. URL: <http://www.stfond.ru/news.htm?id=10417> (дата обращения: 21.3.2015).

димось ее реставрации. На момент начала реставрации (июль 2009 г.) произведение представляло собой пять разорванных, измятых, грязных, разных по размеру и форме фрагментов. Поля со значительной частью декоративного обрамления³⁴ были фактически утрачены. Ввиду большого формата гравюры (в «собранном» виде: 780×965 мм), руинированного состояния, обилия различных пятен, интенсивного пожелтения даже потребовалось дополнительное реставрационное оборудование. Специалисты трудились почти полтора года, в результате произведению возвращена визуальная цельность и экспозиционный вид. Реставратор графики полагала, что «этот большой и эффектный лист сможет занять в обозримом будущем достойное место в... экспозиции». Это и произошло в 2012 году³⁵.

Музейные работники, коллекционеры, меценаты постоянно работают над тем, чтобы выявить новые артефакты, обогащающие нашу историческую память о Венском конгрессе. К примеру, в декабре 2014 г. собрание Государственного Эрмитажа пополнилось уникальным историческим предметом. Это личный портфель Александра I для официальных мероприятий Венского конгресса. Это чрезвычайно солидный портфель «из сафьяновой кожи, бронзы и позолоты с использованием золотых и серебряных нитей». На одной стороне вышит вензель императора и двуглавый орёл, на другой – аллегорическая фигура воина и дата: 1814. Ценнейший артефакт приобретён у частного коллекционера Благотворительным фондом «Транссоюз», председателем совета которого является глава ОАО РЖД В. Якунин³⁶. 30 декабря 2014 г. новый музейный предмет можно было увидеть в Аполлоновом зале Зимнего дворца на выставке наиболее значимых памятников, подаренных Эрмитажу в уходящем году³⁷.

---

³⁴ Изображение взято в своеобразную рамку, составленную из портретов и гербов участников заседания. Это отчётливо видно на экземплярах, экспонируемых в ГИМ, Иркутском музее, Музее-панораме.

³⁵ *Коневцева А.Н.* Уникальная реставрация гравюры... URL: <http://www.museum.ru/N41942> (дата обращения: 16.03.2015).

³⁶ Петербургский Эрмитаж получил к юбилею подарок – личный портфель Александра I. URL: <http://www.regnum.ru/news/society/1874797.html> (дата обращения: 05.05.2015).

³⁷ Выставка-представление новых даров Государственному Эрмитажу. URL: http://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/what-s-on/temp_exh/2014/new_dary/?lng=ru (дата обращения: 05.05.2015).

В самом начале нынешнего века, в феврале 2002 г. Государственному музею-заповеднику «Царское Село» была торжественно передана акварель французского художника Жан-Батиста Изабе «Портрет императора Александра I». По сообщению «Царскосельской газеты», на этот уникальный портрет из частной коллекции претендовал один крупный музей. Чтобы завладеть портретом, незамедлительно требовались немалые финансовые средства. Благодаря щедрому жесту предпринимателей, руководителей холдинговой компании «Ладога» портрет, «представляющий государя с взором победителя и печально-торжествующей улыбкой покорителя», оказался в Царском Селе. Представляя «вновь прибывшего» венценосца, заместитель директора музея И.К. Ботт отметила, что миниатюра – каноническое изображение Александра I, по которому потом составляли представление о внешности императора, писали другие портреты. По словам И.К. Ботт, этот портрет был написан по заказу Талейрана во время Венского конгресса. Торжественная церемония передачи картины состоялась в Стасовском зале Екатерининского дворца. Но прежде чем попасть в Царское Село, акварель подверглась экспертизе, выполненной специалистами Государственной Третьяковской галереи. Особую ценность новому музейному предмету придает редкостная «историческая девственность», т. е. отсутствие реставрационных вмешательств. Для данной работы художника характерны индивидуальная авторская манера акварельного письма, «виртуозные живописные приёмы в изображении черт лица императора, которые создают портретный образ, изысканный, утончённый, немного манерный и идеализированный». Не вызвал сомнений в подлинности и авторский автограф³⁸.

На научной конференции 2004 г. прозвучало сообщение об обнаружении ещё одного музейного предмета, который ассоциируется с Венским конгрессом. В Царском Селе исследовали «кресло Александра I, сделанное в 1814 г. и хранившееся в Розовом павильоне в качестве исторической реликвии более ста лет». Согласно музейной документации, речь идет о кресле «в стиле позднего классицизма, <...> с высокой прямоугольной слегла отогнутой спинкой, заканчивающейся валиком; локотники в виде развернутых волют; крест на 4-х ножках, задние прямоугольные, слегка

---

³⁸ Коршунова В. Царский подарок Екатерининскому дворцу. URL: <http://www.pushkin-town.net/.gazeta/2771.html> (дата обращения: 18.03.2015); О передаче уникальной акварели Ж.-Б.Изабе. URL: <http://news.rambler.ru/30794214/> (дата обращения: 16.07.2015).

изогнутые, передние – точеные, круглые, сужающиеся книзу; на валиках, локотниках и по углам царги – инкрустация; спинка и сидение – мягкое с вышивкой шелком по канве; на спинке на белом фоне, в венке из белых роз и лавровых листьев буква "А", над ней – корона; на сиденье, на белом фоне, в таком же венке с короной – двуглавый орел, на щитке которого буква "А"». Автору сообщения «не известно, кем было сделано данное кресло и при каких обстоятельствах оно было преподнесено императору Александру I». А. Алексеева предполагает, «что это был дипломатический жест со стороны глав государств, собравшихся на конгресс в Вене в ноябре 1814 г.»³⁹

Таким образом, события юбилейного времени подтвердили, что участники, деятельность, итоги Венского конгресса заняли своё место в нашей исторической памяти, составив неотъемлемую часть национального сознания.

---

³⁹ Алексеева А.В. К Венскому конгрессу. Атрибуция кресла Александра I // Россия – Германия: пространство общения: матер. X Царскосельской науч. конф. СПб., 2004. С. 20–23.

ЗАПАД НА ВОСТОКЕ, ВОСТОКЕ НА ЗАПАДЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЗАИМНЫЕ ВОСПРИЯТИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

УДК 7.038.6(470+571)

СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ПОСТМОДЕРНА: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Д.А. Попов

Саратовский государственный университет,
кафедра этики и эстетики
E-mail: pvden@yandex.ru

В статье рассматривается проблема существования феномена «национального постмодернизма». Отмечается, что представления о национальном постмодернизме возникли на основе анализа истории предшествующих стилей и течений, породивших национальные варианты. Вместе с тем постмодернизм, в силу своей эклектичности и «бессодержательности» не может обладать национальным своеобразием, он представляет собой универсальное явление. Обретение постмодернизмом национальной специфики приводит к тому, что он перестает быть постмодернизмом.

Ключевые слова: постмодерн; Россия; национальное своеобразие; стиль; идеальный тип.

SPECIFICS OF NATIONAL POSTMODERN: MYTH AND REALITY

D.A. Popov

The article views the problem of existence of the phenomenon of "national postmodernism". It is pointed out that concepts of national postmodernism emerged based on the analysis of history of the preceding styles and movements, which gave rise to national variations. Alongside with this, postmodernism due to its eclecticity and "inanity" cannot possess national uniqueness, as it is a universal phenomenon. The fact that postmodernism gains national specifics leads to the situation when it ceases to be postmodernism.

Key words: postmodern; Russia; national identity; style; ideal type.

С 90-х гг. XX в. в исследовательской литературе неоднократно высказывалась идея о существовании в настоящее время некоего

феномена «русского постмодернизма». Одним из первых заговорил о нем М.Н. Эпштейн, заявивший о том, что постмодерность как особая сущностная черта русского сознания даже предшествовала формированию постмодернизма на Западе¹, позднее со страниц монографий представления о национальном постмодернизме проникли и в публицистику. Так, В. Бондаренко в своей статье, размещенной в «Литературной газете», заявляет, что произведения всех наиболее крупных представителей мирового постмодернизма в первую очередь национальны, и только потом – постмодернистичны. Как следствие, «либеральному» постмодернизму Запада противопоставляется, наш отечественный, правильный национальный постмодерн².

Представления о существовании особого, отечественного постмодернизма очевидно базируется на традиционном видении истории культуры и искусства как истории отдельных течений и стилей и, одновременно, их национальных вариантов. Готика, барокко, классицизм, романтизм, даже авангард и реализм с одной стороны, рассматриваются как интернациональные явления, для них выделяется некий набор универсальных признаков, в совокупности составляющих их идеальный тип в духе Макса Вебера³. Этот идеальный тип можно позднее обнаружить в самых разных феноменах, позволяя их классифицировать и размещать на шкале культурно-исторического развития по принципу «ранний – поздний» или «образцовый – отклоняющийся». С другой стороны, на этот идеальный тип в каждой национальной культуре накладываются дополнительные черты, обусловленные спецификой национального менталитета, культурными особенностями, влиянием местных традиций, и т. д. Признаки эти определяются уже другим идеальным типом, «идеальным типом нации», который тоже по-своему константен, и сохраняется от эпохи к эпохе.

Таким образом, национальный вариант того или иного большого стиля (течения) может рассматриваться как результат взаимодействия двух условных констант: синхронно существующей константы стиля (течения) той или иной эпохи, и диахронно существующей константы национального типа. При этом и пер-

---

¹ Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. М., 2005. С. 16.

² Бондаренко В. Жрецы русского постмодерна // Литературная газета. 2012. № 36.

³ Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 389.

вый, и второй идеальный типы обладают как планом содержания, так и планом выражения. Художественный (большой) стиль обусловлен не только формальными признаками, но и неким идейным зарядом, мироощущением. Готика – это не только вытянутые вверх шпили, а барокко – не только причудливость и текучесть. За внешними формами готики скрывается устремленность к небу, экстатическое религиозное напряжение, а за формами барокко – динамичная тревожность, пышность, величие и стремление поработить богатством.

То же самое можно сказать и о национальном стиле, он также обладает и планом содержания, включающим в себя национальный характер, ценности, идеалы и т. д., и планом выражения, т. е. формами, с которыми привычно связывают это содержание. С каждым этносом на архетипическом уровне восприятия ассоциируются некие формообразующие принципы: от луковичных форм русских церквей до силуэта Тауэра, от китайской пагоды до куполов восточных мечетей. Это касается не только изобразительного искусства, но и литературных форм: цветистость арабской речи или лаконизм римлян позволяют «опознавать» за ними дух той или иной национальной культуры. Отметим, даже формы индивидуального творчества отдельных представителей той или иной культуры, прочно с ней ассоциирующихся, могут приобретать в глазах носителей другого культурного сознания более общее значение и становиться признаком присутствия в них ценностей определенной национальной культуры.

Очевидно, что при формировании национального варианта того или иного стиля и течения взаимодействие двух выделенных нами идеальных типов осуществляется и на уровне содержания, и на уровне выражения. Не только формальные черты национального и большого стилей переплетаются, но переплетаются и ценности, и идеалы, за ними стоящие. Так, здания церквей, активно строившихся в России в 90-е гг. XX в., причудливо сочетали в себе функционалистскую сухость, опознаваемую как дух современности и дань ее требованиям, с куполами и закомарами древнерусской архитектуры, воплощающими верность национальной традиции.

Само исследование национального варианта какого-либо стиля как правило оказывается его «разложением» на черты общестилевые и черты национальные, анализом их взаимовлияния, и взаимной трансформации. Так, к примеру, при исследовании французского романтизма, отмечают и его общеромантические особен-

ности (эмоциональность, иррациональность, возвышенную приподнятость), и специфически французские черты (революционность, разрыв с прошлым, стремление к радикальному обновлению общества, связь с демократическим движением).

Теперь мы должны посмотреть, применима ли эта универсальная схема к постмодерну. И здесь мы сразу сталкиваемся со сложностями. Прежде всего, встает вопрос о том, может ли постмодерн считаться стилем, т.е. обладает ли он какими-то устойчивыми формальными признаками. По своей природе он является эклектикой, а эклектика есть отрицание стиля, беспорядочно смешивающее разнородные элементы.

Правда, существует точка зрения, согласно которой эклектика также является стилем, т.е. «стилем» оказывается его принципиальное отсутствие. Главным формообразующим принципом постмодерна как манифестации эклектики становится отрицание любых принципов, т.е. сколько-нибудь устойчивой последовательности формальных признаков даже в творчестве одного автора или в составе одного произведения. Однако именно эту особенность начинают классифицировать как стилевой признак для искусства постмодерна. Так, Е.А. Стеценко считает, что хотя «определение единого стиля постмодернизма – не простая задача», «он достаточно узнаваем». Особенность этого стиля она обозначает именно как фрагментарность⁴.

Однако даже если согласиться считать «постмодерн» стилем, может ли он порождать какие-то национальные варианты? Рассмотренный нами выше подход предполагает, что он имеет не только какие-то стилевые особенности, но и устойчивое содержание, и к этому содержанию и стилевым особенностям могут «добавляться» национальные черты и национальное содержание, вступая с ними в отношения органического единства.

Если рассматривать постмодерн уже не как стиль, а как течение, для которого важны в первую очередь уже не стилевые характеристики, а идейные особенности, то его содержательные признаки достаточно хорошо описаны. К ним относят интертекстуальность, цитатность, игровой и ироничный характер, нелинейность, отсутствие авторской позиции. Все эти признаки, как и рассматривавшаяся выше фрагментарность, не случайны, поскольку связаны в единое целое общей идеей, выглядящей при

---

⁴ Стеценко Е.А. Концепты хаоса и порядка в литературе США (от дихотомической к синергетической картине мира). М., 2009. С. 157.

этом парадоксально, поскольку представляет собой ее отсутствие, пустоту. Однако такая пустота в данном конкурентном случае – залог полной свободы читателя (зрителя), вкладывающего в произведение тот смысл, который ему нравится или не вкладывающего туда вообще ничего. Проблема в данном случае заключается в том, а может ли в такое произведение быть вложено нечто национальное?

Важнейшей чертой постмодерна является бесконечная вариативность интерпретаций его текстов. Поэтому в постмодернистском произведении при желании может быть вычитана и какая-то национальная идея. Но проблема в том, что в том же самом произведении может быть обнаружена и какая-то другая идея, «антинациональная» по своей направленности. Более того, постмодернистское произведение всем своим строем будет постоянно подчеркивать «условность» и первого, и второго прочтения, деконструируя их и иронизируя над ними.

Пустота постмодернистского произведения, оборачивающаяся при необходимости любым содержанием, на самом деле желает оставаться пустотой. Любое привнесенное в него содержание оно тут же «сбрасывает», подчеркивая его произвольность и субъективность. Поэтому никакое дополнительное устойчивое содержание в него вложено быть не может. Пустота на то и пустота, что любое положительное и однозначное добавление к ней прекращает ее бытие как пустоты и делает ее «чем-то», стало быть, она пустотой быть перестает. А защита пустоты как условия свободы есть основная интенция постмодерна, отсюда его устойчивая идиосинкразия к любым четко определяемым идеям, которые в его пространстве подвергаются радикальной деконструкции.

Национальный идеальный тип и есть то нечто, добавление чего к постмодерну уничтожает последний. В этом случае могут оставаться какие-то внешние признаки постмодерна, вроде игры цитатами или фрагментарности, но это будет имитация постмодерна, а не постмодерн.

Примером может служить творчество В. Пелевина, которое только по ошибке иногда причисляют к постмодернизму. Действительно, все внешние постмодернистские признаки в романах и рассказах Пелевина налицо: игра цитатами, деконструкция текстов, бесконечные переинтерпретации известных фраз и слогов. Но для автора – это только способ расчистить дорогу своим взглядам, основанным на буддийском мироощущении. Постмо-

дернизм в тексте Пелевина используется как таран для уничтожения мешающих ему концепций и взглядов, с его помощью он деконструирует все, но только не собственные представления. По меткому наблюдению С. Корнева, Пелевин – писатель-идеолог, а не постмодернист⁵. Как проповедник-идеолог он действительно является в значительной степени наследником русской литературы и ее традиций, но только как религиозный проповедник, а не как постмодернист, каковым он только кажется по внешним признакам.

Защитники существования русского национального постмодернизма иногда апеллируют к тому, что таковой должен развиваться и развивается исключительно на почве цитат из русской классической культуры. Такой феномен действительно существует: к примеру, образцовый для 1990-х гг. постмодернистский текст Дмитрия Галковского⁶ весь построен на игре с русской литературной классикой, так же как и более ранний «Пушкинский дом» А. Битова⁷, от которого иногда ведут отсчет существования «русского постмодернизма». Подобная опора на национальную классику возможна не только в области литературы, но и других искусств – так, архитектура постмодерна может цитировать национальные стили прошлого, постоянно отсылая к ним своими формами. Об этой ее особенности говорил еще главный теоретик постмодернистской архитектуры Ч. Дженкс анализирувавший творчество голландских архитекторов 70-х гг. XX в., которые отрезали верхушки фасадов голландских домов, чтобы соединить «наше время» с традиционной формой⁸.

Национальность постмодерна видят также в особых языковых играх, где используются омонимы, ассоциации и созвучия, характерные только для данного языка и никакого другого.

Но делает ли такая игра постмодерн национальным?

В плане выражения такой постмодернизм действительно становится почти не отличимым от «национального стиля», что и вводит теоретиков в заблуждение. Мы встречаемся в нем с узнаваемыми персонажами, приемами, элементами и формами, тесно связанными в нашем сознании с отечественной классикой и ассоциирующимися с ее содержанием. С точки зрения формальных

---

⁵ Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 245.

⁶ Галковский Д.Е. Бесконечный тупик. М., 1997.

⁷ Битов А.Г. Пушкинский дом. Харьков, 1996.

⁸ Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М., 1985. С. 98.

признаков происходит кажущееся слияние двух идеальных типов по той формуле, которую мы рассматривали выше: постмодернистская ризома становится каркасом, на которую как бы «навешиваются» всевозможные элементы, или, точнее, осколки классики. Постмодернистская фрагментарность начинает выглядеть как специфический способ репрезентации национально-традиционного. Это как раз и заставляет исследователей думать, что перед нами привычное взаимодействие национального и эпохального стилей.

Однако на уровне содержания никакого взаимодействия постмодерна и национальной классики не происходит. Специфические языковые игры, на каком бы языке они ни шли, остаются бессодержательными и бессмысленными. Постмодернизм остается собой, т.е. пустотой, а пустота не может быть русской, французской, немецкой или какой-то еще. Она есть всего лишь пустота.

Только присутствие узнаваемых форм, сюжетов, реплик, персонажей заставляет «читателя» или «зрителя» полагать, что и содержание также будет узнаваемым, связанным с привычной национальной проблематикой и идеями. Но этого содержания нет, а его присутствие – лишь постмодернистская саморазоблачающаяся иллюзия, в любой момент готовая исчезнуть.

Процедура подобного исчезновения часто связана с тем, что постмодерн готов в любой момент начать разбавлять чисто национальные элементы элементами заимствованными, и в каких угодно пропорциях. В творчестве патриарха «итальянского» постмодернизма У. Эко мы постоянно находим отсылки к греко-римской, английской, немецкой, французской культурам, так же, как и в творчестве любого другого постмодерниста. С точки зрения самого постмодерна такое разбавление национального космополитичным является оправданным и даже необходимым, поскольку расширяет возможности автора, но никак не сказывается на содержании произведения, которое все равно остается «отсутствующим». Этот феномен наглядно демонстрирует универсальность постмодернистского сознания и его «непривязанность» к конкретным национальным культурам.

Таким образом, можно констатировать, что никакого «национального» постмодерна существовать не может. Это некий миф, вызванный инерцией предшествующей эпохи, эпохи модерна, когда национальные варианты того или иного течения или стиля действительно могли воплощаться, поскольку в ту эпоху их фор-

мы имели устойчивые значения, способные определенным образом комбинироваться.

Если теперь постмодерн и использует специфические и привычные национальные формы, то это всего лишь мимикрия под привычный национальный стиль. Заимствованные у традиции формы деконструируются, как и всякие другие, становясь бессодержательными и бессмысленными по своей сути. И любой, ищущий в постмодернизме «национальную специфику», попадает в обычную постмодернистскую ловушку: он видит в постмодернистском зеркале то, что хочет увидеть, не замечая, что пустое зеркало насмехается над ним, возвращая ему его же собственное искаженное отражение.

УДК 821.133.1.09-3+929 Ларошфуко

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСКОЙ ОЦЕНКЕ ФРОНДЫ В «МЕМУАРАХ» ГЕРЦОГА ЛАРОШФУКО

С.Ю. Павлова

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

В статье рассматривается оценка Фронды в «Мемуарах» герцога Ларошфуко посредством анализа его суждений об участниках событий. Выявляется его позиция, предопределяемая аристократическим кодексом поведения и представлениями автора об основах монархической власти во Франции.

Ключевые слова: мемуары; французская литература XVII в.; Ларошфуко; Фронда.

TO THE QUESTION OF AUTHOR'S OF THE FRONDE IN THE DUCK LA ROCHEFOUCAULD'S «MEMOIRS»

S.Y. Pavlova

The article discusses the assessment of the Fronde in the Duke La Rochefoucauld's «Memoirs» through the analysis of his opinions about the participants of the events. His opinion is predetermined by the aristocratic code of conduct and the author's views on the basics of the monarchy in France.

Key words: memoirs; XVIIth century French literature; La Rochefoucauld; Fronde.

Франсуа де Ларошфуко – один из активных участников Фронды, известный своими литературными сочинениями, в том числе знаменитыми «Мемуарами» (1662), в которых отразилась история гражданской междоусобицы во Франции периода регентства Анны Австрийской. Позиция Ларошфуко-фрондера и мемуариста определялась кодексом аристократической морали и представлением о благе государства в том понимании, которое отличало представителей высшей знати. Его книга отражает авторский идеал монархии, основанной на исконной практике взаиморасчетов между королем и знатью, а также неприятели власти кардиналов.

История создания «Мемуаров» отчетливо делится на два периода, которые выделяет сам автор. Первый этап приходится на

«последние годы правления кардинала Мазарини»¹, а второй на более позднее время. Из шести частей книги две первых, согласно хронологии событий открывающих повествование, были созданы позднее четырех последующих. Части с третьей по шестую, посвященные истории Фронды, Ларошфуко написал в период с 1654 по 1658 либо 1659 год. Их существование в рукописном варианте привело к тому, что в 1662 г., без ведома герцога, была сделана копия текста, и под его именем, но в сильно искаженном варианте, опубликована брюссельским издателем Франсуа Фоппаном. Это сочинение вызвало бурю негодования как со стороны Мазарини, так и сторонников партии принца Конде. Факт появления псевдомемуаров серьезно возмутил и самого Ларошфуко. Он публично отказался от авторства и в том же 1662 г. опубликовал подлинную рукопись. В это издание, наряду с уже написанным текстом впервые вошла и будущая вторая часть «Мемуаров». Работу над первой частью Ларошфуко начал лишь позднее и корректировку полного текста, судя по всему, продолжал вплоть до последних дней своей жизни².

Части с третьей по шестую объединяет время написания и общая тема, тогда как первая и вторая создавались как дополнение к уже написанному тексту. Не менее значимым отличием между этими фрагментами книги является форма повествования. В частях с третьей по шестую автор пишет о себе в третьем лице, называя себя принц де Марсийяк либо герцог Ларошфуко. Такая повествовательная форма показывает, что в момент начала работы над рукописью он ориентировался на образцовое для французских мемуаристов XVI – первой половины XVII в. произведение – «Комментарии» Цезаря. Римский полководец избрал форму третьего лица как наиболее соответствующую хроникальному характеру его книги. Ларошфуко, по сути, тоже ведет хронику Фронды и посредством третьего лица изображает себя одним из многочисленных участников гражданской войны. Наряду с лаконизмом словесных конструкций и по преимуществу нейтральным тоном рассказа, такая повествовательная форма помогает ему создать видимость объективного взгляда на исторические события. В первой и второй частях, более поздних по времени создания, Ларошфуко пишет о себе исключительно в первом лице, то есть использует местоимение «я» как по отношению к повествователю, так и герою мемуаров. Такое изменение приводит к

---

¹ Ларошфуко Ф., де. Мемуары // Ларошфуко Ф., де. Мемуары. Максимумы. Л., 1971. С. 5.

² См.: Lafond J. Notice // La Rochefoucauld F., de. Mémoires. Paris, 2006. P. 271.

ослаблению элементов хроники и объясняется влиянием «Исповеди» Августина Аврелия, получившей широкое распространение в среде французской аристократии после публикации перевода Арно д'Андии в 1649 году³.

Каждая из шести частей «Мемуаров» посвящена определенному, с точностью до года и даже месяца обозначенному периоду жизни автора. Первая и вторая охватывают события с 1629 по 1649 г., т. е. с момента вступления Ларошфуко в свет и до его ранения в ходе войны, именуемой им парижской, но вошедшей в историю под названием парламентской Фронды. Из этого двадцатилетия, тринадцать лет воссоздаются в первой части и семь во второй. Водоразделом между ними становится декабрь 1642 г., месяц смерти кардинал Ришелье. С третьей по шестую часть темп повествования существенно замедляется. Ларошфуко описывает произошедшее с марта 1649 по октябрь 1652 г., когда противостояние знатных родов политике кардинала Мазарини, известное как Фронда Принцев, закончилась триумфальным возвращением короля в Париж и вынужденным отъездом во Фландрию предводителя восставших Принца Конде. Хотя эти части охватывают лишь три с половиной года из двадцати трех, изображенных автором, они составляют в совокупности более половины объема книги. Несовпадение исторического и художественного времени свидетельствует о значимости событий Фронды для мемуариста.

При всем стремлении к точному и подробному рассказу о войне Ларошфуко не претендует на создание полной и масштабной картины, «его цель – рассказать о своем в ней участии, о своей роли»⁴. Свою задачу автор формулирует так: «Но так как я не притязаю писать историю и намерен говорить о себе лишь тогда, когда это будет иметь прямое отношение к людям, с которыми я был связан общностью стремлений и дружбой, то и касаться я буду только того, в чем был лично замешан, поскольку все остальное общеизвестно»⁵. В полном соответствии с мемуарной интенцией герцог излагает малоизвестные факты и восстанавливает скрытые причинно-следственные связи, не доступные создателям

---

³ Об этом см.: *Fumaroli M. Les Mémoires au carrefour des genres en prose // Fumaroli M. La diplomatie d'esprit. De Montaigne à La Fontaine. Paris, 1998. P. 204–207; Lafond J. Préface // La Rochefoucauld F., de. Mémoires. Paris, 2006. P. 23.*

⁴ *Алташина В.Д. Поэзия и правда мемуаров (Франция, XVII–XVIII вв.). СПб., 2005. С. 35.*

⁵ *Ларошфуко Ф., de. Указ. соч. С. 12.*

официальной истории. Дистанцируясь от придворной историографии, опиравшейся на известные источники, он подчеркивает уникальность своего индивидуального свидетельства.

Во второй части книги Ларошфуко еще раз уточняет свою позицию: «Так как я не собираюсь дать подробное описание всего происходившего в столь бурные времена, я удовольствуюсь сообщением только касающегося лично меня или того, чего мне, по меньшей мере, довелось быть очевидцем»⁶. Такая мотивировка избирательности авторского подхода к материалу усиливает доверие к повествователю. В отличие от большинства мемуаристов, Ларошфуко не настаивает прямо на правдивости своего рассказа, но выражает эту мысль косвенно неоднократным упоминанием о том, что касается только событий, «в которых по воле случая» ему «нередко приходилось участвовать»⁷. Личная сопричастность служит гарантией достоверности сообщаемых фактов и придает особую значимость оценке событий Фронды одним из ее участников.

«Мемуары» Ларошфуко позволяют уточнить представление об использовании слова «фронда» в XVII в. и показывают, насколько неоднородными и даже враждебными по отношению друг к другу были ряды тех, кто пытался противостоять власти Мазарини на протяжении 1648–1652 годов. Мемуарист называет себя и других сторонников Конде «партией Принца» и дистанцируется от собственно «фрондеров», к числу которых относит парламентариев, некоторых представителей знати и своего давнего врага кардинала де Реца.

Из всего объема предоставленной Ларошфуко-мемуаристом информации (описания сражений, его личного участия в войне, внутрипартийных разногласий, дворцовых интриг и т. д.) остановимся подробнее лишь на его суждениях, касающихся поведения основных участников Фронды, поскольку они дают достаточно наглядное представление об авторском отношении к событиям гражданской междоусобицы. В числе главных виновников Фронды мемуарист называет двух кардиналов, Ришелье и Мазарини, державших власть в своих руках при Людовике XIII и в период регентства Анны Австрийской соответственно. Хотя деятельность кардинала Ришелье предшествовала гражданской войне, она, как показывает автор, спровоцировала конфликт середины столетия. Рассказывая о нападках кардинала на Анну Австрийскую, об изгнании и тюремном заключении королевы-матери, о жестоких

---

⁶ Ларошфуко Ф., *де*. Указ. соч. С. 27.

⁷ Там же. С. 5.

преследованиях знати, включая отца мемуариста и его самого, Ларошфуко дает понять, что правление Ришелье отличалось «вопиющей несправедливостью» и было «ненавистным для всех»⁸.

Очевидная враждебность по отношению к кардиналу, тем не менее, не мешает герцогу дать ему взвешенную оценку в тот момент, когда мемуарист подводит итог деятельности Ришелье в связи с сообщением о его кончине: «Как бы не радовались враги Кардинала, увидев, что пришел конец их гонениям, дальнейшее с несомненностью показало, что эта потеря нанесла существеннейший ущерб государству; и так как Кардинал дерзнул столь во многом изменить его форму, только он и мог бы успешно ее поддерживать <...> Суровость его правления повела к обильному пролитию крови, вельможи королевства были сломлены и унижены, народ обременен податями, но взятие Ла-Рошели, сокрушение партии гугенотов, ослабление Австрийского дома, такое величие в его замыслах, такая ловкость в осуществлении их должны взять верх над злопамятством частных лиц и превознести его память хвалою, которую она по справедливости заслужила»⁹. Ларошфуко стремится преодолеть личную неприязнь к Ришелье и взглянуть на него объективно. Он оценивает действия кардинала с позиции времени, отдавая должное масштабу его личности и заботам о благе монархии. Способность поставить во главу угла государственные интересы мемуарист считает обязательным критерием оценки любого представителя власти и руководствуется им в осмыслении политического кризиса, охватившего Францию в годы Фронды.

Пренебрежение гражданским долгом становится главным упреком, который герцог предъявляет своим политическим противникам. Он дает им резкие и безапелляционные оценки, нередко звучащие как открытые обвинения. С наибольшей неприязнью Ларошфуко пишет о преемнике Ришелье кардинале Мазарини. Он утверждает, что «владычество кардинала Мазарини становилось нестерпимым: были общеизвестны его бесчестность, малодушие и уловки; он обременял провинции податями, а города – налогами и довел до отчаяния горожан Парижа прекращением выплат, производившихся магистратом <...> Он ненавидел парламент, противившийся его указам своими принятыми на собраниях представлениями, и выжидал удобного случая его укротить»¹⁰. В адрес Мазарини звучат обвинения

---

⁸ Ларошфуко Ф., де. Указ. соч. С. 11.

⁹ Там же. С. 19–20.

¹⁰ Там же. С. 38.

в трусости и малодушии. Его поведение, по мысли автора, служит убедительным аргументом в пользу фрондеров, пытавшихся избавиться Францию от власти коварного кардинала-иноземца.

Особое значение для Ларошфуко приобретает прояснение своей позиции в отношении королевы, поскольку в годы гражданской войны именно она как регент малолетнего Людовика XIV была хранительницей власти и в этом качестве воплощала идею государственности. Враждебность по отношению к ней могла быть расценена как государственная измена и покушение на устои монархии. Ларошфуко всячески подчеркивает, что причиной Фронды была всеобщая ненависть к Мазарини, а вовсе не к Анне Австрийской. Однако по мере развития повествования королева все больше превращается из символа государственности в частного человека, подверженного страстям. Она безгранично доверяет кардиналу, на любовную связь с которым Ларошфуко откровенно намекает, становится игрушкой в его руках и, по сути, передает ему властные полномочия. Этот факт предопределяет критическую оценку поведения королевы.

Мемуарист стремится не предвзято представить обе стороны конфликта. Не только противников, но и соратников он нередко укоряет в пренебрежении общенациональными интересами. Показательно, что даже в поведении принца Конде, главы аристократов-фрондеров, Ларошфуко отмечает политические ошибки, например, упущенную возможность передать регентство герцогу Орлеанскому с тем, чтобы воспрепятствовать возвращению кардинала Мазарини, или нежелание Великого Конде принять условия мирного соглашения с двором в октябре 1652 года.

Резкой критике подвергается поведение кардинала де Реца – известного фрондера, слывшего, однако, политическим противником Ларошфуко. Мемуарист дает прямую оценку их взаимоотношениям, утверждая, что «особую ненависть Коадьютор питал к герцогу Ларошфуко»¹¹, который, в свою очередь, считал де Реца «своим злейшим врагом»¹². Впервые Ларошфуко упоминает о кардинале во второй части книги, характеризуя его как человека, жаждавшего приобщиться к государственным делам и смертельно оскорбленного проявленным к нему насмешливым недоверием. Далее он проясняет его общественное положение и кратко обобщает личностные качества: «Кoadьютор Парижский <...> бла-

---

¹¹ Ларошфуко Ф., *де*. Указ. соч. С. 92.

¹² Там же. С. 95.

годаря своему положению имел большой вес в народе и парижском парламенте, и все священники беспрекословно исполняли его приказания: при дворе у него были друзья и единомышленники <...> Он отличался пронизательностью и остроумием, был общителен и бескорыстен, но часто скрывал от друзей свои мысли и умел изображать добродетели, которых у него не было. Он был горд и надменен»¹³. В совокупности уже из этой информации складывается представление о честолюбивом, умном, лицемерном и самолюбивом человеке. В ходе дальнейшего повествования эти черты характера иллюстрирует поведение кардинала, вступившего в сговор с королевой против принца Конде, пытавшегося устроить замужество мадемуазель де Шеврез, спровоцировавшего скандал в Парламенте и т. д. Приведенные факты осмысляются мемуаристом как негативные в плане влияния на исход событий Фронды.

Не менее критичным Ларошфуко оказывается о по отношению к госпоже де Лонгвиль, с которой, как известно, его связывали многолетние близкие отношения. Однако личный аспект отходит на второй план в описании исторических перипетий, тем более что к моменту создания «Мемуаров» между герцогом и его возлюбленной уже произошел разрыв. Ларошфуко изображает госпожу де Лонгвиль с позиции объективного наблюдателя, оценивающего роль личности в гражданской смуте. Такая установка дает ему возможность показать, насколько действия герцогини оказались пагубны для противников Мазарини. Мемуарист, в частности, пишет о ее попытках примириться с двором, переманить на свою сторону часть фрондеров, договориться с испанцами. Поведение герцогини, изначально выступавшей за интересы знати, в конечном итоге демонстрирует ее заботу исключительно о собственном благополучии.

Анализируя причины Фронды, Ларошфуко прямо говорит о том, что большинством ее вдохновителей двигали сугубо личные мотивы, а вовсе не забота о благе Франции: принц Конде опасался намерения сторонников двора его погубить, кардинал де Рец настраивал против госпожи де Лонгвиль ее мужа, а она сама страшилась возвращения в Нормандию и «не располагала иною возможностью избежать этой столь опасной поездки, как склонив своего брата к гражданской войне»¹⁴, принц Конти считал, что участие в смуте позволит ему не принимать духовный сан, герцог Немур, рев-

---

¹³ Ларошфуко Ф., *де*. Указ. соч. С. 41.

¹⁴ Там же. С. 86.

нуя последнего к госпоже де Шатильон, полагал начало военных действий единственным средством разлучить любовников.

Критическая оценка действий участников Фронды в «Мемуарах» превалирует, однако она не исключает восхищения их героизмом и благородством, что подтверждают портреты принца Конде, герцогов Бэкингема, Бофора и Буйонского. Отметим, что и в этом случае Ларошфуко, как истинный аристократ, отдает должное воинской доблести представителей обеих сторон. Приведем в качестве примера лишь один эпизод, посвященный решающему сражению между фрондерами и королевскими войсками у ворот Парижа. Он позволяет мемуаристу показать отвагу членов королевской семьи (принца Конде и Великой Мадемуазель), знатных аристократов, причем, стоявших по разные стороны баррикад (виконта де Тюренна, графа Таванна, герцога Немура), а также свою воинскую доблесть, оплаченную тяжелым ранением.

Ларошфуко последовательно и методично отмечает все эпизоды Фронды, в которых принимал личное участие, будь то на полях сражений, в зале парламентских заседаний или аристократических особняках. Согласно «Мемуарам», именно он пытался предупредить принцев крови о возможном аресте, а затем поднимал провинции на борьбу за их освобождение; именно он осуществлял посредничество между парламентом Бордо и народом, а потом стойко защищал этот город; именно он помешал принцу Конде заключить соглашение с кардиналом де Рецем, а впоследствии благородно не воспользовался удобной возможностью лишить последнего жизни и т. д. Складывается впечатление о значительности той роли, которую герцог сыграл в ходе гражданского противостояния благодаря своему беспримерному героизму и умению поставить во главу угла интересы общего дела. Такое возвышенное представление о Ларошфуко-фрондере предопределяется спецификой мемуарного жанра, направленного на героизацию личности автора как участника исторических событий.

В целом, в своих «Мемуарах» Ларошфуко стремится непредвзято изобразить представителей обоих враждующих лагерей, с точки зрения той роли, которую они сыграли в период Фронды. В своих оценках он исходит из высоких представлений об аристократическом кодексе поведения и выступает за приоритет интересов государственных над личными.

ГРЕЦИЯ ГЛАЗАМИ ОБОЗРЕВАТЕЛЕЙ «THE EDINBURGH REVIEW» В 1802–1821 ГОДАХ

В.С. Ерёмин

Саратовский государственный университет,
кафедра всеобщей истории
E-mail: fuzzstone@gmail.com

В статье, рассматриваются образы Греции на страницах периодического издания «The Edinburgh Review» в период с 1802 по 1821 год. Особое внимание уделено стереотипам восприятия греческого общества иностранцами, а также размышлениям авторов эдинбургского ежеквартальника относительно прошлого и будущего этого региона.

Ключевые слова: история Великобритании; The Edinburgh Review; Восточный вопрос; образы Греции.

GREECE THROUGH THE EYES OF REVIERS «THE EDINBURGH REVIEW» IN 1802–1821

V.S. Eremin

The article considers the image of Greece in the pages of the periodical «The Edinburgh Review» in the period from 1802 to 1821. Particular attention is paid to the stereotypes of perception of Greek society by foreigners, as well as the authors of the magazine reflection on the past and future of the region.

Key words: history of Great Britain; the images of Greece; the Eastern Question; The Edinburgh Review.

Греческие территории, входившие в первой четверти XIX в. в состав Османской империи, начавшееся там национально-освободительное движение, приковали к себе внимание всей Европы. Агитация в литературе и обществе Западной Европы в пользу восставших греков вылилась в 1820-е гг. в «филэллинское движение». Не оставили без внимания эти актуальные события и шотландские обозреватели из литературно-критического журнала «The Edinburgh review». Авторы издания скрупулезно подходили к делу критики новинок книжного рынка и уделяли пристальное внимание литературе путешествий, в том числе связанной с Турцией и Балканами. Путевые заметки путешественников, или отчеты о военных действи-

ях, в которых фигурировали либо европейские соседи Великобритании, либо далекие страны Востока одинаково важны для понимания восприятия авторами эдинбургского ежеквартальника образа «Другого». Подобные обзоры также давали возможность не только познакомить читателя с чужими нравами, обычаями, или же достопримечательностями столиц, но и позволяли шотландским публицистам сравнивать британскую экономическую, социальную и политическую систему с иностранными.

Интерес к травелогам объясняется несколькими причинами. Одно из объяснений можно найти в «просветительских» корнях журнала. Еще Д. Юм, А. Смит, А. Фергюсон, Г. Хоум и Дж. Бёрнетт в своих изысканиях обращались к книгам о путешествиях и считали их дополнением своей философии¹. Будучи наследниками и пропагандистами идей просветителей, главный редактор журнала Ф. Джеффри и его коллеги считали, что они, предоставляя читателям информацию о людях за границей, поддерживают тем самым изучение человеческой природы.

Кроме того, в первые годы существования журнала британцы в условиях войн с Францией имели весьма ограниченные возможности путешествовать за границу, и такие обзоры были призваны удовлетворить страсть читателей к изучению других стран и народов.

Наконец, обзоры травелогов становились своеобразным форумом для обсуждения взаимоотношений между Британией и остальным миром в культурных, политических, социальных областях: литература путешествий давала возможность обозревателям «The Edinburgh review» обсуждать проблемы внешней политики, в том числе и «Восточный вопрос».

С конца XVIII в. в Великобритании наблюдался спрос на книги, посвященные Османской империи. Большинство работ посвященных Турции, так или иначе, касались и Греции. Этот регион особенно волновал обозревателей «The Edinburgh review». На страницах эдинбургского ежеквартальника нередко подчеркивалось, что Турция занимает пространство исключительной значимости – территории Греции, Египта и Палестины, являющихся колыбелью европейской цивилизации². В обзорах связанных с Османской империей прямо выражалась идея, что народы, нахо-

---

¹ Demata M. Prejudiced Knowledge: Travel Literature in the Edinburgh Review // British Romanticism and the Edinburgh Review. Ed. by M. Demata, D. Wu. Hampshire, 2002. P. 84.

² Ibid. P. 94.

дящиеся под гнетом султана, смогут освободиться от примитивного государственного строя турок.

Ф. Джеффри и его соратники по перу, старались представить на суд аудитории многогранный, лишенный предрассудков образ общества греков³. Но обзор, есть обзор, и зачастую шотландским критикам приходилось идти вслед за авторами работ, которых больше интересовали нравы жителей империи, нежели структура власти на местах, или характер экономического уклада. Заметим, что это вовсе не означало, что редакторы «The Edinburgh review» не дополняли отчеты путешественников собственными соображениями и комментариями.

Греция весьма часто упоминается на страницах эдинбургского ежеквартальника в период с 1802 по 1821 год. Сами обзоры можно условно разделить на несколько групп. Это критические статьи на отчеты путешественников, среди которых можно выделить «Путешествие по Османской империи, Египту и Персии» Г.А. Оливье⁴, «Путешествия по Греции и Турции» С.С. Соннини⁵, «Путешествие в Турцию, Малую Азию, Сирию и т. д. и по Египту» У. Уитмана⁶, «Путешествия на Ионические острова, в Албанию, Фессалию и Македонию в 1812 и 1813 гг. Х. Холланда⁷, «Наблюдения о путешествии по Испании и Италии в Неаполь, а оттуда в Смирну и Константинополь: содержащий описания основных мест этого пути, и замечания относительно нынешнего природного и полити-

---

³ Demata M. Op. cit. P. 89.

⁴ Travels in the Ottoman Empire, Egypt, and Persia, undertaken by order of the Government of France, during the first six years of the Republic. By G.A. Olivier, Member of the National Institute, of the Society of Agriculture of the Department of the Seine, &c. &c. Illustrated by engravings, consisting of human figures, animals, plants, maps, plans, &c. &c. To which is prefixed, a map of Greece, of the Archipelago, and of a part of Asia Minor. Vol. I. & II. Tranflated from the French. Longman, 1801 // The Edinburgh Review. Vol. I. London, 1802. P. 44-59.

⁵ Travels in Greece and Turkey, undertaken by order of Louis XVI, and with the authority of the Ottoman Court. By C.S. Sonnini, Member of several Scientific and Literary Societies, of the Societies of Agriculture at Paris, aud of the Observers of Men. Illustrated by Engravings, and a Map of those Countries. Translated from the French. 4to. 540 pp. 1801 // The Edinburgh Review. Vol. I. Edinburgh, 1803. P. 281.

⁶ Travels in Turkey, Asia Minor, and Syria, &c. and into Egypt. By William Wittman, M. D. 1803. London. Phillips // The Edinburgh Review. Vol. II. Edinburgh, 1804. P. 330.

⁷ Travels into the Ionian Isles, Albania, Thessaly and Macedonia, during the Years 1812 and 1813. Bv Henry Holland, M. D. F. It. S. &c Longman, Hurst, Rees, & Co. London, 1815 // The Edinburgh Review. Vol. XXV. Edinburgh, 1815. P. 455.

ческого состояния этих стран» Р. Сэмпла⁸, «Путешествие в Турцию, Италию и Россию в 1803, 1804, 1805 и 1806 гг.» Т. Макгилла⁹, «Путешествия в разные страны Европы, Азии и Африки» Э. Д. Кларка¹⁰, «Путешествия и поездки в 1809, 1810 и 1811 году, содержащие статистические, коммерческие и прочие замечания по вопросу о Гибралтаре, Сардинии, Сицилии, Мальте, Сериджо и Турции» Дж. Галта¹¹ и «Рассказ о путешествии в Морею» сэра Уильяма Гелла¹².

Другая категория обзоров затрагивает темы, связанные с проблемами внешней политики Великобритании или международных отношений в целом: «Фрагменты о балансе сил в Европе» Ф. Генца¹³, «Состояние иностранных дел Великобритании за 1809 год» Г. Ф. Леки¹⁴, «История Сули и Парги, содержащая их хронологию, а также их

---

⁸ Observations on a Journey through Spain and Italy to Naples; and thence to Smyrna and Constantinople: comprising a Description of the Principal Places in that Route, and Remarks on the present Natural and Political State of those Countries. By Robert Semple, author of "Walks and Sketches at the Cape", &c. 2 vol. Pp. 484. London. Baldwin. 1807 // The Edinburgh Review. Vol. XI. Edinburgh, 1808. P. 88.

⁹ Travels in Turkey, Italy, and Russia, during the Years 1803, 1804, 1805 & 1806. With an Accounts of the Greek Islands. By Thomas Macgill. 2 vol. London, Murrey. Edinburgh, Constable & Co. 1808. Pp. 522 // The Edinburgh Review. Vol. XII. Edinburgh, 1808. P. 318.

¹⁰ См.: Travels in various Countries of Europe, Asia, and Africa. By Edward Daniel Clarke, LL. D. Part the First—Russia, Tartary, and Turkey. 4to. Pp. 788. London, Cadell & Davies. Cambridge, University Press. 1810 // The Edinburgh Review. Vol. XVI. Edinburgh, 1810. P. 334; Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. By Edward Daniel Clarke, LL.D. Part the Second. Greece, Egypt, and the Holy Land. Pp. 715. London. Cadell and Davies. 1812 // The Edinburgh Review. Vol. XXI. Edinburgh, 1813. P. 130.

¹¹ Voyages and Travels in the Years 1809, 1810, and 1811, containing Statistical, Commercial and Miscellaneous Observations on Gibraltar, Sardinia, Sicily, Malta, Serigo and Turkey. By John Galt. 4to. Pp. 451. Cadell and Davies, London, 1812 // The Edinburgh Review. Vol. XXIII. Edinburgh, 1814. P. 40.

¹² Narrative of a Journey in the Morea. By Sir William Gell, M.A. F.R.S. F.S.A. London, 1823 // The Edinburgh review. Vol. XXXVIII. Edinburgh, 1823. P. 314.

¹³ Fragments upon the Balance of Power in Europe. Translated From German of the Chevalier Fred. Gentz. Peltier, London, 1806. Pp. 335. 8vo. // The Edinburgh Review. Vol. IX. Edinburgh, 1807. P. 253.

¹⁴ The Orders in Council and the American Embargo beneficial to the Political and Commercial Interests of Great Britain. By Lord Sheffield. Pp. 51. London. G. & W. Nicol. 1809.; The Speech of James Stephen, Esq. in the Debate in the House of Commons, March 6th, 1809, on Mr. Whitbread's Motion relative to the late Overtures of American Government: with Supplementary Remarks on the Recent Orders in Council. Pp. 130. London., Hatchard. 1809.; State of the Foreign

войны с Али-пашой», «Серия исторических и политических подлинных документов, начиная с 1401 г. и заканчивая 1818 г., которая будет представлена на рассмотрение парламентом Великобритании от имени граждан Парги», «Материалы в Парге и на Ионических островах, с серией переписки и других подтверждающих документов»¹⁵.

Последняя группа публикаций представляет собой обзоры работ исторического содержания или мемуаров: «Мировая история, начиная с царствования Александра и до Августа» Д. Гиллиса¹⁶ и «Анастасий; или мемуары грека, написанные в 18 веке» Анастасия¹⁷.

Следует отметить, что после начала Греческой революции в 1821 г., обзоры на работы посвященные как Османской империи в целом, так и Греции встречаются крайне редко, а с 1825 г. – преимущественно в контексте международной политики. Причиной потери интереса к греческим территориям, могло стать отсутствие «подходящих работ», или же смещение приоритетов редактора издания. Не стоит забывать, что количество обзоров, публикуемых в одном номере ежеквартальника с конца 1810-х гг. заметно снижается, а объем их становится больше. Наконец, настроенным исключительно прагматически редакторам «The Edinburgh Review» просто претит революционная романтика.

Османская империя, в качестве сосредоточения деспотии и варварства, привела к упадку колыбель европейской цивилизации, фундаментом которой выступают Античная Греция и Египет. Это отражается не только в запустении и упадке покоренных территорий Европы и Северной Африки, но и в пагубном влиянии турок на нравы местных жителей. «Трусость, невежество и бесчестие современных греков продолжается долгое время, чтобы

Affairs of Great Britain, for the Year 1809. By Gould Francis Leckie, Esq. London. Chapple. 1809 // The Edinburgh Review. Vol. XIV. Edinburgh, 1809. P. 442.

¹⁵ The History of Suli and Parga, containing their Chronology as well as their Wars against Ali Pacha. Venice, 1815; A series of Historical and Political authentic Documents beginning from the year 1401 and ending with the year 1818, to be presented to the Parliament of Great Britain in behalf of the Citizens of Parga; Proceedings in Parga and the Ionian Islands, with a series of Correspondence and other justificative. Documents. By Lieutenant-Colonel C.P. de Bosset. London, 1819 // The Edinburgh Review. Vol. XXXII. Edinburgh, 1819. P. 263.

¹⁶ The History of the World, from the Reign of Alexander to that of Augustus. By John Gillies, LL. D. 2 vol. 4to. Caddell & Davies, London, 1807 // The Edinburgh Review. Vol. XI. Edinburgh, 1808. P. 40.

¹⁷ Anastasius; or Memoirs of Greek, written in 18th Century. London. Murrey. 3 vol. 8vo // The Edinburgh Review. Vol. XXXV. Edinburgh, 1821. P. 92.

стать темой для путешественников, и в частности французских. Но в настоящее время обнаружено, что под этими качествами скрыты зародыши всего великого и героического; что доблесть древней Спарты, элегантность Афин, и утонченность всей Греции, ждуют освобождения от варварских притеснений турок, чтобы прорваться во всей своей первоначальной красе»¹⁸. Но справедливости ради, эдинбургские обозреватели, отмечают, что ещё «под римским господством, греки полностью утратили боевой дух, и выродились в народ подлых льстецов; их торговля и промышленность претерпела удивительные ухудшения»¹⁹. Авторы обзоров также отмечают, что в свое время «греческие и римские философы предпочитали своим коррумпированным правителям дикие орды Скифии²⁰, т. е. в те далекие времена перспектива оказаться под гнетом деспотичных варваров их не пугала, а, наоборот, в этом они видели способ политической борьбы.

Мысли об античном прошлом, наполненном «мужеством, героизмом и талантами», не дают шотландским публицистам спокойно смотреть на «подлость и рабство» греков. Упадок греческих территорий, проявился не только в характере её жителей. Пострадала и интеллектуальная жизнь греков. На место Платона, Аристотеля и других великих философов античности, пришли невежественные священники и ученые из числа еще более невежественных простых людей²¹.

Греки иногда могут выступать и тормозом в развитии империи. Так, флот, реформированный адмиралом Гази Хасан-пашой²² при помощи барона де Тотта²³, серьезно уступал европейскому. Одной из причин являлся тот факт, что реформатор продолжал укомплектовывать его «греками, несведущими в навигации»²⁴. Автор отчета о своих странствиях, под «греками», конечно, мог подразумевать самые разные балканские народы, но редакторы все-таки вставили в обзор именно этот термин, добавив противоречивости в образ некогда славных эллинов.

---

¹⁸ *Travels in Greece and Turkey, undertaken by order of Louis XVI...* P. 281.

¹⁹ *Ibid.* P. 282.

²⁰ *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa....* P. 132.

²¹ *Observations on a Journey through Spain and Italy to Naples...* P. 99.

²² *Erickson E.J., Uyar M. A Military History of the Ottomans: From Osman to Atatürk.* Santa-Barbara, California, 2009. P. 119.

²³ *Travels in Turkey, Asia Minor, and Syria, &c. and into Egypt...* P. 336.

²⁴ *Travels in the Ottoman Empire, Egypt, and Persia...* P. 46.

На упадке греков сказывается и религиозная политика турок. Несмотря на турецкое гостеприимство к путешественникам из Европы, мусульманское население Порты проявляет нетерпимость по отношению к христианам, в том числе и к грекам, считая их «неверными подлецами»²⁵.

Авторы «The Edinburgh review» отмечают, что хотя Западная Европа не спешит помочь грекам избавиться от турецкого гнета и высказывает, таким образом, свое пренебрежение к античному наследию, «наследники Эллады» не берут в расчет, что «ни одна освободительная война не ведется без корыстных целей»²⁶. Редакторы издания искренне полагают, что если Османская империя падет, то появится не Спарта или Афины, а Греческая империя²⁷.

При этом сами греки вполне способны на мятеж. Они поддержали восстание Османа Пазвантоглу в 1795 г., прельстившись его инициативой по отмене введения новых налогов²⁸. Греки, даже живущие в Константинополе, как рапортуют путешественники, а за ними и обозреватели эдинбургского ежеквартальника, часто свободно высказывают крамольные мысли о политическом климате в стране²⁹.

Деспотический характер политической системы Турции отражается в нравах её жителей. Заурядным развлечением греков, наряду с турками и армянами, является курение трубки и распитие кофе под раскидистыми ветвями дубов, «пребывая в невежественном счастье»³⁰.

Описывая пороки греческих нравов, ставших следствием дурного турецкого влияния, авторы эдинбургского ежеквартальника говорят, прежде всего, о жителях Балкан. Островные греки, в силу объективных обстоятельств, меньше взаимодействует с турками, а посему выглядят более достойно и благородны по отношению к своим «лживым, грубым, суеверным и бедным»³¹ континентальным собратьям. Они сохранили вкус к искусству, трудолюбивы, активно и не без успеха занимаются торговлей и земледелием.

---

²⁵ Travels in Turkey, Italy, and Russia, during the Years 1803, 1804, 1805 & 1806. With an Accounts of the Greek Islands... P. 318.

²⁶ The Orders in Council and the American Embargo beneficial to the Political and Commercial Interests of Great Britain... P. 476.

²⁷ Ibid. P. 477.

²⁸ Travels in the Ottoman Empire, Egypt, and Persia... P. 49.

²⁹ Voyages and Travels in the Years 1809, 1810, and 1811...P. 56.

³⁰ Observations on a Journey through Spain and Italy to Naples; and thence to Smyrna and Constantinople... P. 96.

³¹ Travels in the Ottoman Empire, Egypt, and Persia... P. 57.

Здесь сохранилось больше античного наследия Греции. Так, остров Лесбос, родина Сапфо, по-прежнему славится своими выдающимися поэтами и музыкантами³². Здесь сохранился «претерпевающий изменения» древний обычай, по которому старшая дочь наследует имущество родителей³³. На Наксосе, родине Бахуса, сохранились ворота и фундамент его храма рядом с фонтаном Ариадны³⁴. В описании островов авторы стремятся разглядеть былые расцвет и величие Эллады.

Схожи с островными братьями, и греки, проживающие в столице Албании Яннине³⁵. Албанская столица является пристанищем для «выходцев из разных европейских стран». Здесь проживают турки, албанцы и евреи, но «греки, вероятно, самые многочисленные, и, конечно, самые достойные»³⁶. Греческое население Янина, как и островитяне, трудолюбивы и усердны. Они успешно торгуют с разными странами Европы и Россией, пополняя тем самым казну. Многие из них являются книжными знатоками, а две трети местных изданий представляют собой переводы европейских произведений. Янина является так же и центром образования, где ведущие позиции занимают опять-таки бывшие эллины³⁷.

Образ греков и Греции, как и изображение Египта, или Османской империи многогранен и состоит из нескольких уровней. Мы можем увидеть два противостоящих друг другу стереотипных элемента – общий упадок, «вырождение» греков и античное наследие, имеющие значение не только для части Турции, но и всей Европы в целом. При этом запустении присутствует на фоне «тлеющих углей Эллады», которые могут и должны, по мнению авторов «The Edinburgh review», рано или поздно разгореться с новой силой. Уклад островных греков, во всяком случае, дает на это надежду. Безусловно, авторы черпают сведения о состоянии греческого общества опосредованно, через источники не всегда точные и порой чрезмерно субъективные, но в размышлениях о будущем Греции они независимы от своих информаторов. И здесь уже мы наблюдаем непосредственно мнения самих авторов.

---

³² Travels in the Ottoman Empire, Egypt, and Persia... P. 56.

³³ Ibid. P. 57.

³⁴ Ibid. P. 58.

³⁵ Travels into the Ionian Isles, Albania, Thessaly and Macedonia, during the Years 1812 and 1813. P. 457.

³⁶ Ibid. P. 457.

³⁷ Ibid. P. 463.

ОБРАЗ ВОСТОКА ВО ФРАНЦУЗСКИХ ТРАВЕЛОГАХ РУССКОЙ КНЯГИНИ ЛИДИИ ПАШКОВОЙ

Е.Н. Моисеева

Саратовский государственный технический
университет им. Гагарина Ю.А.,
кафедра «Менеджмент туристического бизнеса»
E-mail: moiseevaen@rambler.ru

В статье исследуется травелог русской княгини Лидии Александровны Пашковой «Путешествие в Пальмиру»; изучается путевая повседневность русской путешественницы по Востоку. Данное исследование вписывается в широкий контекст изучаемой в философии, социологии, психологии, истории проблемы феномена «Иного».

Ключевые слова: путешествие; травелог; Лидия Александровна Пашкова; Пальмира.

IMAGE OF THE EAST IN THE FRENCH TRAVELOGUE RUSSIAN DUCHESS LYDIA PASHKOV

E.N. Moiseeva

In the article the travelogue of Russian Princess Lydia Alexandrovna Pashkova «Journey to Palmyra»; track daily studied traveler in the East. This study fits into the broader context of the study in philosophy, sociology, psychology, history of the problem of the phenomenon of «the Other».

Key words: travel; travelogue; Lidia Pashkova; Palmyra.

Путешествие как историко-культурный феномен заслуживает того, чтобы быть изученным с самых разных точек зрения. Изучение литературы путешествий, травелогов в настоящий момент одно из актуальных направлений гуманитарных исследований. Вслед за А. Бондаревой под травелогом я понимаю «не просто повествование о поездке, экспедиции, но повествование, подкреплённое историческими свидетельствами (зарисовками, картами, видами городов), не чуждое сопоставительного анализа (что было на территории в прошлом, а что теперь), и рефлексии пишущей

го»¹. Именно такими были очерки о путешествиях русской княгини Лидии Александровны Пашковой.

В работе Бенедикта Моника «Библиография рассказов о путешествиях женщин (XIX век)»² перечислены работы женщин-путешественниц и в том числе названа работа Лидии Александровны Пашковой – русской путешественницы, которая побывала на Востоке – «На Востоке. Драмы и пейзажи»³.

Однако путевые заметки и очерки Л.А. Пашковой не изучались специально. Член Французского Географического общества и большой знаток Востока оказалась незаслуженно забыта, хотя, музыкальной публике Лидия Пашкова известна как автор либретто к балету «Раймонда». Исследователи балета довольно иронично отзываются о Лидии Пашковой, называя ее «светской хроникершей». В одной из статей, посвященной балету «Раймонда» «Код Петипа, или В поисках Раймонды, часть 1» автор – Иван Семиречинский пишет о Л. Пашковой следующее: «Петербургская корреспондентка французской газеты «Фигаро» и русской «Южный край», Лидия Александровна не удовлетворялась возложенной на нее ролью светской хроникерши. Сочиняла еще и незатейливые дамские романы, и пьесы, полагая их «картинами из современной жизни», и, коль скоро балет был в моде у света, решила оставить свой след и в балете. Очевидно, она имела влиятельных покровителей при дворе, и отделаться от ее балетных сценариев было не так-то просто»⁴.

Русский биографический словарь дает нам скудные сведения о Л. Пашковой: «Лидия Александровна, урожденная Глинская, в первом браке за Телешовым – русско-французская писательница. Много путешествовала по Египту, Палестине и Сирии; одно время состояла корреспондентскою «Figaro» из Петербурга. Отдельно изданы: «La princesse Vera Glinsky. La niania Marpha. Un divorce en Russie» (в «Bibliothèque Contemporaine»); «Moeurs russes» (С.-Петербург, 1876–1877); «En Orient. Drames et paysages» (П., 1879)»⁵.

---

¹ Бондарева А. Литература скитаний. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2012/7/bo18.html> (дата обращения: 12.05.2015)

² Bénédicte M. Pour une bibliographie des récits de voyages au féminin (XIXe siècle) // *Romantisme*. 1992. №77. P. 95–100.

³ Paschkoff L. *En Orient. Drames et paysages*. Paris, 1880.

⁴ Семиречинский И. Код Петипа, или В поисках Раймонды, часть 1 URL: <http://www.balletbase.com/ru/publications/petipacode> (дата обращения: 12.05.2015).

⁵ Русский биографический словарь. URL: <http://rulex.ru/01160192.htm> (дата обращения: 12.05.2015).

В другом справочном издании «Писательницы России» читаем следующее: «Лидия Александровна (урожденная Васильчикова; в первом браке Телешова; 1850 – после 1909), публицистка, писательница. Сотрудница газеты «Новороссийский телеграф» (1880-е гг.). В этой газете был напечатан очерк «Путешествие в Пальмиру» (1879. № 1260, 1274, 1284). В «Гражданине» печатала «Корреспонденции с Востока. Очерки восточной жизни: Бейрут» (1876. № 47, 48, 49; 1877 № 13). Была также корреспонденткой французской газеты «Le Figaro». Автор книги «Французские и английские колонии на Крайнем Востоке и на Востоке (Из записок кругосветной путешественницы)»⁶ – Одесса, Тип. «Новоросс. телеграфа», 1886. В Москве в 1898 г. вышли либретто балетов: «Золушка. Краткое содержание фантастического балета в 3-х д. Л. Пашковой. Музыка Б. Шелль» (Переизд. в СПб., 1893) и «Раймонда. Балет в 3-х д. Сюжет заимствован из рыцарской легенды. Соч. Л. Пашковой. Муз. А. К. Глазунова» (переизд. в 1909, 1913). О ней: Новости. 1879 № 106; Современность, 1879 № 49»⁷. Точной даты смерти Л. А. Пашковой пока обнаружить не удалось, после революции 1917 г. следы ее теряются.

В рамках данной публикации сделана попытка проанализировать один из травелогов Лидии Александровны Пашковой «Путешествие в Пальмиру», опубликованный в 1877 г. на страницах популярного французского журнала «Тур де Монд»⁸ на французском языке (на русский язык очерк был переведен двумя годами позднее). Наше внимание привлекала как личность самой путешественницы, так и путевая повседневность русской путешественницы по Востоку, рассмотрены представления Лидии Пашковой о «чужой» культуре. Анализ травелогов русской путешественницы по Востоку, пишущей на французском языке, продвинет нас дальше на пути осмысления путешествия как социокультурного и географического феномена, позволит лучше узнать ментальный климат эпохи.

В XIX веке человек путешествующий воспринимался современниками как, безусловно, интересная личность. На мой взгляд, заслуживает внимание сама личность путешественницы. Перед

---

⁶ Пашкова Л.А. Французские и английские колонии на Крайнем Востоке и на Востоке (Из записок кругосветной путешественницы). Одесса, 1886.

⁷ Писательницы России. Материалы для библиографического словаря / сост. Ю.А. Горбунов. URL: <http://book.uraic.ru/elib/authors/gorbunov/sl-15.htm> (дата обращения: 12.05.2015)

⁸ *Lydie P. Voyage à Palmyre // Le Tour du Monde. 1877/01 (33)-1877/06. P. 161-176.*

нами русская княгиня, журналистка, писавшая на французском языке свои путевые заметки. Судя по всему, она слыла в Петербурге конца XIX в. дамой известной, влиятельной, респектабельной и весьма уважаемой. Лидия Александровна состояла в переписке с К.М. Михайловским, князем А.И. Урусовым, журналистом А.С. Сувориным, журналистом Вуколой Лавровым. Ее письма хранятся в фондах РГАЛИ⁹ и их еще предстоит изучить. Даже сам Л.Н. Толстой заглядывал в ее очерки, пишет А.И. Шифман: «Некоторые сведения об Африке Толстой почерпнул и из книги русской путешественницы Лидии Пашковой «Французские и английские колонии на крайнем Востоке и на Востоке» (Одесса, 1886)»¹⁰.

Французы – современники Л.А. Пашковой отзывались о ней с большим почтением. Чем же заинтересовала своих французских читателей русская княгиня, писавшая на французском языке свои очерки о путешествиях по Востоку? В предисловии к работе «На Востоке: Драмы и пейзажи» написано: «Этот труд написан автором, путешествующим по Востоку, женщиной, которая находилась вблизи выдающихся господ Дамаска, Каира, была знакома с арабами пустыни, посетила руины Пальмиры, побывала в тени Пирамид, сама преображалась то в сирийку, то в египтянку»¹¹. На страницах французской «Женской газеты» 1879 г. об этом же произведении написано следующее: «Мадам Пашкова прожила в Сирии и Египте, то в окружении почтенных сеньоров Дамаска и Каира, то в одиночестве в горах Ливана... Она и побывала у подножья Пальмиры и в тени Пирамид.... Повсюду с этой склонностью к ассимиляции, так свойственной русским, она смогла передать в своих очерках как в общем и целом, так и в деталях характерные черты каждого места»¹².

На сайте, посвященному Эдуарду Шартону (1807–1890) – издателю знаменитого журнала путешествий «Тур де Монд» о Лидии Пашковой говорится как об особе очень компетентной даме, не случайно Эдуард Шартон взялся публиковать ее очерки-травелоги¹³.

---

⁹ РГАЛИ. Ф. 308. Оп. 1. Ед. хр. 18; Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 3206; Ф. 514. Оп. 1. Ед. хр. 240; Ф. 519. Оп. 1. Ед. хр. 56; Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 158; Ф. 1348. Оп. 1. Ед. хр. 649; Ф. 3074. Оп. 1. Ед. хр. 919.

¹⁰ Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1971.

¹¹ Paschkoff L. Op. cit. P. 5.

¹² La Gazette des femmes. 1879. № 60. P. 5

¹³ См.: Lydie P. Voyage à Palmyre; *Idem.* Sinope (Asie mineure). Six mois de séjour dans l'antique capitale de Mithridate et la patrie de Diogène // Le Tour

«Мадам Пашкова – член Парижского Географического общества – эрудит во многих областях предпринимала путешествия в малоизвестные, а часто опасные регионы Малой Азии... Не только вкус к путешествиям толкает ее в путь... Она археолог – обнаруживает древний акведук, находит мозаику на глубине полутора метров под землей. На тайных раскопках обнаруживает золото, серебро, кожу, но мадам Пашкова ограничивается тем, что «скромно» передает находки более знающим людям. Она и историк, рассказывает нам о жизни царя Митридата, побывав на его родине. Она – географ – интересуется растительностью, гидрографией, рельефом... Ставит научные вопросы: например, каков возраст Синопского перешейка?»¹⁴

«Путешествие в Пальмиру» – один из травелогов Л.А. Пашковой, в котором перед нами предстает, безусловно, женщина неординарная, хотя бы потому, что она отважилась совершить путешествие на Восток, которое в конце XIX в. было не всегда безопасным. В начале повествования Лидия Александровна писала, что долго мечтала о Пальмире и, наконец, отправилась туда из Египта 9 марта 1872 года¹⁵. С палатками, лошадьми и мулами для снаряжения, побывав в Палестине и Сирии, она приехала в Дамаск в апреле, там она «приняла некоторые меры безопасности» и отправилась в Пальмиру. Увидеть Пальмиру дано немногим людям, отмечала Л.А. Пашкова, – тем более немногим женщинам¹⁶.

К её каравану присоединился и консул России в Дамаске. Консул передвигался в сопровождении «вооруженной до зубов охраны из двух человек». Свита княгини состояла из двух женщин, которые предоставил ей некий араб Мухамед. У неё самой также было 2 револьвера¹⁷. Рано утром 15 апреля 1872 г. караван отправился в путь. Живописное описание пути, по которому следовал караван, безусловно, притягивал внимание читателей. Пашкова рисовала красоты восточной природы, так непохожей на евро-

---

du Monde. 1888–1889. Т. 57. Отд. изд. вышли работы: *Lydie P. En Orient. Paris, 1880; Idem. En Orient. Drames et paysages. Paris, 1880.*

¹⁴ Édouard Charton. URL: <https://sites.google.com/site/edouardcharton/05directeurpublicationhachette> (дата обращения: 12.05.2015).

¹⁵ *Lydie P. Voyage à Palmyre // Le Tour du Monde. 1877/01 (33)-1877/06. P. 161.*

¹⁶ *Lydie P. Voyage à Palmyre... P. 168.*

¹⁷ *Ibid. P. 162.*

пейскую. «Пустыня», «бедуины», «крики шакала ночью» – все это утоляло потребность европейской публики в экзотике.

Из очерка мы узнаем, что караван княгини Пашковой передвигался в сопровождении бедуинов на верблюдах, сама она передвигалась на лошади, как и ее европейские попутчики, 33 мула несли поклажу. Дневные переходы составляли порядка 10 часов. Ночевали путешественники в палатках. Лагерь устанавливали бедуины. «Наш лагерь состоял из многочисленных палаток. В моей палатке был кабинет и комната туалета, была еще палатка консула, палатка-столовая»¹⁸. Переход через пустыню Л. Пашкова описывала как незабываемое приключение. «Наши бедуины убили огромную ящерицу – метр длиной как крокодил». А сама она чуть не закричала от ужаса, когда её лошадь переехала огромную змею¹⁹.

Воды в пустыне не хватало. Консул отправлял бедуинов на поиски воды. А сама княгиня писала: «В пустыне вода плохого качества, я всю дорогу пила лишь вино»²⁰. Поражает своим разнообразием ужин, который описала Лидия Пашкова, уже в самих развалинах Пальмиры: «На ужин у нас были консервы из омаров, спаржа, паштет, мясо, куры и даже пудинг, а также великолепное вино из Бургундии и Шампани, не считая кофе и ликеров»²¹. Судя по этому замечанию, провизии в пути было достаточно.

Путешественница пыталась предстать перед своими читателями объективным наблюдателем, бесстрастно излагающими на бумаге увиденное и пережитое в пути. Однако, она принадлежала к определённой культурной традиции и приехала в Сирию с уже сформировавшимися на родине стереотипами, например, о превосходстве Запада над Востоком. Чувство европейского превосходства особенно проявлялось, когда Лидия Пашкова описывала туземное население. Превосходство не выказывалось открыто, скорее это было снисходительное отношение представителя «высшей» расы к представителю «низшей» расы. «Красавиц шейх пригласил меня посетить его гарем, и я нашла его жен и сестер очень красивыми»²². Л.А. Пашкова описала внешность этих женщин: «Это почти белая раса с розовыми щеками и большими глазами, обрамленными черными ресница-

---

¹⁸ *Lydie P. Voyage à Palmyre...* P. 162.

¹⁹ *Ibid.* P. 168.

²⁰ *Ibid.* P. 163.

²¹ *Ibid.* P. 170.

²² *Ibid.* P. 164.

ми... все женщины слушаются шейха беспрекословно...»²³. «Кто мог подумать, – писала далее Л.А. Пашкова, – что население этого города (Пальмиры) будет состоять из нищих бедуинов?»²⁴.

Лидия Пашкова в своем очерке предстает перед читателем отнюдь не праздной путешественницей. Прежде чем отправиться в путь она познакомилась с научной литературой и изучила работы тех, кто побывал в Пальмире до нее. Безусловно, Л.А. Пашкова хорошо знала историю древней Пальмиры. В своем очерке она цитировала графа Вольнея, посетившего Пальмиру за 100 лет до неё, цитировала Плиния, отметила работу Вадингтона «Греческие и латинские описания Сирии» (1870), ссылаясь на работы графа Мельхиор де Вогюэ²⁵. Лидия Пашкова подробно рассказала о Пальмире своим читателям. Например, описывая архитектурные особенности древнего города, Лидия Александровна обращала внимание читателей на количество метров в высоту или ширину той или иной постройки. В «Тур де Монд» очерк Пашковой снабжен многочисленными видами древней Пальмиры, сама княгиня обмолвилась, что караван сопровождал фотограф²⁶.

Несколько дней пробыли путешественники в Пальмире и осматривали развалины. Путешественники обнаружили там ценные находки. «Арабы принесли консулу кольцо с рельефом, изображающим амуров, он купил, чтобы подарить музею Санкт-Петербурга»²⁷, – писала княгиня Пашкова. «Я нашла несколько голов статуй из белого мрамора, правда не целые»²⁸, – похвалилась путешественница. Пребывание в Пальмире заставило Л.А. Пашкову задуматься над бренностью мира. «Никакие руины ни дают нам такого урока философии как Пальмира. Никогда и ничего здесь больше не будет, ни промышленности, ни торговли. Несколько бедуинов, которые живут в развалинах, лишь подтверждают бренность человеческого существования»²⁹.

---

²³ *Lydie P. Voyage à Palmyre...* P. 164.

²⁴ *Ibid.* P. 170.

²⁵ *Eugène-Melchior V., de. Syrie, Palestine, Mont Athos ; voyage aux pays du passé.* Paris, 1876.

²⁶ *Lydie P. Voyage à Palmyre...* P. 162.

²⁷ *Ibid.* P. 173.

²⁸ *Ibid.* P. 174.

²⁹ *Ibid.* P. 170.

Обратный путь русской княгини лежал через Бейрут в Египет. В последующие годы Л. Пашкова продолжала путешествовать по Востоку и публиковать во французских журналах свои очерки.

Диалог культур имеет множество ракурсов изучения. Анализ текстов, описывающих «чужую» культуру, «чужие» варианты поведения, необходим для более детального изучения идей, понятий, логических приемов, составляющих ментальную атмосферу, «интеллектуальный климат» эпохи. Актуализации «старых» текстов, таких, как «Путешествие в Пальмиру» Лидии Пашковой помогает понять ушедшую эпоху во всем ее многообразии. Дальнейшее исследование будет посвящено изучению как биографии Лидии Александровны Пашковой, так и ее произведений.

ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ АМЕРИКАНСКИМИ АНАЛИТИЧЕСКИМИ ЦЕНТРАМИ

С.Ю. Шенин

Саратовский государственный университет,
кафедра международных отношений
и внешней политики России
E-mail: sheninsy@sgu.ru

В данной статье анализируются взгляды и позиции различных американских аналитических центров, начиная от демократического Института Брукингса и заканчивая консервативным Атлантическим советом, в отношении современной внешней политики Турции. Представлены оценки аналитических центров турецкой внешней политики на российском и западном направлении, включая анализ комплекса причин активизации российско-турецких отношений.

Ключевые слова: США; Турция; Россия; внешняя политика; аналитические центры; Институт Брукингса; Фонд Карнеги за международный мир; Совет по международным делам; Атлантический совет.

THE PERCEPTION OF THE CONTEMPORARY TURKISH FOREIGN POLICY BY AMERICAN THINK TANKS

S.Y. Shenin

Attitudes and opinions of various American think tanks, from the Democratic Brookings Institution to Conservative Atlantic Council, in respect to the modern Turkish foreign policy are analyzed in the article. Think tanks views on Turkish policy towards Russia and the West are also represented in the article, including studying the complex of causes which led to the intensification of the Russian-Turkish relations.

Key words: USA; Turkey; Russia; foreign policy; think tanks; Brookings Institution; Carnegie Foundation for International Peace; Council on Foreign Relations; Atlantic Council.

В течение 2014 и 2015 гг. американские «мозговые центры» резко увеличили количество материалов, посвященных Турции. Это связано, в первую очередь, с рядом шагов турецкого президента Реджепа Эрдогана, которые выглядят крайне неоднозначно с точки зрения интересов западного сообщества. Особенно это касается ук-

решения отношений с Россией через строительство нового газопровода, получившего название «Турецкий поток», крайней осторожности Турции в отношении совместных операций с США против фундаменталистской группировки «Исламского государства» и торжественного приема лидера Палестинской автономии Махмуда Аббаса в новой резиденции.

Многочисленные разногласия и открытое движение Турции в сторону своих восточных соседей в очередной раз подняли на Западе вопрос о том, насколько надежным союзником можно считать Турцию. И союзником ли вообще, ибо сегодня ни один западный политик не может дать полной гарантии участия Турции в геополитических планах атлантического сообщества.

Анализ публикаций крупнейших американских «мозговых центров» показывает весьма заметное расхождение их позиций в отношении Турции. Направление разработок каждой из рассматриваемой здесь организаций четко коррелируется с идеями политических группировок, стоящими за каждым «мозговым центром».

Так, либерально-центристский Институт Брукингса – интеллектуальная цитадель действующей демократической администрации США – акцентирует внимание на потенциале укрепления позиций Турции на мировой арене с помощью решения проблем, существующих в отношениях Анкары с Арменией, Израилем, Кипром, а также западным блоком в лице США и ЕС.

Основные выводы экспертов Института Брукингса (Кемаля Кириджи и Фионы Хилл) заключаются в том, что за 2014 г. отношения между Турцией и Западом серьезно ухудшились вплоть до того, что зазвучали идеи исключить Турцию из НАТО за ее нежелание вступать в войну против ИГ. Между тем, все признают, что победа над ИГ, завершение войны в Сирии и стабилизация Ирака невозможны без участия Анкары. Вице-президент США Джо Байден заявил во время визита в Турцию в ноябре, что «мы нуждаемся в Турции и, я думаю, что Турция так же нуждается в нас».

Эксперты центра прямо противопоставляют дружбу Турции с Западом отношениям с Россией. Они указывают, что президент России Владимир Путин выстраивает отношения с Турцией исключительно на зависимости последней от российских углеводородов. Именно поэтому Турция «молчит» по поводу аннексии Крыма, поддержки Россией президента Сирии Башара Асада, а также дефицита, который имеет Турция в торговле с РФ. К слову, в 2014 г.

Россия принимала лишь 8% турецкого экспорта, в то время как экспорт в ЕС составлял около 39%.

Эксперты считают, что сегодня в условиях нестабильности на юге и востоке, Турция нуждается в торговле с ЕС, а Европа, стесненная анти-российскими санкциями, нуждается в торговле с Турцией. Итоги последних лет свидетельствуют, что за 2013–2014 гг. экспорт из Турции в Россию упал более чем на 10%, в Иран – на 60%, на Украину – на 20%, но с ЕС, несмотря на рецессию, вырос на 9%. О вступлении Турции в ЕС, речи, конечно, не идет, но формировать доверительные отношения необходимо. США также могли бы сыграть не последнюю роль в «перетягивании» Анкары на Запад, например, путем включения Турции в новое Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство (ТТИР).

Таким образом, считают в Брукингсе, экономика является главной сферой, способной переориентировать Турцию в сторону Запада. В текстах экспертов института практически не говорится о проблемах курдов, Сирии, исламском фундаментализме, крымских татарах, ядерной программе Ирана или авторитарном стиле правления президента Р. Эрдогана. Все внимание нацелено на экономику и поощрение мер, направленных на углубление торговой интеграции со странами Запада и примирение с соседями, особенно на Кавказе¹.

Тот же круг проблем анализируется и аналитиками умеренно-либерального «Фонде Карнеги за международный мир» (Мустафой Гербузом, Байрамом Балджи, Марком Хиббсом). В отличие от экспертов Брукингса, которые рассматривают внешнеполитическое будущее Турции как более однозначный выбор в плане движения на восток или запад, в Карнеги отмечают множество точек соприкосновения в отношениях Москвы и Анкары. Энергетика, строительство, туризм, сельское хозяйство – все это сближает страны, несмотря на проблемы крымских татар, разногласия в вопросе будущего Башара Асада и т. д. Авторы полагают, что мно-

---

¹ Hill F., Kirişci K., Moffatt A. Armenia and Turkey: From normalization to reconciliation // The Brookings Institute. February, 2015. URL: <http://www.brookings.edu/research/articles/2015/02/armenia-turkey-normalization-reconciliation> (дата обращения: 01.05.2015); Kirişci K. Turkey and the Euro-Atlantic community: Turbulence and ties of interest // The Brookings Institute. February, 11. 2012. URL: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2015/02/11-turkey-euroatlantic-community-kirisici> (дата обращения: 01.05.2015); Kirişci K. Getting out of the «middle-income trap» // The Brookings Institute. February, 18. 2015. URL: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2015/02/18-getting-out-middle-income-trap-turkey-kirisici> (дата обращения: 01.05.2015).

гочисленные разногласия совсем не обязательно «пустят под откос российско-турецкие отношения».

В частности, аналитики фонда Карнеги указывает, что для Турции, как страны, которая связывает свое будущее одновременно и с Востоком, и с Западом, «украинский кризис» представляется крайне нежелательным внешнеполитическим событием. Обострение отношений между Россией и США на фоне войны в Украине вынуждает Анкару искать такую компромиссную позицию, которая устраивала бы и Москву, и Запад.

Так, после перехода Крыма в состав России, турецкие власти немедленно выступили с заявлениями о том, что беспокоятся за судьбы крымских татар (которые этнически близки к анатолийским туркам) и требуют сохранения территориальной целостности Украины, ибо в Анкаре опасались, что местные курдские сепаратисты захотят реализовать «крымский сценарий» на турецкой территории. Однако, несмотря на резкую риторику, эксперты центра уверены, что эти заявления носили «чисто символический» характер. Турецкое правительство не предприняло никаких действенных мер против России и, судя по всему, кризис на Украине не спровоцировал никаких негативных изменений в отношениях Анкары и Москвы, точно так же, как ранее Турция не решилась на конфликт с Россией ни по поводу поддержки Кремлем сирийского президента Б. Асада, ни по поводу пятидневной войны России с Грузией в 2008 году.

Главной причиной такой терпимой политики Турции ученые из Карнеги считают экономические отношения с Россией. Турция импортирует 60% газа из России, турецкие строительные компании активно работают на российских площадках, миллионы российских туристов обеспечивают весомый прирост в ВВП Турции, Россия представляет крупный рынок для экспорта турецкой сельскохозяйственной продукции и т. д. А жесткая оппозиция Анкары политике Кремля по Украине или по вопросу крымских татар угрожала серьезно подорвать позиции турецкого бизнеса в России и ударить по экономике Турции в целом. Несомненно, что сегодня Москва и Анкара имеют множество разногласий, но ни одна сторона не собирается пускать двусторонние отношения под откос из-за Грузии, Сирии или Украины².

---

² *Gurbuz M.* Kurds' Electoral Gamble // The Carnegie endowment for international peace. February, 24. 2015. URL: http://carnegieendowment.org/sada/index.cfm?fa=show&article=59167&solr_hilite (дата обращения: 09.05.2015); *Hibbs M.*

Аналитики из реалистско-центристского «Совета по международным делам» (Стивен Кук, Эрик Тилман, Исмет Биркан) пытаются анализировать ситуацию в Турции с использованием таких понятий, как «мусульманская демократия» или «султанат Эрдогана», а также с учетом тех последствий, которые принесет с собой авторитарный стиль правления турецкого президента. Эксперты центра описывают расширение полномочий президента как «начало конца демократии» в стране, что, по их мнению, приведет к тому, что судьба Турции и геополитических планов США и ЕС будет зависеть лишь от одного человека.

Эксперты центра в статье «Император Эрдоган» отмечают, что действия страны целиком зависят от того, что политически выгодно для президенту. К примеру, участие Турции в коалиции против ИГ, возглавляемой США, жестко привязано к требованию Эрдогана свергнуть Асада, что серьезно осложняет борьбу с террористами. По их мнению, в ближайшем будущем Анкара останется крепко связана с Западом с помощью торговли и членства в НАТО, однако уже стало очевидно, что Турция не уважает те принципы и идеалы, которые США и Европа считают основами государственного управления. Это принципиальное разногласие в итоге приведет к тому, что один человек «уведет страну от союзников в США и Европе, и ее влияние на Ближнем Востоке сведется к минимуму»³.

Turkey's Interests and Tanideh // The Carnegie endowment for international peace. February, 23. 2015. URL: <http://carnegieendowment.org/2015/02/23/turkey-s-interests-and-tanideh> (дата обращения: 09.05.2015); *Balci B.* Ukrainian Crisis and Its Limited Impact on Turkish-Russian Relations // The Carnegie endowment for international peace. February, 16. 2015. URL: <http://carnegie.ru/eurasiaoutlook/?fa=59069> (дата обращения: 09.05.2015).

³ *Cook S.* Emperor Erdogan // Council of foreign relations. February, 4. 2015. URL: <http://blogs.cfr.org/cook/2015/02/04/emperor-erdogan/> (дата обращения: 01.06.2015); *Cook S.* Sultanism or Not? Debating Turkish Politics // Council of foreign relations. February, 23. 2015. URL: <http://blogs.cfr.org/cook/2015/02/23/sultanism-or-not-debating-turkish-politics/> (дата обращения: 01.06.2015); *Berkan I.* The «delicate» relationship between Erdoğan and Davutoğlu // Hurriyet Daily news. February, 21. 2015. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/the-delicate-relationship-between-erdogan-and-davutoglu-.aspx?pageID=449&nID=78638&NewsCatID=513> (дата обращения: 01.06.2015); *Cook S.* Emperor Erdogan // Council of foreign relations. February, 4. 2015. URL: <http://blogs.cfr.org/cook/2015/02/04/emperor-erdogan/> (дата обращения: 01.05.2015); *Cook S.* Turkey Jerky // Council of foreign relations. January, 20. 2015. URL: <http://blogs.cfr.org/cook/2015/01/20/turkey-jerky/> (дата обращения: 01.06.2015).

Специалисты реалистско-консервативного направления из «Атлантического совета» (Фредерик Кемпе, Ричард Морнингстар) уделяют повышенное внимание вопросам энергетической безопасности Европы в свете турецко-российского газового сотрудничества. Их очень интересуют перспективы реализации новых проектов при поддержке Турции (в частности, «Южного газового коридора»). Они не считают отмену «Южного потока» или строительство «Турецкого потока» угрозой для интересов Запада. Более того, при рассмотрении своих проектов никто из экспертов даже не упомянул о возможности возражений со стороны Анкары, считая ее поддержку уже свершившимся фактом. Главное, на чем сосредоточены эксперты «Атлантического совета» – это привлечение к своим проектам Туркменистана, единственной страны, которая может заполнить европейские трубы альтернативным газом⁴.

Таким образом, местом Турции в текущей и будущей политике США интересуются в основном либеральные аналитические центры, которые размышляют над тем, что можно сделать, чтобы, с одной стороны, максимально глубоко интегрировать эту страну в мировую экономику и политику, а с другой стороны, ослабить ее связи с восточными странами, включая Россию. Что касается таких ведущих консервативных «мозговых центров», как RAND corporation или Heritage Foundation, то сегодня они не считают Турцию приоритетным направлением для своих исследований.

---

⁴ European Energy Security Challenges and Transatlantic Cooperation in 2015 // The Atlantic Council. February, 3. 2015. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/news/transcripts/ukraine-s-economic-reform-insights-from-the-newly-minted-minister-of-finance-2> (дата обращения: 01.07.2015).

УДК: 327.7

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЫБОР АРМЕНИИ – ВСТУПЛЕНИЕ В ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ

Д.Д. Фомина

Саратовский государственный университет,
кафедра всеобщей истории
E-mail: fdd.95@mail.ru

В статье ставится вопрос: является ли вступление в ЕАЭС стратегическим выбором для Армении. Автор определяет причины вступления Армении в Евразийский экономический союз, анализирует возможности одновременного сотрудничества с европейским и евроазиатским интеграционными объединениями. В ходе работы прослежены преимущества и недостатки вступления Армении в ЕС и ЕАЭС, изучена реакция населения на включение Армении в евразийское экономическое пространство.

Ключевые слова: Ассоциация с Европейским союзом; Евразийская система интеграции; Евразийский экономический союз; зона свободной торговли; российско-армянские отношения; членство Армении в ЕАЭС.

THE STRATEGIC CHOICE OF ARMENIA – ENTRY INTO THE EURASIAN ECONOMIC UNION

D.D. Fomina

The article raises a question whether or not the entry into EAEU is a strategic choice for Armenia. The author determines the causes of Armenia's joining the Eurasian Economic Union, analyzes the simultaneous co-operation with European and Euro-Asian integration associations. Throughout the article advantages and disadvantages of Armenia's accession to the EU and the EAEU are observed, and also people's reaction to the inclusion of Armenia in the Eurasian economic space is studied.

Key words: Association with the European Union; the Eurasian integration system; the Eurasian economic union; free trade zone; the Russian-Armenian relations; Armenia's membership in the EAEU.

Еще два года назад казалось, что союз между Россией и Арменией дал окончательную трещину, и внешнеполитические приоритеты стран оказались на разных направлениях. Армения двигалась в сторону Европейского союза, Россия шла по дороге построения самостоятельного объединения – Евразийского союза. Совместить два

пути было невозможно, приближался острый кризис в российско-армянских отношениях.

Армения и Европейский Союз в июле 2013 г. вступили в завершающую фазу переговоров по соглашению «О глубокой и всеобъемлющей зоне свободной торговли». Данный договор должен был стать составляющей соглашения об ассоциации, которое планировалось парафировать в конце года в Вильнюсе.

Несмотря на сближение отношений между Арменией и ЕС, 3 сентября 2013 г. произошло ключевое событие, расставившее все точки над «i» – по итогам визита в Москву Президент Республики Армения Серж Саргсян заявил о решении присоединиться к Таможенному союзу и принимать участие в формировании Евразийского союза. Смена геополитического курса Армении стала для всей Европы настоящим сюрпризом.

10 октября 2014 г. Республика Армения подписала Договор о присоединении к Евразийскому экономическому союзу. Серж Азатович пояснил свою позицию о желании участвовать в данном интеграционном блоке: «Находясь в одной системе военной безопасности (ОДКБ), невозможно и неэффективно изолироваться от соответствующего геоэкономического пространства. Это рациональное решение, это решение исходит из национальных интересов Армении»¹. Все вопросы, касающиеся интеграции должны быть подчинены основной проблеме – обеспечению безопасности страны. События на Ближнем Востоке обостряются с каждым днем. В данном ключе подчеркивается роль России как гаранта мира и безопасности в регионе в целом и Республики Армения в частности.

Существует мнение, что решение Республики Армения об отказе от тесного сотрудничества с европейской стороной является не самостоятельным, а навязанным Россией решением. Накануне Вильнюсского саммита Москва задействовала все возможные рычаги давления ради отказа Еревана от ассоциации с Евросоюзом. Таковым является мнение Давида Шахназаряна, бывшего министра национальной безопасности Армении. По его версии, давление производилось одновременно по нескольким направлениям. Один из возможных вариантов – угроза российского правительства подтолкнуть азербайджанскую сторону к развязыванию

---

¹ Александров М. Вступление Армении в Таможенный союз – это рациональное решение. REGNUM. 09. 09. 2013. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1704889.html> (дата обращения: 27.04.2015).

нового конфликта за Нагорный Карабах, так как многомиллиардные поставки российского вооружения в Азербайджан не могли обойти стороной внимание армян². НАТО, в данном случае, не может заменить ОДКБ, так как Турция является членом Североатлантического Альянса, а Азербайджан – союзник Турции. Становится понятным, что между ЕАЭС и ЕС победила Организация Договора о коллективной безопасности. Безопасность – это фактор, которым Армения не может пренебречь.

Следует добавить, что обострению социально-экономической ситуации в государстве поспособствовало и резкое увеличение стоимости топливного сырья, так как повышение цены на газ было крайне негативно встречено в армянском обществе.

Для Армении, как и для других государств программы «Восточного партнерства» (Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Молдавия, Украина) важно налаживать контакты с двумя союзами – Европейским и Евразийским экономическим. Однако параллельное участие в обоих объединениях, на мой взгляд, невозможно. Можно смело поставить знак равенства между участием в Евразийском экономическом союзе и конце диалога с европейскими структурами. Председатель комиссии по внешним отношениям Европарламента Эльмар Брок заявил о невозможности одновременного участия Армении в двух союзах. «Между ними есть юридические противоречия. Невозможно быть наполовину беременным»³, – подчеркнул он в интервью.

В любом случае Армения сделала свой выбор, хотя многие эксперты утверждают о невыгодности этого решения.

Сложно утверждать с абсолютной уверенностью, что членство Армении в ЕАЭС даст Еревану преимущества. «Внутренний рынок Европейского союза с 500 миллионами потребителей определенно должен быть интересен для Армении. Рынок же стран Евразийского экономического союза – это только 165 миллионов покупателей»⁴,

---

² *Марсина В.* Ереван закрыл путь в ЕС / Биржевой лидер. 05. 12. 2014. URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/armenia/entry1008237261.html#prettyPhoto> (дата обращения: 28.04.2015).

³ *Халатян А.* Интеграционные метания Армении / АРКА. 06. 09. 2013. URL: http://www.arka.am/ru/news/analytics/integratsionnye_metaniya_armenii/ (дата обращения: 28.04.2015).

⁴ *Кравцов Е.* Смена курса Армении стала для нас сюрпризом / Armenia Today. 05.09.2013. URL: http://armtoday.info/default.asp?Lang=_Ru&NewsID=95775 (дата обращения: 27.04.2015).

отмечает руководитель Восточного комитета немецкой экономики Райнер Линднер.

Тем не менее, основная масса в Армении на стороне евразийского сотрудничества. По мнению официальных властей Республики, участие в новом экономическом блоке принесет многочисленные выгоды экономике Армении, поскольку товарооборот внутри евразийской системы интеграции будет беспошлинным, и Армения получит гораздо больше возможностей экспортировать собственные товары на рынки этих государств. Это, в свою очередь, будет являться толчком для поступательного движения внутреннего производства, что, в свою очередь, увеличит занятость⁵.

Помимо движения товаров, экономика включает в себя и рынок капиталов, важную часть которого составляют трансферты из России. Только по официальным данным Цетробанка Республики Армения, частные переводы из Российской Федерации составляют около \$1,8 млрд. (17% ВВП страны). Что касается не отслеживаемых трансфертных потоков, то их сумма приближается к \$3 млрд. – почти годовому бюджету Армении⁶. Приведённые цифры позволяют сделать вывод о том, что Россия занимает лидирующее положение среди источников трансфертов Республики.

Кроме того, РЖД могут инвестировать в развитие армянской железнодорожной сети около 15 млрд. рублей, а Росатом совместно с армянскими коллегами будет работать над реализацией плана по увеличению срока эксплуатации действующего энергоблока Армянской атомной электростанции на 10 лет.

Депутаты Национального собрания Армении подавляющим большинством голосов поддержали инициативу вступления страны в ряды Евразийского экономического союза. 103 из 131 депутата армянского парламента оказались солидарны идее интеграции с Белоруссией, Казахстаном и Россией.

Что касается армянской оппозиции, мнение которой нельзя не учитывать, то лидер партии «Армянский национальный конгресс», первый президент Республики Армения Левон Тер-Петросян привел в пример Украину: «Неужели кому-то сложно понять,

---

⁵ *Оганова Н.* Российско-армянские отношения находятся на беспрецедентно высоком уровне / Ноев ковчег. 05.05.2014. URL: <http://novostink.ru/interviews/69080-rossiysko-armyanskie-otnosheniya-nahodyatsya-na-besprecedentno-vysokom-urovne.html> (дата обращения: 27.04.2015).

⁶ *Арамян А.* Каскады присутствия. URL: <http://golosarmenii.am/article/21228/kaskady-prisutstviya> (дата обращения: 28.04.2015).

что хотя бы в случае 10% потерь, выпавших на долю Украины, Армения исчезла бы с карты мира?» Левон Акопович недоумевает, почему некоторые все еще намеренно выступают против членства Армении в ЕАЭС, когда Запад воспринял эту новость вполне нормально. Горстка населения никаким образом не пытается считаться с действительностью, предпринимая попытки спровоцировать в Армении волну противоестественных антироссийских настроений притом, что для этого даже почвы нет. «И что с того, что Армения оказалась в составе ЕАЭС? Объявить общенациональный траур и окончательно привести в отчаяние народ, или наоборот – пытаться благоустроить страну, засучив рукава?»⁷, – продолжает Левон Тер-Петросян.

В связи с этим невозможно не задаться вопросом: неужели Европа навсегда потеряла Армению? Официальные власти утверждают, что нет. Глава МИД РФ С.В. Лавров подчеркнул: «Абсолютно некорректно пытаться заявлять, что создание зоны свободной торговли с Евросоюзом исключает какие-либо отношения с интеграционными процессами на пространстве СНГ»⁸.

На встрече, приуроченной к пятилетию программы «Восточное партнерство» в Праге, Серж Саргсян заявил, что «мы не хотим делать выбор между друзьями, а хотим иметь по возможности больше друзей»⁹.

В заявлении Еврокомиссии говорится: «Соглашение об ассоциации является основой для выгодных всем реформ, а не игрой с нулевым результатом, и могут быть совместимы с экономическим сотрудничеством членом Содружества Независимых Государств»¹⁰.

Говоря о взаимоотношениях России, Армении и Евросоюза в рамках ЕАЭС, нельзя исключать фактор присутствия и других акторов – участников интеграционного объединения. Минск, так же как и Астана, не имеют серьезных противоречий с Ереваном. Республики не могут похвастаться большим товарооборотом, а союз сможет в лучшую сторону изменить продвижение товаров.

---

⁷ Власов И. Оппозиция поддерживает вступление Армении в ЕАЭС / НАУWEB. 25.10.2014. URL: <http://hayweb.ru/news/politics/3239-oppoziciya-podderzhivaet-vstuplenie-armenii-v-evraziyskiy-ekonomicheskiy-soyuz.html> (дата обращения: 28.04.2015).

⁸ Там же.

⁹ Газазян А. Армения между Россией и ЕС / Deutsche Welle. 12. 05. 2014. URL: <http://www.dw.de/армения-между-россией-и-ес-баланс-в-рамках-заданных-москвой/a-17630250> (дата обращения: 28.04.2015).

¹⁰ Там же.

Учитывая проблему Нагорного Карабаха, ни Казахстан, ни Белоруссия не желают осложнять отношения с третьими государствами по этому вопросу. Казахстан тесно сотрудничает с Азербайджаном, Беларусь в качестве постоянного участника Минской группы ОБСЕ по урегулированию нагорно-карабахского конфликта между Арменией и Азербайджаном заинтересована соблюдать нейтралитет.

Что же получила Россия от вступления Армении в ЕАЭС? Для нашего государства включение нового игрока в единое экономическое пространство имеет большое значение не столько с экономической точки зрения, сколько с позиции геополитики. Закавказье дает огромное количество преимуществ тому, кто «шефствует» над ним. Имеются серьезные военно-стратегические причины сохранения мира в государствах Южного Кавказа. Нестабильное положение в потенциально опасном районе оказывает непосредственное влияние на безопасность России в целом и ситуацию в Северном Кавказе в частности. Поэтому для Москвы необходимо иметь собственную военную базу на территории Республики Армения. В случае выбора Арменией интеграции с Западной Европой, существование базы оказалось бы под знаком вопроса.

Так или иначе, о балансе Армении между Брюсселем и Москвой можно будет судить только через некоторое время. Сейчас ясно одно: Армения выбрала стратегически важнейшего партнера для развития Республики – Россию. Народы двух стран связывает многовековая дружба. Задача нашего поколения – сохранить эти связи. Мы должны смотреть в будущее, чтобы российско-армянское сотрудничество шло по нарастающей.

ПАМЯТЬ О КОНФЛИКТЕ ИЛИ КОНФЛИКТЫ ПАМЯТИ

УДК 327(47+560) | 1921 |

МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР 1921 г.: «ДОГОВОР О ДРУЖБЕ И БРАТСТВЕ»?

О.А. Шамарина

Управление международного сотрудничества и интернационализации Саратовского государственного университета,
Центр турецкого языка и культуры
E-mail: shamarina.olesya@yandex.ru

Московский договор от 16 марта 1921 г., впервые закрепивший дипломатические отношения между правительствами России и Турции, является предметом острых споров и по сей день. Договор «о дружбе и братстве» в силу остроты политического содержания в советское время и в последующие годы оставался одним из наименее исследованных международных документов. Снятие же грифа «секретно» с ряда сопутствующих договору документов позволило обратиться к первоисточкам современных российско-турецких отношений, разрушив многие установившиеся клише, и позволило дать новую, лишенную идеологических представлений, характеристику Договору о якобы «дружбе и братству».

Ключевые слова: Российско-турецкие отношения; Московский договор; 1921 г.; Ленин; Ататюрк; политика двойных стандартов.

THE TREATY OF MOSCOW'1921 IS A TREATY OF BROTHERHOOD, ISN'T IT?

O.A. Shamarina

The Treaty of Moscow (1921) which firstly established the diplomatic relations between the governments of Russia and Turkey is the subject of hot debate up to now. «The Treaty of Brotherhood» has remained one of the least studied international documents because of political content in the Soviet era and subsequent years. Declassification of some related to this theme documents has allowed to apply to the fountain-head of modern Russian-Turkish relations and to give a new devoid of ideological views notions to the Treaty of «unreal» Brotherhood.

Key words: Russian-Turkish relations; The Treaty of Moscow; 1921; Lenin; Ataturk; the policy of double standards.

Московский договор от 16 марта 1921 г., впервые закрепивший дипломатические отношения между правительствами России и

Турции, является предметом острых споров по сей день. Буквально пару лет назад наши страны отпраздновали 90-летний юбилей подписания знаменитого соглашения. Визит премьер-министра Турции Эрдогана в Москву вновь всколыхнул армянскую общественность, считающую договор «о дружбе и братстве» прямым нарушением буквы международного закона. Согласно армянскому видению, договор был заключен на тот момент непризнанными со стороны международного сообщества Правительством РСФСР и Турецким Великим Национальным Собранием. По существу, преступным сговором русской и турецких сторон были закреплены территориальные потери Армении¹. Этим договором стороны попрали нормы и принципы международного права. Без участия и согласия армянской стороны по решению договаривавшихся сторон территории Карской области и Сурмалинской провинции Армении были отданы Турции, а Нахичевань был передан под протекторат Азербайджана².

Договаривавшиеся стороны – Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и Турецкое Великое Национальное Собрание – на момент заключения договора не выступали в качестве субъектов международного права и потому заключенный между ними договор, с точки зрения международного права, не имеет юридической силы³.

Турецкое Великое Национальное Собрание на момент подписания договора выступало в лице Мустафы Кемала, в отношении которого Турецкий военный трибунал Османской империи вынес смертный приговор. И который, будучи преступником, скрывался от правосудия⁴. Неприятным является и тот факт, что в легитимность Московского договора не верят и большинство стран Запада, солидарных с позицией Армении⁵.

---

¹ Инджикян О. Армянский вопрос и советско-турецкие отношения. URL: [http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:R6706uAAd6QJ:lraber.asj-oa.am/4044/1/19886\(3\).pdf+&cd=12&hl=ru&ct=clnk&gl=ru](http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:R6706uAAd6QJ:lraber.asj-oa.am/4044/1/19886(3).pdf+&cd=12&hl=ru&ct=clnk&gl=ru) (дата обращения: 21.04.2015).

² Документы внешней политики СССР: в 23 т. М., 1961. Т. V. С. 138.

³ Resat K. The Cambridge history of Turkey. Vol. 4. Turkey in the Modern World. Cambridge, 2008. P. 142.

⁴ Хейфец А.Н. Советская дипломатия и народы Востока. 1921–1927. М., 1968. С. 57.

⁵ Swietochowski T. Russian Azerbaijan. 1905–1920. The Shaping of National Identity in a Muslim Community. N.Y., 1985. P. 52.

Не удивительно, что большинство отечественных и турецких исследователей рассматривают договор «о дружбе и братстве», заключенный Советской Россией и кемалистской Турцией, единственно верной альтернативой политики мира в условиях тогдашней международной ситуации. Так, например, О. Инджикян и А.Ф. Миллер положительно оценивали Московский договор, рассматривая его исключительно как дипломатическую победу Турции⁶. Советский исследователь А.Н. Хейфец отводит армянскому вопросу решающую роль в советско-турецком сближении⁷. Московский договор рассматривался им исключительно с позиций наилучшего решения проблемы, а территориальные уступки Турции были оправданы, ведь в противном случае, это могло вылиться в открытые боевые действия с кемалистами и присоединение их к блоку империалистических стран⁸.

Если вплоть до сегодняшнего дня не существует единой позиции относительно оценки договора, сегодня не вызывает сомнения, что Московский договор был подписан исключительно под нажимом турецкой стороны. Рассекреченные данные свидетельствуют о том, что Москва прекрасно знала о существовании в Турции правительственных кругов, выступающих именно за союз с Антантой⁹. Так руководитель советского информационного бюро в Трапезунде Г. Астахов еще 12 февраля 1921 г. телеграфировал Г.В. Чичерину: «создается впечатление, что кемалисты осторожно строят мостик возможного перехода в лагерь Антанты или, по крайней мере, разрыва с Советской Россией»¹⁰. Однако, например, посол Турции в РСФСР Али Фуад писал, что Турция давно убеждена в выгоде и получении максимальной пользы от Московского договора¹¹.

Выбирая между двух огней и прекрасно понимая, что советская сторона, в силу ее международной изоляции, готова пойти на материальные и территориальные уступки, турецкие патриоты еще до созыва Сивасского конгресса Общества защиты прав Анатолии и Фракии обсуждали вопрос о поездке своих представителей в Со-

---

⁶ Миллер А.Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983. С. 67.

⁷ Хейфец А.Н. Указ. соч.. С. 58.

⁸ Там же. С. 59–60.

⁹ Советско-турецкие отношения: сборник документов: в 2 т. М., 1947. Т. 1 (1917–1926). С. 341.

¹⁰ Цит. по: Расим Д.О. Русские, Ататюрк и рождение Турецкой Республики в зеркале советской прессы 1920-х гг. М., 2012. С. 54.

¹¹ Куреев Н.Г. История Турции XX в. М., 2007. С. 92.

ветскую Россию, чтобы заручиться ее поддержкой в освободительной борьбе. «Когда в России утвердился новый режим, – писал А.Ф. Джебесой, – мы много думали о прекращении турецко-русской вражды, посеянной правителями, и об укреплении братства и дружбы между нашими народами»¹².

4 февраля 1919 г. Мустафа Кемаль впервые рассказал журналистам, как он собирается использовать «дарованное на мгновение турку-мусульманину право жить, возможность думать и действовать»¹³, оговорив при этом, что его рассказ не предназначен для печати¹⁴. Вот текст его обращения: «...Если сейчас любой организатор отправится в Анатолию и подготовит народ к вооруженному сопротивлению, эта страна будет спасена. У великих держав есть и оборотная сторона. Не надо думать, что победа в войне принесла решение всех противоречий между союзниками. Настоящие противоречия, настоящая конкуренция и спор за раздел покойника начнутся именно теперь. С каждым днем сила у союзников убывает. Их армии постоянно уменьшаются из-за демобилизации. Англию и Францию, веками бывших противниками, объединила лишь опасность, исходившая от общего врага. Теперь же соперничество возобновится с той точки, на которой было приостановлено. Даже возобновились уже... У Италии тоже большие проблемы. Она тоже стоит на пороге внутренней смуты. Поэтому итальянцы вынуждены будут покинуть даже те земли, которые намерены аннексировать. В итоге ни одна из этих стран не способна будет противостоять национальному сопротивлению в Анатолии. Сейчас самое время для такого сопротивления... В этом мире, который считают пустыней, есть тайная и мощная жизнь. Это нация, Турецкая Нация. Не хватает только организации. Если будет сформирована структура, спасены будут и Родина, и нация...»¹⁵.

Однако ошибочно будет утверждать, что Мустафа Кемаль Паша в своей национально-освободительной борьбе уповал лишь только на советскую помощь в виде финансовых средств и вооружении. Еще находясь в Стамбуле, Ататюрк начал использовать упомянутые им противоречия и конкуренцию между странами-победительницами¹⁶. Примером этому служат его отношения с графом Карло Сфорца, итальянским верховным комиссаром, одним из предста-

---

¹² Джебесой А.Ф. Воспоминания о Москве. Стамбул, 1955. С. 121.

¹³ Расим Д.О. Указ. соч. С. 41.

¹⁴ Borak S. Atatürk'ün İstanbul'daki Çalışmaları. Metis, 2006. S. 206–207.

¹⁵ Цит. по: Расим Д.О. Указ. соч. С. 41.

¹⁶ Там же. С. 42.

вителей государств, оккупировавших Стамбул¹⁷. Сфорца, в отличие от англичан и французов, считавших, что покорить Турцию будет несложно, был уверен, что несопротивление в Анатолии – временное явление, и турки легко не сдадутся. Итальянцев возмутило то, что Великобритания тайно от них передала грекам район Измира. Они сочли, что для них будет выгодно поддержать турок-патриотов в борьбе против греков. В качестве возможного лидера такого сопротивления им рекомендовали Мустафу Кемаля, который остановил англичан и их союзников в битве за Чанаккале.

Логика, которой следовала Италия в этом вопросе, заключалась в том, что, даже если турки потерпят поражение, впоследствии они не забудут поддержку, оказанную итальянцами, и в Анатолии предпочтут их грекам. Ради этого итальянские представители даже предусмотрели возможность для Мустафы Кемаля спрятаться в здании посольства Италии в случае возникновения опасности его ареста другими оккупационными силами и сообщили ему об этом¹⁸.

Следует отметить, что, несмотря на отданное предпочтение Советам, добрые отношения между Ататюрком и графом Сфорца дали свои плоды позднее, когда Сфорца уже был министром иностранных дел Италии. После начала работы Великого национального собрания Турции (ВНСТ) его первое европейское представительство было открыто именно в Риме¹⁹.

Однако не следует идеализировать и турецкое видение советской помощи. Так, Махмут Сойдан, редактор «Хакимиети Миллие», официальной газеты кемалистского правительства в Анкаре, опубликовал ряд работ, в которых фактически излагалась позиция Турции по этому вопросу. В одной из статей, написанных в мае 1920 г., М. Сойдан разъясняет: «...Мы тоже хотим реформы и революцию. Они нам необходимы. Но то, что нужно нам, – это не та кровавая, жестокая внутренняя революция, какая была в России. У нас нет такой необходимости <...> Сейчас много говорят о возможности заключения союза с большевистской Россией. Говорят даже, что проект союзного договора уже парафирован... Я хорошо осведомлен в этом вопросе: между Анкарой и Москвой существует такое взаимопонимание и согласие, это верно. Однако ошибочно было бы смешивать общественные и политические во-

---

¹⁷ Coşkun A. Samsundan Önce Bilinmeyen 6 Ay. Cumhuriyet, Ocak, 2009. S. 191.

¹⁸ Moran T. Dün Bugün. İletişim, 2000. S. 195.

¹⁹ Цит. по: Расим Д.О. Указ. соч. С. 43.

просы. Турция может быть самым искренним и серьезным другом России, не принимая при этом большевистскую идеологию. Обе нации идут по одной дороге реформ»²⁰.

Так или иначе, 26 апреля 1920 г., через три дня после открытия ВНСТ, Кемаль Ататюрк от имени собрания обратился с официальным письмом к советскому правительству, содержащим просьбу об установлении дипломатических отношений и об оказании Турции помощи.

Причем было бы ошибочным считать, что Московский договор был выгоден исключительно турецкой стороне. Изгнание сухопутных и морских сил Антанты из Черного моря, Стамбула, Анатолии и восстановление там суверенитета турецкого правительства отвечали национальным интересам и советского народа. Укрепление же позиций Антанты в Проливах и Стамбуле давало возможность установить против Советской России экономическую блокаду и создавало постоянную угрозу безопасности южных границ советских республик²¹.

Тем не менее, политику двойных стандартов в отношениях двух стран никто не отменял. Показательной является истории с Энверой Пашой, наглядно демонстрирующая «характер искренней дружбы». Энвер Паша, известный как злейший враг англичан, предложил Ататюрку сотрудничество в борьбе с силами Антанты. Однако Мустафа Кемаль был вынужден отказаться по причине боязни конкуренции, ведь Энвер Паша пользовался слишком большим авторитетом в Анатолии. Этим решился воспользоваться В.И. Ленин. Искусно маневрируя между Ататюрком, Энвер Пашой, их соратниками, турецкими коммунистами и «Зеленой армией», «...солнце и честь всех людей» продолжал поддерживать связи с младотурками и иттихадистами.

Однако, видя успехи Ататюрка в войне за независимость, В.И. Ленин внезапно стал осторожен с Энвер Пашой, а затем и вовсе переменял отношение к нему²². Ататюрк не позволил Энверу прибыть в Анатолию, но и для Советов было нежелательно его долгое пребывание в Батуме. Чичерин в телеграмме в Грузию С.М. Кирову писал, что «далее невозможно оказывать гостеприимство Эн-

---

²⁰ *Soydan M. Ankaralı'nın Not Defteri. Ankara, 1920. S. 38.*

²¹ *Гасымлы М. СССР-Турция: от нормализации отношений до новой холодной войны. М., 2008. С. 11.*

²² *Шамсутдинов А.М. Турецкая республика. Краткий очерк истории. М., 1962. С. 4.*

вер Паше в Батуме»²³. В результате бывший друг и соратник Турции, оставаясь на подконтрольной России территории, превратился в заложника двух стран. На I-ом Съезде народов Востока, состоявшемся в сентябре 1920 г. в Баку, присутствовали несколько турецких представителей разных политических направлений, в том числе и Энвер Паша. Но большевики не позволили ему выступить с намеренным докладом, который по предложению Г.Е. Зиновьева зачитал один из большевиков²⁴.

Энвер Паша стремился встретиться с В.И. Лениным, чтобы обсудить вопросы совместной борьбы с англичанами. Свои предложения по этому поводу он переслал в Москву через Н. Нариманова, главу Азербайджанского советского правительства. Несмотря на неоднократные напоминания Чичерина, он так и не был принят В.И. Лениным, сославшись на то, что это «не понравится Ататюрку»²⁵.

Так испортились отношения между Лениным и Энвер Пашой. Уверившись в победе Ататюрка в войне за независимость, Политбюро решило вначале объявить Энвера английским агентом, затем его отправили в Туркестан. Это было равносильно отложенному смертному приговору. После того, как Советы окончательно удостоверились, что Энвер Паша лишний человек в российско-турецких отношениях, он был убит в Туркестане, в дверях мечети после молитвы²⁶.

Однако, несмотря на двойные стандарты, присущие политике каждой страны, кровь невинных, зачастую далеких от политики людей стала скрепляющим фактором в складывающихся отношениях между Советской Россией и кемалистской Турцией. Итогом такой политики стало подписание в Москве 16 марта 1921 г. договора о «дружбе и братстве» (Московский договор 1921 г.)²⁷. Это стало отправной точкой для нового этапа в советско-турецких отношениях, сформировало почву для дальнейших контактов и реальной помощи между правительством ВНСТ и СССР. Заключение конкретных договоров стало лишь вопросом времени.

---

²³ Гасымлы М. Азербайджан между Россией и Турцией в 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 31.

²⁴ Там же. С. 32.

²⁵ Там же. С. 33.

²⁶ Hale W. *Türk Dış Politikası 1774–2000*. İstanbul, 2003. S. 72.

²⁷ Договор между Россией и Турцией. URL: <http://www.genocide.ru/lib/treaties/19.htm> (дата обращения: 21.04.2015).

УДК 94(470)''1914/1918+1939/1945''

ПРОТИВОСТОЯНИЕ РУМЫНИИ И РОССИИ В МИРОВЫХ ВОЙНАХ XX ВЕКА

Т.П. Малютина

Воронежский государственный аграрный
университет им. императора Петра I,
кафедра истории, философии и русского языка
E-mail: chal.04@mail.ru

В статье рассматривается проблема противостояния России и Румынии в Первой и Второй мировых войнах. Анализируется роль фашистской пропаганды в Румынии в формировании ненависти к советскому строю.

Ключевые слова: Россия; СССР; Первая мировая война; Вторая мировая война; идеология фашизма.

ROMANIAN-RUSSIAN CONFRONTATION IN THE WORLD WARS OF THE XX CENTURY

T.P. Malutina

The article is devoted to the problem of Romanian-Russian confrontation in the world wars of the XXth century. The author gives the detail description of the role of Nazi propaganda in Romania in forming hatred for the Soviet system.

Key words: Russia; the Soviet Union; World War I; World War II; the ideology of fascism.

Принято считать, что глобальную политику определяют ведущие мировые державы. Однако небольшие государства порой тоже вносят значимый вклад в развитие системы международных отношений, и как следствие – в мировую историю и политику. В контексте данного утверждения интересна Румыния и ее роль в противостоянии с Россией в глобальных конфликтах XX века.

Румыния как независимое государство появилось на политической карте мира в 1877 г., а в 1881 г. страна была провозглашена Королевством. В Первую мировую войну Королевство Румыния вступило союзником России, поставив под ружье солидную армию в 23 дивизии общей численностью 600 тысяч человек¹. Но это истори-

---

¹ История первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1975. С. 205–206.

ческое событие произошло только 14 (27) августа 1916 г., т. е. через два года после начала мирового военного конфликта.

Ранее, в августе 1914 г., коронный совет Румынии принял решение о том, что страна будет занимать позицию «вооруженного выжидания». Румынское правительство внимательно следило за ходом военных действий, выжидая момент для вступления в войну, чтобы гарантировано оказаться в лагере победителей. На протяжении первых лет войны румынские дипломаты вели переговоры то с Германией, требуя от нее за свое вступление в войну входившие в состав Австро-Венгрии Трансильванию и Буковину, то с Антантой – в расчете получить принадлежавшую России Бессарабию.

Победы русского Юго-Западного фронта летом 1916 г. положили конец этим колебаниям. 4 (17) августа между державами Антанты и Румынией были подписаны политическая и военная конвенции. 14 (27) августа Румыния объявила войну Австро-Венгрии. На следующий день ей объявили войну Германия и Турция, а 19 августа (1 сентября) – Болгария.

Адмирал А.В. Колчак вспоминал слова императора Николая II, сказанные ему лично: «Я совершенно не сочувствую при настоящем положении выступлению Румынии: я боюсь, что это будет невыгодное предприятие, которое только удлинит наш фронт, но на этом настаивает французское союзное командование; оно требует, чтобы Румыния, во что бы то ни стало, выступила»².

О трудностях, связанных со вступлением Румынии в войну, писал в мемуарах и генерал А.А. Брусилов: «Спустя немного времени после начала военных действий румынской армии вполне выяснилось, что румынское высшее военное начальство никакого понятия об управлении войсками в военное время не имеет; войска обучены плохо, знают лишь парадную сторону военного дела, артиллерия стрелять не умеет, тяжелой артиллерии почти совсем нет, и снарядов у них очень мало»³.

Не удивительно, что при таком положении дел румыны вскоре были разбиты. 21 ноября (4 декабря) 1916 г. они без боя сдали немцам Бухарест. Для спасения страны от полного разгрома в нее были введены русские войска, после чего Восточный фронт растянулся более чем на пятьсот километров.

Таким образом, видится несколько значимых последствий вступления Румынии в Первую мировую войну. Во-первых, то, что «с

---

² URL: <http://mikailme.livejournal.com/4446.html> (дата обращения: 15.10.2015).

³ Брусилов А.А. Воспоминания. М., 1963. С. 243.

французских плеч на русские было переложено бремя 9 хороших германских дивизий»⁴, в связи с чем военное положение Франции значительно улучшилось. Во-вторых, военные действия в Румынии ослабили Германию. «Мы разбили румынскую армию, – писал немецкий генерал-полковник Э. Людендорф, – но нам не удалось уничтожить ее. Мы достигли всего, к чему представлялась малейшая возможность, но были все-таки вынуждены оставить в Добрудже и в Валахии силы, которыми до вступления в войну Румынии мы могли располагать на Восточном и Западном фронтах, а также в Македонии. Несмотря на нашу победу над румынской армией, мы стали в общем слабее»⁵. И, наконец, вступление Румынии в войну негативно сказалось на России. Российская армия отправила в Румынию примерно четвертую часть своих сил. К началу весны 1917 г. на румынском фронте находилось 36 пехотных и 6 кавалерийских русских дивизий. Кроме того, Россия должна была снабжать румынскую армию продовольствием и снаряжением. И еще один важный, но малоизвестный факт: дивизии, закрывшие собой возникшую «румынскую» брешь на фронте, готовились к захвату Босфора и Дарданелл. Их вынужденно перебросили на спасение румын, перенеся сроки Босфорской операции с осени 1916 на апрель 1917 года⁶. Теперь можно лишь предполагать, как захват Черноморских проливов и Константинополя (в случае успешного исхода операции) мог повлиять на ход военных действий Первой мировой и на всю историю России. Финский генерал К.Г. Маннергейм, оценивая результат выступления Румынии на стороне России, писал: «это хрестоматийный пример того, как слабый союзник приносит больше забот, чем от него можно получить помощи!»⁷.

После Первой мировой войны территория и население Румынии увеличились более чем вдвое. Согласно Сен-Жерменскому, Нейискому и Трианонскому мирным договорам за Румынией были закреплены Трансильвания, а также Южная Добруджа и Буковина. В январе 1918 г. Румыния участвовала в военной интервенции против Советской России, захватив и аннексировав Бессарабию, в которой оккупанты силой оружия ликвидировали Советскую власть. Северная Буковина и Бессарабия были возвращены СССР только спустя два десятилетия – 28 июня 1940 года.

---

⁴ Керсновский А.А. История Русской армии: в 4 т. М., 1994. Т. 4. С. 110.

⁵ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.: в 2 т. М., 1924. Т. 1. С. 242.

⁶ Мультатули П.В. «Господь да благословит решение мое...». СПб., 2002. С. 384.

⁷ Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 1999. С. 67.

Готовясь к агрессии против СССР, фашистская Германия пыталась привлечь на свою сторону как Румынию, так и Венгрию, Болгарию. Потому по второму Венскому арбитражу от территории Румынии была отторгнута и передана Венгрии Северная Трансильвания, а Крайовским болгаро-румынским соглашением от 7 сентября 1940 г. Болгарии была возвращена Южная Добруджа. Эти земельные потери Гитлер обещал румынскому диктатору Й. Антонеску компенсировать вдвойне за счет завоеванных советских территорий.

Заполучить Румынию в союзники в преддверии нападения на Советский Союз было важным для Германии. Аграрная Румыния была богата нефтью, а, значит, могла обеспечить необходимым продовольствием и горючим войска вермахта. Кроме того – страна представляла собой удобный плацдарм для наступления на СССР. По мнению фашистского генералитета, румынских воинов, как «солдат второго сорта», можно было, не жалея, использовать в сражениях на Восточном фронте⁸.

21 июня 1941 г. немецким и румынским солдатам был зачитан приказ А. Гитлера:

«Солдаты Восточного фронта! Мои солдаты!

Отягощенный грузом величайшей заботы, вынужденный многие месяцы хранить наши планы в тайне, я могу, наконец, открыть вам всю правду. У наших границ выстроилось до ста шестидесяти дивизий русских. Границы постоянно нарушаются – и не только границы самой Германии, но и другие, на Крайнем Севере, а также границы Румынии.

Сейчас силы наши так велики, что равных им не было в истории. Плечом к плечу с финскими дивизиями и героями Нарвика наши товарищи ожидают схватки с противником в Арктике. Вы – на Восточном фронте. В Румынии, на берегах Прута, на Дунае, вдоль побережья Черного моря германские и румынские силы, руководимые главой государства Антонеску, стоят в едином строю.

В спасении нуждается вся европейская цивилизация и культура. Немецкие солдаты! Скоро, совсем скоро вы вступите в бой – в суровый и решительный бой. Судьба Европы находится теперь в ваших руках.

Да пребудет с нами Всевышний, да поможет Он нам в борьбе»⁹.

---

⁸ Вельц Г. Солдаты, которых предали: записки бывшего офицера вермахта. Смоленск, 1999. С. 210.

⁹ Цит. по: Осокин А.Н. Великая тайна Великой Отечественной. Новая гипотеза начала войны. М., 2008. С. 318.

Чтобы укрепить румын в ненависти к большевизму, была развернута ширококомасштабная психологическая подготовка к войне против СССР.

Она велась по нескольким направлениям.

Во-первых, широко внедрялась идея «Великой Румынии», которая исторически включала Бессарабию, Северную Буковину, Транснистрию (Заднестровье) с Одессой, советскую Украину до Буга. Возвращение этих территорий подразумевало восстановление исторической справедливости¹⁰.

Во-вторых, прорабатывались и культивировались образы злейшего врага – Советского Союза, и надежного, могущественного друга и покровителя – Германии. Румынским солдатам и населению внушалась мысль о том, что Красная Армия стремится захватить Румынию. Осуществить это она не может из-за присутствия дружественных германских войск¹¹. Под влиянием этой пропаганды многие румынские офицеры и солдаты уверовали в непобедимость армий вермахта и искренне считали, что «война будет недолгой и победоносной, с продвижением вглубь русской территории произойдет восстание против коммунистического режима»¹².

Не обошли вниманием и религиозный аспект пропаганды. Румынских крестьян, одетых в солдатские шинели, убеждали, что война против большевиков-безбожников – «святая», «за веру». Но при этом министр народного просвещения и пропаганды Германии Й. Геббельс цинично писал: «В Европе распространяется нечто вроде атмосферы крестового похода. Мы сможем хорошо это использовать. Но, не слишком напирая на лозунг: «За христианство». Это было бы всё-таки чересчур лицемерно... Это бесхребетное учение самым худшим образом может повлиять на наших солдат»¹³.

Но главное – Румынии обещали передать в собственность плодородные советские поля. Румынским солдатам гарантировали, что пролитая кровь будет справедливо и щедро вознаграждена завоеванной землей. В румынских армиях распространили «циркуляр № 1500/А», в котором говорилось, что «воинские части должны составить именные списки отличившихся офицеров, унтер-офицеров

---

¹⁰ Чалая Т.П. Крушения мифа о «Великой Румынии» в годы диктатуры Й. Антонеску // Военно-исторический журнал. 2010. № 1. С. 13–16.

¹¹ Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Истоки, планы, реализация (1.IX.1939 – 19.XI.1942). Кишинев, 1981. С. 126–127.

¹² Он же. Вступление Румынии в войну против Советского Союза // Крестовый поход на Россию: Сб. статей. М., 2005. С. 197–198.

¹³ Мединский В.Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 357.

и солдат, заслуживающих быть наделенными землей. Списки должны составляться воинскими частями через каждые 15 дней»¹⁴.

Не стоит забывать и о фашистской идеологии, лежащей в основе работы всей «пропагандистской машины» Румынии с её делением народов на «высшие» и «низшие». В записи беседы министра иностранных дел Румынии М. Антонеску с Гитлером в преддверии начала Великой Отечественной войны, последний заявил: «Моя миссия, если мне удастся, – уничтожить славян». На это М. Антонеску ответил: «...славянские народы являются для Европы не политической или духовной проблемой, а серьёзным биологическим вопросом. По отношению славян необходимо занять непоколебимую позицию, а поэтому любое разделение, любая нейтрализация или занятие славянской территории являются законными актами». Довольный тем, что в лице М. Антонеску он нашёл почитателя своей человеконенавистнической «концепции», Гитлер продолжил: «Вы правы, славянство представляет собой биологический вопрос, а не идеологический... В будущем в Европе должны быть две расы: германская и латинская. Эти две расы должны сообща работать в России для того, чтобы уменьшить количество славян. К России нельзя подходить с юридическими или политическими формулами, мы должны применить колонизаторские и биологические средства для уничтожения славян»¹⁵.

Антисоветская пропаганда имела успех. Румыния начала боевые действия против Советского Союза с первого дня войны. Для выполнения боевых задач к 22 июня 1941 г. на территории Румынии были сосредоточены части 11-й немецкой, 3-й и 4-й румынских армий. Группировка этих армий вторжения насчитывала около 500 тысяч человек, 6 тысяч орудий и миномётов, 60 танков и 600 самолётов¹⁶.

В августе 1941 г. румынские подразделения заняли Бессарабию и Северную Буковину. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии, генерал-полковник Ф. Гальдер в «Военном дневнике» 9 июля 1941 г., характеризуя обстановку на фронте в полосе группы армии «Юг», признавал: «Румыны, против ожидания, сражаются хорошо»¹⁷.

---

¹⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: в 3 т. М., 1946. Т. 1. С. 214.

¹⁵ Шевяков А.А. Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии. Кишинев, 1963. С. 108–109.

¹⁶ Киселев В.В., Рахманичев И.Х. Действия войск Южного фронта в начальном периоде Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 16.

¹⁷ Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09.1942 гг. / пер. с нем. И. Глаголева. М., 2004. С. 95.

Румыны воевали в Молдавии и на Украине, в Крыму, на Кубани, Кавказе. Они участвовали в боях за Одессу в 1941 г., Севастополь и Сталинград в 1942–1943 гг. Румыны вместе с немцами отступали под ударами Красной Армии обратно к своим границам.

Но ещё по мере продвижения вглубь советских территорий боевой дух румынских солдат неуклонно падал. Они всё меньше и меньше понимали, за что воюют. Повторявшиеся обещания о том, что после победы все солдаты и офицеры получают на оккупированной территории крупные наделы и дома, имели лишь временный эффект. Пытаясь хоть как-то заинтересовать румынских солдат, в их частях огласили «циркуляр румынского Генштаба № 361800 от 10 сентября 1942 г.». В нём сообщалось, что любой военнослужащий при отъезде с фронта в отпуск или демобилизуясь, может захватить с собой не только личные вещи, но и другие предметы «домашнего обихода». Взять – «сколько можно унести своими руками», причём не только в румынской, но и немецкой зонах оккупации советской территории¹⁸. Но этот циркуляр, как и подобные ему, имели лишь временный эффект.

К весне 1944 г. советские войска подошли вплотную к границам территории, оккупированной Румынией.

«На боеспособность примерно двадцати использовавшихся здесь румынских дивизий, которые в большинстве своём были вкраплены в немецкую оборону, особых надежд возлагать не приходилось, – отмечал генерал пехоты вермахта, а затем военный историк К. фон Типпельскирх. – Слишком большое превосходство русских и длинная цепь поражений, отбросивших их или их соотечественников с Дона и кубанского плацдарма через Крым назад в Румынию, подействовала на них так сильно, что теперь румынские войска не могла воодушевить даже идея защиты родины и сознание необходимости выполнить свой долг. Также мало привлекал большинство солдат и лозунг борьбы против большевизма. Тоталитарный режим, державшийся в стране лишь благодаря победам немецких войск и вытекавшим отсюда территориальным приобретениям, потерял популярность»¹⁹.

Таким образом, и военная, и пропагандистская тактика немцев в отношении Румынии потерпела крах, что предопределило переход

---

¹⁸ Левит И.Э. Вступление Румынии в войну против Советского Союза // Крестовый поход на Россию: Сб. статей. М., 2005. С. 237–238.

¹⁹ Типпельскирх К., фон. История Второй мировой войны 1939–1945. СПб.; М., 1998. С. 624.

Румынии в конце войны на сторону Советского Союза. Фашистская идеология была разбита мужеством и героизмом советских людей, отстаивавших своё право на жизнь в родной и независимой стране.

На последнем этапе войны румыны из сателлитов Германии превратились в союзников антигитлеровской коалиции. Заново сформированные 1-я и 4-я румынские армии успели повоевать против бывших соратников – немцев и венгров, потеряв в боях с ними убитыми, ранеными и пропавшими без вести 170 тысяч человек²⁰. И опять Румыния по итогам войны – в лагере победителей.

Вторая мировая война, как считает исследователь Е.С. Синявская, сформировала в сознании советских людей ярко выраженный и эмоционально окрашенный «образ врага-румына»: второстепенные пособники основного врага, не имевшие ни высокой боеспособности, ни воинского духа. «Вороватые и трусливые», «не отличавшиеся особой доблестью», «не отстающие от немцев в грабежах и издевательствах над мирным населением», «гитлеровские холопы и шакалы»...²¹. Стоит, вероятно, подчеркнуть еще одну особенность румын – их ненадежность как потенциальных союзников. Если в Первой мировой войне румынские офицеры своей заносчивостью и высокомерием, желанием скрыть распоряжения и планы своего Генерального штаба подвели российских военных, то во Второй мировой боевой опыт румын сказался на поражении немцев под Сталинградом.

В современной Румынии, как и в 1910-е, 1930-е предвоенные годы, сильны националистические и ревизионистские настроения, которые распространяются на Молдавию, Приднестровье, прилегающую территорию Украины²².

История учит людей извлекать из прошлого уроки и не повторять уже допущенных ошибок. Но, к сожалению, не все политики могут и хотят следовать этому принципу.

---

²⁰ Эббот П., Томас Н. Союзники Германии на Восточном фронте. 1941–1945. М., 2001. С. 53.

²¹ Синявская Е.С. Румыния в мировых войнах XX века // Обозреватель-Observer. 2010. № 2. С. 116–126.

²² URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1759244.html> (дата обращения: 15.10.2015).

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ТРАДИЦИЯ АШУРА В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

А.В. Баранов

Саратовский государственный университет,
кафедра всеобщей истории
E-mail: baranovav@mail.ru

В статье анализируется феномен «политики памяти» на примере сохранения традиции Ашуря в современном Иране. Дается краткий экскурс в историю возникновения Ашуря и формирования культа имама Хусейна. Исследуется влияние Ашуря на идеологическое обоснование Исламской революции в Иране в работах аятоллы Хомейни, его трактовка этого события в истории исламского мира и Ирана. Освещается проблема использования традиции Ашуря в официальной доктрине Исламской Республики Иран, а также ее реализация в политике, как внутренней, так и внешней. В качестве примеров такой реализации приводятся официальные мероприятия в священный месяц мухаррам.

Ключевые слова: Иран; ислам; Ашуря; религиозная память; политика памяти; имам Хусейн; аятолла Хомейни.

THE POLITICS OF MEMORY AND THE TRADITION OF ASHURA IN THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

A.V. Baranov

The article analyzes the phenomenon of the «politics of memory» on the example saving traditions of Ashura in modern Iran. A brief excursion into the history of the emergence and formation of Ashura and the cult of Imam Hussein. The article examines the impact of Ashura on the ideological justification of the Islamic revolution in Iran in the works of Ayatollah Khomeini and interpretation of this event in the history of the Islamic world and Iran. It highlights the problems of using the tradition of Ashura in the official doctrine of the Islamic Republic of Iran, and its implementation in policy, both internal and external. As an example of such an implementation are the official events in the holy month of Muharram.

Key words: Iran; Islam; Ashura; politics of memory; religious memory; Imam Hussein; Ayatollah Khomeini.

Если мы окинем взглядом произошедшие в мире события за последние десятилетия, то будем, бесспорно, весьма впечатлены произошедшими переменами. Пережив кризис и, фактически, распад биполярной системы, мир столкнулся не только с целой

чередой политических вызовов глобальной системе безопасности, вызванных развалом Советского Союза, но и мощнейшей культурно-пропагандистской кампанией со стороны Соединенных Штатов по всему миру. Крах прежней системы привел мир к тому, что он стал свидетелем и участником (вольным или невольным) того, что получило название «глобализация».

В данном случае вполне показательны выводы, сделанные американским исследователем Джорджем Ритцером в своей монографии, которую он назвал символично – «Макдональдинизация общества»¹. С позиции тезиса о макдональдинизации современного общества, и что показательно, не столько американского, сколько остального мира, автор дает ответ на вопрос о том, следует ли описывать этот процесс как глобализацию или «американизацию», склоняется ко второму варианту. На практике это должно привести к установлению единых, универсальных принципов и норм поведения, когда за основу будет браться готовый образец, то есть американское «общество потребления».

Стремление добиться всеобщей унификации, на основе «американизации» в мировом масштабе, неизбежно наталкивается на ответные, защитные, меры со стороны, в первую очередь, неевропейских, незападных обществ. И этот «раскол», который мы наблюдаем сегодня, вслед за другим американцем, можем назвать «цивилизационным»².

Особенно жестко это проявилось в попытках США распространить принципы «демократического устройства» в регионе Ближнего Востока, что стало доминирующей парадигмой внешней политики при администрации Джорджа Буша-младшего. Это привело к парадоксальным последствиям, проявившихся в появлении радикальных движений в регионе. С одной стороны, мы наблюдаем на примере «Арабской весны» явное проявление «западных, демократических» тенденций, а с другой, сталкиваемся с ростом влияния ИГИЛ, выступающего за построение в регионе «исламского государства» в форме Халифата.

И первая, и вторая тенденции, при их реализации, в итоге, ведут к размыванию и нивелированию самобытных культур и обществ, встраивая их на универсальных принципах в единое культурно-цивилизационное пространство. И речь здесь идет не столько

---

¹ Ритцер Дж. Макдональдинизация общества. М., 2011.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. М., 1996.

о материальных ценностях (хотя в варварских уничтожениях и разрушениях исторических памятников запятнали себя и боевики ИГИЛ и войска международной коалиции), сколько о духовном наследии народов, населяющих регион. А вследствие того, что принципы существования, навязываемые Западом и ИГИЛ, одинаково неприемлемы, возникает вопрос о сохранении собственной культурной и цивилизационной самоидентификации. Таким образом, в современных условиях особенно важно ставить и решать подобные вопросы на уровне нации и государства. Для сохранения своей самобытности, самоидентификации, нужно говорить о «политике памяти», так как именно память является тем духовным наследием, которое позволяет выделять и подчеркивать инаковость общества, его отличие от других³.

Если рассматривать регион Ближнего Востока, ставший в последние десятилетия главной ареной геополитического напряжения, то тут выделяется позиция Ирана. Исходя из анализа развития ситуации, можно говорить о кардинальном переформатировании расклада региональных центров «силы». Ливия Муаммара Каддафи, Египет Хосни Мубарака, Сирия Башара Асада и Ирак Саддама Хуссейна, по тем или иным причинам, ушли в прошлое. Попытки занять их место Саудовской Аравией и Катаром, полностью провалились вместе с провалом организации вооруженного сопротивления режиму Башара Асада в Сирии. Турция, являющаяся одной из ведущих экономик региона, ослаблена внутренней конфронтацией между сторонниками кемалистов и исламистов, что не позволяет ей занять соответствующее ей место в регионе и проводить сбалансированную политику⁴.

Ослабление традиционных «центров силы» на Ближнем Востоке, вывело на первые роли «внерегиональные» страны. И, прежде всего, поднимающийся шиитский Иран. Уникальность Ирана заключается в том, что в отличие от других исламских республик, на первых ролях в государстве в действительности находятся исламские

---

³ Вопрос не праздный и для России, в особенности в виду введенных антироссийских санкций со стороны Запада, после разразившегося политического кризиса на Украине и последовавшей гражданской войной. См., напр.: Миллер А.И. Политика памяти в России: год разрушенных надежд // Политика. 2014. №4 (75). С. 49–57.

⁴ Баранов А.В. Концепция Исламского пробуждения аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память: межвуз сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2014. Вып. 9. С. 190.

богословы – улемы, которые «опекают» (*велайят-е факих*) светские органы власти, следя за тем, чтобы принимаемые ими решения соответствовали нормам ислама и шариата. «Установлено правило, что "факих выше правителя". Если правитель слабо знаком с исламом, ему следует обратиться за разъяснением к факиху, чтобы соблюсти закон»⁵. И данный принцип действует в Иране до сих пор.

Ислам, в данном случае, выступая в роли системообразующего компонента, кодифицирует духовную жизнь общества верующих – *уммы*. В соответствии с определением Мориса Хальбвакса, мы можем говорить о религиозной памяти общества, когда за объединяющую основу берется какое-либо религиозное учение. «Память религиозной группы обладает одной особенностью», отмечает Хальбвакс, она «считает себя зафиксированной раз и навсегда, и либо заставляет других приспособливаться к господству ее представлений, либо систематически игнорирует их и относит к низшему разряду, противопоставляя свое постоянство и их нестабильность»⁶.

В религиозной памяти очень сильно чувство трансцендентального или мистического восприятия окружающего мира, а также наличие догматики, выражающейся в обрядах, ритуалах, священных текстах. Хальбвакс, исследуя религиозную память христиан, обращает внимание на то, что коллективное исполнение обрядов, ритуалов есть не что иное, как коллективные воспоминания верующих, воспроизводящие закрепившиеся в памяти религиозной группы события из жизни и учения Иисуса Христа. «Догматики стремятся не «заново переживать» прошлое, а сообразовываться с его учением, то есть со всем тем, что сегодня удастся из него сохранить, воссоздать и понять»⁷. А благодаря мистическому богопочитанию, участвующему в ритуалах верующему «неважно, вступает ли он в прямое общение с Богом или же с Христом, представляя его присутствующим. Он знает Христа из традиции; думая о Христе, он вспоминает его. Стремясь приблизиться к Богу и даже раствориться в нем, он пытается подражать Христу или же тем, кто лучше всех умел подражать ему прежде; всякая мистическая жизнь есть подражание Иисусу Христу – либо мы воспроизводим в себе, в своих чувствах и поступках, те чувства и поступки, которые евангелия приписывают ему, либо

---

⁵ Доктрина Исламской революции. Избранные мысли и взгляды Имама Хомейни. М., 2009. С. 68.

⁶ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 233.

⁷ Там же. С. 246.

мы воспроизводим в своей мысли его черты, события его земной жизни, его преобразование во славе»⁸.

Несмотря на то, что религиозная память, естественным образом, опирается на прошлое, выделяя в истории определенные «точки памяти», в которых происходили знаковые события, в целом, она направлена в настоящее и будущее. Память, таким образом, по словам Харальда Вейцлера, призвана служить «легитимации идентификационных национальных притязаний»⁹.

Транспонируя выкладки М. Хальбвакса и Х. Вейцлера на ислам шиитского толка, получается, что именно Ашура является основополагающей «точкой памяти» для шиитов. С этим согласны и ведущие специалисты в области истории Халифата. Большаков О.В. в классической «Истории Халифата» отметил: «События (ашуры. – А. Б.), рассматриваемые нами, оказали решающее воздействие на сложение идеологии шиизма, хотя ее оформление происходило несколько ранее. <...> Я старался быть предельно объективным в характеристиках людей, ставших священными символами шиизма»¹⁰. Другой признанный специалист в данной области – Фильштинский И. М., коснувшись роли ашуры, написал, что: «Широкое развитие шиитского движения началось после убийства Хусайна в Кербеле. С этого времени оно перестало быть движением одной из арабских партий, партии сторонников Али, и обрело характер самостоятельного религиозного направления в исламе»¹¹.

Значимость влияние ашуры на последующее развитие ислама в Иране, не раз подчеркивал в своих выступлениях и имам Рухолла аль-Мусави аль-Хомейни, ставший подлинным идеологом и основателем Исламской Республики в Иране. Он был уверен, что «Исламская революция в Иране – это отблеск Ашуры и ее великой Божественной революции»¹².

«Ашура», явившись знаковым явлением в истории шиитов, происходит от арабского слова «ашар» – «десять» и символизиру-

---

⁸ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. С. 248–249.

⁹ Вейцлер Х. История, память и современность прошлого: Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005, №2–3 (40–41). С. 28.

¹⁰ Большаков О.Г. История халифата: в 4 т. М., 1998. Т. 3: Между двух гражданских войн (656–696). С. 8.

¹¹ Фильштинский И.М. Халифат под властью династии Омейядов (661–750). М., 2005. С. 68.

¹² Хомейни М. Восстание Ашуры в выступлениях и посланиях имама Хомейни. М., 2009. С. 81.

ет произошедшие события в 10-й день священного месяца мухаррам 61-го года по лунной хиджре, что соответствует нашему 680 году¹³. Ашура почитается и отмечается всеми мусульманами – и суннитами, и шиитами. Но у суннитов этот день наполнен иным содержанием. На этот день, согласно Корану, приходится сотворение небес, земли, ангелов, первого человека – Адама. В этот день Аллах даровал Нуху (Ную) и его последователям спасение от гибели в водах Великого потопа. В этот же день Муса (Моисей) получил послание от Аллаха с призывом вывести евреев из египетского плена¹⁴. Однако это вовсе не означает, что шииты игнорируют это содержание Ашуры, просто для них он связывается, прежде всего, с трагической смертью имама Хусейна ибн Али, внуком Пророка Мухаммеда.

Согласно традиционной версии культ мученика (*шахидат*) имама Хусейна начал формироваться сразу после его смерти. В IX в. формируется письменный свод памятников литературы, содержащий упоминания о трагических событиях под Кербелой¹⁵. Позднее появляются уже отдельные работы, посвященные всецело жизни, деятельности имама Хусейна и его гибели. Классическим трактатом, признанным таковым официально в Иране, является работа историка XIII в. – Реза-уд-Дина Али ибн Мусы ибн Тавуса «Лухуф: Скорби Кербелы»¹⁶. Опираясь на эти источники и современные исследования, мы можем восстановить картину того, как в реальности развивались события, вокруг которых сегодня и основывается культ имама Хусейна.

13 раджаба 60 г. х. / 19 апреля 680 г. в Дамаске скончался основатель Омейядского халифата – Муавия ибн Абу Суфьян. Йазид ибн Муавия был провозглашен наследником престола еще при жизни отца, так как на собрании старейшин, никто не выступил против кандидатуры Муавии. С точки зрения неписаных законов ислама, назначение наследником сына было ничем неоп-

---

¹³ Из-за разницы между лунным и солнечным календарем, даты празднования ашуры постоянно сдвигаются. Так, если в 680 г. день ашуры пришелся на 10 октября, то в 2015 г. он отмечается 23 октября.

¹⁴ День Ашура. URL: <http://www.bilu.kz/ashur.php> (дата обращения: 15.04.2015).

¹⁵ Наиболее полные версии были представлены работами авторов IX-X вв. Абу Ханифа ад-Динавари и Мухаммада ибн Джарира ат-Табатари.

¹⁶ *Ибн Тавус, Реза-уд-Дин Али ибн Муса. Лухуф: Скорби Кербелы.* URL: <http://www.imamat-books.ru/hadisi/836-luhuf-ibn-tavusa-skorbi-kerbely.html> (дата обращения: 03.04.2015).

равданным новшеством. Все предшествующие халифы занимали этот высокий пост в результате коллективного решения высшей исламской знати (*шуро*), и это уже вошло в обычай.

Смерть Муавии возрождала старый спор о власти, временно погашенный договором с Хасаном, молчаливо признанным Хусейном. Взятое им обязательство не выступать против Муавии и не претендовать на власть, пока тот жив, теперь становилось недействительным и ненужным. Присяга Йазиду как наследнику (если Хусейн ее формально принес) по сравнению с этим имела второстепенное значение, тем более что оно было обязательством перед Муавией, а не перед Йазидом¹⁷. Поэтому взойдя на престол, Йазид был кровно заинтересован в признании своей власти со стороны имама Хусейна. Он немедленно отправил гонца в Медину к ее наместнику ал-Валиду бен Утбе с извещением о произошедшем и распоряжением во что бы то ни стало привести к присяге Хусейна даже под угрозой смерти.

Наместник Медины сообщил имаму о приказе Йазиды, на что его светлость сказал: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к Нему наше возвращение. Нужно прощаться с Исламом, если исламской уммой будут управлять такие люди, как Йазид».¹⁸ Отказавшись присягать и под угрозой смерти, Хусейн тайно покидает Медину под покровом ночи 30 раджаба / 6 мая и в окружении семьи и домочадцев, отправляется в Мекку. В Мекке у Хусейна были сторонники, но их было не достаточно, чтобы провозгласить его халифом. Поэтому Хусейн не пошел на открытый конфликт, заняв выжидательную позицию, затягивая момент с принесением присяги.

В Мекке Хусейн пробыл все летние месяцы до наступления периода совершения хаджа в сентябре. Известия о том, что имам Хусейн покинул Медину, отказавшись присягать Йазиду, быстро распространилась по территории Халифата. В Мекку стали приходить послания с призывами объявить Хусейна халифом и предложениями помощи в борьбе против Йазиды. Особенно многочисленные послания были из города Куфа, располагавшейся на территории Ирака и являвшейся во времена халифа Али ибн Абу Талиба столицей государства.

Хусейн не торопился с ответом, помня судьбу отца и брата, поверивших обещаниям куфийцев. Последней каплей, побудившей

---

¹⁷ Фильштинский И.М. Указ. соч. С. 67.

¹⁸ Жизнь четырнадцати непорочных. Тегеран, 2006. С. 92.

Хусейна отправиться в Ирак, было прибытие посланника басрийских шиитов Йазида бен Нубайта.

Но перед своим отправлением он послал вперед двоюродного брата Муслима бен Акила, чтобы тот убедился в поддержке и принял присягу куфийцев¹⁹. Наместник Куфы Ан-Нуман бен Башир не принял мер к аресту Муслима и был отстранен. Вместо него был назначен наместник Басры (без потери поста) Убайдалах бен Зийад с приказом найти и казнить Муслима, а голову прислать в Дамаск. Между тем Муслим принял присягу у нескольких тысяч куфийцев (от 12 до 80 тыс. человек) на верность Хусейну, о чем последовал доклад в Мекку Хусейну²⁰.

Однако раньше в Куфу явился Убайдаллах, сразу принявший ряд мер по усмирению населения, пригрозив жестокими наказаниями. Такой крутой поворот дел сразу охладил большинство горячих голов. Муслим был вынужден скрываться²¹. Однако вскоре был схвачен и казнен по приказу Убайдаллаха, но все же Муслим перед своей казнью успел послать гонца на встречу Хусейну с предупреждением о случившемся. Также был казнен и Хани бен Урва, укrywший Муслима в Куфе. Тела казненных были выставлены на обозрение на рыночной площади, а головы отосланы в Дамаск Йазиду.

По иронии судьбы казнь Муслима бен Акила в Куфе и выход каравана имама Хусейна из Мекки в Куфу произошли в одно и то же время: 9–10 сентября 680 года. Следовательно, он не знал о том, что движение куфийцев в его поддержку уже подавлено властями.

Рассказы о движении Хусейна к Куфе довольно обширны, особенно о второй части пути. Описываются встречи с разными людьми и разговоры с ними; встречные предостерегают Хусейна от поездки в Куфу, он объясняет свои права на власть или изъясляет упования на Аллаха. Самый знаменитый разговор произошел с поэтом Ибн Галибом Тамими ал-Фараздаком, образно описавшего ситуацию в Куфе, что сердца куфийцев с ним, а мечи – с Йазидом. О судьбе Муслима он узнал только на подъезде к Куфе – в ас-Салибии. Хусейн был потрясен – все рушилось, ехать в Куфу было бессмысленно, и он уже решил было повернуть назад, но братья Муслима горели жаждой мести и потребовали идти на Куфу. Их

---

¹⁹ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 186.

²⁰ Там же. С. 187.

²¹ *Ибн Тавус, Реза-уд-Дин Али ибн Муса.* Указ. соч.

поддержали другие, лстя, что Хусейн не Муслим, и ему куфийцы обязательно подчинятся. Хусейн принял решение продолжить путь²².

При приближении к Куфе в его распоряжении было 25 конников и 100 пеших воинов (двигавшихся верхом на верблюдах). Расчет на то, что к нему присоединятся бедуины, не оправдался, присоединились лишь единицы. В 320 км от Куфы – возле Зубалы, пришли известия, что посланные гонцы, были схвачены и казнены Убайдаллахом. Хусейн предложил всем, кто не готов идти с ним на смерть, вернуться к семьям. Большинство его покинуло²³.

Подступы к Куфе охранялись отрядами до 4 тыс. воинов, под командой ал-Хусейна бен Тамима. Зная о приближении Хусейна, он выслал навстречу отряд из 1000 воинов под командой ал-Хурра бен Йазид ат-Тамими. Их встреча произошла в 100 км от Кадисии. Ал-Хурр не проявлял враждебности, а Хусейн в знак доброй воли, приказал напоить воинов и коней Хурра из своих запасов. После этого Хусейн обратился с речью-проповедью к воинам, в которой сказал, что явился сюда по призыву людей Куфы, и если они его отвергнут, то вернется обратно.

В сопровождении воинов Хурра караван Хусейна двинулся в сторону Куфы, но из-за помех со стороны Хурра, был вынужден взять западнее и следовать на Кербелу, небольшому местечку в 40 км северо-западнее Куфы²⁴. Так 2 мухаррама / 2 октября 680 г. оба отряда достигли селения Найнава у Кербелы. Здесь ал-Хурр получил письмо с требованием задержать Хусейна там, где застанет его письмо, не подпускать к воде и не давать остановиться в укрепленном месте. 3 мухаррама к осаждавшим подошел еще один отряд из Куфы в 4 тыс. воинов под командой куфийца Умара бен Сада. Умар был настроен разрешить дело миром и настаивать на почетных условиях ареста Хусейна²⁵. Переговоры длились до 9 мухаррама, когда по приказу Убайдаллаха они были прекращены и имаму Хусейну был предъявлен ультиматум о сдаче, который он отверг и начал готовится к битве.

У Хусейна было около 80 бойцов (32 конные) против 4-5 тыс. воинов Умара бен Сада, из которых только один перешел к Хусейну, когда войско было уже построено к битве – это ал-Хурр бен Йазид.

---

²² *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 194.

²³ Там же. С. 195.

²⁴ *Фильштинский И.М.* Указ. соч. С. 66.

²⁵ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 197.

Сражение 10 мухаррама 61 г. / 10 октября 680 г., «йаум ал-ашура», и мученическая смерть в нем Хусейна, сыграла важную роль в формировании шиитской идеологии. Вначале битвы Хусейн обратился к противнику с речью: «Знайте, что незаконно-рожденный сын незаконнорожденного (Убайдаллах Ибн Зийад, – А. Б.) поставил меня меж двумя выборами: смерть или унижение. Так долой унижение! Знайте же, что я буду биться с вами вместе с этими людьми, пусть они и немногочисленны!»²⁶.

Куфицы действовали вяло и без рвения, ограничиваясь демонстрацией атак и нападений. Тогда Умар бен Сад приказал отряду из 500 лучников обстрелять лагерь Хусейна, что привело к смерти нескольких сторонников Хусейна, в частности Хурра, а также гибели всех лошадей. Совершенно очевидно, что нежелание куфийцев сражаться с внуком пророка позволило горстке бойцов Хусейна продержаться полдня²⁷. Все сражение, фактически представляло собой серии индивидуальных поединков. Как пишет Ибн Тавус, «мужчины из семейства Хусейна (А) стали выходить на поле боя один за другим, погибая друг за другом. Тогда Хусейн (А) закричал: «Терпите, дети моих дядь! Терпите, о моё семейство! Клянусь Аллахом, вы не увидите унижения после этого дня на веки вечные!»²⁸.

В итоге из живых остался лишь сам имам Хусейн. Его ударили мечом по голове, рана оказалась не опасной – Хусейн лишь скинул разрубленный бурнус и надел калансуву (колпак, который носили ученые) и поверх обвязался чалмой, – взял на руки маленького сына и сел у шатра. Пущенной кем-то стрелой младенец был убит. Опечаленный Хусейн продолжал сидеть, и никто не решался на него напасть. Затем он попросил напиться, ему подали чашу с водой, и в этот момент стрела ал-Хусейна бен Нумайра влетела ему в рот. Хусейн выронил чашу и пошел по дамбе к Евфрату, ему преградили путь, и он вернулся к шатру. Здесь он был ранен стрелой в плечо, а Зура бен Шарик ударил его мечом, Хусейн инстинктивно прикрылся рукой, и удар пришелся по ней, отрубив кисть руки. Тут же Синан бен Аус пронзил его копьем. Хувала бен Йазид попытался отрезать голову Хусейна, но не смог, так как сильно дрожали руки, и дело завершил Синан бен Аус. «На

---

²⁶ Ибн Тавус, *Реза-уд-Дин Али ибн Муса*. Указ. соч.

²⁷ Большаков О.Г. Указ. соч. С. 200.

²⁸ Ибн Тавус, *Реза-уд-Дин Али ибн Муса*. Указ. соч.

теле Хусейна было тридцать три раны от копей и тридцать четыре раны от ударов мечей»²⁹.

Труп Хусейна был раздет догола, стали добивать раненых и обезглавливать убитых, начался грабеж в шатрах, где укрывались женщины. Подоспевший Умар приказал прекратить бесчинства и потребовал вернуть личные вещи. Грабеж прекратился, но украденных вещей никто не вернул.

В одном из шатров находился несовершеннолетний больной сын Хусейна, Али младший. Его спас Хумайд бен Муслим, убедивший Шамира, что нельзя убивать несовершеннолетнего, да еще и больного. Кроме него пощадили еще сыновей Хасана – Умара и Хасана.

Голову Хусейна поручили доставить в Куфу Хаулию бен Йазиду. Остальные занялись погребением своих 88 павших товарищей, тела 72 убитых и обезглавленных соратника Хусейна так и остались непогребенными на поле боя. Среди погибших было 26 ближайших родственников Хусейна: три или четыре сына, 7 братьев, 4 брата Муслима бен Акила и 3 его сына, 3 сына Хасана и 4 сына Абдаллаха бен Джафара бен Абу Талиба ³⁰.

На следующий день победители отправились в обратный путь, везя с собой пленных вдов и сирот, перед которыми впереди маячили на всем пути вздетые на копья головы их мужей, братьев и отцов.

Неудивительно, что столь трагическая картина героической гибели имама Хусейна и его соратников, оказалась очень востребованной в современном Иране, где она была расцвечена яркими красками в многочисленных пропагандистских кампаниях, став одной из центральных тем. Во многом это была и заслуга аятолла-оль-озма Хомейни, ставшего первым Рахбаром (Лидером) Исламской революции в Иране. Занимая высший государственный пост после победы Исламской революции 1979 г., он в своих речах и посланиях, фактически сформулировал основные принципы и подходы, легшие в основу официальной «политики памяти» в отношении восприятия и трактовки событий Ашуры в реалиях современности.

Ашура, благодаря имаму Хомейни, стала мощным пропагандистским движением. Основным посылом которого является идеологема: «Шииты – носители и хранители истинного исламского учения наследников Пророка, они – кровные скрепы уммы

---

²⁹ Ибн Тавус, *Реза-уд-Дин Али ибн Муса*. Указ. соч.

³⁰ Большаков О.Г. Указ. соч. С. 203.

благодаря смерти Хусейна». А Иран, по словам Хомейни – «колыбель шиизма, ислама и шиизма»³¹. Ибо сам имам Хусейн сказал наместнику Мекки, требовавшему от него клятвы верности халифу Йазиду: «Мы из семейства Пророка и очага пророчества. Наше семейство было местом ниспослания ангелов и божьих откровений. Аллах с нашего семейства начал ислам и до конца будет распространять его членами нашей семьи»³².

Согласно аятолле Хомейни, имам Хусейн, являясь потомком семьи Пророка, выступает как хранитель истинного ислама, и его защитник от посягательства врагов. Действия имама были вызваны тем, что Йазид стремясь узурпировать власть в умме, «незаконно оказался на месте халифа! Этот человек хотел эксплуатировать народ, хотел грабить народ, хотел присвоить себе все, что принадлежало народу, забрать все себе и своим прислужникам»³³. Ради своих корыстных целей, Йазид, как и его отец Муавия, пошли на осознанное искажение ислама. И если бы не мученическая смерть имама Хусейна, «Муавия и его сын представили бы ислам миру в другом виде, прикрываясь титулом халифов (наместников) Пророка ислама. Они ходили в мечеть, проводили пятничные намазы в качестве имамов, были общинными имамами. Это называлось халифатом Пророка ислама исламским правлением, но по содержанию все было не так, это не было исламским правлением. И правитель не был исламским»³⁴. И что самое страшное, Муавия и Йазид стремились создать идолопоклоннический монархический режим, и низвергнуть умму в эпоху *джалиийи* – эпоху до прихода Пророка с его Божьим словом. «Они намеревались уничтожить саму основу ислама и создать арабское государство, что заставило арабов и неарабов, всех мусульман обратить внимание на это. Здесь речь идет не об арабах, неарабах, персах и т. д., здесь речь идет о Боге и об исламе»³⁵.

Видя, как узурпируется власть, как нарушаются права мусульман, как извращается и искажается ислам, как притесняются

---

³¹ Хомейни М. Восстание Ашурь в выступлениях и посланиях имама Хомейни. М., 2009. С. 10.

³² С имамом Хусейном (мир ему) из Медины до Кербелы (часть первая). URL: <http://www.abna24.com/russian/cultural/moharram/archive/2013/11/12/480459/story.html> (дата обращения: 12.11.2013).

³³ Хомейни М. Указ. соч. С. 28.

³⁴ Там же. С. 45.

³⁵ Там же. С. 30.

и угнетаются слабые мира сего, имам Хусейн был вынужден исполнить свой религиозный долг, чтобы поднять восстание, выйти с протестом и выразить свое отрицание этой власти³⁶. «Его противники только и мечтали о том, чтобы Предводитель шахидов промолчал, а они бы спокойно продолжили свои «ослиные бега». Они боялись его восстания. А ведь он мог остаться на месте в Медине, и когда тот человечиска пришел бы туда, мог бы приказать ему принести присягу, на что тот ответил бы согласиём»³⁷. Но имам Хусейн не промолчал, не пошел на соглашение с властью, а объявил священный джихад.

По словам аятоллы Хомейни, имам Хусейн продемонстрировал всем мусульманам, всему миру решимость не на словах, а на деле, бороться против несправедливости, угнетения и деспотического правления. «Своим поступком Предводитель шахидов не только нанес поражение своим противникам, но и способствовал тому, что люди спустя некоторое время поняли, какая произошла беда, какое на них обрушилось несчастье. Именно это и подорвало положение Омейядов. Имам Хусейн также показал всем на всю последующую историю настоящий путь, по которому нужно идти. Он не убоился малочисленности своих сил. Ведь количество ничего не решает. Решает качество имеющегося количества»³⁸. Им двигала высшая цель. Он понимал, что с небольшим отрядом менее ста человек невозможно противостоять такому сильному противнику, у которого огромная сила и власть. Но он знал, что его мученическая смерть принесет победу исламу и возродит его³⁹. В конце концов, заключает аятолла Хомейни, нас ожидает смерть за веру – шахадат, встреча с Богом, где все предстанет перед Предводителем шахидов и подобных ему. И это высшее благо, на которое надеются любящие Бога.

Избрав путь самопожертвования, став мучеником за веру – *шахидом* – имам Хусейн до конца выполнил свой религиозный долг, который сам же и проповедовал. «Рабы божьи! Бойтесь Бога и избегайте привязанности к этому бренному миру <...> ибо Всевышний создал мир не бессмертным. В этом мире всё новое становится старым, богатство иссякает, а радость превращается в печаль. Так собирайте провизию для Судного дня. И лучшей провизией на тот день

---

³⁶ Хомейни М. Указ. соч. С. 36.

³⁷ Там же. С. 40.

³⁸ Там же. С. 15.

³⁹ Там же. С. 21.

является богослужение и богобоязненность. Люди! Не попадите в западню этого брэнного мира. Сегодня вы заключили связь с угнетателями, и вызвали гнев Господа»⁴⁰.

Аятолла Хомейни был убежден, что главный стимул, двигавший имама Хусейна на его пути к мученичеству, было стремление добиться исправления общества и установить справедливое правление чего бы это ни стоило, даже ценою собственной жизни. «Как бы ни был велик человек, даже если он ценнее всего, что есть в мире, если он вступает в противоречие с интересами общества, им следует пожертвовать. Именно, исходя из этого, Предводитель шахидов оценил происходящее и пожертвовал собой, своими соратниками и сподвижниками. Индивид должен быть пожертвован во имя общества, а общество должно быть исправлено»⁴¹.

Исчерпала ли себя идея справедливости со смертью имама Хусейна, нужно ли смириться с победой Язида и терпеливо ждать прихода Махди? «Нет, нет, и еще раз, нет!» – заявляет аятолла Хомейни. Вместо этого он выдвигает лозунг – «Каждый день – Ашура, любая земля – Кербела»! Обе части этого лозунга имеют символическое значение. «Ашура» – это цель, к которой следует стремиться, а «Кербела» – это средство достижения цели. «Так должно быть везде. Так должно происходить каждый день. Наш народ каждый день должен иметь в виду, что сегодня – день Ашуры и что мы должны противостоять несправедливости. И здесь – Кербела, и мы должны исполнить ее роль здесь. Это не ограничивается одной какой-то территорией, одними определенными людьми»⁴².

Современный мир также далек от совершенства, он так же далек и от справедливого правления. «Сегодня, когда империалистические державы покушаются на границы, культуру, религию и ценности разных народов, и преследуют свои империалистические цели, используя методы угроз, запугивания и оккупации, необходимо следовать образу жизни и методам правления Имама Хусейна»⁴³. В противном случае, если мусульмане останутся рав-

---

⁴⁰ С имамом Хусейном (мир ему) из Медины до Кербелы (часть пятая). URL: <http://www.abna24.com/russian/cultural/moharram/archive/2013/12/09/487242/story.html> (дата обращения: 09.11.2013).

⁴¹ Хомейни М. Указ. соч. С. 33.

⁴² Там же. С. 52.

⁴³ Арбаин – сороковой день мученической смерти Хусейна сына Али. URL: <http://www.abna24.com/russian/cultural/prophet/archive/2014/12/12/657824/story.html> (дата обращения: 27.03.2015).

нодушными и безучастными к своей судьбе, им грозит повторение ситуации с узурпацией власти Омейядов.

Аятолла Хомейни, проводя прямые параллели между временами имама Хусейна и современной историей Ирана, заявляет, что народ его страны последовал примеру имама, и начал свою «Аштуру» за установление справедливого правления. Так как, «Аштура – это восстание тех, кто ищет справедливости»⁴⁴. И как имам Хусейн выступил против режима Йазида, так и народ Ирана выступил против режима шаха Мухаммада-Резы Пехлеви. «Наш народ принес в жертву себя – от шестимесячного младенца до 80-летнего старца, и это знак следования по пути великого исторического деятеля – Предводителя шахидов»⁴⁵. И победа иранского народа, свергнувшего шахский режим, является лишь подтверждением истинности пути, на который встала Исламская Республика Иран.

Однако победа Исламской революции и установление исламского правления это не окончание, а только начало движения, инициированное Ираном, которое должно будет распространиться и на другие страны региона и мира, в целом. Реализовав принципы, провозглашенные имамом Хусейном, Иран смог добиться победы, свергнув шахский режим, который защищал интересы иностранных держав в ущерб интересам иранского народа. Совершив Исламскую революцию, страна встала на путь истинной независимости, провозгласив лозунг «ни Запад, ни Восток». Аятолла Хомейни особо подчеркивал значение этого лозунга: «Мы с самого начала всем заявили, что не находимся под покровительством Америки, Советского Союза или кого-либо еще. Мы находимся под покровительством Всевышнего и идем под знаменем единобожия, то есть под знаменем имама Хусейна»⁴⁶.

Естественно, что провозглашение и осуществление независимого внешнеполитического курса, неизбежно скажется на расстановке политических сил в регионе, так как сложившийся баланс к 1978 г., был нарушен. Как заявил аятолла Хомейни: «Мир потом осознает, сколь масштабна эта победа иранского народа»⁴⁷. А пока одержав великую победу над внутренним врагом, иранский народ столкнется с объединенной коалицией внешних врагов. «Нам не следует ожидать», предостерегает аятолла, «что по-

---

⁴⁴ Хомейни М. Указ. соч. С. 54.

⁴⁵ Там же. С. 15.

⁴⁶ Там же. С. 22.

⁴⁷ Там же. С. 18.

сле всех этих побед нам удастся остаться здоровыми и невредимыми». Необходимо готовится к новым, еще большим и кровопролитным битвам против мирового угнетения и держав, его олицетворяющих – «Америкой, Советским Союзом, их приспешниками и, в частности, саудовцами, этими предателями великих Божественных святынь»⁴⁸.

Традиции Ашуры, таким образом, не только не следует предавать прошлому, а наоборот, их необходимо возрождать и пропагандировать среди мусульман Ирана и всего мира. «Наши враги, которые хорошо изучили состояние народов, состояние шиитской нации, видели, что им не удастся достигнуть своих целей, пока будут проводиться такие собрания, пока будут звучать траурные песнопения по невинно убиенному, пока будет разоблачаться угнетатель»⁴⁹. Ашура продемонстрировала, что и как надо делать для отстаивания истинного ислама – сражаться на поле боя и смело взывать к сознанию и совести народа в мирное время.

Аятолла Хомейни выделяет несколько аспектов Ашуры, которые необходимо заимствовать и широко распространять в обществе. Речь идет о политической, психологической и социальной составляющей идеологии Ашуры. Только комплексное восприятие и правильное понимание всех составляющих может дать нужный эффект.

Важнейшим аспектом для аятоллы Хомейни является политический. «Опираясь на свое религиозное видение, наши имамы хотели разными путями мобилизовать и сплотить народы»⁵⁰. В условиях наличия заговора против Исламской республики со стороны великих держав, страна должна быть готова к тому, чтобы оказать незамедлительный отпор любой агрессии извне. А для этого необходимо быстро и эффективно мобилизовывать народ, народ должен быть готов к этому – и физически и морально. А этого можно, и нужно, добиться только через сплочение народа вокруг конкретной идеи, лозунга, символа. И такой объединяющей и мобилизующей идеей могут и должны быть траурные церемонии Ашуры. «Именно политическая направленность этих молитв, сосредоточенное внимание всего народа, обращенное на Бога, мобилизует нацию на достижение исламских целей. Речь идет о сплочении под сенью одной идеи и одного знамени. И ничто не может повлиять на это сильнее, чем траур по имаму Ху-

---

⁴⁸ Хомейни М. Указ. соч. С. 78.

⁴⁹ Там же. С. 7.

⁵⁰ Там же. С. 57–58.

сейну»⁵¹. Главными целями политической борьбы должны быть цели, которые преследовал имам, а именно – борьба за «искоренение несправедливости и гнета». При чем это борьба до победы, до последней капли крови, не щадя своей жизни. Так, как это сделал имам Хусейн в битве при Кербеле. «Когда люди видят, что молодых соратников Предводителя шахидов на части разрубили враги, что он отдал своих молодых соратников, им самим становится легче отдать свою молодежь (на битву. – А. Б.). Своей приверженностью к мученической смерти (*шахадату*) наш народ развил это понятие»⁵².

Добиться такой самоотверженности можно только при реализации второго аспекта Ашуры – психологического. Возрождая традиции Ашуры необходимо обратить пристальное внимание на ее воспитательные функции. В ней заложен огромный потенциал по «воспитанию настоящего человека». Иначе чем объяснить энтузиазм молодого поколения страны, массово откликнувшегося на призыв аятоллы Хомейни встать на защиту своей Родины от агрессии соседнего Ирака?! Хомейни убежден: «Только сила крови имама Хусейна позволила свершиться этим событиям. Это воспитало молодых людей, которые идут на фронт и хотят мученической смерти, гордятся ей, а если на их долю не выпадет такой славной кончины, то печалются. Это воспитывает таких матерей, которые, потеряв одного сына, говорят, что у них остались еще один или два сына. Так воспитывают общество траурные мероприятия по имаму Хусейну»⁵³.

И это идет в разрез с тем, что проповедуется и насаждается во всем мире: «Стыдно сказать, что мы живем в эпоху, когда все ценности принесены в жертву властям и державам, материальным интересам, когда люди устремлены только к материальным интересам и больше ничего не видят. Вот до чего мы сегодня дошли»⁵⁴. Исправить стремление людей жить сегодняшним днем, ставя свои интересы выше других, в погоне за материальным благополучием поможет, наряду с воспитанием и образованием, претворение в жизнь третьей составляющей Ашуры, а именно ее социальной функции. «Необходимо вдохнуть в общество жизнь и отречься от личных амбиций и выгоды ради общественных инте-

---

⁵¹ Хомейни М. Указ. соч. С. 61.

⁵² Там же. С. 65.

⁵³ Там же. С. 12–13.

⁵⁴ Там же. С. 17.

ресов и возрождения духовных ценностей, даже если на этом пути жизнь и имущество человека подвергнутся опасности. Имам Хусейн (мир ему!) стремился пробудить совесть, впавшую из-за невежества и страха в глубокий сон»⁵⁵. По мнению аятоллы Хомейни это возможно в обществе, в котором осуществляется справедливое правление на основе ислама. Он не раз подчеркивал мысль, что интересы индивида необходимо подстраивать под интересы общества. Так, как это делал имам Хусейн.

Таким образом, традиции Ашуры с ее траурными церемониями памяти имама Хусейна, призваны сохранить и укрепить основы исламского правления в Иране. И аятолла Хомейни убежден: «Наши враги, которые хорошо изучили состояние народов, состояние шиитской нации, видели, что им не удастся достигнуть своих целей, пока будут проводиться такие собрания, пока будут звучать траурные песнопения по невинно убиенному, пока будет разоблачаться угнетатель»⁵⁶. Поэтому государство и общество должны строго соблюдать и исполнять все предписываемые традицией церемонии, которые и составляют Ашуру. А они крайне разнообразны и разноплановы.

В мечетях в пятничные дни Ашуры читаются специальные проповеди – *хутбы* – на религиозные, моральные и воспитательные темы, в которых знакомят участников богослужения с личностью имама Хусейна и факторами его героического восстания. На этих церемониях скорбящие оплакивают повелителя мучеников, тем самым способствуя перерождению своих уставших от повседневной жизни душ и обретению чувства чистоты⁵⁷. Люди одеваются в чёрное, ходят в нем все десять дней траура. На улицах устраиваются специальные шествия в честь памяти гибели имама Хусейна, когда молящиеся бьют себя в грудь (что символизирует готовность отдать жизнь за ислам) и речитативом скандируется ритмичное «Шах Хусейн, вах Хусейн!», исполняются траурные песнопения (*латмийя*) под звуки скорбной музыки. Памятуя о том, что, окруженные врагами в пустыне имам Хусейн и его спод-

---

⁵⁵ Арбаин – сороковой день мученической смерти Хусейна сына Али. URL: <http://www.abna24.com/russian/cultural/prophet/archive/2014/12/12/657824/story.html> (дата обращения: 27.03.2015).

⁵⁶ Хомейни М. Указ. соч. С. 7.

⁵⁷ Траур по имаму Хусейну – волнующее народное движение. URL: <http://ahlalbayt.ru/statpage/270.html> (дата обращения: 13.04.2015).

вижники страдали от жажды, разносчики воды с большими глиняными кувшинами предлагают участникам церемонии воду.

В Тегеране и других крупных городах Ирана этот праздник-траур со временем оброс лоском, размеренностью и политкорректностью, так что больше напоминает мирную демонстрацию. По проспектам шагают невероятных размеров стяги – *альямы*, за ними идут певцы с лицами профессиональных агитаторов, вокруг добровольцы в такт пению бьют себя по закрытым рубашками плечам веничками из цепей⁵⁸. Однако за пределами Ирана – в Афганистане, Пакистане, Индии – эти церемонии приобретают кровавый окрас в прямом смысле этого слова. Обнаженные по пояс мужчины истязают себя, избивая особыми плетками, на концах которых закреплены остро отточенные лезвия, режут себе лбы и руки, ползают в пыли и обмазываются грязью. От такого самоистязания избавлены женщины и, как правило (хотя и не везде и не всегда), малые дети.

Официально поддерживаемой государством является практика *зиярата* – паломничества к месту трагической гибели и захоронения имама Хусейна. Мавзолей с гробницей имама находится в иракском городе Кербела, куда в дни Ашуры стекаются миллионы паломников-шиитов, главным образом из Ирана. По преданию первое паломничество к могиле имама совершили члены его семьи, отправленные по приказу Йазида из Дамаска в Медину, на сороковой день после гибели – Арбаин⁵⁹. Существует также мнение, что совершение зиярата может быть приравнено к обряду малого паломничества в Мекку.

Наряду с «официальными» мероприятиями по случаю поминовения имама Хусейна, организуемыми государственными властями, существуют и так называемые неофициальные, «народные» мероприятия. Одним из таких является «*парде-хани*»⁶⁰. Традиционно так сложилось, что с появлением в Иране первых кофеен – «*кахве-хане*» в XVI в., они стали местом не столько общепита, сколько местом общения. Со временем, в них уличные барды-сказители

---

⁵⁸ День Ашура. Скоро. URL: <http://iranofil.blogspot.ru/2010/12/blog-post.html> (дата обращения: 01.12.2010).

⁵⁹ Арбаин – сороковой день мученической смерти Хусейна сына Али. URL: <http://www.abna24.com/russian/cultural/prophet/archive/2014/12/12/657824/story.html> (дата обращения: 27.03.2015).

⁶⁰ Живопись для кофейни. URL: <http://www.tebyan.net/QuranIndex.aspx?pid=67148> (дата обращения: 14.04.2015).

(*наккали*, что в переводе означает «повествование»), стали устраивать свои представления, декламируя перед посетителями кофейни отрывки из иранского эпоса «Шахнаме». Во время декламации использовались специальные иллюстрации, на которых были изображены описываемые события. Такие полотна получили название «*парде*», что означает «занавес» или «акт в театральном представлении». Наккал также именовался «пардедаром», т.е. поднимающим или опускающим занавес. Ее вешали на стену и раскрывали подобно свитку, по мере того как оживленный и ритмический голос *наккала* вводил зрителя в ход событий. Иногда на «*парде*» навешивали белую ткань, которую убирали в сторону по мере продвижения событий в повествовании. В дни Ашуры сказители – *наккалы* рассказывали в большинстве своем о страданиях и невзгодах, выпавших на долю семьи имама Хусейна, о событиях из жизни и о трагической гибели имама. Порой такие представления затягивались на всю ночь до утра, а «занавесы» повествования сменялись один за другим. Правда с развитием и распространением радио и телевидения, данная традиция уже не столь распространена. В отличие от другой, которая сохранила свою привлекательность у населения Ирана, особенно в сельской местности.

Речь идет о театрализованном представлении – «*таазийе*». Первые свидетельства о существовании Таазийе, в которой разыгрывалось представление изображавшее смерть имама Хусейна, приходятся на 963 г. н. э., когда в Багдаде в правление династии Буидов состоялось первое представление⁶¹. В период правления Каджаров (1787–1925) постановки Таазийе на тематику Ашура стали очень популярны и шли все 10 дней траура в месяц мухаррам.

Таазийя означает соблюдение траура, проведение церемонии в честь или в память об ушедших в иной мир, выражение соболезнования, пожелание терпения для родственников умершего. Но сегодня таазийя считается видом поэтической религиозной постановки, в которой умелые талантливые люди во время траурных церемоний, посвящаемых мухарраму, с целью выражения искренности и уважения к членам семейства Пророка воссоздают в театральной форме некоторые из событий Кербелы. Как особый жанр музыкального спектакля, он ограничен довольно строгими рамками символики и в тоже время удивительно разнообразный: к примеру, в библиотеке

---

⁶¹ *Malekpour J. The Islamic Drama. L.: Frank Cass Publishers, 2004. P. 25.*

Ватикана хранится более тысячи рукописей Таазийи⁶². В представлении могут участвовать профессиональные актеры или любители, животные и даже зрители.

Подводя итог, следует признать, что традиции траурных поминовений, по случаю трагической гибели имама Хусейна, занимают важное место в сохранении религиозной памяти шиитов Ирана. Государство взяло на вооружение идеи, сформулированные аятоллой Хомейни, основанные на интерпретации событий при Кербеле. В качестве составляющей государственной идеологии, символы Ашуры призваны пропагандировать достижения Исламской революции, а также отвечать за консолидацию и мобилизацию широких масс под лозунгами официальной политики, как на внутренней, так и на внешней арене. Ашура, таким образом, стала идейным ответом на политику глобализации и американизации в попытке официального Ирана сохранить статус суверенного государства на мировой арене, а также выступать как альтернативный региональный центр притяжения на Ближнем Востоке под лозунгами исламской солидарности.

---

⁶² Ашура-2010 в Иране. События и традиции. URL: <http://iranofil.blogspot.ru/2010/12/ashura2010.html> (дата обращения: 10.12.2010).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ТУРЦИИ В СУДЬБАХ МАЛЫХ НАРОДОВ В XIX–XXI ВЕКАХ

В.А. Чолахян

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории и историографии
E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

В статье исследуется эволюция в идеологии правящих кругов Османской империи и республиканской Турции на протяжении XIX–XXI веков. Трансформация идеологических установок определялась, прежде всего, универсальной ролью ислама в жизни общества, что и предопределило трагические судьбы христианских народов, находившихся под турецким господством.

Ключевые слова: Ислам; христианство; идеология; национально-освободительная борьба; Первая мировая война; геноцид армян; ассимиляция.

TRANSFORMATION OF TURKEY IDEOLOGICAL PRINCIPLES IN THE DESTINIES OF SMALL NATIONS IN XIX–XXI CENTURES

V.A. Cholakhyan

The article examines the evolution of the ideology of the ruling elite of the Ottoman Empire and Republican Turkey for XIX–XXI centuries. The transformation of ideological principles determined, above all, by the universal role of Islam in society, which predetermined the tragic destinies of the Christian peoples under Turkish rule.

Key words: Islam; Christianity; ideology; the national liberation struggle; World War I; the Armenian genocide; assimilation.

Эволюция в идеологии правящих кругов Османской империи и республиканской Турции на протяжении XIX–XXI вв., нашедшая отражение в различных по содержанию доктринах, определялась, прежде всего, универсальной ролью ислама в жизни общества. При этом, как само османское общество, так и официальная идеология его правящей верхушки, на протяжении столетий подвергались заметной трансформации, что и предопределяло судьбы народов, находившихся под турецким господством.

Османская империя с самого начала своего существования формировалась как полиэтническое государство с различными

религиозными системами. Господствующая религия ислам (суннизм ханифитского толка) весьма терпимо относилась к немусульманским конфессиям при условии их подчинения и уплаты ими соответствующих налогов. При султানে Мехмеде II Фатихе (1444–1446, 1451–1481) официально были разрешены немусульманские религиозные общины (миллеты): греко-православная, армяно-григорианская и иудейская¹. Такая этноконфессиональная структура просуществовала до полного развала Османской империи. Религиозным главой мусульман в Османской империи был султан, который рассматривался как представитель бога. Концепция государства в Османской империи имела смысл только в религиозном контексте.

Ослабление и упадок османского государства во второй половине XVIII в. были связаны с возрастающим вмешательством религиозных кругов в экономическую и политическую жизнь страны. Исламская догматика накладывала жесткие ограничения на все сферы деятельности, что отражалось и на уровне предпринимательской активности турок, численность которых не превышала и трети всего населения империи². В то же время в среде нетурецких народов (греки, армяне, славяне, евреи) с конца XVIII в. уже начали развиваться капиталистические отношения.

На внешнеполитической арене свидетельством упадка Османской империи стали значительные территориальные потери в войнах с Россией, а также вмешательство европейских стран во внутренние дела турок, что заставляло правящие круги задуматься над реформированием страны. Идеологическим обеспечением объединения всех подданных, без различия их религиозной и этнической принадлежности, стала концепция османизма, как компромиссная доктрина, в основе которой лежала идея равенства.

В период правления султана Махмуда II под давлением национально-освободительного движения подвластных народов и европейских стран, Порты была вынуждена формально, на законодательном уровне уравнивать права мусульман и христиан как подданных империи. Сами турки считали себя османами, а османизм явился как охранительная идеология в период распада империи. В 1830-е гг. власти даже разрешили реконструировать и восстанавливать христианские церкви, что, по мнению россий-

---

¹ См.: *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм) XIX – начало XX в. М., 1985. С. 7.

² См.: Там же. С. 19.

ского императора Николая I, расценивалось как «намерение султана примирить с правительством многочисленный класс его христианских подданных»³.

Гюльханейский хатт-и хумаюн 1839 г., положивший начало реформам, содержал обещание султана обеспечить «всем нашим подданным совершенную безопасность их жизни, чести и имущества»⁴. Преобразования коснулись административной системы, судопроизводства, финансов, налоговой системы, воинской службы, формы одежды, светского образования, печати и многих других сфер жизни общества. В известной степени их можно сравнить с реформами Петра I.

О декларативном, формальном равенстве мусульман и христиан в Османской империи свидетельствует тот факт, что подати для них оставались разными как по форме, так и по размерам, не говоря уже о произволе чиновников по отношению к немусульманам. Об их «равенстве» свидетельствует любопытный эпизод, случившийся во время поездки султана Махмуда II в местность Шумен: мусульмане приветствовали его стоя, а христиане распластались по земле на другой стороне дороги⁵.

К середине XIX в. окончательно оформилась идеология османизма как концепция равенства подданных различного вероисповедания, но единой политической системы. При этом главным противоречием идеологии османизма оставалось несоответствие обоснованных ею реформ традиционным нормам ислама, поскольку шариат не предусматривал равенства мусульман с христианами.

Идеология османизма наиболее полно воплотилась в законодательных актах и политике в эпоху танзимата (1839–1871 гг.), как попытки модернизации Османской империи по примеру европейских стран. В то же время власти приходилось считаться как с растущим «сепаратизмом» христианских народов, так и с давлением со стороны мусульманских масс, подкрепленным догматами Корана. В приамбуле Хатт-и хумаюна 1856 г. содержались следующие слова: «Обеспечения, обещанные с нашей стороны хатт-и хумаюн от Гюльханейский и законами танзимата всем поддан-

---

³ Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 22. Д. 49. Л. 227.

⁴ Цит. по: Убинчини А., Куртейль П., де. Современное состояние Оттоманской империи. Статистика, финансы, общины немусульманские. СПб., 1877. С. 204.

⁵ См.: Новичев А.Д. История Турции: в 4 т. Л., 1968. Т. II, ч. 1. Новое время (1792–1839). С. 249–250.

ным империи, без различия классов и вероисповеданий, в ограждение их личности и имущества, и охранение их чести, ныне подтверждаются и упрочиваются; и будут приняты действительные меры к тому, чтобы они возымели полную и совершенную силу»⁶. С одной стороны, это являлось подтверждением курса реформ, а с другой – свидетельствовало о том, что предыдущие «меры» не достигли желаемого результата.

Почти все реформы в эпоху танзимата оказались несовместимыми с предписаниями ислама. Один из лидеров танзимата Мехмед Эммин Али-Паша предупреждал, что в случае допуска христиан к управлению государством, «они вскоре завладеют всеми делами, так как обладают необходимыми для этого знаниями и способностями в большей степени, чем мусульмане. Они оставят позади себя мусульманских чиновников, а ислам не одобрит таких уступок немусульманам»⁷. По мнению, А.Д. Новичева, с самого начала реформаторы понимали декларируемое ими «равенство весьма ограничено и преследовали, главным образом, цель приостановить распад Османской империи»⁸.

Новые аспекты в политике и идеологии Османской империи в 1870-е гг. обозначились с уходом с политической арены реформаторов периода танзимата и приходом к власти группировки традиционалистов, из так называемой старотурецкой партии, отвергавшей реформы при содействии Запада. В этот период «новые османы», поколение, получившее образование в Европе, уже активно использовали доктрину панисламизма для противопоставления мусульманской солидарности как европейской экспансии в странах Востока, так и славянской идеологии панславизма. Само конституционное движение «новых османов» зародилось в условиях роста национально-освободительного движения на Балканах и одной из первостепенных своих задач ставило защиту целостности и независимости Османской империи. Идеи мусульманского единства постепенно приобретали все больше сторонников в правительстве в связи с территориальными потерями империи на Балканах. В сознании различных слоев мусульман идеология панисламизма достаточно быстро вытеснила чуждую им доктрину османизма с ее ненавистной идеей равенства. Зарождение туземной национальной промышленности и рост национального

---

⁶ Цит. по: *Убинчини А., Куртейль П., де.* Указ. соч. С. 208.

⁷ Цит. по: *Фадеева И.Л.* Указ. соч. С. 88.

⁸ *Новичев А.Д.* Указ. соч. Ч. III. С. 195.

самосознания самих турок все сильнее подрывали доктрину османизма и расчищали дорогу турецкому национализму и идеям панисламизма.

Конституция 1876 г., принятая султаном Абдул Хамидом II под давлением «новых османов» и, просуществовавшая менее двух лет, наряду с положениями, характерными для доктрины османизма, зафиксировала теократический характер османского государства и значение в нем султана-халифа, как повелителя в исламском мире.

Султан Абдул Хамид II претендовал на признание своей неограниченной власти халифа не только в пределах Османской империи, но и стремился к главенству в мусульманском мире в целом. Идеология панисламизма имела религиозную основу и апеллировала к сознанию всех мусульман. По мнению И. Л. Фадеевой, «возобладавший в последней четверти XIX в. в политической и культурной жизни Османской империи панисламизм был враждебен европеизации и в целом направлен против нее»⁹. В официальной печати и во многих османских сочинениях повторялись тезисы о добровольном переходе покоренных народов под власть мусульман, о роли «мусульманской цивилизации» в развитии науки и технологий, о безусловном превосходстве турецкой культуры¹⁰.

Наступательный характер панисламизма проявился в активной пропагандистской деятельности среди мусульман Российского Закавказья, в Крыму, Поволжье и Средней Азии. Антирусская панисламистская деятельность получила серьезное развитие и в последующие годы: панисламизм стал основой программы религиозно-националистических организаций мусаватистов в Азербайджане и бухарских эмиров в Средней Азии.

Политика панисламизма в 1890-е гг. характеризовалась жестоким подавлением любых проявлений национально-освободительного движения народов империи. На этот раз основной удар был нанесен по армянскому освободительному движению. Создание особых мусульманских курдских отрядов хамидие преследовало цель подавить развивающееся в Восточной Анатолии армянское национальное движение. Султанское правительство использовало отсталые, религиозные суннитские массы курдов для истребления армян. Массовая резня более 300 тыс. армян турками и курдами в 1894–1895 гг. привела к миграции их из Западной Армении. Панисламизм султана Аб-

---

⁹ Фадеева И.Л. Указ. соч. С. 160.

¹⁰ См.: Гордлевский В.А. Избр. соч.: в 4 т. М., 1962. Т. 3. С. 402.

дул Хамида II строился на травли, национальной и религиозной розни народов империи, а безнаказанность грабежей и убийств армян развращало мусульманское население, поощряя в нем самые низменные инстинкты.

Пришедшая к власти в 1908 г. партия «Единение и прогресс» в своей программе сочетала еще элементы османизма и панисламизма, однако основное место в ней занимали идеи турецкого национализма. Первоначально турецкий национализм проявился как литературное и культурное явление, точно также, как и у многих наций в XIX и XX вв., и уже после приобрел политическое содержание. В действительности идеология турецкого буржуазного национализма – тюркизм, формировалась не в чистом виде, а с примесью, с закваской пантюркизма. Поэтому не удивительно, что вместе с прогрессивными национальными, демократическими стремлениями, тюркисты в своей пропаганде большое место отводили проповеди нетерпимости по отношению к правам нетурецких народов Османской империи, утверждениям о национальной и культурной исключительности турок, а вместе с тем и призывам к военной экспансии с целью завоевания тюркоязычных и мусульманских народов. В этом проявлялось соединение тюркизма с панисламизмом¹¹.

В октябре 1911 г. в резолюции, принятой младотурками на очередном конгрессе в Салониках, говорилось: «По своему характеру империя должна быть мусульманской, она должна обеспечить уважение к мусульманским учреждениям и традициям: другим нациям нужно отказать в праве организовываться, поскольку децентрализация и самоуправление – суть измена Турецкой империи. Национальные меньшинства представляют такую величину, которой можно пренебречь без опаски. Они могут сохранить религию, но не язык. Распространение турецкого языка является наивысшим средством утверждения мусульманского превосходства и ассимиляции других элементов»¹².

Один из теоретиков младотурецкого движения, доктор Назым, взывал к своим сторонникам: «Мы должны смириться с такой реальностью, приняв, что нашей родиной отныне может быть только Анатолия. Не забывайте, что наши предки пришли из Турана, и сегодня, в Закавказье, так же, как и на обширных землях, простираю-

---

¹¹ См.: *Киракосян Д.* Младотурки перед судом истории. Ереван, 1986. С. 122.

¹² Там же. С. 124.

щихся от Каспийского моря и на Восток, живут тюркские расы, почти что однородные, но, увы, под гнетом нашего вековечного врага – России»¹³.

Он призывал бороться за объединение тюркоязычных народов, поскольку «турецкая интеллигенция и политические деятели, сознающие свое историческое призвание, могут руководствоваться только такой перспективой и этим вдохновлять народ и молодежь, которые приходят в отчаяние от следующих один за другим поражений и невзгод. Взамен идеологии панисламизма краеугольным камнем нашей политики должен стать пантюранизм, который, как душа и стремление, вызывает более глубокое вдохновение и открывает более широкие возможности с практической точки зрения»¹⁴.

Предварительным условием осуществления этой политической программы доктор Назым считал «коренное решение армянского вопроса». По его мнению, армяне «в естественном ходе истории неизбежно должны отделиться от империи по примеру балканских народов». Он напоминал, что с потерей Балкан турки примирились поневоле, и считал глупостью допускать впредь подобную ошибку. Борьбу армян за реформы он рассматривал как начало их борьбы за независимость, а создание армянского государства – «надгробным камнем туранской программы»¹⁵.

В 1911 г. на публичных собраниях Назым призывал «убрать армян из страны». Либо они должны были принять мусульманство, чтобы «мы поверили в их османство, либо покинуть страну»¹⁶.

Английский историк Арнольд Тойнби с тревогой констатировал о том, что «каждый нетурецкий народ в Османской империи подвергается опасности уничтожения»¹⁷. К. Уокер, сравнивая нацизм с пантюркизмом, находил много сходства между ними. Он подчеркивал, что обе идеологии отходят от обычной религии, возвращаясь к легендам времен язычества, в целях оправдания таких деяний, которые вызвали бы содрогание даже у язычников. Обе идеологии выдвигают идею о господствующей расе, применяя террор против всех, кто не принадлежит к этой расе¹⁸.

---

¹³ Киракосян Д. Указ. соч. С. 125.

¹⁴ Там же. С. 125-126.

¹⁵ Там же. С. 126.

¹⁶ Там же. С. 127.

¹⁷ Toynbee A.J. Turkey: a Past and Future. N.Y., 1916. P. 29.

¹⁸ Цит. по: Киракосян Д. Указ. соч. С. 128.

Пантюркистские идеи создания государства «Великий Туран» от Адриатики до Тихого океана привели к втягиванию Турции в Первую мировую войну на стороне Германии, к массовому кровопролитию, геноциду армян, который турки всячески отрицают, ссылаясь на то, что убийства совершались в условиях войны. Однако, очевидно и другое: географически армянский клин, разрезая тюркский мир, мешал реализации идеи создания моста между турками-османами и другими тюркоязычными народами. В пантюркизме слились разные, часто меняющие окраску движения – от тюркских коммунистов до исламистов – сторонников халифата. Не случайно, один из лидеров триумvirата младотурок, небезизвестный Энвер-паша, покинув Турцию в начале 1920-х гг., развил активную революционную деятельность в Баку, а затем в Туркистане поднял знамя «халифата», в намерении создать там огромное исламское государство¹⁹.

После Первой мировой войны, с рождением республики в Турции, президент Мустафа Кемаль Ататюрк отказался от идей панисламизма и пантюркизма, хотя их представители, бежавшие из России, получили убежище в Турции и даже входили в парламент в 1920–1930 годах²⁰. Новое турецкое государство, сложившееся на развалинах империи, основывалось уже на иных, идеологических принципах – лаицизме (светскости) и национализме (тюркизме). В годы правления Кемалю Ататюрку внутренняя туркизация охватила все стороны жизни в стране под лозунгом «Турция для турок».

Все началось с реформирования языка, удаления из его лексики арабских и персидских грамматических конструкций и придания ему общетюркского характера. В 1934 г. был принят Закон о фамилиях, предусматривавший упразднение прежних приставок к имени, таких как «бей», «паша», «эфенди», «ходжа» и введение фамилий для всех. Кроме того, упразднялись немусульманские фамилии, а сами немусульмане должны были взять турецкие фамилии. Так, некоторые армянские фамилии сохранили корень, изменив суффикс «ян» на «оглу». Например, фамилия Шахакян превратилась в Шахакоглу, Исаян – в Исаоглу. Во многих армянских фамилиях первоначальный корень не сохранился, они были полностью заменены на турецкие. В Турции и сейчас живут тысячи армян с турецкими фамилиями, не подозревая, что их предки были армянами.

---

¹⁹ *Надеин-Раевский В.* Турция на пороге непростого выбора // *Международная жизнь.* 2014. № 3. С. 112–113.

²⁰ См.: *Ататюрк Кемаль.* Избр. речи и выступления. М., 1966. С. 187.

Так был реализован один из просветительских планов Кемалья Ататюрка по ассимиляции народов и построения современного светского общества²¹.

Основными угрозами для республики с первых дней её существования были объявлены этнический сепаратизм и политический ислам. Кемаль Ататюрк своими глазами наблюдал распад некогда великой империи под натиском национализмов – греческого, арабского, армянского, курдского, и рассматривал этнический сепаратизм в любой его форме как самый опасный вызов для молодой республики. Ко времени основания республики Турция, греческий, арабский и армянский сепаратизм ей уже не угрожали, поэтому основной проблемой оказались миллионы курдов. Впрочем, курдское движение в начале XX в. было скорее мусульманским, чем националистическим. Именно после подавления курдских восстаний под знаменем ислама в 1920–1930 гг., Ататюрк занял крайне жёсткую антирелигиозную позицию.

После короткого периода советско-турецкого сближения в 1920-е гг., главным политическим противником Турции привычно стал северный сосед, теперь уже в виде СССР, а идеологическим – коммунизм. Кемалистская идеология вполне удовлетворяла нуждам турецкой светской элиты, пользовалась благорасположением Запада, а её пантюркизм был естественным образом направлен против СССР, где жили многие тюркские народы. Подавление политического ислама в Турции также не противоречило стратегическим интересам Запада. Тесное партнёрство с Израилем отрывало Турцию от мусульманского интернационала.

Окончание «холодной войны» и распад СССР изменили положение Турции в регионе. Для неё открылись уникальные перспективы наращивания своего геополитического статуса путём пантюркистской экспансии в тюркские республики бывшего СССР, расширение влияния на российские регионы Поволжья, Северного Кавказа, даже Сибири, на Украину, Молдавию, Грузию.

В настоящее время на внутривосточной арене Турции вновь развернулась борьба между сторонниками светского развития и адептами возврата к традиционным исламским ценностям. Правящая партия «Справедливости и развития» позиционирует себя как партия «умеренного ислама». По сути, речь идет о реставрации ислама, долгое время подавляемого военными. Этот

---

²¹ Арутюнян А. Турецкие армяне в переходном пространстве // Новое литературное обозрение. 2014. № 127. С. 78.

процесс непосредственно связан с весьма неординарной личностью – крупным богословом и религиозным мыслителем, писателем и поэтом Фетхулахом Гюленом. Организованное им движение «Хизмет» создало многочисленные школы, университеты, так называемые «дома уроков», выпускающих порядка 1,2 млн. выпускников в год и призванных «воспитать нового человека» с религиозным мировоззрением²². Это новое поколение молодежи постепенно занимает ключевые места в органах государственной власти, вытесняя военных, соответственно и светские начала.

Соединение идей двух выдающихся личностей – Фетхулаха Гюлена и Ахмета Давутоглу – позволило сформулировать внешнеполитическую концепцию Турции, главной задачей которой является стремление стать лидером среди государств, ранее входивших в состав Османской империи. Это есть не что иное, как неоосманизм, как вариант идей новых османов XIX века. А ведь идеями османизма, как мы уже убедились выше, прикрывались страшные преступления, направленные на насильственную ассимиляцию нетюркских народов, периодически повторяющиеся погромы и резни. Всякие попытки ассимилируемых народов организовать самооборону становились «поводом» и «оправданием» для геноцида – тотального уничтожения жителей «непокорных» районов.

Одновременно руководство Турции изменило свое отношение к османскому прошлому, главным образом к исламу, добиваясь возрождения исламской идентичности. Претензии Анкары на руководящую роль в исламском мире, обоснованные сильной экономикой и демократическими институтами, вполне соответствуют панисламистским устремлениям времен конца XIX века.

Современная Турция апеллирует к общим этническим и культурным ценностям с тюркоязычными народами и стремится стать флагманом всего тюркского мира. Анкара прилагает большие усилия для развития взаимосвязанного экономического, энергетического и военного сотрудничества с государствами Кавказа и Центральной Азии. С этой целью по инициативе Турции в 1992 г. было создано Агентство по Сотрудничеству и Координации Тюрков (ТИКА), а в 1993 г. – Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) со штаб-квартирами в Анкаре. Активная работа проводится по укреплению межпарламентских структур тюркских государств, а также по сотруд-

---

²² См.: *Надеин-Раевский В.* Указ. соч. С. 114–115.

ничеству в культурной и образовательной сферах, что также укладывается в идеологию пантюркизма.

Таким образом, на протяжении XIX–XXI вв. в Турции в противостоянии между консерваторами и реформаторами происходила трансформация идеологических установок правящей верхушки. Внутренние и внешнеполитические обстоятельства определяли приоритеты идеологических концепций. Несмотря на их отличительные черты, стержневым началом оставались ислам и защита целостности государства при абсолютном отрицании прав нетурецких народов на свободное развитие и равноправие. Следствием такой идеологической трансформации явилось жестокое подавление национально-освободительного движения подвластных христианских народов в XIX в., геноцид армян в годы Первой мировой войны и полная ассимиляция всех народов Турции к началу XXI в., за исключением курдов.

ИДЕЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ГРУЗИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И ИДЕОЛОГИЯ ТРАДИЦИОНАЛИСТОВ

М.В. Кирчанов

Воронежский государственный университет
Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Автор анализирует проблеме преемственности в политической памяти грузинского национализма в контексте традиционалистских тенденций. Первые политические группы традиционалистской ориентации существовали в грузинской политической эмиграции в период между двумя мировыми войнами. Реставрация грузинской политической независимости привела к восстановлению традиционалистских политических партий. Программы межвоенного и современного традиционализма имеют много общих особенностей. Активность традиционалистов актуализирует преемственность в политической памяти различных поколений грузинского национализма.

Ключевые слова: грузинский национализм; традиционализм; политическая память; историческая преемственность.

THE CONTINUITY IDEA IN POLITICAL MEMORY OF GEORGIAN NATIONALISM AND THE TRADITIONALIST'S IDEOLOGY

M.V. Kyrchanoff

The author analyzes the continuity problem in the political memory of Georgian nationalism in the context of traditionalist tendencies. The first political group of traditionalist orientation existed in Georgian political emigration in the period between the two world wars. The restoration of Georgian political independence led to revival of traditionalist political parties. Programs of the inter-wars and contemporary traditionalism are characterized by numerous common features. The activities of traditionalists actualize continuity in political memory of different generations of Georgian nationalism.

Key words: Georgian nationalism; traditionalism; political memory; historical continuity.

Развитие ряда националистических движений и идеологий на территории Большой Европы в одинаковой степени характеризуется как континуитетом, так и дискретностью. Преемствен-

ность в истории националистической идеологии может сочетаться и с разрывами, вызванными политическими изменениями и трансформациями, связанными со сменой политических режимов и элит, которые определяли и формировали основные векторы политического и исторического развития. В качестве проявления подобного континуитета и дискретности мы, вероятно, можем воспринимать наличие или отсутствие в некоторых странах Большой Европы т. н. «исторических партий». «Исторические партии» принадлежат к числу чрезвычайно сложных исторических и политических явлений, единая дефиниция таких движений как в исторической, так и в политологической литературе не предложена.

В целом, под историческими партиями, вероятно, следует воспринимать политические партии и движения, которые существовали на территории тех или иных стран, занимая определенное место и положение в политических пространствах и ландшафтах тех или иных государств, прекратив свое существование после установления, как правило, левых авторитарных режимов и возродившись после их падения, в условиях демократического транзита. Подобные партии в ряде стран весьма условно называют историческими или традиционными. К числу стран, для которых феномен исторических или традиционных партий характерен не в столь значительной степени, как например, для Румынии или Латвийской Республики, относится и Грузия¹. Первые грузинские политические партии возникли в первой четверти XX в., активно используя принципы и ценности националистической или социалистической идеологии.

Восстановление традиций независимой грузинской государственности, что проявилось в создании Грузинской Демократической Республики, в значительной степени активизировали политическую и партийную жизнь в стране, но вскоре последовавшая советизация Грузии, ее включение в состав Советского Союза в

---

¹ Об основных этапах исторического развития и идеологической эволюции грузинских политических партий в организационном и идейном плане существует обширная историография на грузинском языке. Подр. см.: *Грдзелидзе Г.* Политическая история Грузии (1910–1924). Тбилиси, 1998 (на груз. яз.); *История политических партий* / ред.-сост. Б. Губелидзе, Ф. Бенидзе, М. Хецуриани. Тбилиси, 1998 (на груз. яз.); *Хецуриани М.* История политических партий. Тбилиси, 1998 (на груз. яз.); *Хочолава В.* Проблемы политических наук в Грузии. Тбилиси, 2001 (на груз. яз.).

качестве Грузинской ССР (с непродолжительным пребыванием в рамках ЗСФСР) внесли очередные коррективы в функционирование и развитие политического пространства, содействуя его унификации, что выразилось в установлении однопартийной диктатуры, связанной с монополией на власть Грузинской КП. Распад СССР и повторное в XX в. восстановление грузинской государственности привели к значительным идеологическим и партийным трансформациям в политическом пространстве Грузии.

С одной стороны, сложились условия для возрождения традиций грузинского политического и гражданского национализма в виде восстановления и возобновления деятельности, в том числе, и исторических политических партий. С другой стороны, эти традиционные партии оказались не в состоянии противостоять постсоветскими партийным проектам и движениям, которые более успешно вписались в политический ландшафт Грузии, обладая значительным адаптивным потенциалом. В подобной ситуации исторические политические партии в Грузии вновь относительно быстро трансформировались в исторические в том смысле, что стали достоянием новейшей грузинской политической истории. Подобная специфика актуального политического и новейшего исторического процесса в Грузии придает актуальность целому ряду вопросов, связанных как с идеологическими измерениями грузинского национализма, так и его партийными измерениями. Эти вопросы, вероятно, могут быть сформулированы следующим образом: уместно ли применение термина «исторические партии» в грузинском контексте и, если мы ответим на этот вопрос положительно, то в чем проявилась специфика континуитета или дискретности в грузинском политическом пространстве в контексте развития идеологии грузинского национализма?

Поэтому в центре авторского внимания в настоящей статье будут проблемы интеллектуальной и идеологической истории таких движений как «თეთრი გორგი» («Белый Гиорги») и «ქართველ ტრადიციონალისტთა კავშირი» («Союз грузинских традиционалистов») в контексте истории «традиционных партий», так и попыток восстановления их деятельности в современной независимой Грузии.

Исторические политические партии «Белый Гиорги»² и «Союз грузинских традиционалистов», если термин «партии» применим к этим группам, существовали в 1920–1940-е гг., хотя национальные грузинские политические партии в эмиграции существовали и ранее. Среди этих групп выделялся «ქართულ სეპარატისტთა წრე» («Круг грузинских сепаратистов»), в котором начинал свою деятельность, в том числе, и Лев Кереселидзе³. На протяжении этого периода за пределами Грузинской ССР существовал ряд антикоммунистических грузинских политических организаций⁴. Центром грузинской политической эмиграции была Европа⁵, а сами лидеры эмиграции в той или иной степени стремились установить отношения с политическими элитами европейских государств. Особое место в ряду этих групп и движений⁶ занимали те, которые развивали идеи грузинского национализма. Организация «Белый Гиорги» была создана в 1925 г. группой грузинских политиков и интеллектуалов, которые после советизации Грузии вынужденно оказались в эмиграции.

По мнению грузинских историков⁷, «Тетри Гиорги» занимает особое место в политической истории грузинской эмиграции несоциалистического толка, являясь одной из ведущих правых групп. Лидерами этой националистической группы оказались ветеран грузин-

---

² Подр. об организации см.: *Урушадзе Л.* Грузинская политическая патриотическая организация «Белый Гиорги» // Амиран. 2009. Т. XXI. С. 166–204 (на груз. яз.).

³ *Кереселидзе Л.* Автобиография. URL: <http://www.legionerebi.org/sam-xedro/?p=75> (дата обращения: 21.03.2015) (на груз. яз.).

⁴ В Грузии в 2010 г. вышла «монография» бывшего полковника КГБ Гелы Суладзе, посвященная грузинским политическим организациям в эмиграции в период с 1918 по 1953 г. (*Суладзе Г.* Грузинская антисоветская эмиграция и службы безопасности (1918–1953 гг.). Тбилиси, 2010; на груз. яз.). Книга получила весьма критические оценки в современной грузинской академической историографии, в частности со стороны Левана Урушадзе (см.: *Урушадзе Л.* Как может быть описана история. Тбилиси, 2011. URL: <https://burusi.wordpress.com/2011/03/16/levan-z-urushadze-12/> (дата обращения: 21.03.2015) (на груз. яз.).

⁵ *Урушадзе Л.* Европа и политическая грузинская эмиграция. Тбилиси, 2005 (на груз. яз.).

⁶ *Даушвили Г.* Грузинская эмиграция в 1921–1939 годы. Тбилиси, 2007 (на груз. яз.).

⁷ *Урушадзе Л.* Несколько источников по истории организации «Белый Гиорги» // Грузинский Университет. 2010 № 55. URL: <https://matiane.wordpress.com/2010/05/14/tetri-giorgi/> (дата обращения: 21.03.2015) (на груз. яз.).

ской политики Лев Кереселидзе и известный грузинский интеллектуал, историк-востоковед Михаил Церетели⁸. Кроме них участие в деятельности «Белый Гиорги» принимали Шалва Беридзе (შალვა ბერიძე)⁹, создатель организации, впоследствии – профессор Университета Неаполя), Шалва Маглакелидзе (შალვა მაღლაკელიძე), Лео Кереселидзе (ლეო კერესელიძე), Григол Робакидзе (გრიგოლ რობაქიძე) и другие сторонники грузинского национализма. Идеологически «Белый Гиорги» был связан с более ранними грузинскими националистическими движениями, а его идеологи и теоретики развивали идею политического и национального освобождения Грузии при поддержке западных государств. После 1933 г. теоретики движения «Белый Гиорги», подобно части русских эмигрантов, начали ориентироваться на Германию, стремясь играть на разделяемых национал-социалистами антикоммунистических идеях.

В условиях роста контактов с Германией теоретики «Белый Гиорги» переименовали движение в ნაციონალ-სოციალისტური პარტიის «თეთრი გორგი» (Национал-социалистическая партия «Белый Гиорги»). Подобный политический ребрендинг был не первым опытом в истории грузинского национализма в XX веке. В период первой мировой войны другая националистическая организация изменила название с «საქართველოს განმათავისუფლებელი კომიტეტი» (Комитет освобождения Грузии) на «დამოუკიდებლობის კომიტეტი» (Комитет независимости)¹⁰, что стало одним из интеллектуальных оснований доминирования идеи политической независимости и гражданской нации у последующих грузинских националистов, в том числе и участников «Белый Гиорги» и «Союз грузинских традиционалистов».

При этом во время второй мировой войны, формально сотрудничая с Германией, в том числе – и в сфере создания грузинских подразделений¹¹, грузинское национальное движение предпочло сохранить прежние идеологические ценности и политические предпочтения. Кроме этого в годы второй мировой войны возникла и другая историческая партия грузинского национализма – «Союз гру-

---

⁸ О роли М. Церетели в истории грузинской политической эмиграции подр. см.: Урушадзе Л. Славное бессмертие души. URL: <https://burusi.wordpress.com/2012/06/21/urushadze-5/> (дата обращения: 20.03.2015) (на груз. яз.).

⁹ Беридзе Ш. Биография (1924–1933) // Белый Гиорги. 1933 № 69–71 (на груз. яз.).

¹⁰ Лео Кереселидзе. URL: <http://www.nplg.gov.ge/emigrants/ka/00000107/> (дата обращения: 22.03.2015) (на груз. яз.).

¹¹ Рухиладзе В. Грузины под немецким знаменем. Тбилиси, 1994 (на груз. яз.).

зинских традиционалистов», в деятельности которой принимали участие Иракли Багратион-Мухранели (ირაკლი ბაგრატიონ-მუხრანელი), Михаил Церетели (მიხეილ წერეთელი¹²), Григол Робакидзе, Шалва Маглакелидзе, Гиорги Квинитадзе и другие грузинские националисты. Подобно движению «Белый Гиорги», грузинские традиционалисты выступали за реставрацию грузинской независимой государственности, полагая, что ее лучшей формой является конституционная монархия.

В период второй мировой войны, отмеченной активизацией военного сотрудничества грузинских эмигрантов с Германией¹³, Шалва Маглакелидзе инициировал создание и военизированного крыла известного как «საქართველოს ფაშისტური დარაზმულობა» (Союз грузинских фашистов), связанного как с движением «Тетри Гиорги», так и с грузинскими традиционалистами. Сотрудничество с Германией в 1933–1945 гг., опыт военной коллаборации¹⁴, а также общая политическая и идеологическая дискредитация национал-социализма после второй мировой войны привела к самороспуску движения «თეთრი გორგო». Сотрудничество грузинских националистов с немцами не отличалось последовательным характером. Последовательность националисты стремились сохранить только в тех случаях, когда под сомнение могла быть поставлена их относительная политическая независимость. Поэтому, эмигранты (например, Шалва Маглакелидзе¹⁵) проявляли значительную умеренность и осторожность в сотрудничестве с НСДАП или с СС. Тем не менее, политическая динамика в поствоенной Европе развивалась явно не в пользу грузинского национального движения. Поэтому, «Союз грузинских традиционалистов» был вынужден прекратить свою деятельность в эмиграции, пока она не была возобновлена в 1989 г., но уже в Грузии.

---

¹² Салия К. Профессор Михаил Церетели // Судьба Картли. 1948. № 3 (на груз. яз.).

¹³ Мамулия Г. Грузинский легион в борьбе за свободу и независимость Грузии во Второй мировой войне. Тбилиси, 2007 (на груз. яз.).

¹⁴ Мамулия Г. Битва за Кавказ (1942–1943 годы) // Республика. 2003. 24 февраля. № 51 (4430); 3 марта. № 58 (4437); 10 марта. № 63 (4442); 17 марта. № 70 (4449); 23 марта. № 76 (4455) (на груз. яз.).

¹⁵ Кацитадзе Э. Генерал Шалва Маглакелидзе // Вестник архивов. 2012. № 12. URL: <http://www.nplg.gov.ge/gsd1/cgi-bin/library.exe> (дата обращения: 21.03.2015) (на груз. яз.).

Что представляла политическая идеология первого поколения грузинских националистов традиционалистской ориентации? Среди теоретиков первого политического поколения грузинских традиционалистов особая роль принадлежала Зурабу Авалишвили¹⁶. Грузинские националисты-традиционалисты прилагали немалые усилия к историзации грузинской политической традиции и грузинской государственности, в той или иной степени актуализируя ее причастность к европейской истории, включенность в западный исторический процесс. Именно к подобным историко-политическим мифологизациям грузинской истории следует относить некоторые тексты З. Авалишвили, посвященные крестноносцам¹⁷. Особое внимание грузинскими национально ориентированными интеллектуалами (например, тем же З. Авалишвили¹⁸) уделялось проблемам реставрации независимой грузинской государственности. При этом грузинскими националистами¹⁹ предпринимались попытки выяснить причины падения и краха ГДР, причины и истоки ее советизации, что связывалось ими с успехами и активностью левой коммунистической пропаганды. В подобной ситуации период ГДР в грузинской националистической идеологии подвергался значительной идеализации и мифологизации, превращаясь в коллективное «место памяти».

Политическая программа «Белый Гиорги»²⁰ в идеологическом плане была основана на принципах политического грузинского национализма. Комментируя специфику политической идеологии движения, грузинский историк Леван Урушадзе подчеркивал, что она развивалась и функционировала в условиях эмиграции, так как в самой Грузии, которая, по его мнению, была оккупирована СССР, активность националистических групп и орга-

---

¹⁶ Бабунашвили Г., Нозадзе Т. Патриот. Тбилиси, 1994; Гиоргадзе М. Зураб Авалишвили (Штрихи к портрету) // Жизнь и закон: международный научно-практический журнал. 2008. № 1. С. 71–73 (на груз. яз.).

¹⁷ Авалишвили З. Крестноносцы (четыре исторического очерка). Париж, 1929 (на груз. яз.).

¹⁸ Он же. 1918–1921: годы независимости в международной политике, воспоминания, эссе. Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).

¹⁹ Он же. Успех социалистической пропаганды в Грузии // Наши записки. 2008. № 16 (68). С. 2–4 (на груз. яз.).

²⁰ О политической программе движения и его идеологических предпочтениях см.: Урушадзе Л. Несколько источников по истории организации «Белый Гиорги». URL: <https://matiane.wordpress.com/2010/05/14/tetri-giorgi/> (дата обращения: 20.03.2015) (на груз. яз.).

низаций была исключена. В целом, в современной Грузии, в особенности – в электронных СМИ²¹, «Белый Гиорги» воспринимается как организация в рамках грузинского национального движения, которая стремилась сохранить грузинскую идентичность. Ряд грузинских историков²² полагают, что, начиная с середины 1920-х гг., на протяжении трех десятилетий, эта организация играла ключевую роль в грузинской политической эмиграции. Грузинские национально ориентированные интеллектуалы, связанные с движением «Белый Гиорги», полагали, что Грузия обладает давними историческими традициями, двухтысячелетней историей, половина которой ознаменована борьбой за независимость. В политическом воображении грузинского национализма Советский Союз воспринимался как страна-агрессор, которая оккупировала независимую Грузинскую Демократическую Республику. Поэтому Грузия подвергалась виктимизации, позиционируясь как жертва колониальной советской политики, направленной на подчинение экономики интересам Москвы. Грузинские националисты, объединенные вокруг «Белый Гиорги», выдвигали программу-минимум, которая включала несколько пунктов, а именно: освобождение Грузии от «русского рабства», борьба за целостность Грузии, борьба против русификации и советизации Грузии, восстановление принципов экономической свободы, всемерное развитие грузинского языка²³. В подобной интеллектуальной атмосфере политическим идеалом для националистов стала «დიდი და დიადი საქართველო» («Великая и Славная Грузия»²⁴).

В политической программе «Белый Гиорги» особую роль играла идея примата нации и национального государства в форме «კონსტიტუციური მონარქია» (конституционная монархия²⁵) над социальными, экономическими и политическими противоречиями и разногласиями. Позднее лозунг реставрации в Грузии кон-

---

²¹ Шалва Маглакелидзе и Грузинский легион вермахта (1941–1945). URL: <http://intermedia.ge/სტატია/26005-გენერალი-შალვა-მაღლაკელიძე-და-ვერმახტის-ქართველი-ლეგიონი-1941-1945/64/> (дата обращения: 24.03.2015). (на груз. яз.).

²² Урушадзе Л. «Белый Гиорги» (Свимон Цицишвили). URL: <https://burusi.wordpress.com/2010/04/30/levan-z-urushadze-5/> (дата обращения: 22.03.2015) (на груз. яз.).

²³ От патристической молодежи. Организация «Белый Гиорги». Декларация Учредительного собрания. Париж, 1925 (на груз. яз.).

²⁴ Кереселидзе Л. Некоторые аспекты нашей идеологии: национальная дисциплина // Белый Гиорги. 1934. № 74–75. (на груз. языке)

²⁵ Там же.

ституционной монархии был подхвачен и немецкими националистами, но часть грузинских интеллектуалов (например, Виктор Рцхиладзе²⁶) склонна в этом видеть только идеологический и пропагандистский маневр Германии, которая в реальности подобными возможностями не обладала. Кроме этого грузинскими националистами выдвигался в принципе универсальный лозунг «საქართველო უწინარეს ყოვლისა» («Грузия превыше всего»)²⁷. В этом контексте примечательно то, что этот политический девиз имел универсальный характер, обладая определенными признаками серийности, для большинства других европейских национализмов и националистических движений, которые в качестве центральной цели были склонны видеть создание или реставрацию независимой национальной государственности. В целом, идеологическая доктрина «Белый Гиорги» была в большей степени основана на принципах и ценностях политического, гражданского национализма.

Программное значение для деятельности «Белый Гиорги» имела работа Л. Кереселидзе «Некоторые аспекты нашей идеологии: национальная дисциплина»²⁸, в которой автор развивал несколько идей, а именно: современный мир сталкивается с вызовами двух авторитарных идеологий и движений, одной из которых явился коммунизм, а второй стал итальянский фашизм; фашизм усилиями левых политиков демонизируется, хотя его появление стало реакцией на активизацию левых сил; фашизм не следует воспринимать как исключительно современное движение, так как его истоки можно обнаружить в христианстве; поэтому, идеология грузинского национализма должна базироваться на ценностях семьи, традиционализме и христианстве. Комментируя подобную идеологическую специфику, М. Церетели подчеркивал, что молодые «Белый Гиорги» были знакомы с идеями итальянского фашизма, но не фашистская доктрина, а «ქართველი ერის თანამედროვე

---

²⁶ Малхაзишвили М. Диссидент записал воспоминания генерала Шалвы Маглакелидзе: «Хотел ли Гитлер восстановить монархию в Грузии?» // Иверия. 28 июля 2014 года. URL: <http://iveria.biz/659--.html> (дата обращения: 23.03.2015) (на груз. яз.).

²⁷ От патриотической молодежи. Организация «Белый Гиорги». Декларация Учредительного собрания. Париж, 1925 (на груз. яз.).

²⁸ Кереселидзе Л. Указ. соч.

ტვიზილებსა და მოსწრაფებებსა» («боли и чаяния грузинской нации»)²⁹ были основными побудительными мотивами.

Второе поколение грузинских традиционалистов стало активно в конце 1980-х – начале 1990-х гг., а общие векторы в его идеологической эволюции определились во второй половине 1990-х годов³⁰. Современные традиционалисты склонны подчеркивать свою преемственность с историческими предшественниками³¹, проводя континуитет между 1942 г и возрождением партии в начале 1990-х годов. В конце 1980-х гг. традиционалисты приняли участие в деятельности «მრგვალი მაგიდა – თავისუფალი საქართველოში» («Круглого стола – Свободная Грузия»)³² – выразителя национальной идеи в позднем СССР. На раннем этапе возобновления деятельности партии одним из выразителей, реаниматоров и актуализаторов идеологии грузинского национализма в его традиционалистской версии стал Звиад Гамсахурдиа. В 1991 г. Звиад Гамсахурдиа стал почетным членом Союза грузинских традиционалистов. Звиаду Гамсахурдиа в деятельности и идеологии традиционалистов импонировала его антимосковская позиция, которая воспринималась как антиимперская, направленная на реставрацию грузинской политической независимости. Правда, в 1992 г. Звиад Гамсахурдиа, отправив 10 июля открытое письмо в газету «აღდგომა» («Пасха»)³³, которая была официальным печатным органом традиционалистов, вступил в политический конфликт с грузинскими националистами, сочтя их относительно умеренную позицию и склонность к компромиссам формой политического предательства, направленного против грузинской независимости.

Что касается современной идеологической программы грузинских традиционалистов, то она в значительной степени сохраняет близость и общность с идеологическими предпочтения-

---

²⁹ Урушадзе Л. Организация «Белый Гиорги» (1924–1954): сущности идеологии. URL: <https://burusi.wordpress.com/2010/04/29/levan-z-urushadze-4/> (дата обращения: 24.03.2015) (на груз. яз.).

³⁰ Союз традиционалистов Грузии. Предвыборная платформа для местных выборов 15 ноября 1998 года. Тбилиси, 1998. (на груз. яз.).

³¹ Союз грузинских традиционалистов... URL: https://www.facebook.com/pagavaaslan/info?tab=page_info (дата обращения: 24.03.2015) (на груз. яз.).

³² Великое 28 октября 1990. URL: <http://www.ai-ia.info/online-arqivi/43-brwkinvale-1990-wlis-28-oqtomberi.htm> (дата обращения: 22.03.2015) (на груз. яз.).

³³ Гамсахурдиа З. Выдающаяся роль в националистическом движении... // Пасха. 1992. 10 июля (на груз. яз.).

ми их исторических предшественников. Идеологи традиционалистов полагают, что Грузия должна развиваться как единое и национальное государство, наиболее оптимальной формой которого является, по их мнению, конституционная монархия³⁴. Конституционной монархии как идеальной форме правления традиционалисты склонны противопоставлять политические реалии современной Грузии. В 2013 г. теоретики движения констатировали нарастание кризисных тенденций, связанных с «растерянностью и непоследовательностью политики правительства, отсутствием концепции стратегического развития». Поэтому, идеологии традиционализма настаивали не только на необходимости сохранения, развития и поощрения грузинской национальной идеентичности, но и на проведении политики последовательной десовветизации³⁵.

В политической программе традиционалистов особое место занимает антиимперская риторика³⁶, основанная на критике и осуждении внутренней и внешней политики современной Российской Федерации. Традиционалисты полагают, что империи являются источником и причиной многочисленных международных проблем. По мнению традиционалистов, современные империи, к которым они склонны относить Россию, представляют источник проблем и угроз для соседних государств. Теоретики современного грузинского традиционализма убеждены, что конфликт между грузинами и абхазами с последующим отторжением Абхазии был специально и сознательно инспирирован Россией. Традиционалисты настаивают, что в XXI в. сложилась «печальная реальность», которая сводится к тому, что малые государства существуют в условиях постоянной угрозы со стороны империй, а сами империи базируются на подавлении освободительных движений³⁷.

---

³⁴ Форма и содержание национальной демократии... URL: https://www.facebook.com/pagavaaslan/info?tab=page_info (дата обращения: 23.03.2015) (на груз. яз.).

³⁵ Асатиани А. Предвыборный манифест 2013 г. URL: <https://www.facebook.com/pagavaaslan/posts/577230059000304> (дата обращения: 22.03.2015) (на груз. яз.).

³⁶ Липартелиани Д. «Традиционалисты» об абхазских парламентариях и организациях, 7 ноября 2014. URL: <http://reportiori.ge/?menuid=3&id=44283> (дата обращения: 21.03.2015) (на груз. яз.).

³⁷ А. Асатиани: Союз грузинских традиционалистов, 31 октября 2014 года. URL: <https://www.facebook.com/pagavaaslan/posts/796855883704386> (дата обращения: 23.03.2015) (на груз. яз.).

Особое внимание грузинские традиционалисты уделяют проблемам Южной Осетии и Абхазии. Отделение этих территорий ими не признается, и традиционалисты последовательно выступают в защиту территориальной целостности Грузии, рассматривая и Абхазию, и Южную Осетию как псевдогосударства, которые пребывают в состоянии политической и экономической зависимости от России. Фактическая потеря контроля над этими регионами, по мнению традиционалистов, стало проявлением слабости внешней политики правящих грузинских политических элит³⁸. Традиционалисты настаивают на том, что РФ ведет в регионе не только агрессивную политику, но и фактически не учитывает интересы своих союзников из Южной Осетии и Абхазии. По мнению грузинских традиционалистов, сближение осетинских и абхазских националистов с РФ опасно тем, что эти региона могут утратить независимость, так как их главы в перспективе перестанут быть российскими ставленниками, а будут просто назначаться по решению Москвы. Традиционалисты полагают, что российская политика сознательно направлена на превращение Кавказа в предмет политического торга с Европейский Союзом. Анализируя особенности северокавказской политики РФ, грузинские традиционалисты полагают, что московские элиты, которые руководствуются исключительно «эгоистическими и узкопартийными интересами»³⁹, допустили ряд значительных ошибок, заигрывая с абхазскими и осетинскими националистами.

Международные проблемы также не могут игнорироваться современными грузинскими традиционалистами. Значительное внимание ими уделяется проблематике, связанной с ИГИЛ. Грузинские традиционалисты включились в дискуссию относительно ИГИЛ после того как США была озвучена идея создания на территории Грузии учебных центров для подготовки сирийских повстанцев. Традиционалисты к подобной инициативе отнеслись негативно, так как это, по их мнению, создаст ряд новых угроз и вызовов, которые будут угрожать национальной безопасности Грузии, а именно – превратят ее в объект для нападения и агрессии со стороны радикаль-

---

³⁸ Грузинские традиционалисты, 29 сентября, 2013 года. URL: <https://www.facebook.com/pagavaaslan/posts/589381304451846> (дата обращения: 22.03.2015) (на груз. яз.).

³⁹ Союз грузинских традиционалистов. Об организации. URL: <https://www.facebook.com/pagavaaslan/posts/859097290813578> (дата обращения: 23.03.2015) (на груз. яз.).

ных исламистов, могут ослабить основы этнической и конфессиональной толерантности в стране, могут обострить отношения между грузинами-христианами и грузинами-мусульманами, дестабилизировать ситуацию в соседних государствах⁴⁰. В качестве альтернативы традиционалисты предлагают поддерживать законное правительство Сирии в борьбе против терроризма.

Грузинские националисты, связанные с историческими грузинскими национальными партиями «Белый Гиорги» и «Союз грузинских традиционалистов», которые в советской историографии подвергались только и исключительно демонизации, усилиями грузинских интеллектуалов в современной независимой Грузии интегрированы в новые версии национальной истории и исторической памяти, периодически привлекая внимание общественности. В частности, в первой половине 2010-х гг. в Грузии вышло 15-томное собрание трудов М. Церетели, который обрел вполне нормальную репутацию «грузинского ученого, политика и общественного деятеля, <...> основоположника грузинского востоковедения, основателя общественных наук в Грузии, исследователя наследия Руставели»⁴¹. Григол Робакидзе позиционируется как «символ свободомыслия и борьбы против зла»⁴². Подобные стратегии легитимации совпали и с оправданием, легитимацией деятельности новейших современных наследников грузинских политических партий, но в этом отношении континуитет между ними носит в значительной степени условный характер. Значительный общественный и научный интерес к деятельности лидеров и идеологов «Белый Гиорги» и «Союз грузинских традиционалистов» вовсе не означает того, что их современные наследники пользуются значительной поддержкой.

Политическое значение традиционалистов в современном партийном пространстве Грузии весьма противоречиво и сложно определимо. Проявлением подобной неопределенности следует признать как и сознательный отказ от участия в выборах (например, местных в 2014 г.)⁴³, так и попытки традиционалистов уста-

---

⁴⁰ Союз грузинских традиционалистов: Заявление. 26 сентября 2014 г. URL: <https://www.facebook.com/pagavaaslan/posts/779333612123280> (дата обращения: 23.03.2015) (на груз. яз.).

⁴¹ Рукописи Михаила Церетели вышли в 15 томах // Иверия. 2014. 29 июля. URL: <http://iveria.biz/660--15-.html> (дата обращения: 21.03.2015) (на груз. яз.).

⁴² Аладашвили Л. «Я не прошу многого...». URL: <http://www.ambioni.ge/grigol-robaqize> (дата обращения: 22.03.2015) (на груз. яз.).

⁴³ Коалиция «Грузинских традиционалистов» и «Объединенная оппозиция» в избирательной кампании. URL: <http://www.interpressnews.ge/ge/>

новить партнерские отношения с другими грузинскими политическими партиями. Периодически имеющие место попытки традиционалистов привлечь к себе внимание, выступая с комментариями относительно тех или иных событий в политической жизни современной Грузии⁴⁴, не выполняют возложенной на них задачи, и в подобной ситуации значение традиционалистов в целом продолжает оставаться не очень высоким. Большинство комментариев и оценок, которые исходят от лидеров традиционалистов⁴⁵, носят весьма умеренный и осторожный характер. В 2013 г. традиционалисты установили партнерские отношения с «Движением за справедливую Грузию»⁴⁶. В 2013–2014 гг. традиционалисты пытались сотрудничать с Нино Бурджанадзе⁴⁷, которая воспринималась ими как политик, способная решить внутренние и внешние проблемы Грузии⁴⁸. Значительным политическим весом движение не обладает, его продолжительная история не гарантирует политического успеха на современном этапе. В подобной ситуации, занимая в большей степени маргинальные позиции в политическом спектре современной Грузии, традиционалисты вынуждены заключать соглашения с прочими, более или менее успешными политическими партиями. Роль традиционалистов в подобных коалиционных отношениях также не столь ясна, но нельзя исключать того, что грузинские традиционалисты вынуждены довольствоваться статусом младших и зависимых партнеров других политических партий.

---

politika/277973-qtradicionalisttha-kavshiriq-koalicia-qburjanadze-erthiani-opoziciisq-tsinasaarchevno-kampaniashi-chaertho.html?ar=A (дата обращения: 23.03.2015) (на груз. яз.).

⁴⁴ «Союз традиционалистов» приветствует решение правительства и советы Патриарха. URL: <http://frontnews.ge/ge/news/18669> (дата обращения: 21.03.2015) (на груз. яз.).

⁴⁵ *Наскидашвили Э.* Акаки Асатиани: влияние Обамы было наибольшим. URL: <http://www.geworld.ge/View.php?ArtId=5780&lang=ge> (дата обращения: 23.03.2015) (на груз. яз.).

⁴⁶ Сотрудничество «Союза традиционалистов» и «Справедливой Грузии» URL: http://geonews.ge/category/8/politics/news/195331/samartliani_saqartvelostvis_tradicionalistebi.html (дата обращения: 21.03.2015) (на груз. яз.).

⁴⁷ «Союз традиционалистов Грузии» и «Объединенная оппозиция» участвует в избирательной кампании. URL: http://pia.ge/show_news.php?id=11237&lang=geo (дата обращения: 21.03.2015) (на груз. яз.).

⁴⁸ Коалиция «Движение объединенной оппозиции». URL: <http://iveri-oni.com.ge/3682-koalicia-burjanadze-erthiani-opozicia-shi-matebaa.html> (дата обращения: 23.03.2015) (на груз. яз.).

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с историческим и актуальным политическим измерением активности и идеологии «традиционных» националистических партий и групп в Грузии.

История националистических партий, о которых речь шла выше, в Грузии в XX в. и на актуальном этапе отличается значительной сложностью и противоречивостью, что связано с общими тенденциями в идеологической трансформации грузинского национализма в целом, который развивался в условиях сосуществования гражданской (политической и радикальной) этнической перспектив и измерений в идеологии грузинского национализма. В подобной ситуации большинство формально и фактически национально ориентированных и националистических партий были вынуждены в той или иной степени и соответственно с разным успехом сочетать и комбинировать принципы и ценности этнического и политического национализма. В грузинском случае идеи гражданской политической нации и более радикальной версии грузинского национализма, основанном на приматах этничности и картвелизма, оказались не столь совместимыми, как аналогичные тренды в других европейских континентальных националистических идеологиях. При этом грузинский гражданский национализм сложно представить без значительного внимания к роли грузинского языка как центрального консолидирующего фактора и без разного рода картвельских аспираций, которые проявлялись в попытках написания грузинской национальной истории, выдержанной в этноцентричной системе координат.

В этой ситуации гражданские грузинские националисты, апологеты и сторонники грузинской нации как политической оказались заложниками мощного мобилизационного потенциала грузинской (картвельской) этничности и идентичности, хотя и радикальные националисты, склонные в качестве основной цели национализма видеть построение Грузии, основанной на принципах и ценностях картвелизма, не смогли избежать очарования и увлечения либеральными идеями, которые характерны практически для любого европейского, в том числе – и грузинского, национализма. Кроме этого подобная идеологическая непоследовательность, которая при желании может восприниматься и наоборот, как проявление интеллектуальной и политической ортодоксии, грузинского национализма привела к тому, что он в своих институциональных формах в ви-

де политических партий, оказался не в состоянии конкурировать с другими движениями и идеологиями.

В советский период альтернативу национализму составила коммунистическая доктрина, которая в Грузинской ССР с большей или меньшей степенью стремилась использовать грузинский национализм ради собственной легитимации. В постсоветской Грузии грузинский национализм также в партийных проявлениях оказался менее жизнеспособен, чем другие политические партии. В Грузии 1990–2000-х гг. партийно институционализированный и организованный грузинский национализм не смог успешно конкурировать с другими постсоветскими партиями, которые формально отказались от националистической ортодоксии, будучи в состоянии синтезировать ценности и идеи грузинского национализма с принципами, в зависимости от ситуации и политической конъюнктуры, демократии, либерализма, социализма, прав и свобод человека...

В подобной ситуации исторические националистические партии и движения в Грузии были вынуждены адаптироваться к вызовам современности. Поэтому исторические и традиционные партии и движения активно используют столь неисторические и нетрадиционные формы существования политических партий-предшественников, с которыми они оказались связаны генетически, интеллектуально и идеологически, как Интернет и социальные сети. Формально между историческими националистическими партиями и их актуальными наследниками существует преемственность, которая, как правило, проявляется в идеологической сфере. Кроме этого, континуитет между ними, вероятно, можно проследить и в степени их влияния, которое как в прошлом, так и на современном этапе не является значительным. Как исторические националистические партии, так и их современные наследники, свято соблюдая идейную ортодоксию, оказались не в состоянии конкурировать с более широкими в идейном плане партиями, которые оказались в состоянии синтезировать националистическую идеологию с либеральными и демократическими ценностями.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК [303.446.4+94](47)

ИЗУЧЕНИЕ ЖАЛОВАННОЙ ГРАМОТЫ ГОРОДАМ 1785 г. В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

М.А. Зайцев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: zaytsev-mv@mail.ru

Статья посвящена историографии одного из важнейших законодательных актов Екатерины II – Жалованной грамоты городам. Рассматриваются исследования, вышедшие до революции 1917 года. Анализируются точки зрения авторов на причины создания этого закона и на его роль в развитии русского города конца XVIII – первой половины XIX века.

Ключевые слова: История России; русская историография; реформы Екатерины II; Жалованная грамота 1785 г.; русский город в конце XVIII – первой половине XIX века.

THE STUDY OF CHARTER OF THE CITIES (1785) IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

M.V. Zaytsev

The article is devoted to the historiography of one of the most important legislative acts of Catherine II – the Charter of the Cities. We consider the studies, published before the revolution of 1917. Point of view of the authors analyzed the causes of the creation of this law and its role in the Russian city of the end of XVIII – first half of XIX century.

Key words: History of Russia; Russian historiography; reforms of Catherine II; the Charter of the Cities (1785); Russian city in the end of XVIII – first half of XIX century.

Утвержденная 21 апреля 1785 г. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» (или Жалованная грамота городам), является одним из важнейших законодательных актов эпохи Екатерины II. Она зафиксировала определенный набор прав городских обывателей и, тем самым, по мнению некоторых иссле-

дователей, способствовала формированию в России так называемого «городского сословия»¹. Грамота также заложила основы новой системы самоуправления, состоявшей из Общей и Шестигласной городских дум. Эти органы, в которые местные жители избирали своих представителей, были призваны действовать в интересах горожан и способствовать развитию важнейших сфер: торговли, промыслов, благоустройства, начального образования, здравоохранения, благотворительности и т. п. Такая система городского самоуправления просуществовала до реформы 1870 г., изменившей принципы муниципального устройства, но сохранившей название основного учреждения – «городская дума».

В связи с этим специалисты, изучающие историю русского города XVIII–XIX вв., неоднократно обращались к анализу этого документа и давали оценки его историческим последствиям. Целью данной статьи будет попытка рассмотреть исследования, посвященные данному законодательному акту и появившиеся в дореволюционный период развития отечественной историографии. Необходимо выявить персональный вклад различных авторов в изучение городской реформы 1785 г. и сопоставить их точки зрения на место Жалованной грамоты городам в истории России.

Одним из первых екатерининскую реформу в общий контекст развития русского города с древнейших времен включил Л. О. Плошинский, в своей работе, вышедшей в 1852 году². Этот автор, будучи по роду деятельности преподавателем законовещения, попытался реконструировать весь процесс формирования в России городского состояния (сословия), а также определить, какими юридическими актами фиксировались права и обязанности этого социального слоя в разные исторические эпохи. Причем рассмотрение этих вопросов он заканчивает именно эпохой издания Жалованной грамоты городам Екатерины II, когда, по его словам, произошло «возможно-полное определение его (городского состояния. – М. З.) прав и обязанностей» и была создана «стройная кодификационная система законодательства»³.

Плошинский обратил внимание на то, что изданная в 1785 г. грамота уже в царствование императора Павла I во многих частях

---

¹ См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. Т. 1. С. 111–112.

² *Плошинский Л.О.* Городское или среднее состояние русского народа, в его историческом развитии, от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852.

³ Там же. С. X.

потеряла свою силу, но в 1801 г. была восстановлена в полном объеме Александром I. Далее в царствование Александра I и Николая I были «изданы относительно городского состояния множество отдельных узаконений, которыми частью изменены, большею же частью дополнены установления времен прежних». «Все эти узаконения, – продолжает автор, – вместе с Жалованною грамотою 1785 года, составляют систему *ныне действующего законодательства империи относительно состояния городских обывателей, и потому должны подлежать не историческому, но догматическому изложению*»⁴.

Под «догматическим изложением» Плошинский очевидно понимал воспроизведение основного содержания грамоты, без подробного анализа объективных предпосылок ее появления, исторической обстановки, в которой она создавалась, и последствий ее реализации. Необходимо отметить, что подобного рода «догматичность» свойственна не только части работы, посвященной екатерининской грамоте. При рассмотрении развития русского города с древнейших времен до середины XVII в. текст этого сочинения носит аналитический характер, строится на сопоставлении данных разнотипных источников и обнаруживает близкое знакомство автора со связанными историческими исследованиями. Но в разделах, посвященных рассмотрению более позднего периода (от принятия Соборного Уложения 1649 г. до середины XIX в.), работа Плошинского представляет собой лишь систематизированное изложение важнейших правительственных постановлений касающихся населения городов. Соответственно практически вся информация, относящаяся к этому времени, извлечена из законодательных актов, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи (далее – ПСЗ). При этом в лучшем случае, коротко анализируются особенности самих юридических памятников, а попытки выявить их связь с реальным историческим развитием городов полностью отсутствуют.

Очевидно, по этой причине Плошинский идеализирует городские реформы как эпохи Петра I, так и эпохи Екатерины II. Изложив «догматически» содержание Жалованной грамоты 1785 г., он называет ее одним из «замечательнейших памятников в истории отечественного законодательства» и утверждает, что она «обняла собою все то, чего необходимо требовали от законодательства выгоды город-

---

⁴ Плошинский Л.О. Указ. соч. С. XI. Здесь и далее курсив автора.

ского состояния, выдвинутого мощною рукою Великого Петра на поприще новой жизни общественной». «Определив объем организма этого состояния, порядок его установления, удостоверения, сообщения и прекращения, – утверждает автор, – она определила вместе с тем в немногочисленных, но мудро обдуманых законоположениях, с одной стороны права и обязанности его, с другой меры для их охранения, – такие права и обязанности, которые, по существу своему, могут или необходимо должны быть ему присвоены, и такие меры для их охранения, которые вполне удовлетворяют требованиям общественного благосостояния и безопасности. Петр Великий «собрал рассыпанную храмину»⁵; Екатерина Великая утвердила ее на прочном основании; – Первый начал творение, Вторая его довершила; Первый возвел состояние городское на степень органического сочленения, *сословия* (корпорации), дал ему возможность, как стройному телу, разумною деятельностью, *словом*, участвовать в деле общественного благоустройства; – Вторая окончательно определила все стороны юридической жизни этой корпорации, все отношения ее к составу сил и учреждений государственных»⁶.

После вознесения исторического значения екатерининской грамоты на такую высоту, Плошинский был обязан как-то объяснить частичную отмену ее положений в царствование Павла I. «Две причины, – писал он, – могут иметь влияние на это более или менее раннее изменение закона: с одной стороны, естественный порядок вещей, явление новых сторон жизни, новых отношений в сфере быта общественного, необходимо требующих нового их определения со стороны власти законодательной; с другой стороны, свойство непосредственного взгляда на данный предмет власти законодательной, – непосредственная воля ее, как такой власти, которая державно создает и распределяет права и обязанности положительные»⁷.

Первый довод автора – об эволюции общественных отношений – не выдерживает критики, поскольку между 1785 г. и павловскими мероприятиями в городской сфере прошел мизерный по историческим меркам срок, за который существенных изменений «в сфере быта» просто не могло произойти. Так что единст-

---

⁵ Это выражение взято из «Регламента или Устава Главного магистрата» утвержденного Петром I 16 января 1721 года.

⁶ Плошинский Л.О. Указ. соч. С. 284. Здесь и далее сохраняется стилистика и пунктуация цитируемых авторов.

⁷ Там же. С. 285.

венной причиной перемены правительственной политики являлось, безусловно, изменение взгляда «власти законодательной», всецело принадлежавшей в ту эпоху монарху. Именно поэтому выдержку из манифеста Александра I от 2 апреля 1801 г. о восстановлении Жалованной грамоты городам, завершающую весь труд, Плошинский оставляет без каких-либо комментариев.

С началом эпохи реформ Александра II интерес исследователей к эволюции государственных и общественных институтов в России возрос. Появлялись научные работы, непосредственно связанные с правительственной подготовкой реформы городского самоуправления. К ним относится, в частности, книга чиновника МВД П. А. Муллова «Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления»⁸, вышедшая в цикле ведомственных изданий под общим названием «Материалы для составления предположений об улучшении общественного управления в городах».

Публикация Муллова начинается с краткого обзора развития городских поселений и их «общественного быта» на Руси от древнейших времен до петровской эпохи, основанного, преимущественно, на работах других специалистов (в том числе на книге Плошинского). Описание правительственных мероприятий в городской сфере со времени Петра I у Муллова, как и у его предшественника, базируется почти исключительно на законодательных актах из ПСЗ. Поэтому данная работа в основной своей части дублирует львиную долю информации сочинения Плошинского. Тем не менее, в отличие от предыдущего автора Муллову удалось, на мой взгляд, представить законотворчество эпохи Екатерины II в виде логически связанного процесса. Он попытался в своей работе показать последовательные шаги этой императрицы по подготовке всеобъемлющей городской реформы, предпринятые от начала ее царствования до 1785 года. К таким шагам относились, например, частные указы первых лет правления Екатерины, касающиеся городских учреждений, деятельность Уложенной комиссии (в том числе Наказ, составленный для нее императрицей), а также губернская реформа 1775 г. Муллов подчеркивал, что все эти мероприятия подготовили необходимую почву для главной реформы: «По совершении многих преобразований, клонившихся к общему государственному устройству, после издания многих частных мер,

---

⁸ Муллов П.А. Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. СПб., 1864.

предпринятых императрицею Екатериною Великою на пользу городов, мер, имевших, иногда, как сейчас замечено, только временное значение, издано было, наконец, общее положение о городах, положение, о котором в течении двадцати лет постоянно упоминалось, при разных случаях, при обнаружении многих правительственных распоряжений, как о реформе, долженствовавшей непременно – рано или поздно – совершиться»⁹.

Самой Жалованной грамоте 1785 г. Муллов также дает очень высокую оценку: «Городовым положением¹⁰ введено более чем прежде, единства и порядка в общественном городском управлении, яснее и точнее определены права различных классов городских обывателей, сгруппированием предшествовавших разновременных и разнообразных узаконений по этой части в один общий свод. Это законоположение, в связи с учреждением губерний, легло краеугольным камнем общественного городского управления; несмотря на многие изменения и быстрое развитие нашей общественной жизни, оно до сих пор, в существенных чертах, сохраняет свое значение»¹¹. Правда, оценка эта касается только юридической стороны документа. Направленность и специфика труда Муллова были таковы, что в нем отсутствует даже попытка определить результаты практического применения грамоты к российской действительности.

В дальнейшем тексте освещены законодательные акты, появившиеся в конце XVIII – первой половине XIX в., в том числе отменявшие, либо видоизменявшие нормы екатерининской грамоты. Автор по большей части лишь констатирует эти изменения, никак не пытаясь объяснить их историческую обусловленность. Так он полностью обошел молчанием причины павловских преобразований, а восстановление Жалованной грамоты манифестом Александра I от 2 апреля 1801 г. в его изложении выглядит чем-то само собой разумеющимся. Причины же локальных реформ городского общественного управления, начавшихся уже в первые месяцы александров-

---

⁹ Муллов П. А. Указ. соч. С. 90.

¹⁰ Словосочетанием «Городовое положение» назван первый (после преамбулы) раздел Жалованной грамоты, но в данном контексте автор, очевидно, применяет его ко всему документу, поскольку правам городских обывателей так или иначе посвящены все части этого закона. Впрочем, и другие специалисты XIX – начала XX в. довольно часто применяли название «Городовое положение» к Жалованной грамоте 1785 года.

¹¹ Муллов П. А. Указ. соч. С. 92–93.

ского царствования, объясняются довольно смутно: «множество перемен, происшедших в течении времени, требовали некоторых изменений и дополнений в самом городском положении»¹². Какие это многочисленные перемены произошли между 1785 и 1801 г. Муллов не уточняет и снова переходит к повествовательному изложению выдержек из ПСЗ. Вместе с тем правительственные распоряжения относительно городской жизни, опубликованные в царствования Александра I и Николая I, этот автор рассматривает опять-таки как подготовку почвы для коренных преобразований городского общественного управления¹³.

Интересно, что, описывая подготовку самих коренных преобразований, открывшихся в 1846 г. утверждением «Положения об общественном управлении Санкт-Петербурга» и продолженных аналогичными реформами в Москве и Одессе (1862–1863), Муллов успешно раскрывает недостатки муниципального устройства, требовавшие устранения. Но эти недостатки он не связывает с Жалованной грамотой 1785 г., хотя некоторые из них напрямую вытекают из этого документа: отсутствие четких правил городских выборов, недостаточная регламентация прав и обязанностей должностных лиц, отсутствие у ремесленников и мещан необходимых профессиональных качеств для общественной службы и ведения делопроизводства¹⁴. Перечисляя эти и другие изъяны организации городского самоуправления, чиновник МВД объясняет их лишь объективными историческими процессами и противоречивостью российского законодательства, но не критикует саму реформу Екатерины Великой. Напротив, все проблемы в муниципальной сфере (по крайней мере, в столичных городах), он связывает как раз с уклонением «от точного смысла городской грамоты 21-го апреля 1785 года»¹⁵.

Работы Л.О. Плошинского и П.А. Муллова, не будучи еще полностью выдержаны в рамках научной исторической методологии, тем не менее, заложили серьезную основу для дальнейшего изучения городской реформы Екатерины II. Большой вклад в разработку этой темы внес доктор государственного права, профессор Харьковского университета И.И. Дитятин. В 1875–1877 гг. он опубликовал двухтомное сочинение «Устройство и управле-

---

¹² Муллов П. А. Указ. соч. С. 109.

¹³ Там же. С. 145, 155.

¹⁴ Там же. С. 158–163.

¹⁵ Там же. С. 180.

ние городов России»¹⁶, посвященное государственной политике в данной сфере. Дитятин подверг скрупулезному научному анализу все правительственные мероприятия, касающиеся городов, от начала XVIII до 60-х гг. XIX в., в том числе реформу 1785 года. Главное отличие подхода этого автора к теме от подхода его предшественников состоит в том, что он попытался выявить объективные предпосылки екатерининских преобразований, показать их связь с реальным состоянием российских городов второй половины XVIII века. С этой целью в качестве источников он задействовал не только тексты законодательных актов, но и другие материалы, а также использовал наработки историков, затрагивавших в своих трудах отдельные вопросы городской тематики.

Вслед за Мулловым Дитятин рассматривал действия Екатерины II в городской сфере от начала ее царствования как необходимые подготовительные меры, предшествовавшие созданию нового общего закона о городском устройстве. Правда, в отличие от своего предшественника, Дитятин сразу же указывает на внутренние противоречия Жалованной грамоты 1785 года. С одной стороны, он признает, что грамота вносит «в правительственную регламентацию городского устройства и управления много единства, систематичности, полноты и много совершенно новых понятий и взглядов на город и его население». «С другой стороны, – утверждает он, – <...> все новое в грамоте городам далеко не вытесняет старых, сложившихся веками, понятий и взглядов, которые в изобилии встречаются в ней, перемешиваясь и переплетаясь с новыми. При этом, первые настолько еще преобладают в уме законодательницы над последними, что почти заслоняют, поглощают их собою»¹⁷. Эти утверждения автор аргументирует подробнейшим (на восьмидесяти страницах) анализом текста Жалованной грамоты, в котором он выявляет как нововведения этого закона относительно предшествующих постановлений, так и нарушения внутренней логики документа, его многочисленные неясности и неточности¹⁸.

Тем не менее, Дитятин оценивал историческую миссию всех городских преобразований эпохи Екатерины II весьма высоко. С его

---

¹⁶ Дитятин И.И. Устройство и управление городов России: в 2 т. Т. 1. Города России в XVIII столетии. СПб., 1875. Т. 2. Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль, 1877.

¹⁷ Дитятин И.И. Указ. соч. Т. 1. С. 416.

¹⁸ Там же. С. 415–495.

точки зрения, до второй половины XVIII в. «город, представляя собою, фактически, совокупность отдельных слоев населения, несших различные тягла, не мог ни в коем случае быть чем либо иным, кроме простого конгломерата отдельных общин, не связанных между собою, если можно так выразиться, химически»¹⁹. Городское население было разрознено не только в социальном, но и в административном отношении, поскольку не существовало ни одной общественно-выборной или правительственной должности, ни одного учреждения, которые ведали бы город как отдельную административную единицу. И только в период екатерининских реформ «в уме правительства» окончательно сложилось «понятие о городе, как об особом, едином, цельном организме, обладающем свойствами юридического лица, – организме, имеющем свои особые интересы, отдельные от интересов государственных»²⁰.

Зарождение такого понимания Дитятин называет настоящим переворотом в законодательстве, окончательно зафиксированном грамотой 1785 года. «Жалованная грамота городам 1785 года ложится в нашем законодательстве о городах краеугольным камнем, на котором покоилось городское общественное устройство до самого последнего времени. Она понимает город как юридическое лицо; понимает его как особую, местную общину, имеющую свои, особые от государственных, интересы и нужды. Она создает действительно *городские* учреждения, учреждения, образованные из представителей *всего* городского населения, всех слоев его. Эти учреждения являются городскими <...> и по объему их компетенции, которая распространяется на *весь* город, на *все его население*, а не на одну какую-либо часть его»²¹.

Таким образом, по его мнению, только в конце XVIII в. городская община в России получила права самоуправления, пусть и небольшие. Вслед за историками государственной школы Дитятин связывал этот процесс с раскрепощением сословий, с освобождением их от государственного тягла, произошедшим по инициативе самого государства. Утратив жесткую сословную зависимость от центральной власти, горожане получили возможность образовать общину, связанную не только совместными интересами, но и правами²².

---

¹⁹ Дитятин И.И. Указ. соч. Т. 1. С. 498–499.

²⁰ Там же. С. 505.

²¹ Там же. С. 505–506.

²² Там же. С. 506.

Во втором томе книги «Устройство и управление городов России» Дитятин скрупулезно рассмотрел судьбу реформы 1785 г. как с точки зрения изменения и дополнения Жалованной грамоты преемниками Екатерины II, так и с точки зрения ее практической реализации, то есть развития городов и городских учреждений в конце XVIII – первой половине XIX века. Упразднение грамоты городам при Павле I он объясняет стремлением этого императора создать новую городскую систему, основанную на принципе не самоуправления, а бюрократического управления. Этот поворот в настроении власти не смог дать серьезных исторических результатов из-за кратковременности павловского царствования. Изучение правительственной политики первой половины XIX в. привело Дитятина к выводу, что, хотя Александр I и восстановил Жалованную грамоту в качестве основы всего городского устройства, тем не менее, ни для его правительства, ни для правительства Николая I этот документ не являлся непреложным. Они «не видели в городском положении 1785 года что-либо такое, что следовало бы признавать неприкосновенным; наоборот, они прямо считали его во многом несостоятельным, требующим разработки в применении его к отдельным городам». Такая «разработка», т. е. дополнение, уточнение и изменение норм Жалованной грамоты, продолжалась в течение более чем полувека, в результате чего она «из не-сложного и скромного по объему памятника законодательного разрослась ко второй половине настоящего столетия чуть не в несколько самостоятельных уставов и положений; появилась масса отдельных положений и инструкций; но все это покоилось на началах названной грамоты»²³.

Цель этих изменений, по мнению автора, противоречила духу и истинному смыслу основополагающего документа. Он утверждает, что «три четверти настоящего столетия <...> городской строй чуть не непрерывно изменялся» и, хотя все изменения укладывались на все ту же основу, принятую в 1785 г., основная мысль екатерининской Жалованной грамоты – дать «городам, их обществам и членам сих обществ выгоды и преимущества» – была совершенно забыта. «Все заботы сосредоточиваются на том <...>, чтобы из городских учреждений сделать учреждения бюрократические, отличающиеся от учреждений правительственных только по составу. Обществу не доверяли; каждый шаг его старались обставить

---

²³ Дитятин И.И. Указ. соч. Т. 2. С. 369–370.

известными, законом определенными, нормами; выборным общества оставалось лишь исполнять возложенное на него законом». В то же время само городское общество видело в самоуправлении «не право и привилегию, а исключительно обязанность и обязанность тяжелую, к несению, отбыванию которой оно и относилось почти так, как относилось оно к выборным службам в прошлом столетии, до издания положения 1785 года»²⁴.

Кроме того, автор полагает, что до середины XIX в. городское общество так и не сложилось в единое целое, во многом продолжая оставаться конгломератом не связанных между собой сословий. Причем привилегированные и податные сословия находились в недружественных отношениях, так как последние (купечество, мещанство) были тесно связаны с крепостным населением – отсюда определенный антагонизм с дворянством. Пока существовало крепостное право, дворянство не могло органически слиться с городским обществом и глубокий исторический поворот, произошедший в 1861 г., открыл новые возможности для переустройства всей городской жизни²⁵.

В конце концов, по мнению Дитятина, несостоятельность основных начал Жалованной грамоты была ясно осознана правительством уже к началу 1820-х гг. и заставила его заняться подготовкой пересмотра всего муниципального строя, что повлекло за собой сначала преобразование общественного устройства в Санкт-Петербурге, Москве и Одессе, а затем всеобъемлющую городскую реформу 1870 года.

После выхода «Устройства и управления городов России» Дитятин использовал полученные в этой монографии исследовательские результаты в других сочинениях, где затрагивалась тематика городской реформы Екатерины II. Так в «юбилейном» 1885 г. он опубликовал в журнале «Русская мысль» историко-публицистическую работу «К истории «Жалованных грамот» дворянству и городам 1785 г.»²⁶. Собственно вторая часть этой большой статьи, посвященная Жалованной грамоте городам, базируется на изложении основных выводов «Устройства и управления городов России». А в конце автор кратко резюмирует причины непростой исторической судьбы этого документа. Он подчеркивает, что мысль законодателя о

---

²⁴ Дитятин И.И. Указ. соч. Т. 2. С. 552, 553.

²⁵ Там же. С. 553–554.

²⁶ *Он же*. К истории «Жалованных грамот» дворянству и городам 1785 г. // Русская мысль. 1885. № 4–8.

городском обществе, как совокупности всего городского населения, которое через своих представителей ведает «нуждами и пользами» всего города, была проведена в грамоте непоследовательно. Именно эта непоследовательность затруднила ее применение к реальной жизни, в которой идея городского самоуправления «нашла крайне неблагоприятную почву как в самом «обществе», так и в среде администрации». «Начало общественного самоуправления, не ясно высказанное в грамоте, плохо проведенное ею в самых учреждениях городских, совсем исказилось среди той действительности, в которой им приходилось действовать. Было время, когда законодатель и сам будто изверился в это начало; но то противоположное начало, к которому он обратился, так дорого стоило и так мало давало, что снова вернулись к привлечению общественных сил к заведыванию городским хозяйством. Достигнуть этого решено было путем возрождения того общества, к силам которого обращались: решено было снять с этого общества тяжелые путы мелочной опеки и поставить его на собственные ноги. Сдержанно, часто отступая в сторону, шел по этому пути законодатель до конца пятидесятых годов, когда началось значительное в истории общественного развития нашего народа и общества движение: выработался великий акт 19 февраля, повлекший за собою непосредственно ряд реформ, опиравшихся на общественные силы»²⁷.

Еще одним специалистом, внесшим большой вклад в изучение городской реформы Екатерины II, был профессор Московского университета А.А. Кизеветтер. Свою научную карьеру этот видный историк начал с защиты в 1903 г. магистерской диссертации «Посадская община в России XVIII столетия». Его исследование, основанное на многочисленных и разнообразных источниках, представило объективную картину развития городского социума от введения магистратских учреждений при Петре I до осуществления муниципальной реформы Екатерины II. Кизеветтером были предметно рассмотрены состав городской общины, организация общинного тягла и общинного городского самоуправления²⁸.

Среди выводов, сделанных в данном труде, привлекает внимание утверждение, что посадская община состояла в XVIII в. из незначительного количества богатых купцов и «малотяглой массы» мелких торговцев, ремесленников, чернорабочих и хлебопашцев,

---

²⁷ Дитятин И.И. К истории «Жалованных грамот» дворянству и городам 1785 г. // Русская мысль. 1885. № 8. С. 81.

²⁸ См.: Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903.

причем «малотяглая масса» находилась в сильнейшей экономической зависимости от «лучших» людей. Правда «первостатейные» члены общины несли и главную ответственность перед государственной властью за тяглоспособность всей общины. Кизеветтер полагает, что крепостной характер посадской общины постепенно шел на убыль, в результате чего была создана почва для коренной реформы муниципального строя 1780-х гг. «Перемены, постепенно назревшие в сфере государственного хозяйства России, привели к разрушению изученной нами системы посадских служб и платежей. <...> Городовое положение 1785 г., создавшее сословное общество градское, и заменившее прежние мирские посадские сходы градской думой – представительным органом всех городских домовладельцев, – и выразило собою <...> новый фазис, в который вступало теперь развитие муниципальной жизни в России»²⁹.

Логическим продолжением работы «Посадская община в России XVIII столетия» должно было стать исследование аналогичных вопросов применительно к последующему времени. Однако для решения этой задачи Кизеветтер решил сначала «подвергнуть критическому изучению тот законодательный акт, который с 1785 г. ложится в основу русского муниципального устройства и затем сохраняет свою силу вплоть до городской реформы 1870 г.»³⁰. Так появилась монография «Городовое положение Екатерины II 1785 года. Опыт исторического комментария», опубликованная в 1909 году. В этой книге впервые на основе широкого круга источников был досконально проанализирован процесс создания Жалованной грамоты городам. Кизеветтер выявил черновые редакции этого документа, проследил ход выработки его плана, установил изменения, внесенные в первоначальный вариант грамоты. Кроме всего прочего, ему удалось выяснить, что различные части нового муниципального закона заимствовались при составлении из разнообразных источников – русских, остзейских, малороссийских и иностранных юридических актов, а также из проектов отдельных лиц. Огромной заслугой Кизеветтера можно считать то, что он первым из специалистов исследовал введение в действие Жалованной грамоты и ее применение в конце царствования Екатерины II, благодаря чему в научный оборот были включены интерес-

---

²⁹ Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. С. 797–799.

³⁰ Он же. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909. С. III.

нейшие архивные материалы³¹. Стоит отметить, что практическое применение нового закона в первые годы после его введения автором рассматривается на основе исключительно деятельности московского городского самоуправления.

Монография «Городовое положение Екатерины II» не содержит заключения, однако, поскольку эту работу Кизеветтер защищал в качестве докторской диссертации, опубликованный текст его речи перед защитой³² выполняет функцию резюмирующей части. Прежде всего, автор попытался опровергнуть устоявшееся к тому моменту в науке представление о том, что законодательная деятельность 1770–80-х гг. была плодом исключительно личных трудов Екатерины II. Архивные изыскания продемонстрировали очевидную связь важнейших административных реформ этого периода с деятельностью Уложенной комиссии. Не отрицая страсть самой императрицы к «легисломании» и ее огромный законотворческий труд, Кизеветтер утверждает, что при работе над многими важными законодательными актами (в том числе Жалованной грамотой городам) она «имела к своим услугам обильные и разнообразные собрания материалов, давно обработанные и систематизированные» при депутатской комиссии 1767 года³³.

Другой важнейший результат исследования Кизеветтера – выявление многочисленных заимствований в тексте Жалованной грамоты городам из остзейских, прусских и шведских источников. Ему удалось установить, что эти заимствования были следствием как раз использования Екатериной материалов Уложенной комиссии, в частности «Экстрактов из законов лифляндских, эстляндских и финляндских, выбранных при комиссии сочинения проекта нового уложения». Наибольшее количество иноземных заимствований, по мнению автора, содержится в разделах Жалованной грамоты «Городовое положение» и «Ремесленное положение»³⁴.

---

³¹ На необходимость решения этой проблемы указывал еще в 1885 г. Дитятин, который в статье о Жалованных грамотах писал: «Мы не знаем, как вводилось по городам новое общественное управление, как принялось и действовало оно в последние годы царствования Екатерины: обо всем этом можно лишь догадываться...» (Дитятин И.И. К истории «Жалованных грамот» дворянству и городам 1785 г. // Русская мысль. 1885. № 8. С. 130–131).

³² Кизеветтер А.А. Императрица Екатерина II как законодательница (речь перед докторским диспутом) // Исторические очерки. М., 1912. С. 274–283.

³³ Там же. С. 277.

³⁴ Там же. С. 278.

Вместе с тем, Екатерина II, используя материалы Уложенной комиссии при разработке законов, накладывала на них, по выражению Кизеветтера, «штемпель собственной политической идеи», состоявшей в попытке создания общественных корпораций «по форме самоуправляющихся, по существу служащих подчиненными органами коронной администрации». Необходимость предоставления высшим слоям общества некоторых прав участия в местном управлении диктовалась объективными процессами развития России, но самодержавная власть стремилась сделать это так, чтобы максимально сохранить «старые основы русской государственности». Учреждение о губерниях 1775 г., Жалованные грамоты дворянству и городам, а также сопутствующие законодательные акты открыли перед представителями отдельных сословий новые возможности выборной службы. Но с другой стороны «вся эта система выборных учреждений была в то же время парализована властью наместника или генерал-губернатора, который был назван *хозяином губернии* и которому были присвоены самые обширные и самые неопределенные по своим границам полномочия». Автор называет такой принцип «старым вином в новых мехах»³⁵.

При оценке системы городского общественного управления, сформированной Жалованной грамотой городам, Кизеветтер отмечает, что отношения созданных учреждений – «собрания общества градского», Общей и Шестигласной дум – «были очерчены в законе весьма неопределенными чертами и на практике принимали сплошь и рядом самый неустойчивый и запутанный характер». Аналогичные проблемы имелись и в сфере взаимодействия вновь возникших институтов с продолжавшим существовать сословно-городским органом – магистратом (сохранившим за собой преимущественно судебные функции), а также с возникшим в ту эпоху полицейско-административным учреждением – Управой благочиния. «Эта многосложность и запутанность разнородных городских учреждений, – пишет Кизеветтер, – конечно, не могла способствовать укреплению силы городского самоуправления. Но еще важнее было то, что над всей этой нестройной кучей городских учреждений возвышалась совершенно придавливавшая ее власть губернского правления и губернатора. Если уже по закону губернатору предоставлены были довольно обширные полномочия по отношению к городскому самоуправлению, то на практике <...> дело сводилось к

---

³⁵ Кизеветтер А.А. Императрица Екатерина II как законодательница. С. 280.

тому, что думы не могли сделать буквально ни одного шага без испрошения специального разрешения губернской власти. Такое положение вещей всецело парализовало значение многих статей Городового положения»³⁶.

В конечном итоге этот специалист пришел к выводу, что городская реформа Екатерины II, так же как и другие ее крупные административные преобразования, не носила принципиального характера: «Подновлялся и перекрашивался *фасад* государственного здания, но все, прикрываемое этим фасадом, лишь в слабой степени затрагивалось вводимыми переменами»³⁷.

«Минорная» тональность выводов Кизеветтера относительно исторической роли Жалованной грамоты городам сохранялась и в дальнейших его исследованиях, касавшихся данного вопроса. Уже в следующем, после защиты докторской диссертации, 1910 г. им был опубликован труд об истории местного самоуправления в России IX–XIX вв.³⁸ В этом очерке городская реформа 1785 г. рассматривается в контексте всех административных преобразований Екатерины II, которые, по мнению автора, потерпели неудачу. Причины этой неудачи он видит в том, что выборные учреждения (в том числе городские) «были парализованы сверху и изолированы снизу». Сверху их парализовала безграничная власть наместников, а снизу они были изолированы общим духом крепостнического строя, царившим в стране. «Сложный и тяжеловесный аппарат вновь введенных учреждений не вызвал в конце концов существенного подъема общественной самодеятельности, не вспыснул живой водой сонно прозябавшую русскую провинцию. <...> Скромность достигнутых реформой результатов свидетельствовала об отсутствии в русской жизни того времени тех необходимых условий, без которых зародыши самоуправления не могут приобрести жизнеспособности и заранее обрекаются на чахлое и жалкое существование. Для придания жизненной силы принципам, провозглашенным Екатериной, предстояло предварительно уничтожить рабство народа и обуздать административный произвол водворением строгой законности во всех отраслях жизненного распорядка»³⁹.

---

³⁶ Кизеветтер А.А. Императрица Екатерина II как законодательница. С. 282–283.

³⁷ Там же. С. 283.

³⁸ Он же. Местное самоуправление в России. IX–XIX ст. Исторический очерк. М., 1910.

³⁹ Там же. С. 102.

В подобном же духе выдержана и статья Кизеветтера о городской реформе Екатерины II для юбилейного издания «Три века»⁴⁰. Он утверждает, что эта реформа явилась чисто бумажной и не изменила реально прежних основ муниципального строя. «Всесословность и самостоятельность муниципальных учреждений были громко провозглашены в Городовом положении 1785 г., и в этом отношении названный законодательный памятник резко порвал с изстаринной⁴¹ исторической традицией. Но эти лозунги не гармонировали с общими условиями русской жизни того времени, и потому на практике они должны были потерпеть полное крушение при встрече с противоположными началами стародавнего происхождения. Для осуществления всесословности городского самоуправления надлежало предварительно если не уничтожить совершенно, то, по крайней мере, обезсилить, сгладить разобщение сословных групп в строении самого общества. Эта задача была достигнута с большим или меньшим успехом лишь после падения крепостного права и потому не Городовое положение 1785 г., а Городовое положение 1870 г. явилось отправной точкой развития всесословного городского самоуправления в России»⁴².

Таким образом, с середины XIX и до начала XX в. взгляды специалистов на историческое значение Жалованной грамоты городам 1785 г. претерпели существенную эволюцию. Первые авторы, обращавшиеся к ее изучению (Плошинский, Муллов), превозносили этот документ, считая, что он даровал городским сословиям новые широкие права. Однако более пристальное изучение как самой грамоты, так и ее практического применения привело таких крупных историков как Дитятина и Кизеветтер к выводу о том, что екатерининская реформа не сыграла существенной роли в развитии русского города. Причем виной тому были как не только объективные причины, но и недостатки самого законодательного акта.

---

⁴⁰ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник. Т. 5. XVIII век. Вторая половина. М., 1913. С. 251–273.

⁴¹ Так в тексте.

⁴² Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II. С. 272–273.

ДОКУМЕНТЫ ЦЕНЗУРНЫХ КОМИТЕТОВ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА: ФОРМЫ, КОМПЛЕКТАЦИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ХРАНЕНИЯ

Р.Х. Галиуллина

Казанский юридический институт МВД России,
кафедра гражданско-правовых дисциплин
E-mail: rufyagal@mail.ru

Одна из целей университетского устава 1804 г. – создание университетов с единообразной организацией системы управления и делопроизводства. Культура российских университетов первой четверти XIX в. носила локальный характер, что нашло отражение в делопроизводственных документах, в том числе и по делам цензуры. Автор статьи сравнивает разнообразные документы, относящиеся к деятельности цензурных комитетов Московского и Казанского университетов, которые сохранились в запасниках Центрального государственного архива Москвы и Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского (Приволжского) Федерального университета им. Н.И. Лобачевского. Выявление особенностей оформления бумаг, их комплектации и хранения, а также содержательной части поможет объяснить логику цензурной политики в исследуемый период.

Ключевые слова: Российская империя; цензурная политика; делопроизводственные документы; цензурный комитет; Казанский университет; Московский университет.

THE DOCUMENTS OF THE CENSORSHIP OFFICES IN THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY: FORMS, COLLECTION AND STORAGE

R.Kh. Galiullina

The establishment of the Russian Universities with the standard management and paperwork systems was announced as one of the goals of the University Statute of 1804. Meanwhile the culture of the Russian universities in the first quarter of the 19th century stayed local. This fact affected the paperwork documents including the ones of the censorship offices. The article is focused on the comparison of the documents related to the activities of the academic censors in Moscow and Kazan. These historical evidences are available at the Central State Moscow Historical Archives and the Department of Manuscripts and Rare Books at the Kazan Federal University. The identification of the specificity of the papers design, their collection and storage practices as well as their content allows to explain the logic of the censorship policy in the first quarter of the 19th century.

Key words: Russian Empire; censorship policy; paperwork; censorship office; Kazan University; Moscow University.

Позитивистская история университетов в зависимости от выбранного объекта и предмета исследования (нормативные акты, делопроизводство и источники личного происхождения) в конечном итоге представляется либо историей политики в области просвещения, в частности, университетов; либо отдельных групп (профессоров, студентов), отделений, факультетов, научных направлений; либо отдельных ее представителей (попечителей, университета – ректоров, профессоров). В контексте подобных исследований традиционно уделяется внимание университетскому самоуправлению (совету, правлению, училищному комитету); отдельным службам (библиотеке, типографии, клинике, обсерваториям, коллекциям) и т. д.

Ряд институций университета «выпал» из поля зрения позитивистской традиции изучения. Так, например, это случилось с деятельностью цензурных комитетов первой четверти XIX в., деятельностью издательских комитетов первой половины XIX века¹. Одно их объяснений тому – подчиненное место в иерархии служб университета: как «издательский» комитет (в лексике XIX в.), так и цензурный комитет подчинялись совету университета и попечителю. Считалось, что эти службы выполняют «вспомогательные», обеспечительные функции для нужд университета. При постановке исследовательского ракурса фактор связи с правоохранительными структурами и фактор временной протяженности существования сыграли не последнюю роль определения значимости цензурного комитета. С точки зрения функциональной связи с другими ведомствами традиционно рассматриваемых негативно (например, с министерством внутренних дел, III отделением собственной его императорского величества канцелярией), возникновение стереотипа будто бы цензурный комитет при университете с 1804 по 1826 гг., а затем с 1827 г. как самостоятельная структура – соглядатай полиции – представляется вполне понятным².

---

¹ Заметим, что имеются исследования, посвященные книгоиздательской деятельности университетов, но предметом изучения подобных исследований является не университетское делопроизводство, а собственно опубликованная интеллектуальная продукция представителей ученого сословия.

² См., напр.: Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862; Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892;

Что касается временной протяженности существования, исследователи полагали, что двадцатилетний период существования цензурных комитетов – период более чем скромный, чем вековой период истории университетов; что цензурные комитеты при университетах выполняли неприглядную функцию – способствовали установлению полицейского контроля над университетской мыслью, а потому их пребывание не оправдалось временем и замыслом существования университетов. В результате практика деятельности цензурных комитетов очерченная уставом о цензуре 1804 г.³ и университетским уставом в 1804 г.⁴, была прекращена изданием цензурного «чугунного» устава в 1826 г.⁵, и более деятельность цензурных комитетов при университетах не возрождалась. Факт того, что в составе цензурных комитетов в качестве официальных должностных лиц – цензоров продолжали работать профессора и преподаватели университетов, умышленно умалчивался или снисходительно игнорировался. Эти примеры слабой аргументации позитивистского подхода показывают, что она недостаточна, если опирается преимущественно на законодательные акты, нормирующие деятельность цензоров, источники личного происхождения, субъективно оценивающие результаты их работы. Что касается деятельности цензоров, ее малоизученных составляющих, а именно: экспертной практики, системы критериев, способов и средств выражения критериев, то они, как правило, оставались и остаются вне зоны внимания исследователей позитивистского направления. Кем был цензор из числа представителей ученого сословия первой четверти XIX в. – чиновником или мыслителем, к чему обращался, оценивая рукописный труд и допуская его к публикации: новому, более длительному и авторитетному этапу существования интеллектуальной продукции – вопросы, которые представляют интерес и могут дать объяснение

Министерство внутренних дел: Исторический очерк. СПб., 1901; Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904; Эпоха цензурных реформ 1859–1865. СПб., 1904; Рудаков В.Е. Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения (Председатель С.-Петербургского цензурного комитета В.А. Цез). СПб., 1911; Цензура в России: история и современность. СПб., 1995.

³ Устав о цензуре. 9 июля 1804 // ПСЗ. Собр. 1. Т. 28. № 21388.

⁴ Уставы Императорских Московского, Харьковского, Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1, № 47. Стб. 279.

⁵ Устав о цензуре, 10 июня 1826 // ПСЗ. Собр. 2. Т. 1. № 403.

того, как складывалось экспертное мнение и научные критерии в университетах России. Рассмотреть эти вопросы представляется возможным в рамках истории культуры университетской жизни, поскольку цензорами становились наиболее авторитетные представители ученого сословия – деканы отделений университетов. Судить о деятельности университетских цензоров, возможно, прежде всего, на основе свидетельств цензурной письменной рутины – цензурного делопроизводства. В предлагаемой статье объектом изучения является практика организации цензурного делопроизводства, а предметом исследования – делопроизводство цензурных комитетов Московского и Казанского университетов первой четверти XIX века. Основной массив источников представлен документами фонда № 31 Центрального хранения дел до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (далее – ЦГАМ) и материалами Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (далее – ОРРК НБЛ К(П)ФУ).

Состав делопроизводства цензурных комитетов

Делопроизводственные документы цензурного комитета хранятся в современных архивохранилищах по соседству с документами других «родственных» подразделений, что нашло отражение на комплектации фондов. Например, документы Московского цензурного комитета фонда № 31 (опись 5) соседствуют с документами Московского цензурного комитета при управе благочиния за 1796–1801 годы⁶. Изучение документов Московского цензурного комитета при управе благочиния позволяет судить о том, был ли цензурный комитет при Московском университете приемником традиций ведения делопроизводства комитета при управе благочиния. Это тем более интересно выяснить, поскольку профессора Московского университета входили в состав цензурного комитета при Московской управе благочиния, в частности А.А. Прокоповский – Антон-

---

⁶ См., напр.: ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 1 «Книга приходных сумм» (1797); Д. 2 «Книга расходных сумм» (1797); Д. 3 «Указы Правительствующего Сената и переписка с ним Цензурного Комитета об опубликовании их» (1798); Д. 4 «Указы Правительствующего Сената и переписка с ним Цензурного Комитета об опубликовании их» (1798); Д. 5 «Указы Правительствующего Сената и переписка с ним Цензурного Комитета об опубликовании их» (1799); Д. 6 «Дело о рассмотрении первой части «Истории российских законов», сочиненной Бергом» (1799); Д. 7 «Реестр запрещены советом книг от Рижской цензуры» (1799).

ский – первый председатель цензурного комитета Московского университета⁷ и И.А. Гейм⁸.

Делопроизводственные бумаги цензурного комитета Московского и Казанского университетов включали не только *журналы исходящих и входящих бумаг, донесения цензоров, протоколы заседаний* (в Московском университете они нередко именовались – *журналы заседаний*), *мемории, ведомости или отчеты цензурного комитета*, но и документы, исходящие от центрального аппарата и обращенные к издательному и цензурному комитетом. К их числу относятся документы министерства народного просвещения, главного правления училищ (*циркулярные письма, предписания министра, попечителя*), министерства внутренних дел (*отношения, реестры запрещенных книг*), университета (*отношения, мемории совета*), в ведении которого он находился, других университетов – Виленского, Дерптского, Санкт-Петербургского (*отношения*). Сюда же стекались *письма, прошения директоров училищных дирекций учебных округов, владельцев типографий, авторов, сопровождающие рукописи, проекты печатных изданий (журналов газет)*. Понятно, что документы центральных ведомств в коллекциях цензурных комитетов чаще всего представлены не подлинниками, а копиями, а документы местного значения – подлинниками.

В свою очередь следы деятельности цензурных комитетов сохранились и в университетском делопроизводстве – *рапорты, представления, донесения*, откладывались собственно в университетских фондах («Совет», «Правление») и фондах попечителя («Канцелярия попечителя»)⁹.

Следы восходящих и нисходящих коммуникативных потоков зафиксированы в университетском делопроизводстве в наиболее полно сохранившихся архивных коллекциях Москвы и Казани. Дело в том, что цензурный комитет, надзирающий за качеством интеллектуальной продукцией должен был постоянно и своевременно сигнализировать о своей работе издательному комитету университета. В свою очередь издательный комитет – совету, совет – попечителю и, наконец, попечитель должен был ставить в

---

⁷ Цензоры Российской империи (конец XIX – начало XX века): библиограф. справ. СПб., 2013. С. 301.

⁸ Там же. С. 136.

⁹ Подр. об университетском делопроизводстве см: Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское делопроизводство как практика управления. Опыт России первой половины XIX в. // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 232–255.

известность главное правление училищ и лично министра. Таким образом, делопроизводственные документы цензурного комитета дублировались, откладывались в хранении действующего секретаря цензурного комитета, передавались им следующему секретарю цензурного комитета, который в силу сложившейся делопроизводственной практики выполнял двойную миссию: с одной стороны, на него была возложена миссия составлять документы, с другой – хранить и передавать документы преемнику. Роль секретаря – личности малозаметной в структуре университетского самоуправления, но значимой в делопроизводстве цензурного комитета, не сложно проследить по документам архивов.

Секретарь цензурного комитета

Устав «О цензуре» и университетские уставы 1804 г. определили, что письмоводческую функцию секретаря цензурного комитета с легкостью может выполнить адъюнкт университета. Делопроизводственные документы подтверждают этот тезис. В цензурном комитете Казанского университета секретарями были: Н.М. Алехин, В.Я. Бульгин, М.Ф. Грацинский, И.И. Дунаев, И.Ф. Краузе, О.Е. Срезневский¹⁰. В первые годы работы цензурного комитета секретарем комитета в Казанском университете, очевидно, в силу нехватки преподавателей, был назначен студент-кандидат О.Е. Срезневский. Обычная практика сводилась к назначению на эту должность магистра наук¹¹. В Московском университете обычно на эту должность назначали адъюнкта. Среди них секретари Московского цензурного комитета – впоследствии известные цензоры П.В. Победоносцев¹² и И.М. Снегирев¹³. Некоторые из секретарей за «усердную службу» снискали себе расположение руководства и дальнейшее продвижение по службе.

---

¹⁰ Описание рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Материалы цензурного комитета при Казанском университете (1812–1827 гг.) / сост. В.В. Аристов. Казань, 1961. С. 3.

¹¹ См., напр.: ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 4132 «Дело об определении студента-кандидата О.Е. Срезневского секретарем цензурного комитета. Казань, 1812»; Ед. хр. 4164 «Дела цензурного комитета за 1814 год. Казань, 1814». Д. 3. «Дело об увольнении магистра О.Е. Срезневского от должности секретаря цензурного комитета и об определении вместо него магистра Н.М. Алехина. Казань, июнь 1814».

¹² Цензоры Российской империи (конец XIX – начало XX века). С. 293.

¹³ Там же. С. 330.

Объем работы секретарей цензурного комитета в Москве и Казани был различным, что вполне объяснимо тем количеством рукописей и книг, который проходил через данный комитет – в Москве он был значительно больше. Естественно, что цензурное делопроизводство отвлекало много сил и времени секретаря. В Московском университете старались компенсировать личные траты денежным вознаграждением и всячески старались поощрить аккуратных и исполнительных секретарей. В январе 1816 г. правление Московского университета уведомило цензурный комитет, что решением попечителя учебного округа из хозяйственных сумм университета выделена сумма в 100 руб. в качестве прибавке к жалованию адъюнкта Победоносцева за выполнение обязанности секретаря цензурного комитета¹⁴. В числе отличившихся сотрудников цензурного комитета университетский совет представлял и секретаря, как, например, в 1817 году¹⁵.

Петр Победоносцев зарекомендовал себя как аккуратный и исполнительный секретарь. В его бумагах был полный порядок: записи в разлинованных протоколах сделаны не наспех, а четким ровным почерком, к ним были подшиты донесения цензоров (правда, не все, а только те, где имелись замечания), копии предписаний министра народного просвещения, отношений других министерств и ведомств, университетов; мемории университетского совета; проекты (планы) новых изданий; жалобы и прошения издателей и авторов, а также правообладателей рукописей; журналы исходящих и входящих бумаг. Со стороны министра народного просвещения к состоянию бумаг цензурного комитета Московского университета практически нареканий не было. Спорадически возникающие конфликты между цензурным комитетом и авторами – тому подтверждение. Когда в 1825 г. к министру А.С. Шишкову обратился с жалобой на самоуправство секретаря Победоносцева автор рукописи – А.А. Орлов, то секретарь, основываясь на записях журнала исходящих бумаг сумел доказать основания своего, как секретаря комитета, законного отказа. Оказалось, что ранее – в 1816 г., рукопись уже подвергалась

---

¹⁴ ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 48 «Журналы заседаний цензурного комитета при императорском Московском университете за 1816 (3 января 1816 – 18 декабря 1816). Л. 11.

¹⁵ Там же. Ф. 459. Оп. 1. Д. 970 «Об установлении цензуры книг по уставу и представлению и награждению прежних цензоров (21 июня 1817 – 20 сентября 1818). Л. 1.

цензурированию, автору было отказано в публикации сочинения¹⁶. Таким образом, секретарь сумел вывести из-под удара не только себя, но и цензора, давшего отрицательный отзыв сочинению. Использование бумаг – бюрократического способа управления, все более осваивалось ученым сословием как средство защиты профессиональной солидарности¹⁷. В данном случае – солидарности цензоров против авторов и издателей.

Бюрократизация документооборота цензурных комитетов

Как уже отмечалось, в основу документооборота цензурных комитетов ложились не только сведения об опубликованных рукописях, книгах и переводах, выявленных и отсеянных цензорами «неполезных» и самое главное – «злонамеренных» произведений, но и фиксировалось движение рукописей: этапы их постановки на учет в комитете, сроках прохождения экспертизы, если требовалось – повторной экспертизы, и случаи возникновения недоразумений с авторами, правообладателями и решение этих конфликтов. Для того чтобы содержать такое количество бумаг, сопровождающих экспертизу цензурного комитета в порядке, усердия секретаря, его буквоедства, было недостаточно. Периодически включался административный ресурс министра народного просвещения и попечителя. Но если в Московском университете достаточно было отеческого напоминания о сроках подачи ведомостей университетскому совету и попечителю, то в Казанском университете из-за «недолжного» ведения делопроизводства периодически возникало напряжение между министром и попечителем, с одной стороны, с другой – ученым сословием в лице ректора, университетского совета, цензурного комитета.

Видимо, тот порядок ведения дел в цензурном комитете Казанского университета вполне устраивал покойного попечителя С.Я. Румовского, но совсем не устраивал министра народного просвещения А.К. Разумовского. Он первым обратил внимание попечителя М.А. Салтыкова, что не все документы комитета ведутся согласно установленным законам, в частности, согласно

---

¹⁶ ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 54 «Журналы заседаний цензурного комитета при императорском Московском университете за 1825, (10 января 1825 – 22 сентября 1825)». Л. 121, 122.

¹⁷ О корпоративной солидарности профессоров и преподавателей см.: Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012.

Манифесту «Об учреждении министерств», вследствие чего «каждое место обязано посылать к своему министру еженедельные мемории о всех текущих делах...». Министр просил попечителя сделать распоряжение, чтобы при Казанском университете «доставляемы был ко мне обыкновенные мемории по истечении каждого месяца» (копия письма министра от 23 апреля 1814 года)¹⁸.

Претензии к цензурному комитету Казанского университета по ведению делопроизводства продолжились и при министре духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицине. Так, в 8 июня 1818 г. попечитель М.А. Салтыков выступал перед советом университета с приложением отношения министра А.Н. Голицына о том, чтобы цензурный комитет Казанского университета дал объяснения, в связи с чем «прекратил доставлять ведомости о рассмотренных книгах и сочинениях ежемесячно, кои следует доставлять к сведению министерства полиции...»¹⁹. Попечитель предложил совету выяснить причины нарушения правил ведения отчетной документации. Объяснения по этому вопросу дал секретарь И.И. Дунаев.

Из объяснения следовало, что при вступлении в должность секретаря им среди бумаг, полученных от прежнего секретаря, было обнаружено предписание покойного попечителя С.Я. Румовского от 1811 г., в котором он уведомил о необходимости предоставления цензурным комитетом «ежемесячно» сведений о результатах работы комитета или «меморий». Такие «мемории» предоставлялись совету университета, на основании их делался годовой отчет цензурного комитета, который включался в годовой отчет университета. Что же касается собственно «ведомостей» то, по словам Дунаева, «во время исправления мною секретарской должности в цензурном комитете и не были уже заготавливаемы требуемые ныне оные ведомости о сочинениях и переводах, и о заготовлении оных и отсылки к высшему начальству. Я от г[оспод] присутствующих в комитете не получал особенных резолюций; да и из исходящих бумаг комитета усмотреть можно, что оные ведомости

---

¹⁸ ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 4164. № 2. «Дело о представлении в совет университета меморий с протоколов цензурного комитета. Казань, май 1814». Л. 2-2об.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 4169. № 4. «Собрание руководительных бумаг. Казань, 1818». Л. 5.

не были составляемы и представляемы ежемесячно к высшему начальству до принятия мною оной должности»²⁰.

Действительно, шнуровая книга исходящих бумаг за 1815–1819 гг., с записью на листе 30 ректора университета И.О. Брауна «В сей книге по переметке нумерованных листов тридцать»²¹ стала единственным свидетельством, которое оправдало секретаря и выявило многие недостатки в документах цензурного комитета. Внутренняя проверка показала, что протоколы имеют произвольную форму весьма далекую от той, которая была установлена для цензурного комитета Московского университета. И с 1819 г. запись протоколов цензурного комитета Казанского университета стала вестись не ежемесячно, а по заседаниям, с указанием чисел, а заседания стали проводиться стабильно два раза в месяц²².

Очевидно, что делопроизводство цензурных комитетов, организованное и структурированное согласно общим требованиям имело не только разный объем, но и разное качество. Насколько заботила достоверность информации о деятельности цензурных комитетов в то время – трудно судить, но регулярность доставки этих сведений в министерство народного просвещения и министерство полиции и соблюдение формы – были основные требования, предъявляемые к попечителям и ученому сословию, его структурам управления.

Делопроизводство цензурного комитета как организованная память

Цензурный комитет был вовлечен в орбиту взаимоотношений с разными структурами: властными, министерскими, структурами самоуправления и корпоративными (цензорскими) структурами. В результате документы цензурного комитета, выполняющие коммуникационную функцию, откладывались и среди бумаг издательного комитета, совета университета, попечителя и даже министра народного просвещения. За разные годы, разные периоды (ректорства, попечительства, министерства) они имеют разный объем, разные формы и разное качество. Тем не менее, впоследствии –

---

²⁰ ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 4169. № 4. «Собрание руководительных бумаг. Казань, 1818». Л. 7–7об.

²¹ Там же. Ед. хр. 4166 «Книга, данная из правления Казанского университета в цензурный комитет на записку исходящих бумаг. Казань, 1815–1819».

²² Там же. Ед. хр. 4170 «Протоколы цензурного комитета на 1819–1821 годы. Казань, 1819–1821».

при организации архивного хранения документы цензурного комитета, так же как и документы издательного комитета не были объединены отдельной описью в фонде того или иного университета. Очевидно, что то обстоятельство, что издательный и цензурный комитеты не являлись частью системы управления (самоуправления) университета (подобно совету, правлению университета, советам факультетов, училищному комитету, наконец, попечителю), то и хранить делопроизводство этих структур как отдельное, не представлялось важным. Вместе с тем, подвергнуть документы уничтожению представлялось нецелесообразным, так как периодически возникала необходимость их использования в повседневной управленческой, учебной и научно-исследовательской деятельности, нередко с целью оправдать публикацию той или иной рукописи, признанной впоследствии «вредной» или «неблагонадежной». Это обстоятельство толкало сословие на необходимость обеспечения сохранности документов вообще, хранения этих документов не в разрозненном виде, а относительно компактно – в одном месте (например, бумаги цензурного комитета Казанского университета хранились в липовом шкафу, сделанном на заказ резчиком Адмиралтейской команды²³), едиными подшивками за целые годы (например, журналы заседаний цензурного комитета Московского университета²⁴ и документы цензурного комитета Казанского университета). Впоследствии, понимание того, что делопроизводство издательного и цензурного комитетов своего рода память об экспертной оценке рукописей, толкало последующие поколения университетариев, а затем и архивных работни-

---

²³ ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 4149 «Дело о сделании липового шкафа для хранения дел цензурного комитета» (июнь 1813). Л. 1.

²⁴ ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 47 «Журналы заседаний цензурного комитета при Императорском Московском университете» (08.11.1815 – 29.12.1815); Д. 48 «Журналы заседаний цензурного комитета при императорском Московском университете за 1816» (03.01.1816 – 18.12.1816); Д. 49 «Журналы заседаний цензурного комитета при Императорском Московском университете» (3.01.1818 – 30.12.1818); Д. 50 «Журналы заседаний цензурного комитета при Императорском Московском университете» (2.01.1819 – 22.12.1819); Д. 51 «Журналы заседаний цензурного комитета при Императорском Московском университете» (11.01.1823 – 1.02.1823); Д. 52. «Журналы заседаний цензурного комитета при Императорском Московском университете» (5.04.1823 – 20.12.1823); Д. 53 «Журналы заседаний цензурного комитета при Императорском Московском университете» (3.01.1824 – 15.12.1824); Д. 54 «Журналы заседаний цензурного комитета при Императорском Московском университете» (10.01.1825 – 22.09.1825).

ков, обеспечивать сохранность этих документов, организовывать хранение этих документов отдельными фондами (как например, был организован фонд 31 «Московская цензура. Московский Цензурный комитет. Московский Комитет по делам печати» ЦГАМ), отдельными коллекциями (как например, материалы цензурного комитета Казанского университета ОРРК НБЛ К(П)ФУ²⁵).

В годы Отечественной войны 1812 года Московский университет пережил серьезное испытание массового уничтожения документов пожаром, испытание, которое поставило под угрозу практику сохранности университетских документов²⁶. Один из печальных прогнозов – разрыв воспроизводства университетской памяти. Тем не менее, восстановить работу цензурного комитета удалось относительно быстро – профессора университета имели опыт работы в качестве цензоров и лекторов, имели представление о том, каким образом должна быть организована работа с рукописями, проходящими проверку. Думается, что в немалой степени им помог опыт работы цензоров при Московской управе благочиния, в частности, А.А. Прокоповского-Антонского, И.А. Гейма. В числе немногих сохранившихся бумаг Московского университета имелись документы 1797–1801 гг., регламентирующие экспертную деятельность цензоров из числа чиновников управ благочи-

---

²⁵ См., напр.: ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 4167 «Дела цензурного комитета за 1816 год». Эта единица хранения включала самые разнообразные дела, напр., за № 2 «Дело по отношению директора Астраханских училищ с представлением рапорта содержателя типографии Литке о печатаниях в его типографии в 1815 году, (27 января 1816)»; за № 3 «Дело о дозволении учителю Астраханской гимназии Добровольскому издавать Азиатский музыкальный журнал, (4 марта 1816)»; № 6 «Дело о запрещении издавать некоторых сочинений, (6 апреля 1816)»; за № 9 «Дело о том, чтобы билеты на выпуск из типографий книг в публику, выдаваемы были в цензуре того округа, где книга печатаема, а не того, где она была цензурована, (6 июля 1816)». А так же см.: Там же. Ед. хр. 4179 «Дела цензурного комитета за 1826 год», состоящее из 10 дел. В частности, за № 4 «Дело о доставлении в особенную канцелярию Министерства внутренних дел по 1 экземпляру всех изданий (17 марта 1826)»; № 8 «Дело о непечатании на иностранных языках доклада Комиссии, утвержденной для изысканий о злоумышленных обществах, (9 июля 1826)»; № 9 «Дело о непомещении в журналах и газетах ничего о Государе Императоре и Высочайшей фамилии», (9 июля 1826 года)».

²⁶ Ильина К.А. 1812 год и университетские архивы // История и историческая память. межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной. Саратов; Ставрополь, 2012. Вып. 6. С. 88–100. Гатина З.С., Ильина К.А. 1812 год: парадоксы университетской памяти // Там же. С. 218–251.

ния, а также начальников учебных заведений обязанных цензурировать рукописи, которые поступали на публикацию в типографии, подведомственных им учебных заведений²⁷.

О том, что цензорам удалось относительно быстро наладить дело производство своего комитета, свидетельствуют журналы входящих²⁸ и исходящих бумаг²⁹ цензурного комитета Московского университета за 1813 г., подшитыми с прочими журналами за последующие годы. Имеющиеся в этих журналах упоминания о документах, прошедших делопроизводственный учет, но в силу обстоятельств и случая не прошедших отбор временем и утраченные в результате архивных зачисток³⁰, представляют особую ценность при реконструкции деятельности цензурного комитета при Московском университете.

Так, журнал исходящих бумаг за 1813 г. свидетельствует, что в условиях московского разорения после пожара 1812 г. цензурный комитет рассматривал среди прочих рукописи, подаваемых в такие периодические издания как «Русский вестник», «Вестник Европы», «Друг юношества»; ежемесячно отчитывался ведомостями о своей деятельности перед попечителем, главным правлением училищ, департаментом министерства народного просвещения³¹; вел журналы заседаний цензурного комитета; отправлял в совет мемории о делах цензурного комитета, составленные секретарем и сопровождающиеся рапортом ректора университета³²; составлял реестры книг в университетской типографии отпечатанным и поступившим в цензурный комитет³³; составлял выписки из журналов, с тем, чтобы уведомлять издательный комитет, ученый

---

²⁷ ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 3, 4, 5, 7.

²⁸ Там же. Оп. 5. Д. 8 «Журнал входящих бумаг» (1813–1819).

²⁹ Там же. Д. 9 «Журнал исходящих бумаг» (1813–1817).

³⁰ См.: Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское делопроизводство как практика управления... С. 232–255.

³¹ Напр., от 3 июня 1815 года за № 52 в журнале входящих бумаг зарегистрирована «Ведомость цензурная за май месяц к Его превосходительству, господину попечителю при рапорте господина ректора» (ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 8. Л. 2–3).

³² Напр., в журнале входящих бумаг за 1816 г. имеется запись от 5 июня 1815 г. за № 63 «Мемории о делах цензурного комитета за май при рапорте. Секретарь Шахвердов» (Там же. Л. 45).

³³ Упоминание о них имеется в журнале входящих бумаг (запись от 3 июня 1815 г. № 54) (Там же. Л. 28). Велись также книги рукописей и книги отпечатанных сочинений (Там же. Д. 11 «Книга рукописей» (1818–1819); Д. 13 «Книга отпечатанных сочинений» (1824–1825)).

совет, правление, попечителя о принятых решениях организационного характера (в частности, об избрании секретарем цензурного комитета кандидата Ивана Снегирева, запись в журнале входящих бумаг за 1813 г. от 4 марта 1813 г. № 18³⁴) или производственного характера (например, о статье касательно шведского правительства, помещенной в 7 номере «Вестника Европы» на странице 234-й господину издателю «Вестника Европы» Михаилу Трофимовичу Каченовскому, запись в журнале входящих бумаг за 1815 г. от 3 июня 1815 г. № 51³⁵); размножал списки запрещенных рукописей и книг, передавая каждому декану – члену цензурного комитета списки по росписи о получении³⁶; хранил донесения цензоров о невозможности публикации той или иной рукописи³⁷ или, напротив, рекомендации к опубликованию³⁸.

В отсутствии сохраненного комплекса документов цензурного комитета Московского университета за 1804–1813 гг., но имея представление о нем на основании косвенных свидетельств журналов входящих и исходящих бумаг, журналов заседаний цензурного комитета, можно утверждать, что в первое десятилетие действия университетского устава 1804 г. работа цензурного комитета Московского университета была более упорядочена и организована, чем работа аналогичного подразделения в Казани³⁹. Тому есть ряд объяснений.

---

³⁴ ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 8. Л. 3.

³⁵ Там же. Л. 28.

³⁶ Первое обнаруженное свидетельство такой практики в цензурном комитете Московского университета датируется 14 июнем 1816 г., регистрационные записи за № 82, 83, 84, 85 (Там же. Д. 8. Л. 47).

³⁷ Там же. Д. 9. Л. 2.

³⁸ Там же. Л. 19.

³⁹ В ЦГАМ в Ф. 31, согласно описям 1 и 5, хранится девять журналов заседаний цензурного комитета за 1815, 1816, 1817, 1818, 1819, 1823, 1824, 1825, 1826 годы (ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 47 «Журналы заседаний цензурного комитета при Императорском Московском университете» (08.01.1815 – 29.12.1815); Д. 48 «Журналы заседаний цензурного комитета при императорском Московском университете за 1816» (03.01.1816 – 18.12.1816); Д. 49 «Журналы заседаний цензурного комитета при Императорском Московском университете» (3.01.1818 – 30.12.1818); Д. 50 «Журналы заседаний цензурного комитета при Императорском Московском университете» (2.01.1819 – 22.12.1819); Д. 51 «Журналы заседаний цензурного комитета при Императорском Московском университете» (11.01.1823 – 1.02.1823); Д. 52 «Журналы заседаний цензурного комитета при Императорском Московском университете» (5.04.1823 – 20.12.1823); Д. 53 «Журналы заседаний цензурного комитета при Импера-

Во-первых, в Москве к моменту введения университетского устава 1804 г. уже имелся опыт работы цензурного комитета – в 1800 г. «внутренняя цензура Московского университета» цензурировала «классические книги» и «учебные пособия», подготовленные профессорами и преподавателями учебных заведений для внедрения в учебный процесс, отражала обсуждение в «журналах заседаний», выдавала «билеты» на публикацию рукописей, вела отчетность о рассмотренных и опубликованных рукописях, составляя и подавая «ведомости» губернатору, а тот – генерал-прокурору. Ведение делопроизводства, документов строгой отчетности («ведомостей») было требованием правительствующего Сената и лично императора на протяжении десятилетий. Вынося решение о публикации той или иной рукописи цензор, брал на себя персональную ответственность. О всякого рода «сомнениях» в принятом решении он должен был докладывать цензурному комитету. В подобных ситуациях комитет на заседании «рассуждал» и принимал решение коллегиально. Если сомнение оставалось, цензурный комитет ставил в известность гражданского губернатора. Если затруднения возникали и у губернатора, он докладывал генерал-прокурору. Право на окончательное решение спора оставалось за императором.

Как свидетельствуют документы цензурного комитета Казанского университета, хранящиеся в ОРРК НБЛ К(П)ФУ в начале 1812 г., цензурный комитет Казанского университета «не спешил» наладить делопроизводство и отчетность перед попечителем и департаментом министерства народного просвещения. На слабой организации цензурного комитета, если не сказать ее отсутствии, негативно сказывалось как таковое отсутствие университетского самоуправления (инаугурация университета свершится только в июле 1814 г.), управление университетом было не отделено от управлением гимназией, «заправлял» всем в Казанском университете директор И.Ф. Яковкин. Состав цензурного комитета в обход требования университетского устава 1804 г. определял по личному усмотрению попечитель С.Я. Румовский, согласно которому заседать в цензурном комитете в качестве цензора мог только декан отделения. В деятельности цензурного комитета Казан-

---

торском Московском университете» (03.01.1824 – 15.12.1824); Д. 54 «Журналы заседаний цензурного комитета при Императорском Московском университете» (10.01.1825 – 22.09.1825); Оп. 5. Д. 10 «Журналы заседаний Московского цензурного комитета» (1817); Д. 10 «Журналы заседаний Московского цензурного комитета» (1826).

ского университета царила анархия. Это не осталось незамеченным и вызывало неудовольствие министра народного просвещения А.К. Разумовского. В марте 1812 г. совет Казанской гимназии⁴⁰ выпиской протокола заседания уведомил издательный комитет, а тот в свою очередь – цензурный комитет, что попечитель Казанского университета С.Я. Румовский, основываясь на предписании министра народного просвещения А.К. Разумовского, недовольного сложившейся практикой «неисправного» доставления сведений о деятельности цензурного комитета, потребовал в первых числах каждого месяца предоставлять сведения о том, какие книги и «номеры» «Казанских известий» рассматривались цензурным комитетом в прошедшем месяце – «без всякого отлагательства»⁴¹.

Очевидно, что объемы делопроизводства казанского комитета был гораздо менее значительным, чем московского цензурного комитета за те же периоды (календарные года). Отличалась и комплектация документов цензурных комитетов. В журналах входящих и исходящих бумаг цензурного комитета Московского университета нет упоминаний о «Собраниях руководительных бумаг». Очевидно, что бумаги московского цензурного комитета в качестве ведущей единицы хранения «избрали» журналы (протоколы), к которым подшивались другие делопроизводственные документы. Документы казанского цензурного комитета подшивались в «Собрания руководительных бумаг»⁴². «Собрания» и по сей день представляют собой коллекции различных «дел» казанского цензурного комитета, бережно сложенных в бумажной папке. Здесь можно найти указ императора, постановления или распоряжения официальных представителей министерства народного просвещения, распоряжения попечителя, решения совета или правление Казанского университета, отношения цензурных комитетов других университетов (Дерптского, Виленского, Московского, Харьковского) с сообщениями о запрете к публикации, рассмотренных ими, другие документы. Очевидно, что секретарь

---

⁴⁰ Напомним, что совет Казанской гимназии в то время являлся одновременно и советом Казанского университета – вплоть до полного открытия университета 5 июля 1814 года.

⁴¹ ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 4131 «Дело по выписке из протокола Совета Казанской Гимназии о доставлении в оный сведений, были ли в Цензурном Комитете рассмотрены копии книги в продолжении Генваря месяца», с марта 1812. Л. 1-1об.

⁴² Там же. Ед. хр. 4133 «Собрание руководительных бумаг. Казань, 1812»; Ед. хр. 4163 «Собрание руководительных бумаг. Казань, 1814».

цензурного комитета Казанского университета для удобства использования и хранения документов складывал ряд дел в одно производство.

В Казани традиция комплектации дел собраниями прервалась в 1825 г.: «Собрание руководительных бумаг» за 1825 отсутствует, но появились «Дела цензурного комитета», которые стали насчитывать более 20 собранных вместе дел⁴³. Форма и содержание «руководительных» бумаг в этой подшивке осталось прежним. Руководства к деятельности цензурного комитета по-прежнему аккумулировались в таких подшивках, например, «Дело о том, чтобы при рассмотрении книг церковных и вообще к вере относящихся, поступать на точном основании указа 27 июля 1787 года. Казань, февраль 1825»⁴⁴. Кроме того, появились подшивки дел, которые в обязательном порядке содержали письма попечителя М.Л. Магницкого с его мнением о том, как следует понимать предписания министерства, правительства. Например, «Дела цензурного комитета за 1826 год» содержит «Дело о запрещенных заграничных книгах. Казань, 1826»⁴⁵, «Дело о принадлежности цензуре как присланных от супер-интенданта евангелических церквей Беттигера трех рукописей, так и подобных оным книг духовного содержания других вероисповеданий, духовному начальству оных. Казань, январь 1826»⁴⁶, «Дело о доставлении в особенную канцелярию министерства внутренних дел по 1 экз. всех изданий. Казань, март 1826»⁴⁷, «Дело о том, чтобы собрания и своды законов, частными лицами предполагаемые к изданию в свет, были представлены в собственную канцелярию его величества для предварительного рассмотрения. Казань, 1826»⁴⁸.

---

⁴³ ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 4165 «Дела цензурного комитета за 1815 год. Казань, 1815». № 6; Ед. хр. 4168 «Дела цензурного комитета за 1818 год. Казань, 1818». № 4; Ед. хр. 4171 «Дела цензурного комитета за 1819 год. Казань, 1819». № 3; Ед. хр. 4172 «Дела цензурного комитета за 1820 год. Казань, 1820». № 1; Ед. хр. 4173 «Дела цензурного комитета за 1821 год. Казань, 1821». № 3; Ед. хр. 4175 «Дела цензурного комитета за 1822 год. Казань, 1822». № 3; Ед. хр. 4176 «Дела цензурного комитета за 1823 год. Казань, 1823». № 1; Ед. хр. 4177 «Дела цензурного комитета за 1824 год. Казань, 1824». № 5.

⁴⁴ Там же. Ед. хр. 4178 «Дела цензурного комитета за 1825 год. Казань, 1825». № 2.

⁴⁵ Там же. Ед. хр. 4179 «Дела цензурного комитета за 1826 год. Казань, 1826». № 1.

⁴⁶ Там же. № 2.

⁴⁷ Там же. № 4.

⁴⁸ Там же. № 6.

Понятно, что принцип комплектации документов цензурного комитета по принципу формирования двух потоков дел: входящих и исходящих был более рациональным, позволял не только найти необходимое дело по дате, имени адресанта и адресата, месту издания, названию издания или рукописи, имени просителя, автора рукописи, цензора, составившего мнение о рукописи или книги, а также отследить сроки составления этого мнения и движения дела в цензурном комитете. «Собрание руководительных бумаг» и «Дела цензурного комитета» за определенные годы – суть не учетная форма комплектации документов, а комплектация документов подлежащих передаче дел в хранение, очевидно предпринятая при упразднении цензурного комитета в 1826–1827 гг. или позднее.

Итак, изучение сохранившегося делопроизводства цензурных комитетов Московского и Казанского университетов первой четверти XIX в. позволяет сделать ряд важных наблюдений.

Во-первых, делопроизводство цензурных комитетов было частью университетского делопроизводства. Тем не менее, традиции оформления бумаг в цензурном комитете Московского университета восходят к делопроизводству цензурного комитета при управе благочиния Московского гражданского губернатора, а опыт цензурного комитета Казанского университета – к Московскому университету, о чем свидетельствуют сохранившиеся следы контактов администраторов и преподавателей этих двух учебных заведений.

Во-вторых, сохранившееся делопроизводство свидетельствует, что с начала деятельности цензурных комитетов, к концу указанного периода нарастали требования не только к деятельности отдельных цензоров, но и к процессу оформления и комплектации цензурного делопроизводства. Посредством делопроизводственных бумаг цензурного комитета власть пыталась не только получать свидетельства благонадежности авторов (экспертное мнение), но и держать под контролем благонадежность авторов и утилитарный характер печатного слова, но и держать под колпаком цензоров. Председатель из числа деканов и секретарь – бывший студент или недавний магистр, были призваны, организуя делопроизводство цензурных комитетов, осуществлять контроль над деятельностью членов цензурного комитета, ведение и хранение документов. Донесение, которое ложилось в основу протокола заседания цензурного комитета, было своего рода отчетом члена цензурного комитета перед цензорской коллегией

о проделанной работе. А сам процесс составления – организатором свободного времени преподавателя, задействованного в цензурном комитете. С увеличением потока отчетности цензурного комитета пребывание в нем для преподавателей становится все более заметным, а труд – соответствующий понятию профессии.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ОЦЕНКАХ С.Ф. ПЛАТОНОВА

В.В. Митрофанов

Южно-Уральский государственный университет
(филиал в г. Нижневартовске),
кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
E-mail: viktor-n1962@mail.ru

В работе предпринята попытка анализа взглядов С.Ф. Платонова на эпоху Петра Великого и его реформы. В приложении помещен ранее не публиковавшийся очерк ученого, относящийся к началу его исследовательской деятельности, который позволит сопоставить оценки и выводы, сделанные С.Ф. Платоновым о великом реформаторе, начиная с 1884 г. и заканчивая 1926 годов. Ранняя работа указывает на интерес ученого к эпохе рубежа XVII – первой четверти XVIII в. и роли императора в преобразовании России.

Ключевые слова: Петр Великий; С.Ф. Платонов; историография; очерк; военные реформы; экономические преобразования; культурная политика.

PETER THE GREAT IN S.F. PLATONOV'S ASSESSMENTS

V.V. Mitrofanov

In the work attempts to analyze S.F. Platonov's views on the epoch of Peter the Great and his reforms are undertaken. In the appendix there is an essay that was not published earlier, relating to the beginning of the scientist's research activity. It allows comparing assessments and conclusions on the great reformer having been made by S.F. Platonov since 1884 until 1926. The early work allows one to follow the scientist's interest in the epoch of the turn of XVII–XVIII centuries and the Emperor's part in the transformation of Russia.

Key words: Peter the Great; S.F. Platonov; historiography; essay; military reforms; economic transformation; culture policy.

Современные исследователи продолжают активно изучать творчество С.Ф. Платонова, названного его современником и известным историком С.Д. Шереметевым «князем науки». Подтверждением тому являются защиты диссертационных работ¹, публикация

---

¹ Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1996; Мамонтова М.А. С.Ф. Платонов: поиск модели исторического исследования. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002; Митрофанов В.В. Проблемы истории русского Севера и Сибири в трудах

монографий², труды С.О. Шмидта³. Юбилейные же конференции (150-летие со дня рождения, 75- и 80-летие со дня смерти), посвященные выдающемуся отечественному историку⁴ показали, что остается еще много малоизвестных страниц его жизни и творчестве.

Сегодня историография уже отказалась от бытовавшего многие десятилетия, мнения о том, что С.Ф. Платонов был историком одной темы – Московского разорения. Безусловно, он остается и ныне самым авторитетным исследователем этой эпохи, но следует констатировать, что тематика его творчества выходит за рамки этого периода: ученый то погружался вглубь древней истории, то с увлечением изучал события начала XVIII столетия.

С.Ф. Платонова. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003; *Он же*. Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии конца XIX – первой трети XX в.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции. Автореф. дис... д-ра ист. наук. Воронеж, 2011.

² *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997; *Он же*. Феномен С.Ф. Платонова и наша историческая наука // *Смутное время*. СПб., 2001; *Он же*. Крестный путь русского историка: Академик С.Ф. Платонов и его «дело». СПб., 2005; *Митрофанов В.В.* Проблемы истории Новгорода Великого, Поморья и Сибири в творчестве С.Ф. Платонова. Нижневартовск, 2005; *Он же*. С.Ф. Платонов и развитие истории образования в России (до 1917 г.). Лангепас; Екатеринбург, 2009; *Он же*. С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России. Челябинск, 2011; *Он же*. Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии конца XIX – первой трети XX в.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции. Челябинск, 2011; *Он же*. Просветительская деятельность С.Ф. Платонова в российской провинции. Нижневартовск, 2014; *Чирков С.В.* Издательская и научно-организационная археографическая деятельность С.Ф. Платонова // *Археография в творчестве русских ученых конца XIX – начала XX в.* / отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2005. С. 199–250.

³ *Шмидт С.О.* Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург-Москва» // *Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения*. М., 1999. С. 533–537; *Он же*. Сергей Федорович Платонов (1860–1933) // *Портреты историков: Время и судьбы: в 2 т.* М.; Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 100–135; *Он же*. Предисловие // *Под шапкой Мономаха*. М., 2001. С. 5–20; *Он же*. Историк С.Ф. Платонов – ученый и педагог (к 150-летию со дня рождения). М., 2010.

⁴ *Научное наследие С.Ф. Платонова в контексте развития отечественной историографии: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика С.Ф. Платонова*. Нижневартовск, 2010; *Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы* / отв. ред. Ю.А. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб.; Любавич, 2011.

Свидетельством тому является и публикация вновь выявленных его трудов, статей, рецензий, отзывов, некрологов, выступлений. Известные списки трудов ученого⁵, сегодня уже дополнены почти сотней названий⁶, в этом перечне, безусловно, важнейшим является недавно опубликованное исследование о Земских соборах⁷.

Заметим, что работа в этом направлении не окончена, тем более, что часть материалов еще не выявлены и остаются в архивных фондах, особенно те, которые относятся к раннему периоду его творческой деятельности. Большую ценность представляют черновые материалы, конспекты лекций, отзывы и рецензии на учебную литературу, составленные по заданию Ученого комитета, тексты публичных лекций и выступлений. Работы последних лет Н.В. Ниязовой⁸ и других авторов⁹ позволяют констатировать, что тема петровской эпохи занимала С.Ф. Платонова на протяжении всего его творчества. Об этом свидетельствует и сам С.Ф. Платонов, который в период трудной борьбы за разрешение напеча-

---

⁵ Романов Б. Список работ С.Ф. Платонова // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. VII–XI; Колобков В.А. Список печатных трудов академика С.Ф. Платонова (с 1923 г.) // Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995. С. 319–320.

⁶ Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России. С. 291–297.

⁷ Платонов С.Ф. Московские земские соборы XVI и XVII вв. // Платонов С.Ф. Собр. соч.: в 6 т. М., 2010. Т. 1. С. 23–184.

⁸ Ниязова Н.В. Сподвижники Петра Великого в оценке С.Ф. Платонова // Проблемы регионального развития в XXI веке: экономика, право, образование: Матер. межвуз. науч.-практ. конф. аспирантов и соискателей (Нижевартовск, 15 мая 2007 г.). Нижевартовск, 2007. С. 15–20; Она же. С.Ф. Платонов как исследователь петровской эпохи в отечественной исторической науке // Экономика, право, образование: Тезисы межвуз. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов (Нижевартовск, 17 апреля, 2006 г.). Нижевартовск, 2006. С. 133–138; Она же. К историографии изучения петровской эпохи в трудах С.Ф. Платонова // Матер. регион. науч.-практ. конф. аспирантов и соискателей (Нижевартовск, 23 апреля 2008 г.). Нижевартовск, 2008. С. 70–73; Она же. Внутренняя политика Петра I в «Лекциях по русской истории» С.Ф. Платонова // Науч. тр. аспирантов и соискателей Нижеварт. гос. ун-та. Нижевартовск, 2008. С. 42–50; Она же. Петр Великий в современной русской историографии // Научное наследие С.Ф. Платонова в контексте развития отечественной историографии. С. 21–31.

⁹ Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов о реформах Петра Великого в области экономики и налогообложения // Социально-экономические проблемы региона в условиях инновационного развития территорий: Матер. II междунар. науч.-практ. конф. (г. Нижевартовск, 27 апреля 2012 г.). Нижевартовск, 2012. С. 162–165.

тать свою книгу о Петре писал, что она стала «сведением результатов давних <...> занятий Петром...»¹⁰. Подтверждением этому является и тот факт, что публикуемый очерк датируется 29/ХІІ. 1884 г., а последней книгой ученого стала монография (1926 г.) о великом преобразователе России.

Касаясь публикуемого очерка, заметим, что это не студенческая работа, как ее ошибочно называет А.В. Сиренов, наряду с недавно опубликованным рефератом¹¹, и относит к «неизданным». Думается, что будет справедливо опубликовать «одно из самых ранних произведений историка», в оценке известного петербургского историка это «проба пера», «а не произведение ученого-историка». Но, патриарх российской историографии С.О. Шмидт, уже о дипломном сочинении С.Ф. Платонова писал, что оно «свидетельствовало не только об уникально раннем для науки отечественной истории овладении начинающим ученым достижениями исследовательского мастерства»¹².

Нам представляется, что первые работы молодого С.Ф. Платонова, позволяют проследить начальный этап формирования его научной деятельности и формирования собственной творческой лаборатории. При этом согласимся с А.В. Сиреновым, что первые работы «существенно отличаются от его последующих работ»¹³.

Публикуемый очерк, который следует считать первым исследованием, где автор специально касается петровской эпохи, позволяет провести и ряд параллелей с поздними работами С.Ф. Платонова. Он носит научно-популярный характер, и, предназначен для неподготовленного читателя или слушателя, что и наложило отпечаток на манеру изложения материала. Текст составлен простым, доходчивым языком, здесь много интересных, специально подобранных, для слушателей, примеров, через которые автор пытается донести все величие Петра. Отсутствует экскурс в историографию вопроса, что в данном случае и оправдано, за исключением отдельных упоминаний, на полях рукописи имеются пометы. Ав-

---

¹⁰ *Копанева Н.П.* Из истории издания книги С.Ф. Платонова «Петр Великий» // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова. С. 334.

¹¹ *Медведев И.П.* Студенческий реферат С.Ф. Платонова «О местопребывании готов-тетракситов» // Античная древность и Средние века. Екатеринбург, 2011. Вып. 40. С. 93–408.

¹² *Шмидт С.О.* Историк С.Ф. Платонов – ученый и педагог... С. 24.

¹³ *Сиренов А.В.* Археографическое послесловие // Платонов С.Ф. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. С. 530.

тор заостряет внимание на мысли, что Петр сам всю свою жизнь учился («страстная любовь к знанию, глубокое влечение и интерес ко всем отраслям науки»¹⁴ и работал¹⁵ на благо своей державы, стараниями которого росло могущество России, занявшей достойное место среди великих европейских государств. Отмеченные обстоятельства, по-видимому, и дали основание А.В. Силенову высказать свое суждение об уровне содержания, литературной обработки, манере изложения материала в очерке.

В одной из публичных лекций, организованных Педагогическим музеем военно-учебных заведений, под названием «Русское общество перед реформой Петра Великого», прочитанной С.Ф. Платоновым в ноябре – декабре 1891 г., он, обращаясь к слушателям, пояснил причины выбора заявленной темы. «Я желал бы, – заявил он во время первой встречи с аудиторией, – популяризовать несколько исторических тем, недавно обработанных специальной наукой р[усской] истории в монографиях, малодоступных большой публике». Вопрос об отношении российского общества к реформам Петра Великого занимает «центральное положение в этих темах». Программа, афиша и, что особенно ценно, тезисы¹⁶ чтений С.Ф. Платонова сохранились. Здесь программа основных про-

---

¹⁴ Платонов С.Ф. Под шапкой Мономаха. М., 2001. С. 408–409, 423, 452.

¹⁵ Для доказательства этого тезиса С.Ф. Платонов обращает внимание на труды П.Н. Милюкова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» (1892 г.) и Н.П. Павлова-Сильванского «Проекты реформ в записках современников Петра Великого» (1897 г.).

¹⁶ «Педагогический музей военно-учебных заведений. Программа публичных лекций профессора Платонова «Русское общество пред реформой Петра Великого»: 1) взгляды на до-Петровскую Русь, выработанные в русской историографии в различные периоды ее развития; 2) объединение великорусской народности в Московском государстве. Создание национального идеала в связи с этим объединением. Сущность идеальных воззрений («Москва – III Рим») и практические выводы из тех воззрений; 3) основные черты государственного устройства (вотчинное начало) и общественной организации (начало крепости) Московской Руси; основание народно-хозяйственного быта; 4) события, давшие толчок к изменениям старых форм быта (эпоха Ивана Грозного и Смутное время). Положение московской Руси в первой четверти XVII столетия; 5) перемены в сфере идеальных воззрений в XVII веке. Внешнее и культурное влияние до Петра Великого; 6) перемены в сфере государственного и общественного быта при первых государях династии Романовых. Отношение реформ Петра Великого к старому быту. Лекции по понедельникам 25 ноября, 2, 9, 16 декабря (от 8 до 9 вечера)» (Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России. С. 80–81).

блем, которые были в центре научного интереса лектора, указаны даты и дни (всего 6), время чтения (вечернее и даже очень позднее), цена билетов.

Значительное место петровское время занимало и в программах Павловских курсов¹⁷, в которых С.Ф. Платонов принимал участие в течение ряда лет¹⁸. 8 апреля 1906 г. о великом преобразователе России была прочитана лекция в Твери в пользу Общества организации образовательных путешествий при Тверской классической гимназии с названием «Петр Великий в русской исторической науке»¹⁹. В этом перечне следует назвать и лекцию «Петр Великий и Полтавская победа»²⁰ в Валуйках и Воронеже в 1909 г., и малоизвестное предисловие, написанное С.Ф. Платоновым к книге А. Стиле²¹. Вероятно, оно явилось результатом просьбы

---

¹⁷ Платонов С.Ф. Программа чтений по русской истории проф. С.Ф. Платонова «Взгляды науки и русского общества на Петра Великого» // Русский начальный учитель. 1901. № 8–9. Приложение. С. 1–4; Он же. К 200-летию Петербурга // Там же. 1903. № 4. С. 119–126.

¹⁸ Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов на Павловских курсах // Инновации в образовании и науке: проблемы, тенденции и перспективы развития: Матер. город. науч.-практ. конф. (г. Нижневартковск, 20 апреля 2006 г.). Нижневартковск, 2006. С. 46–48; Бухерт В.Г. Павловские курсы (1899–1907 гг.) // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2008. С. 281–290.

¹⁹ В газете «Тверская речь» от 10 апреля 1906 г. помещен отзыв неизвестного корреспондента (NN) об этой лекции: «Вообще г. Платонов заступает за Петра Великого, где можно, и сочувствует ему. Лекция о Петре Великом была очень интересна...» (Лекции С.Ф. Платонова // Тверская речь. 1906. 10 апреля; Ниязова Н.В. Петр Великий в современной русской историографии // Научное наследие С.Ф. Платонова в контексте развития отечественной историографии. С. 20–21). Уточним, что Н.В. Ниязова допускает неточность, когда пишет еще об одной лекции о Петре, якобы прочитанной С.Ф. Платоновым в Твери, уже 8 апреля 1910 года. Действительно, в апреле этого года, только 27 числа в здании мужской гимназии, где присутствовали члены Тверской губернской ученой архивной комиссии, губернатор с женой, высшее духовенство епархии, воспитанники мужской гимназии, ученицы женской гимназии Римской-Корсаковой и женского коммерческого училища, авторитетный знаток эпохи выступил с речью «О значении Смуты в развитии нашей государственности» (Отчет о деятельности Тверской ученой архивной комиссии с 1903 по 1912 гг. Тверь, 1915. С. 51]. Об организации этой лекции (Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России. С. 82–84).

²⁰ Акиншин А.Н. Платонов и воронежцы // Памяти Сергея Федоровича Платонова. С. 486.

²¹ Платонов С.Ф. Предисловие / А. Стиле Карл XII, как стратег и тактик в 1703–1709 гг. / пер. со швед. А. Полторацкого. СПб., 1912. С. V–VI.

А. Полторацкого, который сделал перевод книги. Авторы были лично знакомы по совместной работе по подготовке и публикации «Арсеньевских бумаг»²² в Сборнике Новгородского общества любителей древности. Неоднократно С.Ф. Платонов касался времени реформ и военных баталий в юбилейные годы 200-летия основания северной столицы и Полтавской битвы.

С.О. Шмидт обратил внимание на факт длительной работы С.Ф. Платонова летом 1927 г. в ряде московских архивов для «ученых работ над эпохой Петра Великого...»²³. Вероятно, исследования второй половины 1920-х гг. о петровской эпохе²⁴ были частью новой задуманной работы.

Во второй половине 1920-х гг. С.Ф. Платонов намеревался написать многоплановое исследование по истории России XVII–XVIII веков. В архиве ученого хранятся тезисные наброски, датированные 9 сентября 1926 г., раскрывающие содержание задуманной монографии из 2-х частей²⁵. Ее временные рамки должны были охватить более чем вековой отрезок отечественной истории: от эпохи Смуты до периода дворцовых переворотов.

В период свертывания НЭПа, ожесточения внутрипартийной борьбы, окончательного формирования однопартийной системы, активизации историков-марксистов, когда очернительству подвергалось все, что связано с историей России до 1917 г., вышедшие из печати книги о Петре I А. Толстого («День Петра», 1918) и Б. Пильняка («Его величество Кнеб Ритер Комондор», 1919) где «"образ великого преобразователя" обратили в грубую пасквильную карикатуру», при этом «длительная, добросовестная работа многих ученых исследователей оказалась оставленной в полном пренебрежении»²⁶, С.Ф. Платонов вновь обращается к личности

---

²² Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и Новгородское общество любителей древности // Клио. 2004. № 2. С. 189–200.

²³ Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 534.

²⁴ Платонов С.Ф. Из бытовой истории Петровской эпохи: I. Бенго – коллегия или Великобританский монастырь в Петербурге при Петре Великом // Изв. АН СССР. 1926. № 7/8. С. 527–546; *Он же*. Из бытовой истории Петровской эпохи / С.Ф. Платонов // Там же. Т. XX. № 9. С. 655–678.

²⁵ Митрофанов В.В. О новых направлениях исследовательского поиска С.Ф. Платонова // Сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. «Личность и общество в контексте глобализации: проблемы и перспективы» / под общ. ред. д.ф.н. В.А. Апрелевой. Тюмень, 2009. С. 96.

²⁶ Платонов С.Ф. Под шапкой Мономаха. М., 2001. С. 371.

Петра. С первых строк своей монографии он выступает защитником Петра как императора, человека, реформатора, патриота России.

Оба писателя «с полным историческим невежеством»²⁷ представили Петра «грязным и больным пьяницей, лишенным здравого смысла и чуждым всяких приличий». Ученый-просветитель обращает внимание читателя на искажение, а точнее не знание, иностранных слов Б. Пильняком, которые он выносит в название.

Для доказательства своей позиции, которая становится понятной с самого начала книги, С.Ф. Платонов апеллирует к «людям всех поколений», которые «в оценках личности и деятельности Петра Великого сходились в одном: его считали силой».

Обращает на себя внимание тот факт, что за несколько лет (Н.В. Ниязова относит написание очерка к началу 1920-х гг.) до появления книги о Петре Великом (сдана в издательство весной 1925 г.), С.Ф. Платонов написал, недавно опубликованный очерк «Петр Великий в современной русской историографии». По всей видимости, он подготовил его к одной из юбилейных дат: 200-летие Ништадского мира, 250-летие со дня рождения великого преобразователя. А затем этот замысел перерос в очередную монографию, которая явилась в оценке С.О. Шмидта «примером публичного противостояния академика Платонова Покровскому»²⁸ и была уже приурочена к новой юбилейной дате – 200-летия смерти императора.

Сравнительный анализ позволяет заключить, что два исследования очень близки по содержанию, это подкрепляются и отдельными наблюдениями Н.В. Ниязовой о том, что некоторые фрагменты очерка совпадают с разделами названной монографии: «Очевидно, что некоторые отрывки имеют совершенно одинаковый смысл в статье и в книге, только в последней они несколько перефразированы. Изложение событий в статье более сжатое, чем в книге. Некоторые части не имеют аналогий в книге»²⁹.

Первая часть очерка по содержанию совпадает со второй («Публицистические и философские оценки Петра Великого в XVIII веке первой половине XIX века. Современники Петра. Век Екатери-

---

²⁷ *Копанева Н.П.* Из истории издания книги С.Ф. Платонова «Петр Великий» // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова. С. 334.

²⁸ *Шмидт С.О.* Предисловие // Платонов С.Ф. Под шапкой Мономаха. М., 2001. С. 17.

²⁹ *Ниязова Н.В.* Петр Великий в современной русской историографии // Научное наследие С.Ф. Платонова в контексте развития отечественной историографии. С. 32. Прим. 22.

ны П. Карамзин. Славянофилы и Западники») и третьей («Научные оценки Петра Великого в позднейшее время. Соловьев и Кавелин. Ключевский. Взгляд Милюкова и его опровержение. Историки-беллетристы. Военные историки») главами монографии, вторая с седьмой («Воинский талант Петра. Операция завоевания Ингрии. Гродненская операция 1706 года. 1708 год и Полтава»), третья имеет только некоторое сходство с восьмой («Петр Великий в последнем периоде жизни. Петр в Западной Европе. Поездка в Париж в 1717 году. Жизнь в Невском «парадизе». Личные свойства Петра, как деятеля»). Смысл заключительной части статьи, представляющей оригинальные суждения С.Ф. Платонова о великом преобразователе в целом совпадают с выводами, сформулированные в монографии, в оценке В.А. Колобкова «последняя крупная работа»³⁰ ученого.

Необходимо вспомнить, что эта книга вызвала недовольство властей и нового поколения историков, вчерашних учеников как самого С.Ф. Платонова, так и его коллег по столичным университетам. Например, по замечанию Р.Г. Пихои «особенное недовольство Цвибака вызывал «своеобразный культ» Петра I, свойственный Платонову». Говоря о труде С.Ф. Платонова Цвибак указал, что в ней «старый историк обрушился на беллетристов Б. Пильняка и А. Толстого за непочтение к великому царю»³¹. При этом современный исследователь замечает, что «в то время, когда Цвибак критиковал Платонова за идеализацию личности Петра Великого, сам Сталин рекомендовал показывать Петра как героическую личность. Яркие сторонники «истинного марксизма» в исторической науке оказывались брошенными. Политические ориентиры власти стали явственно смещаться»³².

Говоря об оценках Петра I, обратимся к тем, которые С.Ф. Платонов дал ему в своих «Лекциях»: «Народ не мог уловить в деятельности Петра исторической традиции, какую ловим теперь мы, и поэтому считал реформу не национальной и приписывал ее личному капризу своего царя».

---

³⁰ Колобков В.А. Жизненный путь историка // Платонов С.Ф. Под шапкой Мономаха. С. 495.

³¹ Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы. М.; Л., 1931. С. 7, 79, 193, 194, 204; Пихоя Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20-е – 30-е гг. XX в. // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 14.

³² Пихоя Р.Г. Востребованная временем история. С. 17.

«Реформы Петра по своему существу и результатам не были переворотом; Петр не был «царем-революционером», как его иногда любили называть».

«Деятельность Петра не была и общественным переворотом. Государственное положение сословий и их взаимные отношения не потерпели существенных изменений».

«В экономической политике Петра, в ее целях и результатах, также нельзя видеть переворот... Результаты, достигнутые Петром, не поставили народное хозяйство на новое основание».

«И в культурном отношении Петр не внес в русскую жизнь новых откровений».

«Результаты его деятельности были велики: он дал своему народу полную возможность материального и духовного общения со всем цивилизованным миром».

«Встреченный открытой враждой сначала, чувствуя и потом скрытое противодействие в себе общества, Петр все время боролся за то, во что верил и что считал полезным. В этом объяснение тех особенностей в реформационной деятельности Петра, которые сообщили его реформе черты резкого, насильственного переворота. Однако по существу своему реформа эта не была переворотом»³³.

В последней же монографии С.Ф. Платонова о Петре мы встречаем такие оценки: «Петр-сила», подчеркивается его «гражданская доблесть», «стремление к народному благу, самоотверженное служение государству, напряженный личный труд, страстная любовь к знанию и вера в необходимость просвещения»³⁴.

Таким образом, мы видим определенно новое переосмысление оценок, не повторяя прежних, исследователь на первый план выдвигает личные качества преобразователя, они призваны дополнить более ранние суждения и результатом является портрет, по сути, идеального правителя, как с исторической, так и философской точки зрения.

В одной из газетных рецензий, вывод С.Ф. Платонова о «величии Петра» ставился под вопрос, а позиция автора рассматривалась как способная «внушить солидные подозрения»³⁵.

Нет должных оснований согласиться полностью с мнением В.С. Брачева, который полагает, что С.Ф. Платонов в оценке Пет-

---

³³ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1994. С. 102, 112–115.

³⁴ Он же. Петр Великий. Личность и деятельность // Платонов С.Ф. Под шапкой Мономаха. С. 399.

³⁵ Колобков В.А. Жизненный путь историка // Там же. С. 496.

ра «всецело следовал В.О. Ключевскому»³⁶, хотя и подчеркивал, что «в лице Ключевского наша наука возвысилась впервые до вполне реального представления о Петре, о его личности, о его исторической роли, о преемственности его дела»³⁷, при этом приводя «пространные» цитаты. Но в тексте мы находим и важные в данном случае умозаключения С.Ф. Платонова, например, он пишет: «не все, быть может, частности выдержат критику в обзоре царствования Петра, особенно в изложении петровских войн, какое находим у Ключевского»³⁸. К тому же мы видим серьезные расхождения в оценках Петра у С.Ф. Платонова с П.Н. Милюковым, «одного из старейших учеников» В.О. Ключевского, который «воспринял мысль своего учителя о зависимости <...> преобразований Петра от Шведской войны...»³⁹. Этот факт следует считать, как несогласие с позицией корифея российской истории. В противовес П.Н. Милюкову (следовательно, и В.О. Ключевскому) С.Ф. Платонов симпатизирует «отличному знатоку Петровской эпохи» Н.П. Павлову-Сильванскому, выводы которого подтверждались и другими учеными, например, и Н.А. Воскресенским.

Следовательно, петровская эпоха, сам преобразователь как личность, реформатор, государственный деятель, полководец были в центре исследовательского интереса выдающегося историка. Оценки, наблюдения и выводы, сделанные С.Ф. Платоновым о Петре Великом, его реформах являются ценным вкладом в историографию вопроса. Неслучайно, видимо, и то обстоятельство, что книга о Петре стала последним крупным завершённым исследованием ученого, публикация которого явилась очередной его научной удачей и общественной победой в период, когда последние представители старой либеральной историографии пытались противостоятъ новому марксистскому направлению в науке.

---

³⁶ Брачев В.С. Феномен С.Ф. Платонова и наша историческая наука // Смутное время. СПб., 2001. С. 44.

³⁷ Платонов С.Ф. Петр Великий. Личность и деятельность // Платонов С.Ф. Под шапкой Мономаха. С. 389.

³⁸ Там же. С. 386.

³⁹ Там же. С. 389.

С.Ф. Платонов

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Петр I или, как его все зовут, Петр Великий, был русский император и жил около 200-х лет тому назад. Вы все, конечно, слышали о нем и все видели памятник Петра Великого около Сената в Александровском саду. Я думаю, нет теперь на Руси такого, даже и неграмотного человека, который бы не знал, что был у нас когда-то знаменитый царь Петр. О царе Петре народ сложил много песен, а еще больше о Петре сохранилось в народе простых, не стихотворных рассказов или преданий. Во многих городах России – и северных, и южных – как святые берегут или дома, в которых когда то жил Петр, или те вещи, которые остались там после него и которые он сам сработал. И во многих местах за границей, например, в Голландии, и теперь путешественникам показывают места, где жил и трудился московский царь Петр. Иностранцам по большей части неизвестны наши древние князья и цари, но имя Петра В[еликого] значимо каждому образованному человеку не только Европы, но и на всем земном шаре.

Чем же так прославился Петр, чем он стал знаменит?

Тем, во-первых, что вступая на русский престол, он нашел наше государство слабым и неустроенным и сумел его так устроить и так усилить, что оно стало одним из самых могучих стран в свете.

Во-вторых, Петр застал русский народ безо всякого образования и успел положить прочное начало образованности. Он сблизил Россию с образованными европейскими странами и научил русских ценить науку, приохотил их учиться. Наконец, Петр своей личностью, своим характером и способностями выделялся из всех людей. Кто видел его раз, никогда не забывал его. Богатырь ростом¹ и силою, способный ко всякой работе, знавший чуть ли

---

¹ Рост Петра Великого по различным источникам от 200 до 213 сантиметров, но большая часть источников указывает на 204 сантиметра. Размер обуви 38, поэтому император надевал туфли этого размера, а поверх сапоги большого размера, что позволяло ему сохранять устойчивое положение.

не все ремесла², в то же время образованный, с быстрым умом и редким соображением, царь Петр казался необыкновенным человеком, как русским людям, так и иноземцам. Кто хотя бы немного узнавал его характер, тот не мог не любить Петра, хотя все знали, что он очень вспыльчив и суров, но зато все знали, что он весьма прост и очень справедлив.

Петр В[еликий] был сын царя Алексея Михайловича, родился в 1672 г. и трех лет осиротел, лишился отца. Царствовать стал старший брат Петра Федор Алексеевич, а Петр с[о] своею матерью царицей Натальей Кирилловной жил в одном селе под Москвой. Когда умер царь Федор, народ выбрал Петра в цари. В то время ему было только 10 лет, всей властью завладела его сестра царевна Софья, а Петр по – прежнему оставался в селе Преображенском³ учился грамоте у Никиты Зотова. Этот Н. Зотов умел только читать, да писать и вовсе не был образованным человеком в том смысле, как мы это теперь понимаем. Поэтому Петр немногому у него научился: писал он всю свою жизнь плохо, а науки изучал уже взрослым человеком и самоучкой. Этому не надо удивляться: в те времена науки на Руси не было, школ не существовало, и царских детей учили только чтению и письму. Один старший брат Петра, царь Федор Алексеевич знал немного по латыни и по-польски и умел писать стихи⁴. Петр очень любил своего учителя Зотова, но скоро отбился от его рук. Он случайно познакомился с образованными немцами, жившими тогда в Москве, и стал учиться у них, преимущественно математике. Но его живой характер искал не только науки: Петр любил забавы и забавлялся не совсем так, как тешились в то время царские дети⁵. Он очень любил играть в солдаты и собрал свое войско из мальчиков разных званий. Эти мальчики, служившие для царской забавы или потехи, назывались «потешными» и жили постоянно при Петре,

---

² Пётр освоил около 15 профессий, в том числе профессии плотника, слесаря, столяра, фельдшера, кузнеца, переводчика, бухгалтера, картографа, штурмана, кораблестроителя, артиллериста.

³ Помета на полях: «Первые полки».

⁴ Далее слово «на полях» зачеркнуто и сделана вставка: Это потому что за его образованием смотрел сам отец царь Алексей Михайлович. А за образованием Петра смотреть было не кому: в царской семье в то время были раздоры, и мать Петра мало имела власти.

⁵ Далее зачеркнуто: «Раз нашел он в сарае среди всякого хлама небольшую лодку не русского устройства».

составляя два полка⁶. Петр устроил потешным одинаковую форму и оружие и мало-помалу сделал из них настоящих солдат. Они учились на манер иностранного⁷ войска и с ними Петр производил постоянные маневры или примерные походы и битвы. Была построена даже крепость, которую одни потешные защищали, другие брали штурмом⁸. Раз Петр нашел в сарае старый английский ботик или лодку, приспособленную для морского плавания на парусах. Она лежала заброшенной, потому что русские люди совсем не плавали на морях. Эта лодка заинтересовала Петра. Он нашел такого иностранца, который сумел починить лодку и научил Петра управлять ею и плавать против ветра на парусах. Петр был в восторге, но в Москве на маленькой речке Яузе нельзя плавать на парусах и Петр стал искать какого-нибудь большого озера или реки, где было бы просторней. Ближе всего к Москве было большое Переяславское озеро, всего в 120 верстах, – и Петр которому было уже около 20 лет, поехал туда, повел с собою и немцев – своих учителей и с их помощью, построил уже не лодки, а целые корабли с пушками и тешился ими с полным увлечением. В постройке кораблей он принимал участие своими руками, сам работал топором и в то же время учился кораблестроению, а это⁹ целая наука, для которой хорошо нужно знать математику. Таким образом, у Петра забава соединилась с делом или, вернее сказать, сама забава заключалась в деле. Скоро из Переяславля Петр отправился в Архангельск, который стоит у Белого моря¹⁰.

Тогда русские владели одним Белым морем и, чтобы познакомиться с морем, Петру нужно было ехать именно в Архангельск, так это был единственный наш приморский торговый город. Там Петр перезнакомился с иностранными моряками, многому научился у них, ездил на их кораблях, и раз в открытом море чуть было не погиб от бури, но здесь он показал великую силу духа и полную привычку к морю: он сам правил лодкой¹¹.

В Архангельске Петр стал строить корабли, говоря, что русским необходимо самим плавать по морю и покупать товары за границей, а не смотреть из рук иностранцев: что они привезут,

---

⁶ На полях: «Потешные».

⁷ Слово «настоящего» зачеркнуто.

⁸ Карандашная помета: «Ботик».

⁹ Слово «трудная» зачеркнуто.

¹⁰ Карандашная помета: «Архангельск».

¹¹ Карандашная помета: «буря и крест».

тем и будь доволен и плати им в три – дорога. В то же время Петр понял, что Архангельск далеко от образованных стран Европы и что если завоевать берега Черного или Балтийского морей, то будешь ближе к Европе, и торговать будет легче и выгоднее. Но Балтийским морем владело сильное государство Швеция, а со шведами русские воевали до тех пор неудачно, а на Черном море владычествовали турки, с ними все время перед Петром русские воевали часто и не без успеха. Да и в то самое время, когда Петр был в Архангельске, Россия считалась в войне с Турцией. Поэтому Петр решил отнять у Турции берега Черного и Азовского морей. Этим он начал усиление России¹².

Он направился на турецкую крепость Азов, которая запирала выход из реки Дон в Азовское море. Скоро он убедился, что Азов не взять без кораблей, так как турки помогали Азову с моря, и нужно было их поразить на море. Тогда на Дону Петр настроил кораблей, вывел их в море и с их помощью завоевал Азов. Русский флот появился на Черном море, русские корабли ходили в самый Константинополь, столицу турок, и турки поняли, как стала сильна Россия. Рассказывают, что они страшно испугались, увидя русские корабли у своей столицы.

Необходимость строить корабли, иметь образованных строителей и моряков и военных заставили Петра посылать молодых людей учиться за границу. Наконец, он и сам туда поехал – учиться. Скрывая свой царский сан, выдавая себя за простого москвича Петра Михайлова, царь отправился в Голландию, в те города, которые славились постройкой кораблей (например, Саардам) и здесь в костюме простого работника поступил на верфь, т. е. корабельные мастерские и работал как простой плотник, жил, как простой мастерской в семье корабельщика. Он сердился, когда узнавали в нем царя и оказывали ему почтение: ему хотелось пройти всю суровую школу труда. И он ставил себе целью ничем не отличаться от обыкновенных работников. Он радовался, как дитя, когда окончил изучение корабельного строения, он получил аттестат корабельного мастера, какой получали все простые мастера¹³.

Из Голландии он проплыл в Англию и в другие европейские страны, везде присматриваясь к обычаям западных людей, изучая не то, так другое ремесло или искусство. Вернувшись на Родину, он начал целый ряд перемен в русской жизни и обычаях, пони-

---

¹² Карандашная помета: «Азов».

¹³ Карандашная помета: «Голландия».

мая, что без ремесел и искусств, от которых, как он видел на Западе, богатели люди, Россия не может не стать богатой и сильной. Вместе с тем Петр понял, поездив за границей, что Черное море далеко от тех стран, с которыми нужно было торговать России, что самые богатые и образованные государства лежат близко именно от Балтийского моря, а не от Черного. А Черное море, кроме того, турки могут запереть во всякое время: если они не станут пускать кораблей мимо Константинополя, то из Черного моря и не выехать вовсе. Стало быть, думал Петр, надо добиваться Балтийского моря, надо воевать со Швецией.

В Швеции же в это время был, кстати, как казалось для Петра, молодой и легкомысленный король Карл XII. Он совсем не занимался делами. Петру кроме того желали помогать короли Датский и Польский. Обстоятельства были благоприятными, и Петр решился воевать. Но как только началась война, Карл оставил забавы, быстро собрал войско, поразил датчан, заставил их заключить мир и пошел навстречу Петру, который завоевал берега Финского залива. Они встретились при Нарве (Нарва тогда была шведским городом) Карл XII совсем разбил русских. Войско Петра было уничтожено, много русских попало в плен, русские потеряли почти все свои пушки. Неудача была полная; на всех нашло уныние. Но Петр не отчаялся: «у них самих мы научились побеждать их» говорил он и стал собирать войско, учить солдат, лить пушки... (так в тексте. – В. М.). Карл XII между тем ушел в Польшу, оставив против русских своих генералов. Русские снова двинулись к Балтийскому морю, и слова Петра исполнились: его войско било шведов¹⁴. Сам Петр взял крепость Нотебург, (нынешний Шлиссельбург), а затем и Ниеншанц (недалеко от нынешнего Петербурга на Ниве) и, таким образом, он завладел всею Невою. Тотчас станет он при впадении Невы в море строить русскую крепость и вместе с этим первую русскую гавань на Балтийском море. 16 мая 1703 года заложил он крепость и церковь на одном из островов в устье Невы. И церковь Петра и Павла и крепость Петропавловская стоят и теперь на том же месте, а кругом них еще при Петре вырос целый город, названный Санкт-Петербургом, новая столица России.

Но куда не было мира со Швецией, куда не был победен сам Карл, Петр не мог быть уверен, что завоеванные им земли на Балтийском море останутся в его власти. В таком положении

---

¹⁴ Карандашная помета: «Нотебург».

прошло несколько лет: Карл воевал все против поляков. Наконец, он решился идти и против Петра, но пошел не к Балтийскому морю, а из Польши через Малороссию направился в самую Русь, желая совсем разгромить Россию. Начальник малороссийских казаков, гетман Мазепа изменил Петру и перешел на сторону Карла. Они осадили в Малороссии русскую крепость Полтаву. Петр спешил на помощь своим, и вот 27 июня 1709 г. под Полтавой произошла вторая большая Полтавская битва между русскими и шведами, но кончилась она не так как Нарвская битва. Здесь русские уничтожили шведское войско, взяли много шведских генералов; сам Карл без войска едва убежал. Он не смог попасть в Швецию и бежал в Турцию. Петр праздновал свою победу очень торжественно и, угощая шведских генералов, пил за здоровье своих учителей в ратном деле. Учителями своими он называл именно шведов: в борьбе с ними выучились русские настоящему военному искусству. Петр радовался так Полтавской победой потому, что понимал ее важное значение: после нее Россия могла уже не бояться Швеции, могла считать своим Балтийское море. Это так и случилось: разбитые шведы не могли защититься от Петра, Карл XII не побеждал более русских. Вот почему не только сам Петр, но и все русские люди и в прошлые времена и теперь считают Полтавскую битву одной из самых славных и важных битв всей нашей истории. Лучший русский поэт А.С. Пушкин в своей поэме «Полтава» подробно описывает эту победу¹⁵.

Однако разбитые шведы долго не соглашались на мир с Петром. Тяжело им было отдавать Петру восточные берега Балтийского моря:

---

¹⁵ Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор – и враг бежит.
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Как роем черной саранчи.

Пирует Петр. И горд и ясен
И славы полон взор его,
И царской пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.
(Этих строк в тексте нет. – В. М.)

от этого уничтожалась вся сила Швеции. Но Петр одерживал новые и новые победы и наконец, через 12 лет после Полтавы достиг мира: ему шведы отдали берега Финского и Рижского залива. Петр был счастлив: с этих пор Россия вместо одного владела тремя морями и становилась самой сильной страной на севере Европы и вся Европа со страхом смотрела, как скоро выросло русское могущество. Так Петр усилил Россию. Он воевал постоянно, постоянно занимался военным флотом и великими трудами успел в России устроить хорошее войско и большой флот. Но он был не только военным и моряком. Он занимался всеми делами государства. Много думал о том, чтобы улучшить суд и управление в России, а главное всего заботился о том, чтобы сделать Россию образованнее и богаче. В то время Англия, Франция и немецкие земли были гораздо образованнее Руси, и вот Петр В[еликий] посылает туда русских учиться наукам, вызывает образованных людей из за границы, переводит на русский язык ученые книжки, перенимает сам и других заставляет перенимать европейские обычаи, в которых было больше вежливости, простоты и образованности. Он приказывает русским и дома свои строить и комнаты убирать и самим жить, так как в европейских странах. Даже русские старые платья, наряды, широкие и покойные, но неудобные для работы и стеснявшие свободу движений, Петр приказывает менять на узкое, немецкое платье, в котором было легко двигаться и работать. И еще более – Петр запрещает русским носить бороду, потому что немцы не носили бород, хотя бороды ничему помешать не могли. А кто непременно хотел ходить с бородой, с того царь велел брать за бороду пошлину и эти деньги шли в государственную казну. Как за границей в городах люди часто сходились друг к другу вечером потанцевать, поиграть в шахматы и карты, поговорить и посмеяться, так точно Петр хотел устроить и на Руси. По его приказу, все должны были в определенный день принимать гостей, устраивать вечер. Прежде до Петра, когда у какого-нибудь боярина собирались гости, женщины сидели отдельно от мужчин и вечер проходил в том, что пели, пили (и говорили даже мало), а если разговорятся, то их разговор нельзя было вынести ничего полезного и хорошего, разговоры были пусты. Петр хотел другого: на собраниях (их называли ассамблеями) мужчины и женщины беседовали вместе, молодежь танцевала, а пожилые за скромной кружкой пива или вина вели деловой разговор, из которого можно было учиться полезным вещам.

Но перенимая из-за границы науку и обычаи, Петр понимал, что иноземцы могли образоваться скорее русских, потому что они

были богаче¹⁶ и имели больше средств для торговли между собой, постоянно приходили в сношения друг с другом и друг у друга учились. Думая о том, почему иностранцы богаче нас, Петр видел, что они лучше умели обрабатывать земли, чем русские люди свои, и из того, что получали иностранцы от своих земель, из того они на фабриках и заводах умели сделать массу прекрасных и необходимых вещей. На Руси, например, было много овечьей шерсти, а сукна русские не умели делать, на Руси сеяли много льна, а хорошего полотна не делали. Петр понял, что необходимо научить русских больше добывать из своей земли продуктов и лучше обрабатывать эти продукты. Для этого надо было завести фабрики и заводы, выучить русских людей разным мастерствам и вызывать умелых иностранцев, чтобы они заводили фабрики и учили русских. Об этом-то Петр заботился всю свою жизнь, при нем в России устроено было 200 фабрик и заводов и, таким образом, началась на Руси промышленность.

Вот как Петр понимал пользы своего государства. Войнами своими он дал России военную силу, а утверждая образованность и промышленность, готовил в России внутреннее счастье и богатство.

Как человек, он был очень замечателен. Он все знал и все умел. Ему приходилось всю свою жизнь самому учиться и учить других разным мастерствам и наукам. Поэтому у него никогда не было свободного времени. То он на войне учит солдат, льет пушки, строит корабли и сам работает топором на верфи и молотком в кузнице. То он учится или лечится за границей, или ездит по России, осматривая свое государство: ищет в земле железной руды, или строит завод, или роет канал, чтобы соединить одну реку с другой. То он приедет «отдыхать» в своей любимой Петербург и живет в простеньком дворце или в летнем саду, или на Пет[ербургской] стороне, но и тут занимается государственными делами, строит корабли в Адмиралтействе; в свободные минуты из кости точит какую-нибудь безделку или же сам чинит свой старый башмак в то время, когда его супруга нашивает заплату на его истертый камзол. Руки царя Петра всегда бывали в мозолях, и он не стыдился этого, он знал, что он «на троне вечный был работник». Он знал, что «делу время, а потехе час», как говорит поговорка и работал постоянно, но зато, когда наставал час потехи, когда Петр устраивал праздник, никто не мог перещеголять его

---

¹⁶ Здесь и далее подчеркнуто автором.

веселостью и затеями, – он умел вселиться. В его праздниках принимал участие весь город, потому что Петр любил устраивать веселье на площади, и здесь каждый чувствовал себя, как дома. Петр вообще жил очень скромно и просто, постоянно был в народе, крестил детей у простых матросов, хаживал в гости к частным людям, запросто закусывал в трактирах с иностранными моряками, работал часто на верфях в толпе простых рабочих. Народ его знал и своим потомкам передал память о нем, как о царе работнике.

И вправду, Петр работал всю жизнь и всю жизнь не для себя, а для русского народа, для России. «О Петре ведайте, – говорил солдатам он, – что ему жизнь его недорого, жила бы только Россия для славы и благоденствия вашего». И он действительно не дорожил собой¹⁷. Он умер еще в цвете сил от простуды, которую получил при таких обстоятельствах: на море недалеко от Петербурга во время бури стала тонуть лодка с солдатами. Петр увидел это и сам бросился спасать погибавших. Но спасши их, он погубил свое здоровье, хворал всю зиму и умер 28 января 1725 г. 52 лет от роду. Все дела Петра не пропали даром, а принесли богатые плоды. Россия после него не ослабела и не обеднела, напротив, продолжала расти и крепнуть. Его город Петербург рос не по дням, а по часам. И с каждым часом росло у русских людей уважение к Петру; чем дальше шло время, тем священнее становилось для русских память о великом царе¹⁸. Пятьдесят лет спустя – по смерти Петра – императрица Екатерина II уже поставила ему монумент в Петербурге. Этот памятник один из самых замечательных монументов в России; и кроме него в других городах Руси стоят Петру памятники. Но прочные и долговечные всех этих памятников – будет воспоминание русских людей о Петре, уважение к его памяти. И для наших предков, и для нас с вами, и для правнуков наших Петр будет прекрасным вечным примером того, как следует любить свое Отечество и как должно трудиться на пользу Родины.

29 декабря 1884.

*Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки.
Ф. 585. Оп. 1. Д. 1249. Л. 2–14об.*

---

¹⁷ Карандашная помета: «буря».

¹⁸ Карандашная помета: «памятник».

**ОРГАНИЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ
ИЛИ МНИМАЯ ПРЕДМЕТНОСТЬ? (КРИТИКА
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
ВОКРУГ ИЗУЧЕНИЯ «РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА»)**

М.В. Калашников

Саратовский государственный технический
университет имени Гагарина Ю.А.,
кафедра истории Отечества и культуры
E-mail: kalash.mv@mail.ru

В статье проанализирована современная историографическая ситуация сложившаяся вокруг изучения истории «русского либерализма». Показано, что в условиях тотального кризиса социальных и гуманитарных наук традиционные подходы и методы исследования данного феномена изжили себя и обанкротились. Подвергнуто критике прогрессистское представление о развитии «идеи свободы» в истории характерное для позитивизма и являющееся метафизическим основанием историографии эпохи Современности (Модерна). Выявлена бесперспективность нормативно-эталонного подхода к изучению истории «русского либерализма». Также показана невозможность адекватного исследования «русского либерализма» как некоей предметности, так как понятие «русский либерализм», которым она описывается, относится к разряду отвлеченных или абстрактных понятий. Соответственно предметность описываемая таким понятием является мнимой и не может рассматриваться как органическая целостность.

Ключевые слова: «идея свободы»; историография «русского либерализма» XIX – начала XX в.; позитивизм; понятие «русский либерализм»; функционализм.

**ORGANIC WHOLENESS OR IMAGINARY THINGNESS?
(THE CRITICISM OF THE HISTORIOGRAPHIC SITUATION
DEVELOPED AROUND THE STUDYING
OF THE «RUSSIAN LIBERALISM»)**

M.V. Kalashnikov

The article analyzes the modern historiographic situation developed around the studying of the history of the «Russian liberalism». It shows that under the conditions of the universal crisis of the social and humanitarian sciences, the traditional approaches and methods of studying this phenomena became obsolete and went bankrupt. The article criticizes the progressionist notion of the evolution of the «idea of freedom» throughout history that is characteristic of positivism and is a metaphysical base of the age of Contemporaneity (the Modern time). The article shows the lack of prospects of the standards-based approach towards the studying of the history of the «Russian liberalism». It also shows

the impossibility of the adequate research of the «Russian liberalism» as some kind of a thingness, since its descriptive concept of the «Russian liberalism» belongs to the class of the abstract concepts. Respectively, the thingness described by such a concept is imaginary and can't be viewed as an organic wholeness.

Key words: «idea of freedom»; historiography of the «Russian liberalism» of the XIX and the beginning of the XX century; positivism; concept of the «Russian liberalism»; functionalism.

Для историографии «русского либерализма» XIX – начала XX в., независимо от деления на национальные школы, идеологические направления и временные периоды, впрочем, как и для историографического дискурса эпохи Современности в целом, характерно вполне определенное представление об истории, смысл которого наиболее точно раскрыл М. Хайдеггер.

В работе «Положение об основании» М. Хайдеггер, в частности, писал: «...обычно <...> осуществления ценностей и идей, выдаются за отличительные признаки исторического. Представление об истории как об осуществлении идей <...> почти неистребимо». По мнению М. Хайдеггера, лишь «...непредубежденному взгляду открывается то, что представление об истории как о временном осуществлении сверхвременных идей и ценностей происходит не из опыта истории. В привычном представлении об истории без обдумывания и размышления платоническое (а вовсе не платоновское) разделение мира на чувственно изменяемую и сверхчувственно неизменяемую сферы переносится на то, что проявляется прежде всего как течение человеческих поступков и страданий и что в качестве таким образом протекающих событий и называется историей». М. Хайдеггер считал, что «...ходкое представление об истории как временном осуществлении чего-то сверхвременного препятствует любому усилию увидеть нечто единственное в своем роде, то, что скрывается за загадочным постоянством, которое так или иначе ломается и собирается в чем-то внезапном того, что в подлинном смысле послано судьбой»¹.

Представление о развитии, становлении или развертывании «идеи свободы» в истории человечества, являющееся метафизическим основанием философии и идеологии либерализма, и столь характерное для историографического дискурса эпохи Современности

---

¹ Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты. СПб., 2000. С. 161–162.

сти или, например, ленинское утверждение о том, что «Россия выстрадала марксизм», как раз и являются теми «привычными», «ходкими», по выражению М. Хайдеггера, «представлениями об истории как о временном осуществлении чего-то сверхвременного».

Подавляющее большинство исследований истории «русского либерализма» как раз и написаны в рамках такого представления об истории, зачастую не рефлекслируемого самими авторами.

Особого внимания, в силу двойного эффекта преломления «привычного», «ходкого» представления об истории, заслуживает зарубежная, прежде всего атлантистская историография «русского либерализма», в рамках которой «правильным» считается развитие и становление англо-американского либерализма, через призму которого аналогичный процесс в России представляется неправильным, искаженным, отклоняющимся. Еще в конце 1980-х гг. в обзоре зарубежной историографии пореформенной России Ю.С. Пивоваров заметил, что в исследованиях иностранных авторов «Россия изучается, как правило, с европоцентристской точки зрения. Причем она свойственна не только сторонникам концепции модернизации, а почти всем зарубежным авторам. И естественно, что европоцентристский подход не дает им увидеть своеобразие русской политико-правовой культуры, их национальных традиций и отличительных черт. Все то, в чем политический опыт России не совпадает с аналогичным опытом Западной Европы, объявляется обычно “отсталостью”, “азиатчиной” и т. п.»².

Следует отметить, что само изучение истории «русского либерализма» в рамках англо-американской историографии периода 1950-х – начала 1990-х гг. преследовало, прежде всего, политические цели. Так в начале 1970-х гг. английский историк У. Мосс вполне определенно писал, что изучение «русского либерализма» «проливает свет на гораздо более широкую проблему приемлемости или неприемлемости классической либеральной модели» вообще³. В Советском Союзе прекрасно понимали политические

---

² Пивоваров Ю.С. *Пореформенная Россия: Проблема целостности политико-правовой культуры // Современные зарубежные исследования политико-правовой культуры России: сб. обзоров.* М., 1988. С. 77-78. То же: Пивоваров Ю.С. *Две политические субкультуры пореформенной России: проблема взаимодействия // Ретроспективная и сравнительная политология. Публикации и исследования.* М., 1991. Вып. 1. С. 264-265.

³ См.: Думова Н.Г. *Российский либерализм в освещении современной англо-американской историографии // История СССР в современной западной немарксистской историографии: критический анализ.* М., 1990. С. 100.

цели англо-американской историографии «русского либерализма». «Наиболее гибкие антикоммунисты, – писал, например, Б.И. Марушкин, – пытаются добиться “идеологического размягчения”, пресловутой “либерализации” социализма, иными словами, буржуазного перерождения социалистического строя»⁴. И постмодернистская ирония в оценке этого «банального» для советского контрпропагандистского дискурса суждения в свете последующих событий совсем неуместна.

Спустя сорок лет более чем очевидно, что историко-социологический анализ «русского либерализма» англо-американскими *специалистами* предполагал, прежде всего, изучение возможных оснований для экспорта в Россию англо-американского либерализма как идеологически ориентированной модели политического устройства. В том числе, вероятно, преследовалась и цель исторической легитимации либерализма в России через его включение в качестве объекта изучения в историографический дискурс. Следует признать, что в значительной степени это удалось осуществить. Уже в конце 1990-х гг. российский историк М.К. Горшков писал: «...влияние либерализма на ход событий в России порой было не столь сильным, как хотелось бы. Но это не значит, что подобное влияние было совершенно незначительным. *На самом деле* (курсив мой. – М. К.) либерализм был одной из творческих сил российской истории, существенно повлиявших на ее течение»⁵. Не прошло и десяти лет, как А.А. Кара-Мурза вполне определенно пишет: «...либерализм в России – это не поверхностное заимствование, якобы чуждое русской “цивилизационной матрице”, а, напротив, важнейший и неустрашимый элемент национальной традиции»⁶.

До недавнего времени англо-американская историография проявляла значительный интерес к истории «русского либерализма». В последнее время среди западных *специалистов* интерес к проблеме «русского либерализма» резко снизился. То ли задание, поставленное перед ними, выполнено, то ли им наскучила историко-политическая этнография.

---

⁴ Марушкин Б.И. Советология: расчеты и просчеты. М., 1976. С. 5.

⁵ Горшков М.К. К вопросу о либерализме в России (вступительное слово) // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: матер. междунар. науч. конф. М., 1999. С. 11.

⁶ Кара-Мурза А.А. Предисловие // Российский либерализм: идеи и люди. Изд. 2-е, испр. и доп. / под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 17.

Вместе с тем подавляющее большинство англо-американских авторов остаются в рамках традиционного подхода к определению сущности «русского либерализма», понимая его при этом не как явление, а как интеллектуальный феномен, трактуемый ими как вариативный набор умозрительных конструкций отдельных «прогрессивно» настроенных индивидов. В целом их подход сводится к выявлению соответствия отдельных положений концепций деятелей этого периода, которых они относят к либералам (либерально ориентированным, либерально настроенным), с нормативными положениями, принятыми в качестве незыблемых оснований в англо-американской политической философии либерализма⁷.

Следствием такого подхода являются постоянные попытки объяснения многочисленных теоретических особенностей «русского либерализма» и выявление его несоответствия «общепринятым» в англо-американской традиции стандартам либерализма как политической философии и идеологии. Пройдя через прокрустово ложе таких стандартов «русский либерализм» предстает в жалком и без-

---

⁷ В этом отношении характерно замечание одного из крупнейших американских исследователей русской истории Р. Пайпса, который, рассматривая смысловые изменения термина «интеллигенция» в русском языке в конце XIX – начале XX в., явно подсказанные ему примитивным бинарным построением Р.В. Иванова-Разумника, делившего все русское общество на «мещанство» и «интеллигенцию», писал: «Почти так же, как произошло со словом “либерализм” в английском языке, термин “интеллигенция” со временем утратил свои описательные, объективные свойства и приобрел нормативный и субъективный характер» (*Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 329). Заметим, что в русском языке, в отличие от английского, слово «либерализм» нормативного характера не имеет, что лишний раз подтверждает положение другого американца, Э. Сепира, который писал: «Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности» (*Сепир Э.* Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избр. тр. по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 261). Если русский и английский – это языки одной индоевропейской семьи, то что же говорить тогда, например, о китайском. Академик, китаевед С.Л. Тихвинский пишет: «Л.Н. Борох приводит пример перевода (в начале XX в. – М. К.) Лян Цичао на китайский язык слова “liberty” – в значении “либерализм” – через китайское выражение “цзы чжи” (сам себя упорядочивающий), заимствованное из конфуцианской литературы» (*Тихвинский С.Л.* Век стремительных перемен. М., 2005. С. 463). Не касаясь проблем переводимости, заметим только, что после прочтения такого перевода в китайском сознании вполне могло появиться представление о несомненном либеральном первородстве китайцев и очередном доказательстве их превосходства над Западом.

образном виде и представляется англо-американскими авторами как явное отклонение от принятой ими самими нормы.

Чувствуя некоторую несообразность такого подхода, но оставаясь в его рамках, американский исследователь истории России середины XIX в. А.Дж. Рибер сделал совершенно удивительный вывод. Указав на существование проблем структурного и лингвистического характера, которые возникают при изучении процессов взаимодействия между политическими группировками в эпоху Великих реформ, А.Дж. Рибер писал: «Политический язык, использовавшийся как в XIX в., так и большинством историков, начиная с того времени и до сих пор, сформирован на основании опыта западноевропейских стран. Если его применять в контексте русской истории, то это лишь сбивает с толку и уводит в сторону от истины. Традиционная терминология несет на себе политическую нагрузку. Чаще всего определения – “либеральный” или “консервативный”, “красный” или “реакционный”, “буржуазный” или “феодальный” – используются для характеристики политических противников, а не друзей или сторонников». Констатируя герменевтическую невозможность для «правильного» западного сознания в адекватных для него терминах и понятиях описать «неправильных» русских, А.Дж. Рибер делает достаточно неожиданный вывод: «...для описания политической жизни России требуется совершенно иная терминология»⁸. Впрочем, какая терминология для этого потребна, автор не уточнил.

Ранее А.Дж. Рибера, еще в 1985 г., один из самых серьезных американских исследователей русской истории М. Раев констатировал невозможность понять Россию в системе традиционных для западной рациональности координат, раскрыв, по сути, смысл тютчевского «Умом Россию не понять». И.В. Нарский так передает суждение М. Раева: «Еще сложнее обозначить контуры российского либерализма как исследовательской проблемы и найти точное определение для этого явления, исследованного далеко не столь систематично, как европейский аналог. По мнению М. Раева, применительно к России оказались неадекватными как “абсолютная дефиниция, цель которой – ясно и четко запечатлеть специфические, непреходящие и существенные компоненты и характеристики идеологии или политического движения”, так и “релятивистское”, “историческое”, или прагматическое определение, меняющее набор признаков в зависимости от конкретной ситуации». И.В. Нарский,

---

⁸ Рибер А.Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874: сб. М., 1992. С. 50–51.

соглашаясь с мыслью М. Раева, попытался ее конкретизировать, высказав при этом ряд суждений, которые частично можно объяснить только его собственной политической позицией. Далее он писал: «Отчасти это связано с двойственностью бытования иностранного слова “либерал” в России. <...> Вследствие многозначности слова в русском обиходе между понятиями “либерал” и “революционер” сложно провести границу»⁹. Заметим, что понятия «либерал» и «революционер» были синонимами в русском общественном сознании только в 1820-х годах¹⁰.

Следует сказать, что подобные высказывания по сходным поводам можно встретить и в публикациях отечественных исследователей. Так, например, Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский в замечательной во многих отношениях работе «Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры», опубликованной в 1975 г., отмечали, как бы с противоположной стороны, парадоксальную «непереводимость некоторых коренных черт русской культуры на язык общеевропейской политической терминологии начала XIX в.»¹¹.

Вместе с тем Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский высказали мысль до сих пор не актуализированную многими исследователями. Они писали: «Определения “реакционный”, “либеральный”, “прогрессивный” встречаются при изложении этих вопросов (т. е. рассматриваемых в их работе. – М. К.) несравненно чаще, чем в других разделах истории языка. А между тем, без определения, какой реальный смысл имели эти понятия в историческом контексте эпохи, употребление их вряд ли может быть оправдано»¹².

---

⁹ Нарский И.В. Российский либерализм в европейском и национальном контексте. (Историографический парадокс) // История национальных политических партий России: матер. междунар. конф. М., 1997. С. 337–338.

¹⁰ См.: Калашиников М.В. Понятие либерализм в русском общественном сознании XIX века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 464–513; Он же. Понятие «либерализм» в политическом дискурсе декабристов. 1821–1826 гг. // «История в нас, мы в истории»: матер. Всерос. науч.-практ. конф. «Пугачевские чтения», посвящ. 90-летию В.В. Пугачева (г. Саратов, 23–24 октяб. 2013 г.). Саратов, 2014. С. 48–51.

¹¹ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или судьбина Российского языка» – неизданное сочинение Семена Боброва) // Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та. Тарту, 1975. Вып. 358. Труды по русской и славянской филологии. XXIV. Литературоведение. С. 171.

¹² Там же. С. 174.

Несомненно, что в 1990-х гг. в отечественной исторической науке произошел явный всплеск интереса к изучению «русского либерализма». В 1998 г. В.В. Шелохаев констатировал: «...в 90-е годы начался качественно новый этап в изучении и осмыслении проблем либерализма. При этом существенно изменились теоретические, методологические и методические подходы к проблеме, которая из страноведческой стала общемировой»¹³.

Вместе с тем историографическая ситуация связанная с изучением «русского либерализма» в значительной степени отягощается и продолжающимся господством функционализма¹⁴. Хотя еще в середине 1990-х гг. французский историк Ж. Ревель писал: «Вторая половина XIX и первые три четверти XX в. прошли под знаком господства могущественных интегрирующих парадигм – позитивизма, марксизма и структурализма, которые без особой натяжки можно классифицировать как функционализм. Однако в последние два десятилетия функционалистская парадигма, несмотря на отсутствие сколь либо явного кризиса, потерпела крах, а вместе с ней и научные идеологии, объединявшие социальные науки (или служившие им общей отсылочной рамкой)»¹⁵. Однако крах функционалистской парадигмы, вероятно, еще недостаточно осмыслен основной массой современных отечественных ученых.

Английский социолог Д. Уолш, подвергая критике с позиции феноменологии основные интегрирующие парадигмы, писал: «Коренной недостаток позитивистской социологии заключается в ее неспособности понять смысловое строение мира, вследствие чего позитивизм и выработал методологию, совершенно не адекватную природе исследуемого объекта»¹⁶. Говоря о марксизме, все тот же Д. Уолш заметил: «...Маркс никогда не интересовался тем, как в действительности

---

¹³ Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 27.

¹⁴ «Функционализм предлагает модель общества, понимаемого как система социальных отношений, образующих устойчивые сочетания (институты). Упорядочивающим и интегрирующим фактором, обеспечивающим взаимозависимость частей и самосохранение целого, служит общая система ценностей и норм. Деятельность при этом анализируется как продукт системных свойств» (Уолш, Д. Функционализм и теория систем // Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 111).

¹⁵ Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» // Новая и Новейшая история. 1998. № 6. С. 77.

¹⁶ Уолш Д. Социология и социальный мир // Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 51-52.

члены общества воспринимают и описывают явления социального мира и как приписываемые явлениям значения меняются со временем в зависимости от применяемых для их описания методов. Подобные проблемы он предпочитал решать на основе представлений о мире, содержащихся в его собственной теоретической модели»¹⁷.

Впрочем, концептуальная близость мировоззренческих оснований марксизма и позитивизма вполне определенно осознается и в современной отечественной науке. Нельзя не согласиться с Л.В. Скворцовым, который, выступая с докладом на заседании Ученого совета ИНИОН РАН, сказал, что в XX в. марксистская теория «формировалась в общем русле позитивистской ментальности <...> Позитивистская ментальность со всей очевидностью проявлялась в концепции общих законов социального развития, определявших последовательность фаз восходящего развития, неодолимость, своего рода фатальность социального прогресса». Стержнем марксистской теории, по мнению Л.В. Скворцова, «был технологический и экономический детерминизм, который должен был определять однозначную трактовку социальных явлений»¹⁸.

Однако обанкротившийся в условиях эпохи Постмодерна «принцип научной объективности и историзма»¹⁹, освященный акаде-

---

¹⁷ Уолш. Д. Функционализм и теория систем. С. 138.

¹⁸ Скворцов Л.В. Специфика гуманитарного знания как теоретическая проблема (Доклад на заседании Ученого совета ИНИОН РАН) // Культурология: дайджест. М., 2001. № 3 (19). С. 171.

¹⁹ Современный мексиканский исследователь К.А.А. Рохас пишет: «...хотя эрудитская позитивистская история и дожила до настоящего времени, пройдя через весь XX век, нетрудно понять, что за последние сто лет она не испытала *качественного прогресса* (здесь и ниже курсив автора. – М. К.), воспроизводясь почти без изменений в той же самой модели и канонах, достигнутых ею в проекте немецкого позитивизма второй половины XIX века». Далее автор совершенно справедливо констатирует: «...сегодня очевидно, что старая позитивистская историография XIX века превратилась в *живой труп*». Однако, будучи неомарксистом, К.А.А. Рохас полагает, что «Своим присутствием во многих университетах и исследовательских центрах мира она (позитивистская историография. – М. К.) обязана лишь поддержке со стороны по сей день господствующих политических сил» (Рохас К.А.А. Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М., 2008. С. 24, 112). Следует заметить, что «господствующие политические силы», по крайней мере, на Западе, последние лет тридцать вполне устраивает ситуация Постмодерна, а культивирование позитивизма основной массой российских историков – это скорее консервативная реакция на тот же постмодернизм, попытка сохранения иллюзорной научной рациональности в условиях не только виртуально-онтологического, но и действительного распада социальной реальности и мировоззренческого хаоса.

мической традицией советского марксизма и узаконенный защитно-диссертационной практикой вульгарно-позитивистских штудий, продолжает пользоваться кредитом доверия «широкой научной общественности».

К сожалению, приходится констатировать, что выводы о сущности «русского либерализма», сделанные в англо-американской историографии под влиянием эффекта двойного преломления представления об истории России, оказали влияние и на современную отечественную историографию. В 1990-х гг. в отечественной историографии, по крайней мере, в историографии «русского либерализма», произошли изменения аналогичные изменениям, происходившим в немецких гуманитарных науках в 1960-х – начале 1970-х гг., о которых Х.-Г. Гадамер писал: «Выдвинулось вперед новое “позитивистское” самопонимание, которое требовалось с принятием американских и английских методов постановки вопросов»²⁰.

В середине 1990-х гг. Н.А. Омельченко уже считает, что либерализм «...в России, так же как, впрочем, и консерватизм, часто являлся не тем, чем он должен был быть. В России понятие либерализма долго употреблялось не в его истинном значении...»²¹.

В это же время московский философ, историк русской общественной мысли В.Ф. Пустарнаков определял русский либерализм как одну из «нетипичных форм», как «паралиберализм»²². По сути, он ставил клинический диагноз русскому либерализму, как пациенту, демонстрирующему явные отклонения от известной нормы и имеющему патологические нарушения развития.

Справедливости ради, следует сказать, что со второй половины 1990-х гг. исследователями все более и более осознается то, что русский либерализм «аршином общим не измерить». Понимание этого связано, прежде всего, с отказом от европоцентризма и в самое ближайшее время станет, если еще не стало, общим местом исследований по истории «русского либерализма»²³.

---

²⁰ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 615.

²¹ Омельченко Н.А. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья об истоках и смысле русской революции, большевизме и будущих судьбах России (историко-политический анализ). СПб., 1996. С. 247.

²² См.: Либерализм в России. М., 1996. С. 20, 61–62, 42–54, 360–370.

²³ См., напр.: Шнейдер К.И. Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма. Пермь, 2012.

Крупный современный отечественный исследователь В.В. Шелохаев, анализируя историографическую ситуацию ставшую следствием изучения истории либерализма сквозь призму «эталона» классического либерализма, и, воспринимая ее, почему-то, как исторический парадокс, пишет: «...все попытки применить данный эталон в ходе конкретно-исторического исследования либерализма (-ов) оказывались малопродуктивными. И это, – по его мнению, – вполне закономерно, ибо сам “эталон” был неким надисторическим конструктом, не учитывающим конкретный исторический и социокультурный контекст, его динамику и национальную специфику». Признав «непродуктивными» «попытки экстраполировать западные эталоны классического либерализма при изучении собственно русского либерализма», В.В. Шелохаев, как нам представляется, сам делает явно «непродуктивный» вывод. Далее он пишет: «Только учитывая российский исторический контекст с его динамикой и противоречиями, можно и нужно выработать свой собственный “эталон” либерализма»²⁴.

Логическая парадоксальность предложения В.В. Шелохаева, превращающаяся в явную несообразность, заключается в том, что буквально на предыдущей странице он сам писал: «Самым сложным теоретически и методологически остается комплекс вопросов, связанных с самим понятием “либерализм”. В настоящее время в отечественной и зарубежной обществоведческой литературе существует около 100 определений этого понятия, что, естественно, не способствует прояснению его сущности. По сути, каждый исследователь стремится “добавить” некий свой новый признак. В результате понятие либерализма по объему, структуре и содержанию становится все более рыхлым и безбрежно расплывчатым, а его “инвариантное ядро” – неопределенным»²⁵.

Странно, почему для В.В. Шелохаева не является очевидным то, что некий «эталон» для описания и изучения «русского либерализма», если он будет сформулирован как определение (дефиниция), ждет в ближайшее время та же участь. Новый «эталон» также будет совершенствоваться, улучшаться и через это множиться каждым новым исследователем. Направление исследования «русского либерализма» с помощью специально разработанных

---

²⁴ Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 5.

²⁵ Там же. С. 4.

ного «эталона», указанное В.В. Шелохаевым, – это не выход из лабиринта традиционной историографии с ее «привычными», «ходками», по выражению М. Хайдеггера, представлениями об истории, а путь через пару новых поворотов в очередной тупик.

Между прочим, заметим, что для В.В. Шелохаева, остающегося сторонником подхода к истории России с точки зрения полуколониальной по своей сути концепции модернизации²⁶, все эти построения являются следствием бесспорной, не требующей доказательства истины: «В России, являющейся страной “догоняющего типа развития”, по определению не могло быть либерализма классического типа и, следовательно, всех последующих его модификаций – постклассического и неоклассического»²⁷. Так что его европоцентризм никуда не делся. Попутно заметим, что популярное у современных исследователей «русского либерализма» выражение «рецепция», употребляемое ими в значении «заимствование русскими западноевропейских идей либерализма и при-

---

²⁶ Теоретически «концепция модернизации» основана на метафизических представлениях о возможности компаративистских (компаративных) исторических исследований. Американский историк Д.Р. Келли, анализируя основания компаративных исследований, пишет: «“Компаративная история” – это или оксюморон, или некорректный термин (неверный и с точки зрения грамматики). Она предполагает либо сравнивать истории разных явлений путём признания наличия общих для них элементов и терминов – в таком случае она не является историей; либо же она сопоставляет разные феномены, описанные в их собственных терминах и контекстах – в таком случае она не может прийти к серьезным сопоставлениям. <...> тип эволюционного компаративизма, производный от предположительной истории, предполагал, что каждая культура или нация занимает место в траектории прогресса, простирающейся от примитивного, или отсталого, состояния до цивилизованного, или продвинутого. На этой основе теоретически достаточно легко сравнивать и даже градуировать положение отдельных культурных традиций. Это точка зрения, которая была распространена от Вико и Монтескье до Шпенглера, Тойнби и Фукуямы, и далее, но, я думаю, она не единственная из пользующихся большим доверием среди историков в наши дни, кроме, возможно, экономических историков, привязанных к узкой версии теории либеральной модернизации или вульгарному марксистскому, или марксоидному, материализму – или ещё к неоавгустиновской всемирной истории в глобалистской форме. Всё это пережитки прекрасной мечты Просвещения, каковой была предположительная история» (Келли Д.Р. Основания для сравнения // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 7. С. 89, 92–93).

²⁷ Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе. С. 6.

способление их к условиям российской действительности» тесно связано с идеологией европоцентризма и все той же пресловутой полукOLONиальной концепцией модернизации²⁸, согласно которой страны второго эшелона развития, или страны находящиеся на периферии европейской цивилизации перманентно отставая от стран Западной Европы, столь же перманентно пытаются их догнать, заимствуя идеологические, политические и социальные модели передовых стран. Термин «рецепция» используется в гуманитарных науках в переносном значении, первичное же значение его таково: «...2) физиол. Осуществляемое рецепторами (курсив автора. – М. К.) восприятие и преобразование энергии раздражителей в нервное возбуждение»²⁹. Отметим, что само употребление термина «рецепция» не предполагает активной позиции реципиента по отношению к «возбуждающим» его раздражителям. Характерно, что в дискурсивной риторике концепции модернизации страны Запада, у которых заимствуют идеологические, политические и социальные модели развития, принято называть донорами, что, по мнению хозяев дискурса, должно порождать в сознании граждан стран-реципиентов шлейф положительных коннотаций.

Как показывает анализ историографической ситуации, изучение истории «русского либерализма», впрочем, как и истории вообще, в рамках «привычного», «ходкого» представления о ней, находится в глубоком кризисе. И один из явных признаков этого кризиса – дифиниционный зуд, охвативший исследователей. Путь, по которому пойдет совершенствование «эталона», на этот раз уже «русского либерализма», предсказать совершенно не трудно. Во-первых, это уже давно указанное направление классовой или, как его разновидность, социальной стратификации либерализмов. Свой «эталон» появится для дворянского, помещичьего, буржуазного, чиновничьего, бюрократического, профессорского, университетского, офицерского и т. д. и т. п. либерализмов. Во-вторых, начнется дробление эталона на виды и подвиды в зависимости от периодов истории России. Потом эти два направления сольются и мутируют, дав эталоны, например, правительственно-бюрократического либерализма первой четверти XIX в. или профессорского либерализма второй

---

²⁸ В американской социологии концепция модернизации также подвергается вполне обоснованной критике. См., напр., работу 1997 г.: *Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 261–291.*

²⁹ Словарь иностранных слов. М., 1986. С. 434.

половины 1850-х – начала 1860-х гг. и тому подобные³⁰. Путь постмодернистского умножения сущностей будет заново пройден, но уже в несколько ином направлении. При сохранении функционализма в разных его вариантах и в условиях возрастающей изоциренности исследовательских подходов в направлении указанном В.В. Шелохаевым гарантирована только повышенная диссертабельность.

В последнем по времени историографическом обзоре В.В. Шелохаев констатирует: «Как показал длительный историографический опыт изучения российского либерализма, он оказался “твердым орешком”, который, образно говоря, пыгается “раскусить” уже не одно поколение отечественных и зарубежных философов, социологов и историков»³¹. Заметим, что в рамках традиционных подходов и методов «раскусить» этот «твердый орешек» невозможно!

Американский историк Дж. Санборн, остающийся в рамках традиционного подхода к изучению либерализма как некоей предметности, в развернутой рецензии на работы российских историков Н.И. Дедкова³², Ф.А. Гайды³³ и С.В. Куликова³⁴ констатировав, что «границы либерального лагеря в поздние годы Российской империи <...> зачастую трудно определить», отметил: «...никто из вышеупомянутых авторов так и не дал точного определения либерализма». Заметив, что «это не обязательно представляет собой проблему», Дж. Санборн, что характерно и показательно, обви-

---

³⁰ Характерно, что в 1998 г. В.В. Шелохаев писал: «Дискуссии по проблеме периодизации русского либерализма, естественно, связаны с его типологизацией, также вызывающей разнообразные суждения, мнения. Наряду с традиционной типологизацией: старый (дворянский), земский, новый (интеллигентский), буржуазный и т. п., русский либерализм подразделяют на классический, постклассический, правительственный, соборный и даже самодержавный. Отсюда видно, что до сих пор не разработана система критериев и приоритетов, как для периодизации русского либерализма, так и его типологизации...» (Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема. С. 35).

³¹ Он же. К проблеме генезиса и периодизации русского либерализма (Заметки на полях монографии К.И. Шнейдера «Между свободой и самодержавием: История раннего либерализма». Пермь, 2012) // Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской конституции. Орел, 2013. С. 7.

³² Дедков Н.И. Консервативный либерализм Василия Маклакова. М., 2005.

³³ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003.

³⁴ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

нил всех трех авторов в неспособности «выявить органическое развитие российского либерализма в годы войны»³⁵.

Один из основателей европейской рациональности Р. Декарт, призывая определять значения слов, писал – этим «...вы избавите мир от половины заблуждений». Историки, вероятно, избавят себя сами от оставшейся половины заблуждений только в том случае, если будут учитывать историко-семантический аспект понятий, с помощью которых они описывают прошлое и большей частью от этого прошлого нам и доставшихся. Не забывая при этом слова Ф. Ницше: «...все понятия, в которых семиотически резюмируется процесс как таковой, ускользают от дефиниции; дефиниции подлежит только то, что лишено истории»³⁶.

Попытки выхода из сложившейся вокруг изучения истории «русского либерализма» историографической ситуации используя методы и инструментарий ее творцов, представляются не только бесперспективными, но и невозможными. Порой подобные попытки выглядят достаточно презентабельно. Но, ни введение в научный оборот новых источников, ни скрещивание уже известных методов и подходов не дают выхода на новый уровень осмысления проблемы «русского либерализма».

Заметим также, что традиционная историография «русского либерализма» стихийно проделывает вполне естественный путь так называемого «восхождения» от абстрактного понятия к конкретному явлению. Анализ «русского либерализма» как некой предметности, в силу мнимого характера самой этой предметности, неминуемо сводится к анализу мнений и представлений конкретных индивидов по цепочке: либерализм – русский либерализм – русский либерализм определенного периода – носители либеральных идей данного периода.

Понятие «русский либерализм» относится к разряду отвлеченных или абстрактных понятий, референтами которых являются не природные или антропологические предметности, а социальные или идеологические феномены, воспринимаемые сознанием человека, в силу их грамматической категоризации, как предметности. Но поскольку эти предметности являются мнимы-

---

³⁵ Санборн Дж. Либералы и бюрократы на войне // Русский Сборник: исслед. по ист. России. М., 2012. Т. 13. С. 405–406, 409.

³⁶ Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 457.

ми, исследование их как действительно существующих предметностей невозможно³⁷.

Абстрактное понятие, находящееся в тесной связи со сложным явлением (системой отношений), которое оно описывает, может в сознании современников соответствовать, или даже заменять собой сущность явления, но самой сущностью быть не в состоянии. Поэтому анализ такого понятия как некой предметной сущности, а тем более как некой органической целостности, просто невозможен. При попытке описать эту мнимость как некую в действительности существующую предметность она будет постоянно ускользать, дробиться, теряться и мимикрировать, обретая формы других столь же мнимых предметных сущностей, что собственно мы и наблюдаем, проводя анализ современной историографической ситуации сложившейся вокруг изучения истории «русского либерализма» в условиях тотального кризиса социальных и гуманитарных наук.

«Русский либерализм» – это не более чем совокупность как реальных, так и проективных действий и событий в сфере политического объединяемых в представлении человека в некое явление, которому на феноменологическом уровне сознания соответствует феномен описываемый понятием «русский либерализм». Понятно, что выявить органическое развитие «русского либерализма», который является мнимой, кажущейся предметностью в принципе невозможно. А вот описать изменение явления через изменение семантики соответствующего ему понятия – возможно.

---

³⁷ См.: *Калашников М.В. Историко-семантический анализ в историческом исследовании: от истории понятий к истории общественного сознания // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М., 2011. С. 368–390.*

**ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ РУССКИХ АРХЕОЛОГОВ
РАБОТЫ ЛЬВА КЛЕЙНА***

Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы, личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 704 с., ил.; Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 640 с., ил.

**PORTRAIT GALLERY OF RUSSIAN ARCHAEOLOGISTS
BY LEV KLEIN**

Klein L.S. The history of Russian archeology: teaching, school, persons. Vol. 1. Overview and pre-revolutionary times. SPb.: EURASIA, 2014. – 704 pp., illustrations; Vol. 2. The archaeologists of the Soviet epoch. SPb.: EURASIA, 2014. – 640 pp., illustrations

Л.С. Клейн не мог не написать обобщающего труда по истории отечественной археологии. Это было бы несправедливо и для самого автора, и в отношении его многочисленных читателей. Своей судьбой и талантом исследователя, писателя, Лев Самуилович был предуготовлен к исполнению такой миссии. Он лично знал практически всех крупных советских археологов второй половины XX в., а те, его наставники и современники, учились у самих создателей археологии в России, первых наших корифеев в работе с древностями.

Еще более уникален для ученого-гуманитария, выходца из СССР, опыт международного общения этого автора. Именно он одним из первых среди коллег-соотечественников стал писать свои обобщающие статьи на разные темы древней истории по-английски, по-немецки и их в 1990–2000-е гг. охотно печатали зарубежные журналы по археологии и антропологии. Наконец, он же объездил с профессорскими лекциями добрых два десятка западноевропейских и американских университетов. А для взвешенной оценки национальной школы изучения древностей ми-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (научный проект № 14-33-01018).

ровой фон судеб и перспектив археологии более чем желателен. У рецензируемого двухтомника он выглядит весьма солидно¹.

Значительная часть настоящего издания предварительно уже публиковалась в виде отдельных очерков (включая авторские колонки в интернет-изданиях), да и целых книжек². В составе этого двухтомника его историографические заготовки, как правило, заметно доработаны и соединены с новыми для читателей материалами.

Хотя сам Л.С. Клейн обратил внимание на историографию довольно давно и публиковал от случая к случаю соответствующие этюды не один десяток лет, его обогнали в удавшихся попытках синтеза этого же в принципе материала не только коллеги-сверстники, прежде всего, конечно, А.А. Формозов и его последователи³, но и ученики⁴. Этими работами археология оказалась логично вписана в историю не только науки, но и всей культуры России. За последние годы появились новые фундаментальные исследования, которые глубоко и всесторонне, с опорой на исчерпывающую литературу и даже широко выявленные архивные источники реконструировали институциональные формы и общественно-политические условия русской археологии в имперский период⁵; когнитивно-теоретические, идейные основы ее соб-

---

¹ Клейн Л.С. История археологической мысли: в 2 т. СПб., 2011; Тункина И.В., Щавелёв С.П. Мысль об истории мысли: когнитивный портрет развития мировой археологии // Эпистемология & философия науки. Ежеквартальный научно-теоретический журнал. Т. XXXVIII. № 4. М., 2013.

² Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб., 1993; Он же. История археологической мысли...; Клейн Л.С., Щавелёв С.П. Александр Александрович Формозов (1928–2009). Послесловие. Курск, 2011.

³ Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986; Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. I. Предпосылки и становление региональной историографии; Вып. II. «Золотой век» губернского краеведения: 1860–1910-е годы. Курск, 1997; Он же. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 3. Советское краеведение в провинции: взлет и разгром (1920-е–1950-е гг.). Курск, 2002 и др.

⁴ Лебедев Г.А. История отечественной археологии. 1700–1917. СПб., 1992; Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002; Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб., 2003.

⁵ Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (Очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века. М., 2011; Тихонов И.Л. История российской археологии: формирование

ственно научного развития со второй половины XIX в. и вплоть до старта периода советского⁶.

Указанные моменты историографии так или иначе затронуты и в этом клейновском двухтомнике, в самом его начале, но бегло, на десятке, другом страниц. Впрочем, автор и не скрывает своего замысла представить в новом двухтомнике главным образом основной, с его точки зрения, раздел истории науки – ее персоналии, биографии. Что ж, эта сверхзадача им вполне успешно решена. По широте набора биографических очерков, причем так или иначе перекликающихся между собой по разным аспектам истории науки и практики в археологии, этот двухтомник не имеет себе равных. Многие крупные фигуры нашего древлеведения за последние двести с лишним лет его развития здесь обрисованы по сути монографически, в объеме отдельных глав, в среднем по печатному листу каждая. А именно: Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, П. Дюбрюкс, З. Доленга-Ходаковский, А.Н. Оленин, К.М. Бэр, С.Г. Строганов, А.С. Уваров, Д.Я. Самоквасов, Н.Е. Бранденбург, А.А. Бобринский, Д.Н. Анучин, А.А. Иностранцев, И.Е. Забелин, Н.И. Веселовский, И.С. Поляков, В.В. Хвойко, Н.Е. Макаренко, Н.П. Кондаков, А.А. Спицын, В.А. Городцов, М.И. Ростовцев, Н.К. Рерих, К.С. Мережковский (в томе первом); Ф.К. Волков, А.А. Миллер, Б.С. Жуков, Б.В. Фармаковский, П.П. Ефименко, Т.С. Пассек, Н.Я. Марр, В.И. Равдоникас, А.В. Арциховский, С.А. Семенов, Б.Н. Граков, Б.А. Рыбаков, М.И. Артамонов, П.Н. Третьяков, А.Я. Брюсов, С.П. Толстов, С.И. Руденко, Б.А. Куфтин, А.П. Окладников, О.Н. Бадер, Б.Б. Пиотровский, С.В. Киселев, М.Е. и В.М. Масыны, А.А. Иессен, В.Д. Блаватский, И.И. Ляпушкин, М.П. Грязнов, В.Ф. Генинг, Г.А. Бонч-Осмоловский, С.Н. Замятин, А.Н. Рогачев, А.Л. Монгайт, Г.Б. Федоров, А.А. Формозов (в томе втором).

Все перечисленные лица сгруппированы по несколько с учетом хронологии их жизни и вклада в науку. Группы названы броско, эффектно. Такая крупная периодизация / типология помогает читателю уяснить основные этапы, переломные моменты истории русской археологии. Только вот заведомую условность почти всех заголовков автор забыл оговорить. В первом томе это

организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX века). Автореф. дис. ... докт. ист. н. СПб., 2013.

⁶ Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.

«Пионеры», «Основатели», «Корифеи», «Открыватели», «Классики», «Спорные фигуры». Если не любое, то большинство рассматриваемых там имен без всякой натяжки можно переместить из одной рубрики в другую. Ведь каждый из добросовестных (по меркам своего времени) раскопщиков XIX – начала XX в. пролагал свою тропу в неведомое (по материальным источникам прошлое); основывал отечественную археологию; стал авторитетом для преемников; вызывал споры среди них.

Еще условнее структура тома второго. Кого же из состоявшихся в науке ветеранов нельзя поместить в группу «Мастера», «Раздвигатели горизонтов», «Передатчики традиций»? В раздел «Искатели национальных корней» попали, наоборот, диаметрально противоположные (по стилю работы и целям в науке) фигуры: конъюнктурнейшего Б.А. Рыбакова и благороднейшего М.И. Артамонова, склонного к научным сенсациям А.Я. Брюсова и честно пересматривающего свои выводы в свете новых фактов П.Н. Третьякова. Последний раздел двухтомника «Нонконформисты» в свою очередь микширует разницу характеров – громкого (в быту и в науке) Г.А. Бонч-Осмоловского и тихого А.Н. Рогачева, «придворного» (в академической дирекции) А.Л. Монгайта и добровольного изгоя А.А. Формозова.

Более точны в своем большинстве индивидуальные эпитеты, придуманные автором к каждому биографическому эскизу. Например, «патриарх палеолитоведения» П.П. Ефименко или «королева Триполья» Т.С. Пасек, «красный демон археологии» В.И. Равдоникас или же «историк с лопатой» А.В. Арциховский, «охотник за памятниками и культурами» О.Н. Бадер или «рыцарь археологии» А.А. Иессен; и т. п. Хотя в отдельных случаях и с индивидуальными ярлыками можно поспорить. Так, И.И. Ляпушкин обозван «победительным педантом» (в другом месте еще менее точно: «отчаянный»). Значит, Б.А. Рыбаков, не оставивший ни одного мало-мальски подробного отчета о своих многочисленных раскопках⁷, будет у нас «воевода советской археологии», а И.И. Ля-

---

⁷ Мне довелось обнаружить в Государственном архиве Курской области (ГАКО) и впервые опубликовать «Отчет о раскопах городища “Крутой курган” близ села Гочева Курской области в 1937 г.» и «Отчет о раскопках городища “Царев дворец”» там же за 1939 г. Б.А. Рыбакова. Вместе с перечнем негативов этой Гочевской экспедиции отчетные материалы занимают 15 машинописных страничек (см.: *Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 3. Советское крае-

пушкин, первым и до сих пор единственным разведавший и раскопавший полностью и, главное, документировано, монографически опубликовавший эталонные памятники опорных для славянского этногенеза культур Восточной Европы – «педантом»?.. А весь его «педантизм», как явствует из соответствующей главки Л.С. Клейна, состоял в том, что он в корне пресекал пьяный разгул на раскопках и требовал от всех сотрудников экспедиции (включая «десант» ленинградцев, учеников Л.С. Клейна) работать по общему графику.

Каждый из биографических очерков вбирает в себя все самое основное об этом персонаже: канву его личной жизни и служебной биографии; вехи на пути в науку; достижения и просчеты на раскопках; важнейшие открытия и публикации; круг идейного общения; судьбы творческого наследия; даже личные причуды, черты и странности характера.

Следует приветствовать стремление автора учесть национальные и даже гендерные особенности своих персонажей. Обычно, национальность, пол, темперамент, жизненные пристрастия ученых полагаются большинством историографов чем-то если не лишним, то внешним по отношению к их исследованиям. Между тем современная теория и методология научного познания (эпистемология) стремится разобраться и в этих факторах поиска истины⁸. Соответствующие наблюдения, конечно, чаще всего спорны, деликатны, а порой и скандальны, но Л.С. Клейн соблюдает меру и такт, разбираясь в богатом спектре академических индивидуальностей и характеров. Всегда правдиво рисуя эпоху, которая властно вторгалась в судьбы ученых.

Самой же главной заслугой автора я считаю преодоление панегиризма, который буквально пропитывает большинство биографий ученых. Ю.М. Лотман имел все основания известную книгоиздательскую серию ЖЗЛ ехидно называть «Жизнь замечательных святых». Под пером историографов, особенно провинциальных, региональных, все их герои получают рыцарями без

ведение в провинции: взлет и разгром (1920-е–1950-е гг.). Курск, 2002. С. 163–172). Заметка об этих раскопках опубликована в газете «Вечерняя Москва», отдельные находки упомянуты в «Ремесле Древней Руси». Половина находок поступила в Краеведческий музей Курской области и была там департизирована и разрознена. Другая половина, по договору, должна была быть передана в ГИМ.

⁸ *Щавелёв С.П.* Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, 1994; *Касавин И.Т.* Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М., 2013.

страха и упрека, великими исследователями, мудрыми и добрыми людьми. Попытки отметить не только положительные, но и отрицательные черты характера, как мужественные, так и подлые поступки одних и тех же лиц чаще всего почитаются клеветой, наговором. У Клейна же все его персонажи показаны живыми людьми – разной степени благородства и стойкости в науке и жизни. Похвалы практически каждому персонажу двухтомника взвешены; критические замечания аргументированы. Баланс плюсов и минусов в деятельности наших предшественников почти всегда выглядит обоснованным.

Впрочем, в отдельных случаях усматривается перебор с критицизмом. Так, недостатки раскопок Н.Я. Марра расписаны подробно цитатами из А.В. Арциховского, его учебника 1953 г., когда развенчание марризма было злобой дня. Реабилитирующие же Марра-археолога архивные находки Н.И. Платоновой упомянуты бегло, одним абзацем.

Научную прозу Л.С. Клейна, тем более историографическую, читать увлекательно и познавательно. Начав листать каждый новый очерк, трудно оторваться: рассказ о перипетиях жизни в науке любого из героев двухтомника воспринимается как беллетристика в лучшем смысле этого слова (изящная словесность); местами – как интеллектуальный детектив. Авторские оценки пропорциональны приводимым цитатам – из произведений персонажей, документов об их жизни и деятельности, имеющих уже историографических работ о них. Рецензент приветствует редкие в нашей теперешней историографии страстные и принципиальные оценки и выводы автора. Вроде такового вот: «Многое удалось сталинским палачам – они убили сотни тысяч и сгноили миллионы в лагерях, но всех запугать и свести к подлой и дрожащей твари не вышло. По крайней мере в археологии» (II, 39). Что и подтверждается в тексте клейновской книги многими фактами.

В итоге надо признать: этот двухтомник достигает поставленной автором масштабной цели, то есть дает читателям соразмерную панораму становления и развития археологии в нашей стране. Отечественная наука о древностях глубоко и широко представлена и как особое направление гуманитарного знания, и как практика по его выработке и популяризации, и как необходимая часть русской культуры, и как сфера интересов российского государства. Богатый набор биографических очерков раскрывает на разные лады (в соответствии с индивидуальностями ученых, особенностями

периодов их жизни и деятельности) все эти аспекты археологической историографии.

Дальнейшие замечания отнюдь не ставят под сомнение общую высокую оценку новой работы известного археолога.

С учетом ее биографического жанра прежде всего возникает вопрос: чем руководствовался автор, отбирая одних персонажей и игнорируя других, ничуть не менее, а то и более значимых для истории нашей науки? Во вступлении ко второму тому Л.С. Клейн пытается этот вопрос парировать: «Мне важно не полноту списка соблюсти, а как можно полнее охарактеризовать личный состав советской археологии» (II, 7). Противоречивая формулировка. «Полнее» – это как? По типам? (А каковы они?). По вершинам археологического познания? (Где критерии рекордов?) По научным школам? (Понятие размытое) Точнее было бы автору написать: наши портретные очерки далеко не претендуют исчерпать весь первый ряд русских, а тем более советских археологов. Так, применительно только к послевоенному периоду ничуть не меньшими по вкладу в науку видятся сегодня Л.В. Алексеев (1921–2008), А.А. Бобринский (1930–2010), М.В. Воеводский (1903–1948), Г.К. Вагнер (1908–1995), Н.Н. Воронин (1904–1976), М.М. Герасимов (1907–1970), Е.И. Горюнова (1902–1995), Н.Н. Диков (1925–1996), Я.В. Доманский (1928–2004), И.С. Каменецкий (1930–2014), В.В. Кропоткин (1922–1993), Л.Р. Кызласов (1924–2007), А.В. Куза (1939–1984), Н.Я. Мерперт (1922–2012), С.А. Плетнева (1926–2008), М.Г. Рабинович (1916–2000), Т.В. Равдина (1919–1991), П.А. Раппопорт (1913–1988), И.П. Русанова (1929–1998), А.С. Смирнов (1949–2015), Э.А. Сымонович (1919–1983), Б.А. Тимощук (1919–2003), М.Е. Фосс (1899–1955), А.С. Хорошев (1941–2007), В.Н. Чернецов (1905–1970), Д.Б. Шелов (1919–1993), (1920), П.Н. Шульц (1900–1983), М.Б. Щукин (1937–2008), еще кое-кто из советских и российских археологов.

Включая тех, кто не защитил докторских, а то и кандидатских диссертаций, но след в науке оставил заметный. Как, например, А.А. Узянов (1947–2007), один из первооткрывателей действительно масштаба роменской археологической культуры (Вместе с кандидатом наук А.В. Кашкиным и лаборантом А.В. Григорьевым).

А, скажем, из «ныне живущего поколения» Л.С. Клейн полагает еще бы «недурным осветить Ковалевскую, Черных, Шера и др.» (II, 7). В это самое «и др.» помещаются, надо полагать, и академики В.В. Седов, В.Л. Янин, А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, В.И. Молодин; члены-корреспонденты РАН П.Г. Гайдуков, Г.А. Кошеленко,

Р.М. Мунчаев, Х.А. Амирханов, Е.Н. Носов; доктора и кандидаты наук Л.В. Алексеев, Г.Е. Афанасьев, С.В. Белецкий, Л.А. Беляев, В.А. Буров, А.З. Винников, Л.Б. Вишняцкий, В.П. Даркевич, Диков, А.А. Завойкин, А.Н. Кирпичников, В.П. Коваленко, В.Ю. Коваль, В.И. Козепникова, Н.А. Кренке, В.И. Кулаков, А.Е. Леонтьев, В.П. Любин, А.П. Медведев, А.А. Медынцева, Ю.Ю. Моргунов, А.П. Моця, А.Е. Мусин, А.М. Обломский, С.А. Плетнева, А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк, О.Б. Сухобоков, П.П. Толочко, В.С. Флеров, Н.В. Хвоцинская, Е.А. Шинаков, Е.А. Шмидт, О.А. Щеглова, Л.Т. Яблонский; а также многие, многие другие лидеры крупных направлений раскопок и приоритетных публикаций древностей.

Неудачен, даже странен и сам критерий «ныне живущие». Надо ли пояснять почему? Пока писалась и печаталась эта книга несколько явных корифеев российской археологии ушли из жизни. Так что же, исключить их из современного «личного состава археологии»? На каком, собственно, основании?

Просто, думается мне, московскую школу автор знает хуже, писать о ней ему рискованнее, тем более в принятом стиле – «как живых людей, с их страстями, достоинствами и недостатками». На более широком персоналистическом фоне собственное место Л.С. Клейна именно как археолога (а не теоретика да историографа археологии) умалилось бы до рядового уровня. Между тем, каким-то из своих учеников Лев Самуилович представлялся «главным археологом СССР»...

К тому же, именно за постсоветский период ярко заявили о себе региональные центры археологии. Практически в каждом субъекте Российской Федерации активно действуют группы охраны и изучения памятников старины – на базах университетов, музеев, администраций, не говоря уже про отделения РАН. Не ограничиваясь своими областями, регионалы подпитывают кадрами высокой квалификации столичные экспедиции, составляют большинство на новостроечных, охранных раскопках. Многие фигуры в археологической провинции сегодня ничем не уступят московским да петербургским главам археологических школ. Л.С. Клейну стоило хотя бы упомянуть про все это.

Так что жаль, что целый ряд фигур явно первого разряда автором вольно или невольно пропущен. Ведь на фоне этой новой работы Л.С. Клейна вряд ли кто еще возьмется в обозримой перспективе писать сводную историю отечественной науки о древностях, тем более в биографическом ключе. Если, конечно, не иметь

в виду прочие возможные жанры такой истории. Во введении автор походя осуждает знакомые ему попытки составить биографические словари русских археологов⁹. Ему кажется, что «нужны более развернутые биографии вроде работ Д.Н. Анучина» (с. 28). Но ведь одно не отменяет другого: биографии биографиями (кроме двух, трех анучинских некрологов их за сто лет после того подготовлено по истории археологии и смежных с ней наук уже десятки, если не сотни, и Клейн на многие из них опирается в своих очерках), а словари – словарями. Те издания, на которые ссылается Клейн, это не полноценные словари, а просто справочники, подготовительные материалы к словарям. Последний по времени и весьма информативный такой словарик (под видом «именного указателя»)¹⁰; образчик регионального словаря (с учетом всех столичных специалистов, в этом крае работавших) постарался выполнить автор этих строк¹¹.

Попутно заметим такую стилистическую особенность клейновского двухтомника, как нередкое упоминание фамилий ученых без инициалов. Чаще всего эти авторы и так, конечно, узнаваемы большинством читателей. Но среди последних могут быть и неопиты, и представители других наук и вообще сфер деятельности, для которых различить, например, о каком из Кызласовых или из Бадеров, из Седовых или из Белецких, из Григорьевых или из Толстых, а в особенности из нескольких Смирновых в том или ином месте текста ведется речь, не всегда будет легко. Как видно, в этих случаях завидная легкость пера нашего автора переходит уже границы жанров – из письменного, печатного в устный – в лекционный, диктофонный (привычка делать доклады, давать интервью, вести «живой журнал»).

Вообще жанр двухтомника определить нелегко. Он несет черты и монографии (библиографический аппарат, продуманная структура текста с разделами и подразделами, аналитические контуры всей работы, претензии на новые исследовательские выводы), и учебного пособия (популярный пересказ многих общих для ис-

---

⁹ Монгайт В.Л. Археология в СССР. М., 1956; Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982; добавим: Мезенцева Г.Г. Дослідники археології Енциклопедичний словник-довідник. Чернігів, 1997.

¹⁰ Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (Очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века. М., 2011. С. 392–535.

¹¹ Щавелёв С.П. Историки Курского края. Биограф. словарь. Курск, 2009.

тории науки ее мест, назидания для молодого читателя), и даже мемуаров (частые ссылки на личный опыт, далеко не всегда верифицируемый свидетелями; предельно откровенные и крайне субъективные оценки достоинств и недостатков как предшественников, так и современников автора на ниве науки и жизни). Жанровый эклектизм, на мой взгляд, это, скорее, достоинство клейновских текстов: так расширяется их читательская аудитория. Эти книги интересно и поучительно будет читать и студенту, и профессору; и полевому археологу, и кабинетному исследователю; и гуманитария, и естественнику, и технарю с широким кругозором – каждый оценит то, что ему интересно.

Однако для учебника вышло слишком велико по объему и подробно (под 100 печатных листов), а для монографии чересчур много пересказов чужих текстов (когда со ссылками на них, а когда и без оных). По большинству персоналий, удостоенных в двухтомнике отдельных очерков, Л.С. Клейн использовал монографии или обстоятельные статьи своих предшественников по истории археологии. Большинство своих источников информации автор упоминает в начале каждой главки. Кроме того, он подстраховался и в предисловии к двухтомнику перечислил тех, кто его любезно консультировал и предоставил иллюстрации. Среди этих лиц практически все те коллеги, кто занимался историей археологии мало-мальски аналитически. Однако же, как именно автор воспользовался их замечаниями и предложениями, и воспользовался ли вообще, нам неизвестно. Это касается прежде всего научного редактора – нынешнего лидера самой представительной, московской группы историков археологии Сергея Владимировича Кузьминых, чье имя как редактора появляется в библиографических данных только второго тома. Я, грешным делом, не уверен, что все пометы и предложения редактора патриарх нашей историографии Л.С. Клейн учел при доработке рукописи (электронного набора) двухтомника. Однако консультанты консультантами, редактор (одного тома из двух) редактором, но на прямые текстовые включения из чужих статей и книг стоило бы ссылаться более систематически, уж коли порой такие ссылки даются. Сужу хотя бы по очерку о Д.Я. Самоквасове, где не все цитаты из моих книжек и статей о нем, впервые опубликованные мной фотографии к ним отосланы к первоисточникам. Похожая ситуация с работами А.А. Формозовым о П.П. Ефименко и других; И.В. Гункиной про Баламберга; и др. Фотоиллюстрации из работ Б.Б. Пиотровского,

И.Л. Тихонова и других петербургских авторов приведены со ссылкой на них, а все остальные «картинки» в двухтомнике анонимные.

Впрочем, это упрек внутрицехового размера, для более широкого читателя несущественный. Жаль только, что издательство не предложило никому из специалистов написать предисловие или послесловие к этому труду. Именно так можно было бы не только похвалить и поздравить автора, но и отметить спорные, сомнительные его же тезисы и оценки, устранить допущенные им фактические ошибки. Остановимся на некоторых из них.

Красной нитью через почти все биографические очерки проходит тема любительства / профессионализма. Что вполне понятно для картины становления археологии, науки, как известно, довольно молодой по сравнению с прочими фундаментальными дисциплинами. Теоретически эта сторона истории науки отрефлексирована слабо. Так, у Л.С. Клейна сугубым любителем объявляется Н.Я. Марр (II, 103).

Про Ф.К. Волкова пишется, что «в течение почти всего советского времени (с 1930 г.) имя его считалось неудобным упоминать (буржуазный украинский националист!), разве что критически... Даже в работах Формозова 60-80-х гг. он полностью отсутствует» (II, 13). Ан, нет. Будь у книги знающий редактор, он бы предложил написать: «Только А.А. Формозов рискнул, пусть и бегло, упомянуть имя опального украинофила в своей первой книжке по истории русской археологии». Упомянул в «группе археологов, примыкавших к демократическому крылу русской интеллигенции... Черский, Поляков, Мережковский, Волков, в той или иной степени причастные к демократическому движению...»¹².

Убежденный демократ и либерал Л.С. Клейн плохо ладит с имперскими реалиями. Потомственное дворянство, достижимое соответствующими чинами военной и гражданской службы согласно «Табели о рангах», у него возможно «получить за общественную деятельность» (II, 40)¹³. Путает последовательность присвоения, игнорирует разные степени орденов: «За свою деятельность Миллер был на[г]ражден орденами Анны, Станислава и Владимира разных степеней». А ордена-то были «святых Станислава, Анны, Владимира». Умиляет стремление автора пояснить читателю, каким нынешним реалиям соответствовали дореволюционные чины и должности.

---

¹² Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 114.

¹³ За нее, прежде всего в сфере благотворительности, давали обычно почетное гражданство.

Иногда хромает «просто» стилистика. Скажем, такой оборот: «Фигура экзотическая и странная» (II, 13). Тавтология: «экзотический», согласно любому «Словарю иностранных слов», – «необычный для данной местности, не свойственный и чуждый ей». То есть странный.

Нередки авторские неологизмы: «эмпирист» вместо «эмпирик», «стажирование» вместо «стажировка» (II, 154; 101).

Масса нелепых орфографических опечаток: «в скорости», «узко локальные» (II, 46; 47), и т. д.

Допущена путаница в летописях: А.В. Арциховский анализировал не Кенигсбергскую, а так называемую Радзивилловскую из них; не Никоновский, а Лицевой свод.

Одной из ярких сторон исследовательского таланта Льва Самуиловича является его неравнодушное, вдумчивое отношение к современности. Не только положение в гуманитарной науке, но и в остальной культуре, в политике и международных отношениях служат предметами его размышлений и оценок. Даже свои мемуары он завершает разделом «Диагноз», где обстоятельно обсуждает все эти проблемы¹⁴. Даже в итоге своей капитальной истории мировой археологии он постулирует главнейшие уроки, которые считает нужным всем читателям из нее извлечь¹⁵. Он же – популярный колумнист электронно-бумажной газеты для ученых «Троицкий вариант», где ярко откликается на некоторые спорные темы текущих дней. Тем удивительнее может показаться, что разбираемый здесь двухтомник по истории археологии родной, российской завершается очерками пусть недавних, но все же уже вчерашних дней, ушедших ее фигур. Ни намека на эскиз нынешнего состояния и каких-то перспектив археологии в Российской Федерации и в так называемом ближнем зарубежье на этот раз читателю от Клейна не дано.

Он не упоминает о многих столичных и провинциальных группах, центрах археологии, которые за последние четверть века подняли на качественно новый, мировой уровень и полевые, и камеральные, и музейные, и публикационные свои работы. Читатель из книги Л.С. Клейна не узнает, что не так давно в состав Академии наук были избраны сразу несколько археологов, причем не преклонного, как раньше, а молодого возраста, и профессиональное сообщество приняло их как настоящих лидеров своей науки. «За кадром» двухтомника оказались такие масштабные про-

---

¹⁴ Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. СПб., 2010. С. 650–669.

¹⁵ Он же. История археологической мысли. СПб., 2011. Т. 2. С. 489–491.

екты, как Старая Ладога, Новгород Великий (включая Рюриково городище), Пор-Бажын, причерноморские центры античной археологии (включая подводные изыскания); работы на Куликовом поле; довольно многие другие – однопорядковые по сенсационным результатам и перспективам изыскания древностей. Настоящее, как известно, моментально становится историей, и очертить победы и трудности российской археологии сегодня было бы в заключение двухтомника более чем уместно.

В издательской аннотации, повторенной на задней стороне обложки в рекламных целях, автор именуется «выдающимся петербургским ученым». Двухтомная история русской археологии, написанная Львом Самуиловичем Клейном, в очередной раз подтверждает столь высокую оценку.

**С.П. Щавелёв,
доктор философских наук, доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой философии
Курского государственного медицинского университета**

ПАМЯТИ...

«ОН БЫЛ НАСТОЯЩИМ ИСТОРИКОМ...»
Памяти Александра Павловича Новикова

«HE WAS THE REAL HISTORIAN...»
In memory of Alexander Pavlovich Novikov

13 мая 2015 г. скоропостижно ушёл из жизни Александр Павлович Новиков, кандидат философских наук, доцент Саратовского государственного технического университета. И хотя он защищал кандидатскую диссертацию по философским наукам, так как работал на кафедре научного коммунизма и был направлен именно оттуда в целевую аспирантуру, в душе он всегда оставался историком и занимался научными исследованиями именно по историческим сюжетам.

Мне посчастливилось познакомиться с Александром Павловичем почти 40 лет назад, когда он был ещё студентом исторического факультета СГУ, активно участвовал в конкурсах студенческих работ по общественным наукам, стал лауреатом Всесоюзного тура одного из таких конкурсов. Уже тогда студент Новиков отличался способностью к исследовательской работе и умением излагать свои мысли прекрасным литературным языком.

После окончания университета в 1977 г. он был принят ассистентом на кафедру научного коммунизма Саратовского политехнического института и всю свою преподавательскую деятельность связал с этим учебным заведением.

Когда он поступил в аспирантуру (1979 г.), то попросил меня стать его научным руководителем. И с тех пор более 35 лет мы с ним сотрудничали. Это сотрудничество было для меня очень ценным, так как с Александром Павловичем я мог обсуждать любые научные проблемы, и он всегда имел собственное, нередко оригинальное суждение по многим вопросам.

Работать с Новиковым было и легко, и трудно. Легко потому что он всё понимал, ему не надо было разжевывать мои предложения, замечания и т. п. Кроме того, рукописи Александра Павловича не требовалось редактировать, так грамотно и стилистически безошибочно он писал. Я помню, как удивлялись редактора

издательств, получая его тексты: в них нечего было править. Ни один из моих аспирантов, докторантов, соискателей не мог писать так, как Новиков. А трудно было работать потому, что он никогда не выдерживал намеченные сроки, тянул с написанием статей, книг, диссертаций. Так, кандидатскую диссертацию он представил только через два года после окончания аспирантуры, а докторскую не написал и через 10 лет после окончания докторантуры. И это притом, что он собрал материал, которого хватило бы на несколько докторских диссертаций.

Для Александра Павловича был интересен сам процесс поиска источников, фактического материала, а не конечный результат. Поэтому в последние годы он так много внимания уделял отбору, комментированию и публикации документов. Выпущенные им книги, содержащие массу ранее неопубликованных в нашей стране документов и других видов источников, его журнальные публикации такого же типа будут долго служить драгоценным подспорьем при изучении истории партии эсеров, жизни российской эмиграции в 1920–1930-е годы.

Огромный фактический материал по истории партии эсеров переполнял его, он хотел его изложить как можно подробнее. Особенно то, что касалось жизни эсеров в эмиграции после гражданской войны. Это действительно были почти совершенно неизученные сюжеты, которые впервые получили в трудах Новикова солидное освещение. Помню, как при подготовке нами книги о Чернове Александру Павловичу надо было написать главу о деятельности Виктора Михайловича во время пребывания в Эстонии и Германии (1920–1923 гг.) объёмом в 30–35 страниц. Он же представил мне текст в 150 страниц, так как ему хотелось отразить все тонкости взаимоотношений в рядах эсеровской эмиграции. Пришлось нам с большими трудностями, Александр Павлович боролся за каждый эпизод, довести текст до требуемого размера.

А.П. Новиков был очень дотошным исследователем. Приведу один пример. Александру Павловичу обязательно хотелось точно узнать, когда один из видных деятелей ПСР В.В. Сухомлин стал сотрудничать с советскими чекистами. Для этого он добился доступа в архивы ФСБ и нашёл там письмо одного агента, которое, как он считал, принадлежало Сухомлину. Но письмо было подписано явно псевдонимом, который пока не удалось расшифровать. Александр Павлович заявлял, что он не может писать монографию и докторскую диссертацию, пока не выяснит этот вопрос.

На международной конференции по истории мировой социал-демократии (Москва, 2013 г.) он допрашивал внука Чернова профессора А.Б. Сосинского вопросом о том, какое мнение по этому поводу было в семье Черновых (Сухомлин приходился племянником второй жене Чернова О.Е. Колбасиной). И подобных моментов было очень много.

А как тщательно работал А.Н. Новиков над комментариями и примечаниями к своим статьям, сборникам документов, монографиям! Он бесконечно мог сидеть за компьютером, выискивая нужные данные, проверяя и перепроверя факты. Он любил усаживаться поздно вечером за компьютер и сидеть до поздней ночи, а иногда и до утра, собирая и обрабатывая интересовавшие его материалы. Ему нужно было всегда досконально разобраться в проблеме, прежде чем начать писать свой текст. Никакой поверхностности он не допускал. Был строг к себе и к другим исследователям.

Нередко между нами возникали конфликтные ситуации, когда надо было срочно написать статью или книгу, а Александр Павлович всё тянул и тянул, вызывая моё возмущение. На моём компьютере сохранилось множество писем Новикову, в которых я ультимативно требовал от него текстов, а он в ответ оправдывался и продолжал оттягивать время. Иногда приходилось мне самому писать и отправлять ему рукописи, чтобы он внёс исправления, добавления, отредактировал, проверил научный аппарат. Это делать ему нравилось больше, чем писать.

Наша книга о В.М. Чернове должна была выйти в 2004–2005 г., а появилось только в 2014 г. Я договорился в своё время с деканом истфака профессором В.С. Мирзехановым, что мы сдадим рукопись в издательство в 2004 г., а он проследит, чтобы её быстро опубликовали. Свои главы книги я в основном написал в срок, а А.П. Новиков и не приступил к работе. После этого я дважды разговаривал с А.К. Сорокиным о возможности издания книги в РОССПЭН и каждый раз слышал в ответ: давайте рукопись. Но рукописи не было. Потом в связи с подготовкой к столетию СГУ я занялся написанием его истории и забросил Чернова. Правда, напоминал Александру Павловичу, что жду его глав монографии. Но так и не дождался. Наконец, после юбилея университета появилась возможность продолжить работу над книгой о Чернове. Опять пытаюсь растормошить Новикова. Бесполезно. Пришлось самому браться за написание глав, которые должен был делать он. Я уже отмечал выше, что одну главу в 150 стр. он подготовил. Наконец, мне удалось добиться включения

книги в план издательства СГУ на 2013 год. Пришлось срочно завершать текст, некоторые главы получились очень короткими. Александр Павлович, наконец, подключился к работе. Книга вышла в начале 2014 г., но тиражом всего в 100 экз. На моём компьютере сохранились письма, которые я посылал Александру Павловичу в 2012–2013 гг. в связи с работой над монографией о Чернове. Они позволяют судить, как трудно было заставить Новикова работать над книгой, как он постоянно оттягивал представление мне написанного текста.

Нам предложили в Москве переиздать книгу большим тиражом. Тогда мы решили её серьёзно переделать, расширить, ввести новый фактический материал. Александр Павлович приложил на этом этапе больше усилий, особенно для расширения материала по третьей эмиграции Чернова, подборки фотографий, редактирования всего текста. К сожалению, он не дожид до выхода этой книги в свет. Думаю, что его порадовало бы её полиграфическое оформление. Он очень трепетно относился к внешнему виду печатной продукции.

Помимо изучения жизни и деятельности В.М. Чернова, Новиков с большим удовольствием занимался краеведением, в частности тем, что было связано с историей его родного Новоузенска. Да и Черновым он стал заниматься потому, что мы первоначально считали, как писал в своих воспоминаниях сам Виктор Михайлович, что он родился в Новоузенске. Александр Павлович убедился, что Чернов и все исследователи ошибались с местом и датой рождения лидера эсеров. Наши поиски привели к обнаружению в метрической книге одной из церквей г. Хвалынска записи о рождении в семье уездного казначея М.П. Чернова сына Виктора. Тогда мы подготовили и опубликовали с комментариями этот документ в «Историческом архиве». С того времени и до последних дней жизни Новиков основное внимание в своей исследовательской работе уделил изучению всех сторон жизни и деятельности Виктора Михайловича. Александр Павлович установил связь со многими архивами в России (ГА РФ, РГИА, РГАСПИ, ГАТО, ГАСО, ГАНИСО и др.) и за рубежом (Гуверовский институт, Бахметевский архив – в США, архивы в Эстонии, Чехии, Швейцарии, Нидерландах и др.), получая из них ксерокопии документов, связанных с жизнью и деятельностью Чернова. Большую помощь в оплате расходов на приобретение этих ксерокопий нам оказал профессор С.Ю. Наумов, бывший тогда ректором Поволжской акаде-

мии государственной службы им. П.А. Столыпина. Кроме того, нам удалось установить контакт с внуками Виктора Михайловича, проживавшими в Москве, Санкт-Петербурге, США и Франции, которые поделились с нами воспоминаниями, документами, фотографиями. Это позволило осветить многие малоизвестные факты личной жизни Чернова, раскрыть почти неизученные направления его деятельности (переводческая, литературно-критическая, сочинительство раешников и т. д.) У Александра Павловича накопилось такое собрание документов и материалов о жизни и деятельности Чернова, какого нет ни в одном архиве. Очень хочется, чтобы это уникальное собрание поступило на вечное хранение в Государственный архив Саратовской области.

Занимаясь историей своего родного города, Александр Павлович обнаружил, что именно в новоузенских степях великий русский полководец А.В. Суворов преследовал в 1774 г. Пугачева и способствовал его пленению. На основе архивных источников Новиков по дням проследил путь Суворова и опубликовал интересную статью об этом.

Много внимания уделял Александр Павлович изучению истории Саратовской епархии РПЦ. Он подготовил жизнеописания ряда саратовских епископов, исследовал историю некоторых православных храмов и монастырей в Саратовском Поволжье. В его планах было продолжение этих исследований и написание большой книги.

В семье Новиковых Александр был младшим среди сыновей и дочерей, любимцем матери. Он отвечал ей такой же преданной любовью. А как он заботился о своих племянниках и племянницах! Я помню его постоянные хлопоты об их судьбах, помощь в получении ими высшего образования. С какой любовью в течение многих лет собирал он библиотеку для одного из своих внучатых племянников в Новоузенске и регулярно отвозил туда приобретенные книги. Жаль, что Александр Павлович не обзавелся собственной семьей. Он был бы очень заботливым отцом.

Нужно отметить, что в последние годы начал портиться характер Новикова. Он был в молодости жизнерадостным, открытым человеком, легко сходилась с людьми, умел дружить. Но жизнь старого холостяка повлияла на него. Становился брюзгой, постоянно ворчал, высказывал недовольство по любому поводу, проявлял необязательность по отношению к другим, но сам обижался, когда встречал такое же отношение. В последние годы он всё чаще говорил мне о том, как надоела ему преподавательская работа, с ка-

кой радостью он бы её бросил и целые дни сидел бы в архивах и библиотеках, выискивая интересный материал. Думаю, что если бы в вузах на кафедрах гуманитарного профиля были бы ставки старшего научного сотрудника, то это было бы для Александра Павловича наилучшим вариантом. Он мог бы тогда основное время посвятить любимому исследовательскому делу.

Было в характере Новикова ещё одно качество, которое могло быть в определённых ситуациях положительным, но чаще оказывалось отрицательным – упрямство. Он, непонятно почему, не хотел съездить за рубеж. Исследовательница из Швейцарии Хузер, с которой он многие годы поддерживал контакт и вместе готовил к публикации сборники документов, неоднократно приглашала его в гости. Мы его постоянно уговаривали поехать, но он был непреклонен. И даже после того, как Хузер побывала в Саратове, и Александр Павлович организовал её насыщенную программу визита, он не захотел отправиться в Швейцарию. Такое же упрямство проявлял он, когда ему в последние годы советовали посетить врачей: он стал хуже видеть, болели зубы, частые простуды. Ему, очевидно, следовало бросить курить. Но на все советы близких людей он не реагировал. Он, наверное, думал, что получил в наследство от матери крепкое здоровье (она прожила более 95 лет), забывая, что отец и братья его умерли в районе 60 лет и от инсульта.

Одиночество в последние годы, конечно, влияло на характер Александра Павловича. Как я уже отметил, он менялся к худшему. А поскольку он был человеком эмоциональным, то сказывалось и на здоровье.

Все люди, хорошо знавшие Александра Павловича, тяжело переживают его смерть. Ведь он мог ещё много интересного и полезного сделать. Но память о нём останется в наших сердцах. Труды его будут служить и новым поколениям: ведь он был настоящим историком!

**А.И. Аврус,
доктор исторических наук, почетный профессор
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аврус Анатолий Ихильевич, доктор исторических наук, почетный профессор Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Галиуллина Руфия Хазибовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России.

Герасимова Галина Ивановна, ведущий редактор Государственного научно-исследовательского института реставрации (Москва).

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Ерёмин Владимир Станиславович, аспирант кафедры всеобщей истории ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Жучков Константин Борисович, кандидат исторических наук старший преподаватель кафедры отечественной истории и музеелогии исторического факультета Псковского госуниверситета.

Зайцев Максим Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Калашиников Михаил Васильевич, старший преподаватель кафедры истории Отечества и культуры социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений Воронежского госуниверситета.

Малютина Татьяна Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и русского языка гуманитарно-правового факультета Воронежского государственного аграрного университета им. Императора Петра I.

Митрофанов Виктор Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала Южно-Уральского госуниверситета в г. Нижневартовске.

Моисеева Екатерина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Менеджмент туристического бизнеса» факультета экологии и сервиса Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.

Павлова Светлана Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ИФиЖ Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Попов Денис Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры этики и эстетики философского факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Степанов Юрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и политологии Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова.

Тотфалушин Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Фомина Дарья Дмитриевна, магистрантка кафедры всеобщей истории ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Шамарина Олеся Александровна, переводчик Центра турецкого языка и культуры Управления международного сотрудничества и интернационализации Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Щавелёв Сергей Павлович, доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии Курского государственного медицинского университета.

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией *А.В. Гладышева*

Основан в 2010 году

Выпуск 11

Ответственный за выпуск *А.В. Гладышев*
Оригинал-макет подготовил *В.А. Соломонов*
Дизайнер обложки *А.И. Жемков*

Подписано в печать 20.10.2015. Формат 60x84¹/₁₆
Усл. печ. л. 18,75 (16,5). Тираж 300 экз. Заказ №

Типография Саратовского государственного университета.
410012, г. Саратов, ул. Б. Казачья, 112А.
тел.: (8452) 27-33-85